

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 11

Январь – Декабрь

2020

CHAYKA – ALMANAC n 11

January 2020 – December 2020

Copyright © 2021 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Cover and Chapter Illustrations: Pavel Tayber

Layout: Alex Marin

Printed in the United States of America

Lulu Press, Inc., Morrisville, NC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN-13: 978-1-6780-7006-9

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
Выходит два раза в год

ЧАЙКА

№ 11
Январь – Декабрь

2020

Проза
Стихи
Статьи
Эссе
Интервью

Редактор-составитель

ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Содержание

Предисловие Редактора.....	7
ЧАСТЬ 1. О КОВИДЕ - В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ	9
<i>Дашия Кашина. Антон Павлович Чехов о карантине. Сергей Прокофьев об эпидемии испанки.....</i>	12
<i>Вадим Массальский. Доктор Вирус. История времен пандемии.....</i>	15
<i>Григорий Яблонский, Михаил Голубовский. Роковой коронавирус. Факты. Уроки. Вопросы</i>	23
<i>Валерий Скобло. Коронавирусный цикл – 2020.....</i>	35
<i>Виктор Райзман. Предсказание</i>	38
<i>Вилен Черняк. Концентрация вокруг вируса</i>	40
ЧАСТЬ 2. IN MEMORIAM.....	41
<i>Лев Визен. Труба с подветренной стороны.....</i>	42
ЧАСТЬ 3. ВОСПОМИНАНИЯ	59
<i>Ирина Роскина. О Рите Яковлевне Райт (1898-1988)</i>	60
<i>Лиана Алавердова. О моей прабабке.....</i>	70
<i>Михаил Гаузнер. Дорогие мои старики</i>	80
ЧАСТЬ 4. НАШИ ИНТЕРВЬЮ	90
<i>Александр Сиротин. Памятные встречи: Род Стайгер.....</i>	92
<i>Анна Кузнецова, Никита Кривошеин. Дмитрий Сеземан и его двойной исход. К столетию русского Исхода. Беседа с Никитой Кривошеиным.....</i>	106
ЧАСТЬ 5. АРХИВ	115
<i>Александр Якобсон. Дневники Анатолия Якобсона. Тетрадь 3.....</i>	116
<i>Елена Поздеева. Из истории моей семьи. Тарловский Гершон Йоселевич</i>	140
<i>Ирина Роскина. Из семейного архива. Наташа Роскина и ее близкие</i>	155
ЧАСТЬ 6. ЛИТЕРАТУРА.....	177
<i>Александр Орфис. «Русский бунт» в романе Достоевского «Бесы». К 200-летию писателя.....</i>	178
<i>Анатолий Валуженич. Малоизвестная страница биографии Риты Райт ...</i>	183
<i>Вера Чайковская. Адам Мицкевич в зеркалах Кипренского и Пушкина ...</i>	186
ЧАСТЬ 7. ПОЛЕМИКА.....	199

<i>Юрий Колкер. Идёт война народная. В продолжение спора об Ионе Дегене</i>	200
<i>Семен Резник. Смех или грех? Ответ Юрию Колкеру</i>	202
ЧАСТЬ 8. ИСТОРИЯ	205
<i>Лев Гуревич. Ошибка Владимира Маяковского</i>	206
<i>Лев Бердников. Лютый ненавистник. Иван Грозный и евреи</i>	212
<i>Элеонора Мандалян. Царицыно вчера и сегодня</i>	221
ЧАСТЬ 9. ТЕАТР И КИНО	235
<i>Борис Голубицкий. Гамлет в Ленком</i>	236
<i>Ирина Чайковская. Дело было в Новочеркасске</i>	249
10. МУЗЫКА И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	255
<i>Светлана Бендикова. Без музыки жизнь была бы ошибкой</i>	256
<i>Борис Казинец. О скульпторе Петре Шапиро</i>	264
<i>Людмила Лукомская. Памяти художника Павла Тайбера (1940 – 2017)</i>	270
ЧАСТЬ 11. ПУТЕШЕСТВИЯ	281
<i>Сергей Голлербах. Путевые заметки. Сицилия</i>	282
<i>Лейла Александер-Гарретт. Земля стихий, земля богинь</i>	285
<i>Юрий Бриль. Путешествие без границ. Умру – я обещала</i>	299
<i>Семен Белкин. Таинственный остров Питкэрн в марках и наяву</i>	312
ЧАСТЬ 12. ПРОЗА	321
<i>Яков Ратманский. Три рассказа</i>	322
<i>Игорь Коцеев. Трамвай Желание 2020 (дебют)</i>	326
<i>Елена Литинская. Искушение</i>	336
Григорий Писаревский. Времена	351
Александра Дерюгина. Сорок три укушенных. Дальневосточный этюд (дебют)	360
<i>Вадим Чирков. Го-о-ол!</i>	364
<i>Юрий Смирнов. Венеция</i>	369
<i>Наум Белог. Шляпа</i>	374
<i>Евсей Цейтлин. Человек и судьба «по ту сторону слов»</i>	382
ЧАСТЬ 13. ПОЭЗИЯ	397

<i>Галина Ицкович. Два перевода из Джонаха Уинтера</i>	398
<i>Лариса Миллер. Сама не знаю, как попала</i>	401
<i>Валерий Скобло. Мы скоро уедем отсюда</i>	402
<i>Владимир Спектор. Колено, что давит на шею, взирает на юг</i>	403
<i>Анатолий Бергер. Как этот век зовется</i>	404
<i>Валентин Нервин. Старый альбом</i>	405
<i>Евгений Сливкин. Увезли в неотложке</i>	406
<i>Елена Кутина. Ночное</i>	407
<i>Ирина Надирова. Кельбаджар</i>	408
<i>Михаил Синельников. Снайпер</i>	409
<i>Сергей Бычков. Пахнет пряниками юность</i>	410
<i>Татьяна Белянчикова. Мы на любовь наложим вето</i>	411
<i>Юрий Хейфец. Мужской сонет</i>	412
<i>Татьяна Парсанова. Письма из Афгана</i>	413
ЧАСТЬ 14. ЮМОР.....	416
<i>Илья Криштул. Изъятие младенца</i>	418
<i>Андрей Семенович. Собака Жучка и кошка Мурка</i>	420
Сведения об авторах	427

Предисловие Редактора

В Альманахе ЧАЙКА №11 за 2020-й год приняли участие 56 авторов из 11 стран. Страны назову: Россия, США, Франция, Англия, Германия, Канада, Израиль, Австралия, Украина, Казахстан, Узбекистан.

В ковидный год и Альманах получился неожиданный – он включил лучшие произведения, напечатанные в журнале не за полгода, как обычно, а за год. По этой причине первоначальный вариант Альманаха насчитывал примерно 800 страниц. Пришлось приводить его к принятому объему, нещадно убирая целые статьи и заметки, сокращая те материалы, которые превышали определенный листаж. И сейчас, в первую очередь, мне хочется извиниться перед нашими замечательными авторами, в Альманах по этой причине не попавшими, и теми, чьи произведения подверглись сокращению! Не по злому умыслу, с сердечной болью я это делала...

Из нового – 1-й раздел, посвященный пандемии, бушевавшей весь этот год, и названный «О ковиде в шутку и всерьез». То, что Альманах собирался в ковидный год, отразилось и на его обложке, для которой мы использовали работу художника Павла Тайбера, умершего за несколько лет до ковида, но словно его предчувствовавшего, во всяком случае, предсказавшего эпоху ношения масок. Его же работы иллюстрируют части нашего Альманаха. Читайте о нем статью вдовы художника Людмилы Лукомской.

Во всем остальном наш Альманах вполне традиционен. В нем присутствуют все разделы – In memoriam, Воспоминания, Наши интервью, Архив, Литература, Полемика, История, Театр и Кино, Музыка и Изобразительное искусство, Путешествия, Проза, Поэзия, Юмор.

Читатели интернет-журнала встретятся на страницах Альманаха в основном со знакомыми авторами.

В любимый всеми раздел Юмора мы поместили работы, победившие на проводимом в 2020 году – на зло всем на свете пандемиям - конкурсе журнала ЧАЙКА «Юморина – 2020». Третий победитель – карикатурист – представлен своей работой в самом начале сборника.

По традиции, представляю вам наших дебютантов, оба дебютировали в 2020-м в жанре рассказа. Это житель Магадана Игорь Кошечев и жительница средней России, написавшая о Дальнем Востоке, Александра Дерюгина. Пожелаем им удачи!

Осталось поблагодарить моих помощников – Александра Марина, Марка Мейтина, Евсея Цейтлина, а также всех прекрасных авторов, участников нового Альманаха.

Счастливого ему пути к читателям!

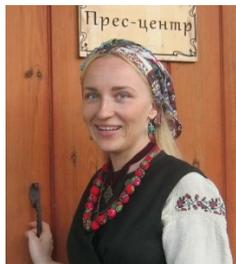
Ирина Чайковская
12 марта 2021 года

Часть 1. О ковиде - в шутку и всерьез

Рисунок Валерия Каненкова

Даша Кашина
Киев, Украина

Антон Павлович Чехов о карантине

Во время коронавируса я вспомнила об Антоне Павловиче Чехове, который боролся с эпидемией холеры. Как переживали это тяжелое время врачи и пациенты?- спросила бы я у него в интервью. И вот, что бы он мне ответил:

- Вчера вечером мок на проливном дожде, не ночевал дома и утром шел домой пешком по грязи и все время ругался. В разъездах я от утра до вечера и уже утомился, хотя холеры еще не было. Причем, я не получил ни копейки.

- Вы лечите один как местный земский врач?

- В тяжелых случаях я могу выписать из Москвы санитарный отряд. Земцы здесь интеллигентные. Бить, вероятно, нас не будут.

А. П. Чехов - А.С. Суворину
16 августа 1892 год, Мелихово.

Больше писать я не стану, хоть зарежьте. Я писал в Аббацию, в St. Мориц, писал раз десять по крайней мере. До сих пор Вы не присылали мне ни одного верного адреса, и потому ни одно мое письмо не дошло до Вас и мои длинные описания и лекции о холере пропали даром. Это обидно. Но обиднее всего, что после целого ряда моих писем о наших холерных передрягах Вы вдруг из веселого бирюзового Биаррица пишете мне, что завидуете моему досугу! Да простит Вам аллах!

Ну-с, я жив и здоров. Лето было прекрасное, сухое, теплое, изобильное плодами земными, но вся прелесть его, начиная с июля, вконец была испорчена известиями о холере. В то время, как Вы в своих письмах приглашали меня то в Вену, то в Аббацию, я уже состоял участковым врачом Серпуховского земства, ловил за хвост холеру и на всех парах организовал новый участок. У меня в участке 25 деревень, 4 фабрики и 1 монастырь.

Утром приемка больных, а после утра разъезды. Езжу, читаю лекции печенегам, лечу, сержусь и, так как земство не дало мне на организацию пунктов ни копейки, клянчу у богатых людей то того, то другого. Оказался я превосходным нищим; благодаря моему нищенскому красноречию мой участок имеет теперь 2 превосходных барака со всею обстановкой и барак пять не превосходных, а скверных.

Я избавил земство даже от расходов по дезинфекции. Известь, купорос и всякую пахучую дрянь я выпросил у фабрикантов на все свои 25 деревень. Одним словом, А. П. Коломнин должен гордиться, что учился в той же гимназии, где и я. Душа моя утомлена. Скучно.

Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь, — это, сударь мой, такая окрошка, от которой не поздоровится.

Холера уже в Москве и в Московск<ом> уезде. Надо ждать ее с часу на час. Судя по ходу ее в Москве, надо думать, что она уже вырождается и что запятая начинает терять свою силу. Надо также думать, что она сильно поддается мерам, которые приняты в Москве и у нас.

Интеллигенция работает шибко, не щадя ни живота, ни денег; я вижу ее каждый день и умиляюсь, и когда при этом вспоминаю, как Житель и Буренин выливали свои желчные кислоты на эту интеллигенцию, мне делается немножко душно.

В Нижнем врачи и вообще культурные люди делали чудеса. Я ужасался от восторга, читая про холеру. В доброе старое время, когда заболели и умирали тысячами, не могли и мечтать о тех поразительных победах, какие совершаются теперь на наших глазах. Жаль, что Вы не врач и не можете разделить со мной удовольствия, т. е. достаточно прочувствовать и сознать и оценить всё, что делается. Впрочем, об этом нельзя говорить коротко.

Способ лечения холеры требует от врача прежде всего медлительности, т. е. каждому больному нужно отдавать по 5–10 часов, а то и больше. Так как я намерен употреблять способ Кантани — клистиры из таннина и вливание раствора поваренной соли под кожу, — то положение мое будет глупее дурацкого. Пока я буду возиться с одним больным, успеют заболеть и умереть десять.

Ведь на 25 деревень только один я, если не считать фельдшера, который называет меня вашим высокоблагородием, стесняется курить в моем присутствии и не может сделать без меня ни единого шага. При единичных заболеваниях я буду силен, а если эпидемия разовьется хотя бы до пяти заболеваний в день, то я буду только раздражаться, утомляться и чувствовать себя виноватым.

Конечно, о литературе и подумать некогда. Не пишу ничего. От содержания я отказался, дабы сохранить себе хотя маленькую свободу действий, и потому пребываю без гроша. Жду, когда отмолят и продадут рожь, а до тех пор буду питаться «Медведем» и грибами, которых у нас видимо-невидимо. Кстати сказать, никогда я не жил так дешево, как теперь. У нас всё свое, даже хлеб свой. Думаю, что через два года все мои расходы по дому не будут превышать тысячи рублей в год.

Когда узнаете из газет, что холера уже кончилась, то это значит, что я уже опять принялся за писанье. Пока же я служу в земстве, не считайте меня литератором. Ловить зараз двух зайцев нельзя.

Сергей Прокофьев об эпидемии испанки

В 1918 году, благодаря Луначарскому и Горькому, С.Прокофьев оказался в Америке. Перед ним встал вопрос о выживании в чужой стране. Ко всем проблемам прибавилась и эпидемия «испанки», о которой еще в Киеве шутливо писала Тэффи. Но там были свои. И когда доктор спросил у Тэффи: «У Вас бал?» - она ответила - «Нет, это

меня пришли проведать». Прокофьев же в Америке был один. Вот, что он писал в своих дневниках в это время.

Дневник Сергея Прокофьева

3 октября 1918 г.

Совершенную панику нагнала на меня испанская инфлюенция (грипп). До сих пор она для меня звучала как-то анекдотически с её состоянием «прострации», хотя я о ней слышал ещё в Японии. Но сегодня в газетах — тысяча случаев в день в одном Нью-Йорке с 5-процентным смертным исходом. В Нью-Йорке ещё благодать, а в других городах повальная эпидемия. Разлететься из Большевизии в Нью-Йорк и скончаться от испанской инфлюенции! Какой сарказм! Говорят, если сразу лечь в постель и пролежать неделю, тогда ничего, и главное, не будет воспаления лёгких, от которого большинство смертных исходов.

12 октября 1918 г.

...Инфлюенция достигла четырёх с половиной тысяч в день. Побаиваюсь. Купил пульверизатор для носа и сосновое масло.

14 октября 1918 г.

Был по приглашению Фишера для переговоров о цене за «Сказки». Я назначил тысячу долларов. Фишер не моргнул и сказал, что даст ответ. Ответ пришёл вечером - не может

Был у Сталя. Он кашляет как сумасшедший, но говорит, что температура нормальная и доктор сказал, что инфлюенции нет. Я

нюхал камфору, чтобы дезинфицировать нос. Утром он ходил к своему портному — ночью умер от инфлюенции. Он к другому — и тот.

15 октября 1918 г.

Сталь лежит — инфлюенция. Я боюсь, что заразил меня.

16 октября 1918 г.

Так и есть: температура 98,6°F, т.е. по-нашему 37°— немного повышенная. Кашель и болят ноги. Сидел дома. Если это инфлюенция, то ничего не поделаешь, надо терпеливо переболеть. Поэтому отношусь философски.

Кончил «Гавот».

К вечеру температура нормальная.

17 октября 1918 г.

Утром чувствовал себя хорошо. Не инфлюенция.

18 октября

Сегодня опять повышенная температура и ужасный насморк. Сажу дома и промываю нос.

Кончил Danz'у. Немного скучно - нет предпочтения.

Звонил Обольскому, проектируя с ним эскападу.

У Сталя кризис: 104° по Фаренгейту. Вообще Фаренгейт в своих огромных числах очень импозантен.

В городе инфлюенция слабее.

Навещали Мте Больм и Мте Шиндлер.

19 октября

Целый день плачу. Насморк ударился в глаза. Нельзя даже читать. Но к вечеру лучше, температура нормальная, и я поехал в Carnegie Hall участвовать в русском концерте для американского заёма.

21 октября

Простился с моей 109-й улицей и переехал в Hotel Wellington, лежащий довольно центрально. Отель спокойный, публика живёт помесечно, позволяют играть на фортепиано и вообще здесь довольно много артистов. У меня две хороших комнаты с ванной и двумя шкафными комнатами, в которых удобно прятать чужих жён, если будут ломиться разъярённые мужья. Но увы, пока романтическая сторона хромает.

От насморков и опасения, что инфлюенция, выздоровел.

23 октября 1918 г.

Инфлюенция не уменьшается: вертится до четырёх-пяти тысяч в день и на восьмиста покойниках. Есть случаи скоротечного характера: в двенадцать часов готово дело. Крест. Говорят, это разновидность лёгочной чумы. Нечего сказать, приятное развлечение!

Хотя у меня впечатление, что, приболев несколько дней назад, я перенёс параинфлюенцию, и теперь, возможно, застрахован от настоящей.

28 января 1919 г.

Инфлюенция ещё не стихла и триста случаев отмечаются каждый день. А сегодня ужасная пневмония в одни сутки скрутила бедную Мте Шиндлер, милую, здоровую, красивую женщину. Шиндлер убит, Больмы в слезах. Я очень им сочувствую, но не показываюсь к ним — боюсь заразы...»

Вадим Массальский

Александрия, США

Доктор Вирус. История времен пандемии

1.

- Говорите тише, он всё слышит! – доктор оглянулся по сторонам, нижняя губа его чуть задрожала.

Я улыбнулся. И даже отпустил по этому поводу банальную остроту в стиле Оруэлла: дескать, Большой брат следит за нами. Но мой собеседник ничего не ответил. Он только по-заговорщически приблизил указательный палец к своим губам, не касаясь их. Впрочем, он и не мог их коснуться, потому как здесь, в лаборатории, мы оба были не только в медицинских перчатках, но и в прозрачных пластиковых шлемах.

Поистине, что с людьми делает карантин, да еще пелена секретности. Глаза у моего собеседника были как у испуганного страшной сказкой ребенка. И ему было бесполезно возражать.

Перед нынешней встречей, в пресс-службе медицинского Института, мне говорили, что доктор Виктор Вирус вполне оправдывает свою странную фамилию, и просили, чтобы я не слишком удивлялся его экстравагантности. Дескать, он, в сущности, большой ребенок - этаким анфан террибль. Но при этом в один голос добавляли: он гений вирусологии, у него прямо-таки собачий нюх на все вирусы и бактерии. Я пообещал, что не буду перечить светилу науки и пока,

несмотря на журналистский зуд противоречия, сдерживал это обещание.

Мы молча прошли через галерею закрытых медблоков, стендов с образцами штаммов за пуленепробиваемыми стеклами. Я с ужасом подумал, что присутствую на выставке бацилл смерти, которых, возможно, хватило бы, чтобы уничтожить всё человечество. Ну, во всяком случае, поставить его на колени. Вот как сейчас.

Доктор Вирус уже несколько недель испытывал универсальную антиковидную вакцину. Сначала власти заявили, что она уже готова, потом поправились, что почти готова. Потом вдруг замолчали и сделали вид, что забыли о своих заявлениях, пока прессе не пришлось о них напомнить. И наконец случилось это неожиданное приглашение для нашего телеканала - не замеченного в большой дружбе с администрацией - посетить лабораторию Института, где велась работа над вакциной. За что нам такая честь? Я терялся в догадках. Может быть, повлияло мое заявление в прямом эфире, сделанное, признаюсь, не без бахвальства: дескать, я готов добровольно согласиться на новую «сырую» и небезопасную прививку, лишь бы приблизить начало массовой вакцинации. В общем, трудно сказать однозначно, что стало причиной моей журналистской удачи. Однако в пресс-службе Института мне намекнули, что доктор Вирус закапризничал и заявил, что из всей снимающей и пишущей братии готов общаться только со мной лично. А сейчас его капризы исполнялись даже не менее капризным президентом.

Миновав шлюзовую камеру лаборатории, мы еще четверть часа потратили на утомительную и, как мне показалось, излишнюю показушно-перестраховочную санобработку. А потом вышли во внутренний дворик Института. Это было райское место, где пели птички-кардиналы, благоухали розы и беспечно кружили бабочки. Природа жила своей привычной докарантинной жизнью, даже не догадываясь об ужасах нашей пандемии. Ей было наплевать на человека и на его смертельные страхи. И если бы люди сейчас поголовно вымерли, то она, похоже, не слишком бы горевала.

День был жаркий, и я предложил выпить чего-нибудь прохладительного в тени магнолий.

Но доктор Вирус выманил меня за мраморный декоративный столик на лужайку - на самый солнцепек. Я то и дело жмурился. Солнце било в глаза как молния.

- На солнце сейчас лучше всего. Вы не торопитесь? – спросил мой собеседник.

- Нет.

- Тогда давайте просто посидим.

Мы посидели пару минут молча. Он посмотрел на часы.

- 90 секунд было бы достаточно, но, как говорится, береженого Бог бережет...

- Я поднял брови.

Доктор невозмутимо пояснил:

- Вы наверняка слышали, что вирус на ярком солнце живет не более полутора минут. Но я решил перестраховаться. С этим крошкой всегда лучше держать ухо востро...

Я почувствовал, что, начинаю терять не только простое человеческое, но и профессиональное терпение. И решил, что дальше тянуть некуда и надо задать свои вопросы, хотя бы off record.

- Доктор Вирус, вы хотели рассказать мне о проблемах при создании вакцины. Я польщен, что вы решили представить эту историю именно мне и именно нашей телестанции. Сейчас я могу задать вам несколько вопросов?

Мой собеседник кивнул.

- Итак, вы подозреваете, что это были хакеры..? ФБР не исключает, что данные могли быть украдены русской разведкой.

Доктор уклончиво покачал головой:

- Сейчас все валят на русских хакеров и я готов подыграть им в этом. Подыграть, чтобы его перехитрить.

- Кого перехитрить?

- Крошку Ковида.

Я не нашелся, что сказать. Доктор продолжал:

- Да, да – именно перехитрить. Он следит за нами и мутирует. Он всё время действует на опережение. Он всё понимает, он всё чувствует.

Я вдруг почувствовал, что надо мной издеваются:

- Вы шутите, доктор?

- Да какие тут шутки!

Он достал из кармана своего белого халата дюжину сложенных вчетверо белых листков и передал мне.

- Это мои дневники. Они не подписаны. Я напечатал их на старой пишущей машинке, чтобы не оставлять онлайн-трейла. Так будет надежнее. Когда вы прочтете, вы поймете, на пороге какой катастрофы мы стоим. Если со мной что-то случится, я хочу, чтобы эти дневники остались у вас.

2.

Весь вечер я посвятил дневникам доктора Вируса. Я перечитал их несколько раз, как некогда читал гоголевские «Записки сумасшедшего». И, честно говоря, мало, что понял в этом сумбуре. Мне даже показалось, что светило науки просто свихнулся от переживаний,

связанных с пандемией. Но, как в гоголевских записках, здесь все-таки был скрытый смысл. Вот почитайте сами.

1 апреля

Я у цели! Вакцина будет создана в ближайшие недели... Может быть, даже дни! Коллеги поздравляют, говорят, что меня ждет Нобелевская премия... Не знаю. Сейчас я боюсь любых лишних разговоров на эту тему. Интуиция подсказывает мне, что такие разговоры небезопасны. Мы ведь на войне, а на войне всегда надо меньше болтать и всегда помнить, что противник подслушивает.

2 апреля

Служба безопасности предупредила нас об угрозе хакерской атаки. Усилена киберохрана всего нашего Института. Я практически перестал пользоваться Интернетом. Но как раз после этого и случился сбой – трудно понять почему... Мы в лаборатории долго обсуждали причины. Решено: теперь все совещания будем вести в спецкомнате, а при входе в лабораторию - сдавать все телефоны и персональные электронные устройства.

5 апреля

Удача! Теперь главное - держать всё в секрете... Но наш босс не утерпел. Накануне антиковидного саммита доложил в Белый дом об успехе, правда, без конкретики и не называя никаких фамилий. Ох, уж это политиканство!

20 апреля

У нас внезапно умерло пятеро волонтеров! Пятеро молодых и абсолютно здоровых коллег, которые решили испытать на себе новую вакцину. Причина смерти – осложнения, вызванные вирусом. Полный отказ работы сердца, печени и почек. Но при этом пятеро других - переболевших ковидом дома наших сотрудников - прекрасно себя чувствуют и после двух недель карантина вернулись на работу. Людей не хватает, и я согласился их допустить в лабораторию. И, похоже, зря. Их как будто подменили. Они ведут себя вызывающе и теперь не соблюдают элементарные санитарные нормы. Они неспособны или просто не желают делать самую элементарную работу. Видимо, вирус может привести к неосознанным ментальным изменениям и даже к слабоумию.

1 мая

...Все излечившиеся неблагонадежны! Они помогают вирусу!!! Я боюсь кому-либо это сказать. Меня сочтут сумасшедшим. Однако сегодня утром я поделился этим подозрением с моей секретаршей.

Бедная девочка! Сначала она решила, что у меня маниакальный психоз, когда я приватно попросил ее проследить за поведением «излечившихся» сотрудников. А вечером она сама пришла ко мне в кабинет и шепотом сказала, что видела, как мой «выздоровевший» помощник спутал свежие данные экспериментов по вакцине. И, похоже, сделал это не случайно. Зачем? Я подозреваю, что у всех переболевших - одно желание, чтобы никакой вакцины не было создано и чтобы вирусом переболели все.

7 мая

Я понял - почему. Почему они саботируют создание вакцины. Вирус не хочет нас убивать. Во всяком случае, всех. Он хочет, чтобы мы изменились... Может быть, даже изменились к лучшему. Перестали вести такой сумасшедший образ жизни. Меньше бесполезно путешествовали, меньше тусовались и развлекались, меньше собирались толпами и болтали друг с другом. Он хочет, чтобы мы все вернулись к естественному состоянию и естественному отбору. Теоретически это могло быть не так уж и плохо. Но не ценой жертв миллионов людей при таком «естественном отборе».

13 мая

...Я боюсь, что он со мной расправится. Наблюдаю у себя приступы какой-то странной слабости. Она то приходит, то отпускает. Словно он дремлет во мне, как и в каждом живущем сейчас человеке. Словно внутри меня заложена вирусная бомба замедленного действия. И я не знаю, как остановить ее часовой механизм. У меня опускаются руки. Хочется все бросить и махнуть к себе на Чесапик, на «Селёдочную марину». Выйти под парусом на моей «Надежде» и хотя бы недельку не видеть никого.

25 мая

Эврика! Я все понял. Надо сделать официальное заявление. Надо громогласно заявить, что мы отказываемся от создания универсальной вакцины и вообще перестаем бороться. Только так можно выиграть информационную войну. Надо держать все работы над вакциной в полном секрете. Даже в секрете от самих волонтеров. Прививать их тайно... Жаль. Очень жаль, что я ни с кем не знаком из мира медиа. Сейчас такой человек очень бы помог нам. Но кто?

3.

Утром я позвонил доктору Вирусу. Но его мобильный упрямо молчал. Я оставил несколько сообщений, а потом позвонил в пресс-службу Института – но уперся лбом в броню бюрократии. Там долго уточняли, по какому вопросу я снова звоню. Потом сказали, что со мной свяжутся. Ох уж эта игра в секретность. Зачем? Ответ я узнал

только из вечернего выпуска теленовостей, вернее – из брифинга Белого дома. Информация была скупой: «Умер доктор Виктор Вирус. Причина смерти - резкое обострение, вызванное инфекцией коронавируса».

Чиновники администрации постарались убедить, что в этой смерти не было ничего необычного, доктор возглавлял смертельно опасные исследования и каждый день выходил на охоту. Охоту на вирусов.

Теперь мне тоже пришлось сесть на домашний карантин.

Ночью меня мучили кошмары – мне снилось, что я охочусь за вакциной от вируса... Впрочем, это была сущая белиберда в стиле дневников доктора Вируса.

Утром я должен был выходить в эфир из дома. У меня было прямое включение в ежедневное утреннее шоу. Ведь я один из последних журналистов, да и вообще людей, кто общался с доктором Вирусом.

Я попросил, чтобы меня не перебивали... И начал говорить в камеру, установленную в моем компьютере:

- Вакцину можно сделать быстро. Но надо исключить всякие спекуляции на эту тему. Прекратить делать политические заявления и заигрывать с прессой. И вообще перестать болтать. Вирус все слышит и обладает генетической памятью. Он шпионит за нами.

Ведущие утренней программы Джим и Джилла дали мне договорить до конца... Но они как-то странно улыбались и вдруг в один голос спросили:

- Как ты себя чувствуешь, коллега?

Я ответил, что я чувствую себя хорошо. И что у меня есть дневники доктора Вируса, переданные мне им лично.

- Они написаны от руки?

- Нет, на пишущей машинке.

- И где гарантия... Точнее, кто может подтвердить его авторство?

- Сейчас уже никто. Но, черт подери. Это записи самого Вируса! Доктора Вируса! – поправился я. Больше мне слова не давали.

Сразу после выпуска на меня обрушился шквал звонков. Сначала звонили врачи, в том числе коллеги Вируса. Они требовали, чтобы я не нес ахинею, хотя бы из уважения к памяти их коллеги. Дескать, да, он был со странностями, но он не был шарлатаном, каким я пытаюсь его представить. А потом позвонил следователь ФБР и с вкрадчивой вежливостью вампира предложил договориться о встрече. Я сказал, что только после карантина. Тогда он попросил, чтобы я передал ему дневники Вируса. Для сохранности. Мало ли, что со мной может случиться... Он поправился, что имеет в виду мое самочувствие на карантине. Я согласился, но сказал, что прежде записи доктора должны быть без купюр опубликованы. Он заметил, что этого не стоит делать, потому как речь, возможно, идет о национальной безопасности и любая дезинформация и публикация вброшенной фальшивки наших

врагов может навредить Америке, и что я как гражданин нашей страны должен отдавать себе в этом отчет. Он сказал, что придет ко мне завтра утром. Но утром я узнал, что следователь срочно госпитализирован.... Пневмония в тяжелой форме!

Ночью у меня самого поднялась температура - больше 100 градусов по Фаренгейту. Утром я с трудом смог подняться с постели. И предпочел лечиться дома. Я боялся больниц. Боялся за себя, за дневники. Боялся, что там, в больнице, вирусу будет проще расправиться со мной.

В тот день меня снова пригласили на прямой эфир, теперь уже на вечернее шоу.

- Говори, что считаешь нужным, - сказала мне перед включением Джилла, предусмотрительно позвонив с личного мобильного. - Только помни, дружище, что тебя хотят отстранить от работы за клевету, распространение фейков и теорий заговора.

- Я ответил, что мне наплевать. Я чувствовал себя супергероем. Этаким журналистом-одиночкой, который идет напролом против системы. Это было глупо и наивно, но это тешило мое «телетщеславие». В глубине души я понимал, что у зрителей, и даже у моих коллег не было никакого резона мне верить. Я и сам себе не очень верил. Но я верил Вирусу. Доктору Вирусу. Я считал, что обязан сообщить людям все то, что он рассказал мне, даже если это было его предсмертной ошибкой. Люди имели право знать это.

Когда я рассказал об этом в эфире, Джилла задала мне все тот же вопрос:

- Каковы основания верить этому?

- Самое простое и убедительное основание – смерть того, кто сообщает эту тайну. Так умер и сам доктор Вирус, и некоторые его коллеги. Я перечислил все фамилии умерших при экспериментальной вакцинации сотрудников лаборатории.

- Все, кто знает и предупреждает об этом, обязательно умирают, - голосом обреченного заявил я.

Джилла улыбнулась в эфире. Я понял эту улыбку по-своему.

- Теперь моя очередь. Сегодня мне остается только попрощаться с вами.

Я отключил камеру и микрофон. Больше я не мог говорить. Я начал задыхаться. У меня кружилась голова. Я уже хотел позвонить в госпиталь, но почувствовал, что теряю сознание...

4.

На утро я проснулся совершенно здоровым, если не считать легкую слабость, от которой меня быстро излечила крепкая чашка кофе. Я включил теленовости. Вокруг бушевала пандемия. Я узнал, что даже у нас на телестанции выкосило полредакции. Студия была закрыта на

карантин. Вещание велось прямо из дома нашего шефа службы новостей. Половина моих коллег, которые работали «в поле», лежали по разным госпиталям, и связи с ними не было.

Я вышел прогуляться в ближайший парк. Углубившись в чащу и сорвав с лица маску, я жадно глотал ароматный лесной воздух. Впервые за последние дни я почувствовал ясность в голове и прилив энергии. Когда я вернулся домой, то обнаружил письмо в почтовом ящике. Оно было без обратного адреса и написано от руки – корявым мужским почерком:

«Поздравляю Вас с выздоровлением! Вернее, с успешной вакцинацией. Как видите, я все-таки создал вакцину! Я испытал ее на себе и на вас. Это было сделано во время вашей санобработки после посещения лаборатории. Помните, она показалась вам несколько странной. Простите, что это было сделано тайно. Но я не мог поступить иначе. Вирус все слышал! И потом вы же сами публично заявляли, что готовы пойти на подобный рискованный шаг. Благодарю вас за оказанную услугу, не мне, – человечеству. А теперь – не теряйте времени. Жду вас сегодня. Адрес вы найдете в моем дневнике, в записи от 13 мая. Добро пожаловать на борт нашей «Надежды»! Мы должны успеть запустить вакцину, пока вирус не начал мутировать. Только прошу вас - никому не слова. Он всё еще рядом, и он всё слышит!

*До встречи,
Ваш Вирус».*

31 октября 2020 г. Хэллоуин. Александрия. Вирджиния

Григорий Яблонский
Сент-Луис, США

Михаил Голубовский
Беркли, Калифорния, США

Роковой коронавирус. Факты. Уроки. Вопросы

Роковой коронавирус*. Факты. Уроки. Вопросы

«Я не раз вспоминал, как некое зловещее предзнаменование, когда на меня мягко метнулась крупная летучая мышь.. я даже при свете спички ясно увидел ее мерзкую, темную бархатистость и ушастую похожую на смерть хищную мордочку».

И. Бунин. «Натали»

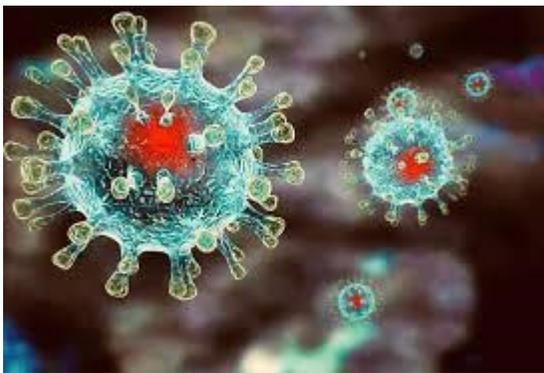
«Жизнь без начала и конца / Нас всех подстерегает случай» / Над нами сумрак неминуемый..».

А. Блок. «Возмездие»

Этот текст написан двумя специалистами в области динамических процессов - биологом-генетиком (М. Голубовский), который многие годы изучал вспышки мутаций в природных популяциях, и физико-химиком (Г. Яблонский), имеющим опыт анализа взрывных химических процессов. Мы решили объединить наши усилия, чтобы поделиться нашим пониманием столь сложного биологического и социального явления, как эпидемия COVID-19.

1. Не грипп, но его сводный брат и похож

Пандемия, вызванная уханьским коронавирусом, COVID-19,- вовсе не уникальна. Возьмем сходные респираторные вирусные эпидемии гриппа, которые сотрясали человечество весь XX век и начало XXI-го. «Испанка» 1918 -1920 гг. (вариант H1N1) - 20-50 миллионов смертей. Азиатский грипп 1957-1958 гг. (вариант H2N2) – 2 миллиона. Гонконгский грипп 1968-1969 гг. (вариант H3N2) - 1 млн. В 2009 г произошло удивительное событие - возвращение модифицированного варианта H1N1 («свиной грипп»), который вновь вызвал пандемию. Феномен возвращения моды на ту или иную мутацию в природе был исследован одним из авторов статьи.

В 2009-2010 гг. инфекцию свиного гриппа перенесли 11-21% мировой популяции, т.е. от 700 млн до 1.4 млрд. человек. Смертность была относительно низкой, около 0,01% заболевших (в случае «испанки» 2-3%), но в целом от осложнений умерли 150-575 тысяч. В США, согласно данным CDS, «свиным гриппом» в этот год переболело 61 млн., 274 000 человек были госпитализированы, 12 469 человек умерли.

После начала новой пандемии гриппа, «прошлый» вариант вируса гриппа годами остается в популяции, вызывая сезонные эпидемии. В США он ежегодно инфицирует около 20 миллионов. В период 1979 – 2001 гг. сезонные эпидемии гриппа уносили в среднем жизни 41 400 человек, или 3 450 в месяц.

В 2017-2018 году жатва смерти была больше: сезонная эпидемия гриппа в США унесла около 70 000 человек, или 5 830 чел. в месяц (Wikipedia:list of epidemics).

Ежегодные летальные исходы от пневмонии, вызванной предшествовавшим гриппом, варьировались в пределах 150 – 180 человека на 1 миллион населения (годы 2006-2010). Эти величины

очень важны для сопоставления их со смертностью от коронавируса-19. Примем их за условный стандарт потерь от сводного брата вируса гриппа – COVID-19.

2. Коронавирус в США

Теперь сравним смертность от гриппа с эпидемико-демографической ситуацией в США. На 17 апреля 2020 г. в США было протестировано на вирусоносительство около 3 460 000 человек. Громадное число! Это - несомненное свидетельство слаженной - несмотря на кризис - организации работы и федерального правительства, и администрации штатов. Из общего числа протестированных около 710 000 несли вирус. Умерло от вызванных вирусом осложнений (преимущественно пневмонии) 37 150 человек (5.2%). Оценка числа смертей на один млн. населения (deaths/1M population), принятая в эпидемиологии, составляет для США около 109. Это меньше потерь, чем в среднем от эпидемий гриппа (150-180). Конечно, отдельные штаты сильно отличаются по величине смертности. Их можно условно разделить на три группы. В абсолютном большинстве штатов смертность варьирует от 3-х до 80-и человек на 1 млн. популяции. Но в четырех штатах (Массачусетс, Мичиган, Коннектикут и Луизиана) смертность равна 206-289 на млн. человек. Этот уровень превышает среднюю летальность при гриппе.

Особняком стоят два соседних штата - Нью Йорк и Нью Джерси. Смертность здесь (873 и 432 чел. на миллион населения) гораздо выше средних цифр летальности от гриппа (в 3-5 раз). На эти два штата приходится 20 935 смертей (17-е апреля 2020) - более половины всех потерь в США, 56%. В будущем предстоит детально разобраться, в чем причины этой трагической аномалии.

В остальных 48-и штатах, вместе взятых, за два с половиной месяца эпидемии (с февраля по 17 апреля) общая смертность составляет 16 200 человек, около 6 500 в месяц. Напомним, что смертность от сезонной эпидемии гриппа в 2017-2018 г. была 5 830 человек в месяц. Таким образом, в настоящее время, по оценкам на 17-е апреля 2020 г., уровень потерь в стране от коронавируса-19 выше (на 11%) смертности от сезонных эпидемий гриппа - его сводного брата в семействе РНК-овых вирусов. Однако, весьма вероятно (см. анализ далее), что к середине апреля уже достигнут пик, а точнее плато эпидемии, и происходит снижение смертности. Тогда – следующий шаг- можно полагать, что финальная оценка смертности от COVID-19 в США будет сопоставима с уровнем смертности сезонных эпидемий гриппа.

В Канаде, где протестировано уже около полумиллиона человек, выявлено 32 000 зараженных, но уровень смертности весьма низок – 35 чел. на миллион населения.

3. Коронавирус в Европе и парадокс Германии

Величина смертности от коронавируса в Европе варьирует в разных странах, как и в американских штатах. Примем и здесь за условный стандарт смертность в период сезонных эпидемий гриппа в США (150-180 на один млн. населения). Цифры смертности в больших странах Европы таковы: Бельгия – 445, Испания – 428, Италия - 376, Великобритания – 215, Польша – 221, Нидерланды - 202. Эпидемиологическая ситуация здесь сходна с группой «неблагополучных» штатов США. Однако, в ряде европейских «малых стран» уровень смертности гораздо ниже: Швейцария – 153, Швеция – 139, Ирландия – 107, Португалия – 64, Дания – 53, Австрия – 46, Норвегия – 31, Румыния – 19, Венгрия – 16, Чехия – 16. Удивительно, к примеру, что Португалия – самый близкий сосед Испании, имеет в 6-7 раз меньшую смертность. В чем дело?

Главный парадокс европейской пандемии – самая большая страна Европы, Германия с численностью 83 миллиона человек. Здесь смертность равна 50 человек на один миллион, или в 5-9 раз меньше, чем в других больших европейских странах. Эта низкая смертность весьма удивительна. Немецкие вирусологи и эпидемиологи предлагают три основных причины этого парадокса. Первая связана с коллективным иммунитетом. Любые эпидемии в природе и в истории человечества, даже такие страшные, как чума, несравненно опаснее гриппа и коронавируса, возникают, развиваются и постепенно сходят со сцены. Причина их ослабления и ухода в том, что в зараженной популяции растет число переболевших людей, которые становятся иммунными к данному паразиту и тем самым ставят заслон его распространению. Число возможных жертв инфекционного агента понижается: возникает коллективный («стадный») иммунитет. В случае коронавируса, в отличие от гриппа, иммунная система детей и молодых людей, по еще неясным причинам, довольно успешно отражает атаки коронавируса-19. Иммунитет возникает обычно через 1-2 недели инфекционной атаки. После чего организм освобождается от вируса и становится далее, как правило, невосприимчив к заражению.

Так получилось, что в Германии множество молодежи накануне введения карантина устремилось на горнолыжные курорты и разного рода отпускные тусовки. Одной из них был карнавал в Баварии. До того, как ввели карантин, в некоторых районах страны около 15% лиц этой группы уже перенесли инфекцию практически безболезненно, возник коллективный иммунитет. В Германии тестирование на вирусоносительство происходило не только на присутствие РНК вируса, но в ряде поселений и на основе анализа антител - молекулярных следов прошлого присутствия вируса, когда самого

вируса в организме уже нет. Это более надежная оценка устойчивости к вирусу на уровне популяции. Кстати, после вынужденного карантинного отсиживания дома и выхода на волю, все равно придется претерпеть атаки вируса, и может возникнуть вторичная вспышка. Но ее действие на уровне популяции гораздо легче нейтрализовать, ибо уже возник коллективный иммунитет, накоплен врачебный опыт терапии и госпитали начеку.

Вторая причина германского парадокса – хорошая организации здравоохранения. Там заранее подготовили экстренные графики работы медперсонала, инфекционные койки, защитный инструментарий, заказали своим фирмам необходимое число аппаратов искусственной вентиляции легких. Так что потом немецкие клиники даже приняли на лечение до 200 тяжелых пациентов из других стран. Ну и третья причина – исторически сложившаяся социальная дисциплинированность немцев.

В Голландии выбрали вариант упования на коллективный иммунитет. Здесь исходили из знания, что, кроме пожилых людей, в других возрастных группах примерно 70-80% случаев контактов с вирусом происходит без симптомов или в легкой форме недомогания. В популяции растет коллективный иммунитет. Такой подход рекомендовал директор национального центра Голландии по борьбе с инфекциями, доктор Яал ван Диссель. Его рекомендация была одобрена правительством. Хотя школы, бары, рестораны закрыли на карантин до конца апреля, жителей, особенно пожилых, призывали ограничить социальные контакты, но не заставляли это делать административно. При таком мягком карантине коллективный иммунитет возрастал быстрее, и возникла надежная естественная защита от вируса. В итоге, если в конце февраля, когда происходил резкий рост вспышки, один больной пациент передавал вирус в среднем трем людям, то уже в начале апреля заражаемость была в десять раз меньше (0,3). К 17-му апреля в Голландии, с ее населением в 17 миллионов, число погибших оказалось ниже по сравнению с другими большими странами Европы. Это – важный социально-эпидемиологический опыт.

4. Эксперимент. Океанские круизы как модель эпидемий

Эпидемии коронавируса на океанских круизах предоставляют естественный и печальный опыт возникновения эпидемий и их последствий.

Итак, три круиза... Корабль «Diamond Princess» вышел 20 января 2020 г. из японского порта Йокогама в круиз по странам Юго-Восточной Азии. На его борту было 2666 пассажиров и 1045 членов экипажа, всего 3711 человек. В Йокогаме на корабль сел 80-летний

китаец. Он сошел на берег в Гонконге 25 января, а через 6 дней обратился в госпиталь Гонконга: у него обнаружили коронавирус. 4-го февраля, на корабле нашли вирус у 10 человек, которые почувствовали недомогание. Корабль вернулся в исходный порт, где простоял на карантине около месяца. 7 февраля вирус обнаружили у 64-х пассажиров, к 10 февраля - их число достигло 135, к 17 февраля - 454 человек, из них 33 – члены экипажа. В марте все 3711 человек были протестированы. 712, или 19,2 % оказалось заражено. Из 712 носителей вируса 331 (46,5%) не имели никаких симптомов. Остальные в большинстве имели легкое недомогание. 37 человек прошли интенсивную терапию и выжили, но 9 пассажиров умерли в период от 20 февраля до 28 марта. Из 712 носителей вируса 145 были члены команды, 567 – пассажиры, их средний возраст - 69 лет. Потом выяснилось, что «Алмазная Принцесса» не имела специальных вентиляционных фильтров, которые с 99%-ой вероятностью задерживают частицы от трех микрон и устанавливаются на самолетах. Судно оказалось ловушкой и распространителем вируса.

Другой круиз, «Grand Princess», вернувшись в Сан-Франциско из Мексики, на следующий день 21 февраля 2020 г. отплыл во второй рейс, на Гавайи. На судне было 3553 человек, 1111 членов команды и 2422 пассажира. После отплытия выяснилось, что на борту есть 68 пассажиров из первого рейса, которые могли быть вирусоносителями. 4-го марта все они были помещены на карантин в их каютах. 6-го марта обнаружили коронавирус у 19 членов команды и 2-х пассажиров. 8-го марта корабль пришвартовался в Окленде, и все люди были помещены на карантин, пассажиры - наземно, члены команды - на корабле. В конце марта селективно были тестированы 1103 пассажира, из них 103 оказались вирусоносителями. 2 пассажира (возраст около 60 лет) и один член команды умерли от осложнений коронавируса.

Еще худшая судьба постигла круиз на корабле этого же класса, «Ruby Princess» - 2700 пассажиров и 1100 членов экипажа. Он курсировал в водах Австралии и Новой Зеландии. В середине марта на корабле были выявлены вирусоносители. К началу апреля 662 человек (17, 4%) оказались заражены. 18 из них умерли к 13-му апреля.

Итоги: в замкнутом пространстве, с числом людей как в небольшом городке (3-4 тысячи), один носитель вируса способен инфицировать всю популяцию. Спустя три недели уже 15-20% популяции оказывается зараженными. Свыше 40% из них не имеют никаких симптомов. Около 10% вирусоносителей нуждаются в интенсивной терапии. И умирают в основном, люди старше 65 лет. Причем, смертность здесь усилилась сильнейшим стрессом: неожиданная принудительная изоляция в тесных каютах плюс неясности судьбы.

5. Два сценария: ложь партийной диктатуры - паника демократии

В конце декабря 2019 г китайский врач-офтальмолог Ли Вэнлян (Li Wenliang) из Центрального госпиталя Ухани сообщил в Интернете о случаях болезни, сходной по своему проявлению с предыдущей коронавирусной вспышкой в Китае острого респираторного синдрома SARS (severe acute respiratory syndrome). 3-го января 2020 г. Ли Вэнлян был вызван в полицию и предупрежден о распространении в Интернете фальшивых сведений. Отважный доктор продолжал работать, но заразился в госпитале коронавирусом и умер 7 февраля 2020 г. в возрасте 33-х лет. Впоследствии власти Китая признали его правоту и выразили сожаление его семье. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) также выразила сожаление. В июле 2017 г. Генеральным директором ВОЗ был избран Тедрос Гебрейесус, бывший министр здравоохранения Эфиопии, микробиолог.

Сенат США почтил память доктора-героя Ли и принял резолюцию, призывая власти Китая к открытости и кооперации в борьбе с эпидемией. Недавно был опубликован краткий обзор, свидетельствующий о дезинформации властей КНР и неадекватности директора ВОЗ (перевод см. echo.msc.ru от 13-го апреля). 11-го января комиссия здравоохранения Уханя заявила что «на сегодняшний день ни одного случая заражения медицинского персонала обнаружено не было, и нет никаких доказательств того, что вирус передается от человека к человеку». Этот тезис 14 января был повторен и усилен авторитетом ВОЗ: «Предварительное расследование, проведенное властями Китая, не обнаружило никаких свидетельств передачи нового коронавируса, выявленного в Ухани, от человека к человеку». 19-го января ВОЗ подтвердил свое заявление об отсутствии «достаточных данных» о том, как передается вирус, его клинических особенностях и степени распространения. 22-го января директор ВОЗ очень позитивно оценил свои контакты с властями Китая и их действия по предотвращению эпидемии.

21 января CDC (Center Disease Control) сообщил о первом случае заражения у человека, вернувшегося из Китая. Президент Трамп 22 января в интервью в Давосе упомянул об этом одном случае и, видимо, был тогда вправе высказать оптимизм, что все под контролем. Но эпидемия стала стремительно развиваться («нас всех подстерегает случай»). 23-го января, когда в Китае умерло 17 человек и были выявлены случаи заражения в других странах, власти Китая объявили карантин в Ухане, городе с населением 11 млн. человек. Уже 29-го января администрация президента Трампа заявила о создании штаба по борьбе с эпидемией. 31-го января была объявлена чрезвычайная ситуация в стране в области здравоохранения (public health emergency)

и введены ограничения на все полеты в Китай. 30-го января дирекция ВОЗ также высказала международную озабоченность эпидемией, но лишь 11-го марта 2020 г. (почти через полтора месяца) официально декларировала пандемию.

После встречи с лидерами Китая Тедрос Гебрейесус заявил в феврале 2020, что в рамках всего мира (глобально) не следует вводить меры, которые «без необходимости ограничивают международные путешествия и торговлю». Конечно, такие ограничения были в то время нежелательны для лидеров Китая, которые до конца января пытались скрыть сам факт начавшейся в ноябре 2019 эпидемии, а потом уменьшить ее эффект (по некоторым оценкам в 20 раз). Нам это хорошо известно: в СССР во всех научных институтах был 1-й отдел. В Китае это практикуется до сих пор. 13-го апреля корреспонденты сайта CNN из Гонконга сообщили, что Китай ввел строгую цензуру на все научные статьи о коронавирусе. Китай создал впечатление, что он жёстко, по-партийному, по-военному, справился с бедой.

По сравнению с Китаем, Запад, да что Запад, весь остальной мир повёл себя панически, когда «сумрак неминуемый» стал очевидным. На страницах газет и экранах TV забушевал и бушует до сих пор Апокалипсис. Систематические сравнения с гриппом и другими эпидемиями почти не публикуются. Мы смотрим «Хронику Судного Дня».

На самом деле, мы не знаем, что произошло и происходит в Китае: начало, статистику, меры, происхождение вируса. Мы ещё узнаем, что рекламируемые успехи скрывали реальность и, конечно же, панику начальства.

Вообще, переплетение паники и лжи - это мировое явление. Но в Китае - это монополия власти, на Западе – монополия СМИ.

6. Как развивается эпидемия, как предвидеть?...

Легендарный Йоги Берра, бейсболист и мыслитель, знаменитый в США, как Черномырдин в России, сказал: «Предвидеть трудно, особенно трудно предвидеть будущее». Это исключительно верно для COVID-19.

В полной количественной модели надо учесть многие факторы, и то, что заражение стартует от путешественников - из Китая, европейских стран, «круизников», и различие в плотности населения (сверхгорода и «одноэтажная Америка»), и заражение родственников, всех, кто рядом "stay at home". Модель зависит от цели, и простейшая модель имела 2 цели: первое - оценить пик скорости роста числа инфицированных за день и второе - оценить максимальное число инфицированных. Такие зависимости для США и многих европейских

стран строились с 23-го марта 2020 г. бельгийским математиком, проф Денисом Консталесом (Гентский Университет), и одним из авторов (Г. Яблонский). В столь сложной ситуации надо было начинать с простой модели, которая могла адаптироваться в зависимости от развития событий. Использовалось базовое предположение, что число инфицированных пропорционально числу «столкновений» между носителями вируса и «не-носителями». Такая модель («сигмоидная») предсказала, что максимум скорости роста числа инфицированных за день придёт где-то на 29-30 марта, и он составит примерно 18-20 тысяч в день.

Так это и было. Но после 30-го марта ситуация резко изменилась: модель перестала быть адекватной. Она не отразила резкий рост числа инфекций. Тогда модель была изменена. Она стала «двухсигмоидной», предсказав пик скорости роста числа инфицированных на 5-7 апреля. И это тоже наблюдалось. Пик равнялся примерно 34 тыс. инфицированных в день. А потом пошло что-то вроде плато с флуктуациями, с некоторым снижением роста, в среднем до 28-29 тыс в день. Модель, к сожалению, не отражает это плато и нуждается в уточнении. Впечатление такое, что мы как будто прошли через пик (плато) роста, но не знаем, сколь долго мы будем скользить по уклону. Ситуация всё ещё неопределённая...возможна и новая волна...

УРОКИ

1. Это повторится...

Это повторится...COVID-19 - тренировка человечества. В природе геномы каждого вида регулярно подвергаются атаке самых разных вирусов. Для защиты от них и патогенных микроорганизмов (бактерий) организмы имеют эшелонированную иммунную систему. Но время от времени вирусам и бактериям удается прорваться через иммунную защиту или обмануть ее. В итоге возникают инфекции и пандемии.

Эпидемии будут и в XXI-м веке, и в XXII-ом

2. Научиться жить с риском...Цивилизация - это риск

Цивилизация - это, конечно же, комфорт. Но сохранить комфорт всегда рискованно.

Более того, конечность жизни - это плата за её сложность. Бессмертны только атомы, и то нет, если учесть радиоактивный распад.

Надо научиться жить с риском. Точнее, вспомнить об этом. Цивилизованный мир потерял этот навык, прожив 70 лет благополучного мира после 2-ой Мировой войны. Исчезновение Советского Союза - это не такая уж геокатастрофа, все континенты остались на своих местах. Строго говоря, мы уже давно живём с риском

и не собираемся отказываться от достижений прогресса. Ни один американский автомобилист не согласится с предельной скоростью 25 миль в час. Она, кстати сказать, рискованна: другие будут ехать намного быстрее. Американский анекдот начала авиационной эры: «Почему вы не летаете? На земле гораздо больше опасностей. Мой знакомый недавно ехал на автомобиле, и ему на голову упал самолёт».

Заметим, что смертность в год от автокатастроф в США составляет около 36 000 человек, или 3 200 человек в месяц. Но никакие известия о чудовищных авто- и авиакатастрофах не заставят нас перестать ездить и летать. Нам просто надо расширить зоны риска. Общество должно продолжать жить и работать, понимая эти риски и минимизируя их - насколько возможно.

Во многих ситуациях здравый смысл лучше ложной компетентности. В отношении эпидемии COVID и ей подобных рекомендуют пока простой рецепт: чаще мыть руки и не хвататься за лицо, своё и чужое. «Пир во время Чумы»? Почему бы и нет. Но - без распространения Чумы!

3. Опасная позиция - «Трампа хуже коронавируса»

Голда Меир, в своих воспоминаниях заявила, что мир на Ближнем Востоке станет возможным, когда арабы будут больше любить своих детей, нежели ненавидеть Израиль. Андрэ Моруа, близкий к лидерам Франции, накануне ее поражения в 1940 г., вспоминал о частых и резких столкновениях между П. Рейно, премьер-министром и Э. Даладье, министром иностранных дел. Недоумевая, он услышал от Рейно, что Даладье, конечно, желает победы Франции, «но еще сильнее он желает моего поражения».

Три последних года, начиная с победы Трампа на выборах, ни на день не стихает идеологическое и иррациональное давление на президента, противодействие ему со стороны лидеров демпартии и ориентированной на них СМИ. Оно далеко выходит за сложившиеся рамки нормальных политических дискуссий. Эта ситуация губительна для страны.

Президент Трамп ввел в свою команду по противодействию эпидемии Антония Фаучи, который десятилетия возглавляет Национальный институт аллергии и инфекционных болезней. Его высказывания и действия отличает открытость и честность, даже если он не согласен с президентом. Фаучи так высказал свое кредо: «Не надо разрушать доверие к вам. И следует отказаться от желания идти войной на президента... Надо стремиться находить тонкий баланс, будучи уверенным, что вы продолжаете говорить правду». С этим подходом можно полностью согласиться.

Президент уже с 31 января ограничил все полеты в Китай. Но против этой меры выступили многие члены Конгресса - демократы.

Они ссылались на заявление директора ВОЗ и на то, что данное ограничение ведет, якобы, к этнической дискриминации, ксенофобии. В феврале спикер палаты представителей Нэнси Пелоси демонстративно посетила Chinatown в Сан-Франциско в знак несогласия с президентом. И вот результат. По оценке исследования, которое процитировала влиятельная "Нью-Йорк Таймс (4-го апреля), накануне Нового 2020 года и в январе 2020 года прямыми рейсами из Китая в США прибыло 430 000 человек. Причем многие тысячи приезжали рейсами прямо из Ухани, очага пандемии. Хотя у пассажиров из Ухани, а потом и у всех пассажиров из Китая, стали проверять, нет ли у них повышенной температуры или явных признаков заболевания, в то время было еще неизвестно, что не менее 25% вирусоносителей бессимптомны...

Пресс-секретарь Белого дома имел все основания заявить в начале апреля, что введенное президентом ограничение всех полетов в Китай, - вопреки позиции ВОЗ и критике Демпартии, - демонстрирует «твердые решительные действия, которые, по мнению профессионалов-медиков, спасли множество жизней».

Прекрасно, что удалось достичь компромисса и согласовать в обеих палатах Конгресса единогласно принятый кризисный план экономических мер. Они приняты для выживания людей, оставшихся без работы, и для спасения экономики, парализованной карантинном. Регулярные брифинги президента и его команды информируют народ о текущих мерах, и о том, что у страны есть оптимистичный лидер, который среди хаоса и паники берет на себя ответственность за принятые решения. И может менять их, если ситуация изменилась (подобно опытному шахматному гроссмейстеру).

Президент заявил: «Лекарство не должно быть хуже болезни». Вполне разумный подход. Конечно, возникший кризис выявил удивительные «дисбалансы» Америки. С одной стороны, уже объявлены сроки полета на Марс, а с другой - вопиющая нехватка масок, вентиляторов, аппаратов искусственной вентиляции легких. Таковы, видимо, самые очевидные издержки политики глобальной экономики. На это постоянно указывал президент Трамп в своей предвыборной программе. И он последовательно проводит экономическую политику приоритета своей страны и ослабления зависимости от иллюзий и практики глобализма.

ВОПРОСЫ

Их много, вопросов без ответа. Мы многого не знаем.

Мы не знаем, а может, никогда и не узнаем, как это началось. С летучей мыши? С утки в спецлаборатории? *

См. версию Американского совета по науке и здоровью на его сайте от 13-го апреля.

(<https://www.acsh.org/news/2020/04/13/best-evidence-yet-coronavirus-came-...>

Гибридно?

Мы не знаем, почему дети и молодые люди обладают повышенным иммунитетом к коронавирусу.

Мы не знаем, почему смертность в Португалии на порядок ниже, чем в соседней Испании.

Трудно понять, почему Генеральный директор ВОЗ медлил с объявлением угрозы эпидемии и пандемии.

Мы хотели бы понять, как и почему возникла мировая паника и почему отдельные страны не теряли спокойствия.

Мы не знаем, чем кончится небывалый социальный эксперимент по самоизоляции - «домашний арест» сотен миллионов.

И - главное - не знаем, когда развеется «сумрак неминуемый» и наступит ясность.

Закончим притчей, о ней напомнил в своем недавнем интервью директор Медицинского центра МГУ, врач-вирусолог Симон Мацкеплишвили. Во время страшной эпидемии праведник встретил Чуму и спросил: «Сколько жизней она унесет?» Чума ответила: «Пять тысяч». Прошло время, болезнь закончилась, и оказалось, что умерло 15 тысяч человек. И вот праведник опять встречает Чуму и спрашивает: «Как же так? Ты говорила про пять тысяч». Чума подумала и ответила: «Да, я забрала только пять тысяч. Остальные умерли от страха».

Все будет хорошо!

* «16 апреля 1928 года, вечером, профессор зоологии IV государственного университета и директор зооинститута в Москве Персиков вошел в свой кабинет, помещающийся в зооинституте, что на улице Герцена. Профессор зажег верхний матовый шар и огляделся. Начало ужасающей катастрофы нужно считать заложенным именно в этот злосчастный вечер, равно как первопричиною этой катастрофы следует считать именно профессора Владимира Ипатьевича Персикова». Так начинается феерическая сатира Булгакова «Роковые яйца». Ученый изобрел лучи, которые помимо его желаний вырвались из-под контроля. Вместо куриных яиц невежды облучили «роковые» яйца анаконды. По удивительной случайности, именно 16 апреля, мы - в основном - кончили писать заметки о пандемии рокового коронавируса COVID-19.

Валерий Скобло
С.-Петербург, Россия

Коронавирусный цикл – 2020

От безумия этого прочь,
Из веками текущей вендетты
Отплывает мой парусник в ночь
От страны, континента, планеты.

Отменили все рейсы кругом,
И навечно закрыли все кассы,
Оцепили район мой и дом -
Но меня удержать не удастся.

Пусть соседи едят этот торт,
Сотни раз наступая на грабли.
Мне не нужен ни стапель, ни порт -
У меня на ладони кораблик.

Из далекого детства тату -
Лишь на миг я ладонь приоткрою.
Уплывает кораблик в мечту,
Увлекает меня за собою.

Неподвластен он вашим ветрам,
Не поймают его ваши сети.
За него я и жизнь всю отдам...
Отплываю... Прощайте, соседи!

А ведь каждый из вас тоже мог,
Да и сможет... лишь зов он услышит.
Впереди не Сидней, не Бангкок,
Много дальше... южнее и выше.

Неземные тугие ветра
Паруса раздувают попутно.
Я назад не гляжу, мне пора...
Впереди разгорается утро.

* * *

В год Крысы и Мыши,
не вспомню, кого еще,
Щелкунчиком быть неприлично,
готовящим мышье побоище.

Скорее, пристало быть узником
в камере для подстрекателей,
Кормящим мышонка с руки
под взглядами злых надзирателей.

Мышонка, прогрызшего стены...
Вряд ли строители чаяли,
Что выберет номер он именно твой...
И это случайно ли?

Темница твоя для него -
дворец лучезарно сияющий.
Ты в ней - как загадочный джинн,
гостинцами всех одаряющий.

Кто мог помышлять, что даже
в тюрьме есть свои безбилетники,
Что именно мышку Господь
пошлет для тебя в собеседники.

Но это все именно так...
Секунды мелькают на таймере...
Мышонок внимает тебе -
подстрекателю жалкому
в крошечной камере.

* * *

В Год Великого Страшного Коронавируса,
В одночасье обрушившегося на нас,
Капитан Немо вышел из "Наутилуса"
Посмотреть на западный мир без всяких прикрас,

Чтобы глянуть, как рухнет Империя Запада,
И как заалееет на востоке Восток...
Как вирус без всякого вкуса и запаха
За собою все Империи Зла поволок.

Капитан шагает со своего кораблика,
В маске, перчатках и хромовых сапогах.
Желтая Азия и черная Африка
Отважно ступают за ним, подавляя страх.

Отольются наши слезки колониальные, -
Думает, верно, не очень умный индус...
Мечты бывают и совсем ирреальные -
Не ищи здесь товарищей на цвет или вкус.

Виктор Райзман
США

Одно стихотворение. Предсказание

Так называемый «отбор»
Нас породил, богоугодных...

А мы вот роботов растим
«Зверинцу» своему на смену,
Освоив современный стиль
С набором уравнений ценным.

Уже умеет отвечать
На сложные вопросы робот,
Цвета и звуки различать
И лёгкие лечить хворобы.

И непременно быть тому
(В пределах нынешнего века),
Когда учёные ему
Присвоят званье «человека»!

Но чтобы нам богами стать,
Оставив роботам планету,
Должны мы вскорости создать
Одно условие. И это -

Из списка сказочных чудес,
Творимых не на нашем свете.
Оно во власти Божьей есть,
Его название «бессмертье»!

Уже на принтере 3D

Мы напечатать можем хрящик,
Уже пытаются кой-где
Оттиснуть орган подходящий.

Уже не за горами год,
Когда печатать сердце смогут.
Тогда Земли людской народ
Приравнен, видно, будет к Богу!

И упорхнёт за небосклон
В края с эдемскими садами...
Таков развития закон,
Который нам предписан с вами!

Вилен Черняк
Калифорния, США

Концентрация вокруг вируса

Привычка у нас концентрировать мысли
На том, что волнует, туманит наш разум.
Сегодня, товарищ, мы в мыслях зависли
На крошечной точке, невидимой глазу.

На точке, учеными названной "вирус",
Снабженной красивой короной с зубцами,
Дарующей право господства над миром,
Над мыслями, душами и над сердцами.

Она поместила нас в бездну досуга
За линией, красной начертанной краской,
Сжимающей нас концентрическим кругом,
В котором уста запечатаны маской.

Давайте простим преступленье эпохе,
Как в прошлом другую эпоху прощали.
Эксцентрики мы, шутники, скоморохи,
А круг концентрический - зона печали.

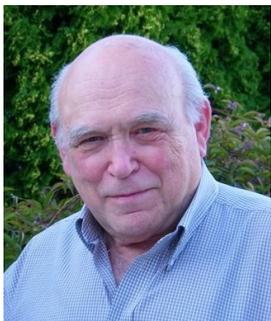
Да будет прощен, кто решил по ошибке,
Что можно в узде нас держать без опаски.
Мы выйдем из круга. И наши улыбки
Откроются всем, когда снимутся маски.

Часть 2. In memoriam

Павел Тайбер. Карнавал жизни

Лев Визен
(1933-2020)

Труба с подветренной стороны

«Приветствуем появление на наших страницах нашего постоянного автора Льва Визена, который, несмотря на четыре реанимации, вновь взялся за перо. Здоровья Вам, Лев!» – такое редакционное вступление было помещено перед этой повестью. Через совсем короткий промежуток мы получили трагическое известие: Лев Визен ушел из жизни. Пусть земля будет пухом человеку огромного жизнелюбия, неиссякаемого юмора и большого писательского таланта!

Это не повесть о несчастной любви и не детектив. Это рассказ о том, что я помню, о том, что всегда остаётся со мной, сколько бы лет ни проходило и где бы я ни был. Это рассказ о днях и мгновениях, оставшихся в минувшем веке. Тех, которые, быть может, не “свистели пулей у виска”, но которые мне хотелось бы остановить и пережить снова.

Войну с немцами наш двор принял как-то сразу, как данное. В окружавшем меня коммунальном микромире всегда жило инстинктивное неверие в союз двух “народных” систем, нацизма и коммунизма.

Первые лица обеих стран скрывали свои цели за притворно сердечными улыбками, рукопожатиями, протоколами лживых договоров. Все видели это и ждали войну.

И, когда она пришла, прибавили её к долгой полосе невзгод и потерь без особого удивления.

После шока первых дней, когда люди, ища поддержки и единомыслия, заглядывали в глаза даже незнакомым, стало ясно, что беда - не на месяц.

И её громадность стала жестокой обыденностью, затмившей и 17-й год, и Гражданку.

Война нарушила все прежние порядки, всё, к чему люди привыкли и приспособились.

И она отменила "яростный поход" Красной Армии, которая "гремя огнём, сверкая блеском стали", должна была стереть всех врагов, и реальных и придуманных, в порошок.

До войны ещё тлела надежда, что другие народы поступят так же, как поступили отцы и деды в 17-м. Теперь эта надежда угасла, покрылась белесым пеплом.

Люди понимали, что настоящих друзей у их страны нет.

И это делало ещё более острым, почти невыносимым, постоянно хранимое в сознании чувство вины за ошибку, сделанную четверть века назад.

Новая ежедневность стала противостоянием двух укладов жизни.

Одним - всё ещё хранящим хоть какую-то верность старым "джентльменским" порядкам.

Другим – лживым, вороватым, всепозволяющим, всеотрицающим и разрушающим.

И многие боялись этого противостояния, этого невидимого, никогда не кончавшегося спора, как убивший отца и укравший чужое боится неизбежно грядущей расплаты за содеянное, за самоубийственное предательство самого себя и совести своей.

За вину, которая так велика, что Бог не может её простить.

До войны всё шло по ставшему привычным порядку: работа, получка, донос, арест, срок или вышка. Семья - в лучшем случае - в Караганду.

И многие говорили, что если берут, значит, за дело. Верили, что так и надо.

А несогласные помалкивали. Понимали, что такое — добром не кончится.

И приспособившись к неизбежному, не находя в себе воли и сил на хотя бы попытку изменить унижающую их повседневность, люди смирялись с нравственной деградацией и становились послушными винтиками в жестоком механизме, который назывался народным государством.

Всю вторую половину лета 41-го и всю осень наша армия отступала, оставляя города, взрывая мосты, иногда даже бросая раненых.

И красные командиры всех родов войск - будь то в московском метро или на улице – смотрели в никуда вверх голов. Лишь бы не встречать взгляды братьев и сестёр по классу. Но из черных раструбов громкоговорителей гремели только победные песни. И, слушая сводки, люди пытались понять недосказанное.

На детскую площадку за нашим вторым корпусом привезли аэростат.

Вдруг и сразу переставшие быть выпускницами школ и студентками, девочки, с юными ножками в кирзовых сапогах и гимнастёрках не по размеру, отпускали серого бегемота в ночное небо, а наутро, повисая на тросах с поджатыми коленками, затаскивали его обратно в зажатое между корпусами стойло.

Днём, если в небе было спокойно, девочки спали в палатке рядом с бегемотом, а проснувшись -- курили. Пайковая махорка была для них тяжела, они кашляли, сплёвывали на траву, но курить не переставали.

И казалось, они такие тоненькие потому, что давно уже выплюнули свои чудесные девичьи сердечки и всё остальное.

Каждый день девочки заводили отданный им кем-то патефон.

Пластинок у них было три. Одна - с частушками про Гитлера под балалайку, её они крутили редко.

Вторая, с органной музыкой, прозвучала - на моей памяти - раза три или четыре.

А вот третью, с песенкой "Рио-Рита", они ставили раз за разом.

И даже иногда танцевали под неё, шерочка с машерочкой, игриво прикасаясь друг к другу бёдрами и делая вид, что целуются. С чуть виноватыми улыбками.

Готовые и хотевшие любить, они, наверное, не знали, что "Рио-Рита" – немецкая песенка.

Как-то сразу пропала еда.

Введенные в июле карточки оказались почти бесполезными. И хлеб, и все другие продукты исчезали из магазинов буквально через несколько минут после того, как их привозили.

Если привозили.

Всё, что не было чьей-то личной собственностью, перестало принадлежать кому-либо вообще. Нехорошее слово "украл" сменилось вполне приемлемым "взял".

Четверть века назад людям сказали, что теперь всё-всё - ихнее. И они этого не забыли. Говорили, что война всё спишет. "Брать" стало не стыдно.

Чтобы немецкие лётчики не увидели наши машины в свои цейссовские бинокли, фары полуторок, трёхтонок и эмок были замазаны или закрыты чёрными накладками с узкими прорезями под козырьками. Машины словно ослепли.

Возможно, поэтому и были в Москве проблемы с подвозом продуктов.

Люди запасались всем, что только могли купить, достать, выменять.

Мама принесла откуда-то соль - шесть пакетов по килограмму в каждом. Соль, по-видимому, хранилась в сыром месте, она впитала влагу и пакеты превратилась в камни.

Бабушка спросила:

– Доча, а на что нам эти солонцы?

И мама сказала:

- Не знаю... Пусть будут.

Бабушка была из крепкой семьи лошадиников и потому употребила слово "солонцы" правильно. Солонцы - это булыги из закаменевшей соли, которые хорошие хозяева раскладывали на полях, чтоб скот мог лизать соль по потребности.

Тогда мы жили впятером на целых шестнадцати квадратных метрах - годовалая Лизета, мама, бабушка, отец и я.

После того, как отец ушел в ополчение, Лизета стала спать с мамой на раскладной тахте, бабушка начала укладываться на раскладушке, а я был переведен на старый бабушкин сундук.

После трёх стульев, которые до этого я придвигал на ночь к стене и связывал верёвкой, чтобы они подо мной не разъехались,

незыблемый сундук казался мне ложем для коронованных особ. Вставать с него не хотелось.

Говорили, что центральное отопление не будет работать зимой, потому что немцы разбомбили то ли теплостацию, то ли какие-то главные трансформаторы.

И все покупали, доставали, мастерили железные печки-буржуйки, выводили их трубы в форточки, запасались топливом. Сухие ветки деревьев в парках и дворах выламывались в любое время дня и ночи и этот вандализм, невысшимый до войны, уже никого не волновал.

Стали исчезать даже зеленые деревья. Дворники выменивали полные живым соком поленья на золотые и серебряные кольца и цепочки. Доски и разломанная мебель хранились под кроватями, висели на вбитых в стены гвоздях.

И даже книги, духовная пища, которую русская интеллигенция всегда берегла пуще ока, стали топливом. Их собирали, подбирали, сушили, складывали стопками.

Теперь книги должны были греть не столько душу, сколько тело, эту душу хранящую.

Но куда страшнее холодов было другое.

Если раньше ночные машины забирали не всех, то теперь повестки шли в каждую квартиру и мужчины уходили один за одним. Уходили, чтобы не вернуться.

О немцах говорили разное.

Одни говорили, что они расстреливают всех пленных и насилуют женщин, не пропуская ни одной.

Другие - что дают детям шоколад, назначают старостами в селах самых уважаемых стариков, предлагают помощь своих солдат на уборке уцелевших хлебов, а за всё взятое у людей платят какими-то новыми деньгами.

Никто не верил ни сводкам, ни карикатурам Бориса Ефимова, на которых у немцев всегда капала кровь с рук и штыков. Но не верили и в то, что немцы хорошие и цивилизованные. Знали, что они расстреливают или вешают всех евреев и коммунистов. Правда выглядела по-разному для каждого, и каждый как-то сразу стал только за себя.

А у нас, да и у всей шпаны в нашем дворе – всё было наоборот. Забытые взрослыми, мы сбились в одну стаю.

Только в кино и в стихах дураков говорится, что "война - это неминуемая смерть".

Нет, война – это, прежде всего, выживание. Любой ценой.

Если и есть какое-то особое время, когда всё сводится к выживанию, это война.

Сейчас, восемьдесят лет спустя, выживать куда легче. ТА война давно позади, другой ТАКОЙ не предвидится.

И большие и важные на войне слова - потрясение, храбрость, стойкость, взаимопомощь, поддержка, единомыслие – теперь измельчали и полегчали от бесконечного их употребления по ерунде. И уже не значат так много, как раньше.

Сегодняшний обиходный язык полон надуманной драмой и преувеличениями, всеми этими "прекрасно!", "абсолютно!", "перфектно!", "невероятно!".

Или даже хуже: "фантастик!", "магнифик!", "инкредибл!".

Слишком многие сегодня стремятся прикрыть громкими словесами незначительность их обыденной жизни и их самих.

Тогда, в сорок первом, мы так не разговаривали.

И так не жили.

Даже если б очень захотели - не могли бы.

Наступил сентябрь, солнце все чаще пряталось за облака, словно боялось грохота за горизонтом.

На железной крыше нашего корпуса было ветрено и зябко.

И мы, несколько маленьких фигур, почти терявшихся на ржавом покато́м пространстве, жались плотным куточком за широкими кирпичными трубами, венчавшими дымоходы над каждым подъездом.

Когда-то дымоходы, словно разбухшие от сажи черные вены, посылали через эти трубы потоки тепла из квартирных каминов через все этажи наших старых, толстостенных зданий.

Камины – бело-мраморные, с коваными решётками, один в гостиной, другой в главной спальне – были центрами семейного притяжения, хранителями нормальности и стабильности в каждой из квартир. Но это было когда-то, когда в каждой квартире жила только одна семья.

Классовая справедливость быстро ликвидировала это возмутительное излишество.

Новым жильцам было странно и скользко ходить по врезанным в пол полированным предкаминным плитам, а вечно открытые рты самих каминов так и просились быть переделанными в ниши, где вполне умещался бы запас картошкм на зиму.

И камины были замурованы или забиты фанерой. И дымоходы перестали нести в небо благодный запах пылающих березовых дров. И широкие кирпичные трубы стали чернить облака лишь копотью персональных керосинок и примусов - новых символов престижа в кухнях, еще помнящих ананасы и рябчиков. И обогрев коммунальной жилплощади был передоверен чугунным батареям, размещавшимся под подоконниками.

За трубой над вторым подъездом нашего корпуса почти каждый вечер сидели одни и те же: толстоватый Лёха Кук, записанный в восьмой класс как Алексей Кухарев, высокий и гибкий Мишаха - избранным иногда разрешалось подержать в руках его комсомольский билет на имя Михаила Ковалева - и я, недоросток, начинающая белобрысая шпана по прозвищу Левон.

Дворовый протокол не разрешал употребление настоящих, зарегистрированных вскоре после рождения имен.

Отцов в наших корпусах уже почти не было. А мамы, с их всепрощающей любовью, не пытались держать нас у своих юбок.

Знали, что мы всё равно убежим и будем шнырять позади магазина "Продукты" надеясь дожидаться "завоза" и выклянчить хоть что-то у злющих тёток, водивших и разгружавших машины.

Выклянчить и тут же съесть. Или, если это "что-то" нельзя съесть сразу, отнести добычу домой.

Мамы принимали и признавали самостоятельность своих ангелочков, как неизбежность.

Нас уже не надо было воспитывать.

На нас уже можно было надеяться.

Мамы не ждали, что мы спустимся с ними в газо-бомбо-убежище под нашим корпусом - так стал называться подвал, где раньше была овощная база, с которой наш двор получал ворованные витамины.

Они знали, что мы полезем на крышу.

И, сидя в подвале с бабушками и маленькими пискунами, в почти полной темноте, они прятали свои тревоги за нарочитой небрежностью:

- Мой вчера две зажигалки сбросил. Пришел, поганец, с обожженной коленкой.

- И мой две... Пока, слава Богу, ни царапины ...

Каждая мать хочет, чтоб её сын был цел.

Каждая хочет, чтоб он был героем.

И в том подвале никто и не подумал бы упрекнуть наших мам за безоговорочное, хотя и вынужденное, согласие с нашей щенячьей бравадой и за странную, как кому-то теперь может показаться,

гордость, разрешавшую их детям сражаться с прожигающей и плоть, и металл смертью.

Не знаю, от чего это “убежище” могло бы спасти мою маму, сестру и уже еле ходившую бабушку.

На вход была навешена толстая металлическая дверь с резиной по периметру. Всем своим темно-зелёным видом эта дверь говорила:

- Я газо-бомбо-непроницаемая.

Но окна и две другие двери сводили эту непроницаемость на нет: в окнах оставались только старые рамы с треснутыми стёклами, а двери, по причине многолетней перекошенности, плотно не закрывались и плодили бесконечные сквозняки.

И наша шестнадцатиметровка на первом этаже второго корпуса, в квартире №35, казалась мне куда более надёжным укрытием для мамы, Лизеты и бабушки. Для женщин, потому что единственный остававшийся в семье мужчина – я - чувствовал себя вполне безопасно на крыше.

С подветренной стороны трубы всегда теплее и уютнее.

Нам троим, Лехе, Мишахе и мне, было за трубами очень даже неплохо, хотя курить было нечего, о термосах с чаями-кофеями мы тогда и понятия не имели, а выпивка была несбыточной мечтой.

И мы сидели тесно-тесно, принимая теплоту друзей, отдавая им свою теплоту и поругиваясь -- уверенно и непристойно -- в адрес слышного сквозь облака врага, ждать и встречать которого мы и пришли на крышу.

Мишахин насморк просто зверствовал и заставлял его сморкаться нон-стоп, зажимая пальцем то одну распухшую ноздрю, то другую.

Промокашки, украденные Лехой из заколоченного магазина “Канцтовары” вместе с коробкой желтых карандашей и связкой деревянных, готовых сгореть в буржуйке линеек, не выдерживали натиска Мишахиных соплей и капитулировали одна за одной.

И ветер сдувал мокрые бумажные комочки вниз, на привязанный рядом с нашим корпусом аэростат.

Мы с Лехой жалели страдающего Мишаху. В наших глазах он был уже старым и потому нуждался в заботе. Но мы не могли подлечить его ничем, даже куревом.

Мы могли бы получить одну беломорину за три карандаша от злой бабы, которая продавала на углу Столешникова переулка

штучные ириски, изготовленные еще до того, как Володя Ульянов начал писать в пелёнки.

Но за Лехины карандаши уже были получены три черствых бублика.

А посещать “Канцтовары” ещё раз смысла не было. Из всего культурного богатства там оставались только синие лужи от разбитых бутылок с чернилами.

Кроме наших ножей и телогреек, ценностей для обмена или продажи у нас с не было. Но жизнь без ножа в кармане и без телогрейки не устраивала ни Лёху, ни Мишаху, ни меня.

И мы были счастливы, когда Сергей Николаевич - наш “пожарный капитан”, доверивший Мишахе железные щипцы для хватания зажигалок, - дал ему какую-то таблетку.

И у нашей трубы стало не так мокро.

Сергей Николаевич был номенклатурным шофёром, возил на черной эмке какого-то большого начальника и к семи вечера обычно уже приезжал домой.

Его эвакуированная жена прислала письмо из Челябинска, вложив в него фотку трёх его пацанят, жующих настоящие сибирские пельмени. А во дворе говорили, что у него есть ещё одна жена – на Чукотке, дочь шамана, что он отец двух её дочерей и что от армии он отбырлся благодаря вмешательству тёмных шаманских сил.

Возможно, именно эти силы советовали нашим дворовым тёткам хватать Сергея Николаевича за рукав и жаловаться на то и на сё.

А он важно выслушивал их и обещал навести порядок. Словно он был не просто шофёр, а настоящий колдун или милицейский участковый.

Жизнь на крыше требовала специальной экипировки. Ни Куку, ни мне железных клещей не досталось, но мы были вполне приемлемо вооружены старыми лыжными палками. Бамбуковые, они были легкими, не гнулись, а их металлические наконечники не загорались, когда мы сталкивали зажигалки вниз.

И на крыше всё было бы почти зер гут, если бы не отсутствие водопроводного крана.

Кран был главной частью противопожарной защиты, на нем была резьба, на которую можно было навинтить конец шланга и заливать огонь в любом конце крыши, но...

Ещё до войны какая-то пьянь оставила на морозе с не спущенной из него водой. И кран разорвало льдом.

Когда погода сменилась, кран оттаял и вода хлынула с крыши вниз, заливая верхний этаж. И управдом велел срезать изуродованную

медяшку, а подводку воды на чердак заварить наглухо. Чтобы у него стало одной заботой меньше.

И теперь мы трое таскали к нашей трубе не только песок, но и воду, не надеясь, что дожди наполнят стоявшую у трубы "противопожарную" бочку.

И у нас был готов ответ грозному красному воину с плаката "Ты чем помог фронту?" Мы могли очень доходчиво объяснить, куда ему следовало бы пойти.

Бочка была приспособлена к обороне столицы очень продуманно.

Для удобства вливания и выливания она была срезана примерно на треть своей высоты.

Для сохранения строгой вертикальности бочки, под неё была подложена доска. С той стороны, которая была ближе к краю крыши.

Воду мы брали на четвертом этаже, в 42-й квартире. Там наливали вёдра и выносили их к нам на лестничную клетку хромой Михельсон и Каролина, добрейшая немка с Поволжья, приехавшая когда-то в Москву к ныне покойному русскому мужу.

Все во дворе сочувствовали Каролине, несмотря на её вражескую национальность.

Знали, что до Москвы она работала дояркой в совхозе и, за высокую продуктивность её рогатого контингента, получила бесплатную путевку в Пицунду.

Знали также, что в Пицунду Каролина не поехала, так как ей сказали, что там никто не говорит по-немецки.

И что вместо неё поехал к самому синему Чёрному морю бухгалтер её совхоза, который привез ей из Пицунды бутылку белого вина и, когда дарил, заставил эту бутылку открыть.

Вроде бы, чтоб проверить, не прокисло ли вино в дороге. И сам всё выжрал.

Возражать Каролина не решилась. Бухгалтер был "свой", тоже немец с Поволжья и, к тому же, член ВКП(б).

Готовила Каролина вкусно.

Когда мы приходили за водой, она совала Мишахе теплые и отдушенные какой-то травкой кусочки картошки, завёрнутые в обрывок газеты. Старые газеты Каролине давал сосед, хромой Михельсон. Он подписывался только на "Правду" и читал всё, от первой до последней строки и сообщал новости женщинам на кухне. Потом он сворачивал газету в рулончик. Рулончики были хороши для растопки и, вместе с дровами, хранились под его кроватью.

Мишаха разговаривал с Каролиной уважительно и, прощаясь, говорил:

– К дамке шёл.

Мы с Лехой тут же начинали изображать полиглотов и согласно кивали. Каролина улыбалась и нам тоже доставалось по картошине.

Что значили слова "К дамке шёл", мы узнали, когда Михельсон отругал Мишаху за неправильное признание.

Каролина держала всё своё в идеальной, почти неестественной чистоте и часто негромко пела. И её песни, даже на жёстком языке врагов, звучали мелодично и приятно.

Говорили, что она привезла в Москву дочку, которую сходу приняли в музшколу для особо одарённых. Но дочка вдруг взяла да и померла не то от энцефалита, не то от менингита. От чего именно - мнения соседей не совпадали.

Муж Каролины спился после того, как двух его братьёв-ударников ударно шлёпнули в 38-м.

И в семьдесят с хвостиком Каролина осталась совсем одна, даже не умея толком объяснить, какая у нее продуктовая карточка - рабочая или иждивенческая.

Хромой Михельсон тоже жил один. И до начала дружбы с Каролиной сам варил на примусе овсяный кофе.

Он был родом из какого-то маленького города на Украине, и никто никогда ни слова не слышал о его родне, словно у него не было ни отца, ни матери. Казалось, у него нет и имени, потому что все всегда окликали его только по фамилии:

- Эй, Михельсон ...

И ставили ударения то на "Ми", то на "хель". Получалось забавно. Он не обижался. И откликался. Если слышал.

В его комнате, над столом с пишущей машинкой, на которой уже почти десять лет он отстукивал свою книгу «Как я арестовывал Керенского», висели приколотые кнопками фотографии.

На одной он был с усами, в буденновке, брюках галифе и с саблей на боку. И выглядел лет так на сорок, а, значит, к началу нынешней войны ему было почти семьдесят, примерно столько же, сколько и Каролине.

В нашем дворе мужиков подмели уже к концу июля, и, кроме Михельсона, в квартире оставался ещё только один представитель сильного пола, "засекреченный" слесарь Жека, который мог починить все что угодно, даже часы.

Жека часто работал по воскресеньям, и Михельсон с Каролиной были единственными, кто сторожил квартиру день за днем, постоянно. Они почти не выходили из квартиры. Этаж-то ведь был четвертый, лифты, закупленные когда-то во Франции и огороженные литыми решетками в стиле Ренессанс, не работали ни в одном подъезде уже лет двадцать, а в семьдесят с лишним спускаться вниз без лифта - инфаркт, подниматься вверх - еще один.

Каролина называла Михельсона по-своему, не по-русски -- Михель. Между собой они говорили только по-немецки.

И даже я, бестолковый еще шкет, видел, что на лицах тех, кто их слышал, появлялось неожиданно мягкое выражение, почти улыбка - признание особенности, необычности этих двух очень старых и очень несчастных людей и одобрение их странной, на первый взгляд, привязанности.

Михель. Может быть, это имя и было настоящим именем Михельсона. Не знаю. Тогда мне это было до лампочки.

Михельсон печально говорил женщинам на кухне, что он очень хотел бы жениться на Каролине, но, если война - как может советский еврей жениться на немке?

Так они и жили, в разных концах восьмикомнатной и десятисемейной коммуналки. Десятисемейной - потому что во второй и седьмой комнатах жили по две семьи.

Родственные, конечно, не подумайте чего нехорошего. Без мужчин, только мамы и дети. Каролина ухитрялась готовить что-то из двух крошечных иждивенческих пайков и Михельсон имел- таки горячее на обед пару раз в неделю.

У него был приятель - развозчик керосина, татарин Муса, тоже очень старый и очень седой. И тоже очень образованный.

На его таратайке с керосиновой бочкой была прибита сзади, словно номер от ГАИ, дощечка с непонятными закорючками вместо нормальных букв.

Муса никогда не уезжал с нашего двора до тех пор, пока Михельсон не спустится к нему со своим вторым, запасным бидоном.

А когда самый взрослый из нас, Мишаха, затаскивал этот полный бидон на четвёртый этаж, Михельсон давал ему за это одну, две или даже три папиросы. Сколько у него было, столько и давал. Сам он не курил, но выменивал их для Мишахи за керосин. Один стакан керосина - одна папироса.

Благодаря случавшемуся избытку топлива, Каролина всегда могла иметь кипяток для чая. Она варила этот чай из никому кроме нее не известных трав, которые, ничего не зная о войне, продолжали расти на заброшенных лужайках в Парке Культуры.

Михельсон никогда не отпускал ее в Парк одну, и она, медленно подбирая русские слова, рассказывала соседкам, что на эскалаторах метро он всегда стоял на ступеньку ниже.

Мишаха и мы с Лёхой в Каролининых словах не сомневались. В хромом Михельсоне было что-то такое, чего мы тогда не понимали, но с чем мы были полностью согласны.

Теперь - я понимаю. Михельсон оставался идеалистом, и этот идеализм делал его аристократом духа, не позволял превращаться в хама и относиться к даме неуважительно.

Через пару недель после начала войны двое в штатском приехали арестовывать Каролину как фашистскую шпионку.

И, едва они вошли и спросили, где Каролина, Михельсон начал орать на них дурным голосом. Штатские затолкали его в единственный в квартире сортир и припёрли дверь стулом. Но он орал и из сортира - на русском, немецком и даже на своём никому не понятном еврейском.

И тогда один из приехавших спустился к машине и привел в квартиру молодого и румяного командира с ремнями крест-накрест поверх отглаженной гимнастёрки.

Румяный командир открыл дверь в сортир, посмотрел на гордо стоящего перед унитазом коммуниста Михельсона и - закрыл дверь. Подошел к двери каролининой комнаты, открыл, посмотрел на Каролину и - закрыл дверь. И молча вышел из квартиры.

И двое в штатском вышли вслед за ним.

Без Каролины.

И даже никому не врезали по морде.

И Михельсон потом говорил женщинам на кухне:

– Не все же немцы - фашисты! Я ему объяснил, и он, хоть и поц, но-таки понял!

И всё это - самая что ни на есть чистая правда, которую может подтвердить слесарь Жека. У него в тот день случился жуткий понос от рыбной закуски, двух подаренных ему карасей, которых он сдуру вывесил в авоське за окно, надеясь на ночное похолодание.

Но похолодания не случилось и, после опохмела и проглатывания карасей, Жека просто не мог пойти на работу, где ему доверяли ремонтировать оборонную технику.

Не мог, даже если бы очень хотел, Жека остался дома и страдал. Окопавшийся в сортире Михельсон очень мешал его выздоровлению.

Перед войной в наших корпусах было установлено несколько телефонов. Большие и черные, с никелированными дисками, в которых по кругу располагались отверстия для набиравших номера

пальцев, они висели на стенах в коридорах тех коммуналок, где жил кто-то, кто был важнее и партийнее важных и партийных жителей других квартир. Но уже в июле 41-го почти все эти телефоны были отключены, так как мощностей телефонных станций не хватало для обслуживания линий московских штабов и оборонного производства.

Среди нескольких уцелевших был телефон, установленный в 39-й квартире, где жил шофер Сергей Николаевич. Почему? Потому, что немцы были близко и полностью заправленная эмка Сергея Николаевича могла понадобиться его важному шефу в любой момент.

Вечером того же, поистине событийного для Каролины, Михельсона и Жеки дня, серьезный товарищ с жекиной работы позвонил Сергею Николаевичу. И очень ясно, коротко и образно велел ему немедленно пойти в квартиру №42 и передать Жеке, что сражающийся Советский Союз очень нуждается в продукции их предприятия и что, если Жека не появится на заводе через полчаса, то наутро он пойдёт под трибунал.

На что Сергей Николаевич, тоже выбирая самые ясные выражения, объяснил, что через открытые по случаю хорошей погоды окна ему слышно, как вся 42-я квартира криком кричит, так как Жека уже третий час не выходит из сортира.

Серьезный товарищ подумал немного и сказал:

- Ладно, он у меня допрыгается.

И Жека потом ныл, что приказной отработке по двенадцать часов в день без выходных не видно было конца.

И что обещанную еще сто лет назад спецдобавку к хлебному пайку ему так и не дали.

И что, как злостному нарушителю соцдисциплины, ему не разрешили расписаться на броне отремонтированной им продукции под надписью "Смерть фашистским захватчикам!".

Ношение воды на крышу не было ежедневным мероприятием и было не так уж и трудно. Хотя именно из-за этой воды Мишаха оступился на железном ребре крыши и едва не загремел вниз. Опрокинул на себя ведро и простудился. Что ж, на войне - как на войне. Бывает и такое.

А вот песок был для нас проблемой. Привезенный на самосвале и вываленный на тротуар, песок лежал грязно-серой кучей, завалив одно из маленьких окон полуподвала – будущего общежития инвалидов войны.

И первые осенние дожди потихоньку смывали край кучи, протянув изящно изогнутую песчаную ленточку к ближайшей чугунной решетке слива в канализацию.

Мы хотели, чтоб в люк смыло как можно больше песка. Потому что мы, как и все вокруг, знали: в канализации прячутся немецкие диверсанты.

И мы хотели, чтобы предназначенный для гашения немецких зажигалок песок нашел новое оборонное применение и закупорил канализацию. Чтобы эти гады-диверсанты сдохли в нашем советском говне без свежего воздуха.

Когда наступала пора пополнить запас песка на крыше, мы с Лехой носили по четверти ведра, Мишаха - по половине. И "песочница" - четыре деревянных ящика из-под консервов "Бычки черноморские в томате" - не пустовала.

Юнкеры выли надсадно, звук приближался медленно, словно самолетам было тяжело тащить их чёртовы бомбы и они не торопились, не хотели из-за нас надрываться. Самолеты шли высоко и держали строй. Немцы не боялись наших зениток, знали, что из тысячи посланных в небо снарядов в цель попадет, быть может, один. А то и ни одного.

Они не покидали эту безопасную высоту, не снижались. И потому - не могли сбрасывать бомбы точно на цели. И мы ходили по крыше спокойно, не ожидая ничего, кроме высыпанных абы как, неприцельно, зажигалок.

С крыши было видно, что к вечеру очередь перед дверями магазина "Молоко" становилась короче, но не исчезала.

Сверху очередь смотрелась единым монолитом из человеческих тел. В спины стоящих впереди женщин были втиснуты груди стоящих за ними.

Словно сплавленные друг с другом, женщины стояли так до самого закрытия. И даже еще какое-то время после.

Надеялись, что продавцы выбросят им хоть что-то, надеялись хоть как-то "отовариться".

"Отовариться".

Теперь многие и слова-то этого не знают, а тогда оно было чуть ли не самым Первым Словом. Даже पहले слова "Сталин".

И, глядя, как теперь люди в очереди за бургерами в Макдональдсе отодвигаются друг от друга, чтобы, не дай Бог, не прикоснуться к стоящему впереди или сзади, я вспоминаю слитность отчаявшихся, готовых на всё ради своих голодных детей женщин у магазина "Молоко".

В то время работы в Москве было больше чем людей. Остававшиеся в городе женщины вкалывали без выходных, а после двенадцатичасовых смен ещё мотались в поисках жратвы, меняли пайковые спички в бумажных кулёчках на ломтики хлеба или на кусочки нарубленной поперёк хребта трески. Жутко солёной и сухой. Прямо-таки деревянной.

Все продавали всё, что хоть кто-то ещё хотел и мог покупать.

Профессора, не попавшие в списки особо нужных и не отправленные за Урал, стали коробейниками. Шутили, что в Москве - новый НЭП.

И общая трагедия принесла, наконец, то, что было обещано в 17-м - единство и равенство.

Единство трагических судеб и равенство беды, отчаяния и безысходности.

Ужасающих в бесконечности их "временности".

Юнкеры отбомбились не то над Полянкой, не то над Арбатом, нам зажигалок не досталось.

И мы, конечно, не знали, что всего через сорок восемь часов полутонный фугас упадет в соседнем дворе. И что он, почему-то, не взорвётся.

И что поэтому уцелеют стекла "испанского дома" - шестиэтажного корпуса номер пять, который, в случае взрыва, принял бы на себя ударную волну.

В этом корпусе – светло-сером, модерновом, с балконами - советская власть поселила семьи коммунистов, сбежавших от генерала Франко.

И хромой Михельсон, дождавшись, конечно, часа, когда начнут коптить все десять керосинок и его аудитория будет на месте, говорил на кухне:

- Каролиночка, и вы тоже, Любовь Николаевна, и вы, Антонина Сергеевна, и вы там, у окна, короче, все! Нет, вы только возьмите и посмотрите! Эти испанские глотники сбежали к нам от Франко и от немцев, а теперь немцы их берегут и не трогают! Ради них и бомбы не взрываются! Вот кого надо бы проверить, вот где пятая колонна! А-х..-еть!!!

Как истинный советский патриот, Михельсон иногда не выбирал выражения.

Выбитых из Испании "интернационалистов-коминтерновцев" в нашем дворе действительно не любили. Жалели наших ребят, летчиков и танкистов, посланных в Испанию "добровольно" умирать за мировую революцию, а "этих" - нет.

“Эти” жили просторно, по семье в квартире и еле здоровались с русскими соседями.

А нас особенно раздражало то, что у ихних девчонок то и дело появлялись конфеты в удивительных серебряных фантиках. И даже апельсины.

Конечно, и конфеты, и апельсины были нашими, советскими, из нашего, родного, кремлевского спецраспределителя, но ...

... В те тревожные, неясные дни ещё где-то впереди были и моя “персональная”, наградившая меня ожогом, зажигалка, и общемосковская паника в октябре, и бегство перебздевших ответработников.

И Мишахина смерть под Харьковом. Всего через две недели после призыва. Вместе с такими же, только что мобилизованными, зелёными, необученными и оставленными как заслон, позади наших, драпавших на восток, кадровых полков и дивизий.

И уж совсем нелепая смерть Михельсона, который замерз перед магазином “Молоко”, когда в своей единственной обуви - полуботинках на тонкой подошве из кожемита - он, не предупредив никого, пошел туда в крещенские морозы, чтобы с ночи занять место в очереди для Каролины.

И где-то далеко-далеко-далеко впереди была наша Победа.

Часть 3. Воспоминания

Павел Тайбер. Бокал вина

Ирина Роскина
Иерусалим, Израиль

О Рите Яковлевне Райт (1898-1988)

Шестьдесят лет назад мы - то есть те из нас, кто уже дорос тогда до взрослых или хотя бы до подростковых книжек – прочли в журнале «Иностранная литература» №11 за 1960 год выполненный Ритой Райт перевод романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Очень сильное было впечатление.

Эта книжка, появившаяся в США почти на десять лет раньше, и для Америки была потрясением, а уж для нас тем более. До сих пор считается, что публикация романа о подростке Холдене Колфилде, который говорит о лживости мира взрослых, была возможна только с наступлением исторического периода «оттепель» и является одним из его вех и признаков.

Забавно, что в некоторых американских штатах роман, поначалу шумно одобренный критикой и включаемый в списки обязательной школьной литературы, позже стал из этих списков вычеркиваться как грубый и неприличный. А в России продолжали его любить и спорили даже не о нем самом, а об его переводе.

Принято было этот перевод очень хвалить – читался он замечательно и неприличных грубостей не содержал. Потом появились замечания о неадекватности этого перевода.

В 1998 г. – время свободы - был издан новый перевод С.А. Махова, более точный. Но новый перевод не прижился. Многие стали на защиту первого перевода, считая, что трансформация языкового строя романа повысила его стилевую окраску. То есть, что Рита Райт своим интеллигентным русским языком сделала роман еще лучше. Не собираюсь вступать в этот спор. Я на стороне тех, кто знает, что Рита Райт – переводчик замечательный - сделала такой перевод, который

мог быть – и был – опубликован в 1960 г. Более точный перевод издан бы не был, потому что «оттепель» вовсе не подразумевала отсутствие цензуры или отказ от ценностей социалистического реализма. Неточности этого перевода – это тоже признаки времени.

Даже в тот, преувеличенно считавшийся прекрасным момент, нужно было уметь лавировать, и Ритой Райт был найден некий обходной путь. И вот, вспомнив этот перевод и разговоры вокруг него, мне захотелось рассказать то немногое, что я помню про Риту Яковлевну.

Про нее говорили «обезьянка с немецкого и французского» - не помню, кто придумал. Хотя она и с английского много переводила, даже, может быть, больше. Если сделать такой жест, как будто на клавиатуре быстро-быстро печатаешь и посмотреть оживленно, с любопытством, то получалось похоже. У нее была плюшевая коричневая шубка – в мое время одну шубку носили десятилетиями, в ней сходство с обезьянкой усиливалось.

Знакомство Риты Яковлевны с нашей семьей было давнее, по разным линиям. Через Маяковского Рита Яковлевна хорошо знала сотрудничающего в Окнах РОСТА дядю моей мамы[1] художника Владимира Иосифовича Роскина, и – меньше – маминого отца критика Александра Иосифовича Роскина. Через футуристов – Хлебникова и Асеева – она знала и маминого отчима поэта Сергея Дмитриевича Спасского, который был дружен и с Пастернаком.

Большинство фактов о жизни Риты Райт мы знаем из ее воспоминаний о других людях: она написала о Маяковском, о Хлебникове, о Пастернаке, Ахматовой и Маршаке.

Иногда кажется, что в воспоминаниях есть еще что-то недосказанное, что прочтя их лучше, мы глубже поймем, что там было. Так например, возникла идея, что вдруг именно Рите Райт посвящено стихотворение Пастернака «Белая ночь» - вдруг это про нее?[2]

Мне далёкое время мерещится,
Дом на стороне петербургской.
Дочь степной небогатой помещицы,
Ты — на курсах, ты родом из Курска.

На самом деле Рита Райт не была «родом из Курска», хотя в Курске жила.

Поверить, что мать Риты Яковлевны была помещицей трудно, так как они были евреями и своего еврейства не скрывали. Хотя, кажется, и среди евреев бывали помещики.

Про мать Риты Яковлевны мы знаем только, что она умерла в 1960 г. Видимо, они с отцом были в разводе. Мать жила с Ритой Яковлевной, а отец Яков Зиновьевич Черномордик (1868-1960), заслуженный врач РСФСР, в Велиже (Смоленская область), где ему даже установили мемориальную доску.

Закончив учиться медицине в Москве, куда она переехала из Харькова, Рита Яковлевна в 1924 г. устроилась работать в Ленинграде в лаборатории академика Павлова, одновременно преподавала английский язык.

Про ее личную жизнь нам мало известно. Вспоминают, что у нее умер ребенок, но не упоминается, была ли она за кем-то замужем[3]. Наверное, многие обстоятельства жизни приходилось скрывать: сестру Елену (Лилию) Яковлевну арестовали, ее мужа инженера Филиппа Макаровича Рабиновича расстреляли[4].

Потом Рита Яковлевна становится женой инженер-капитана 1 ранга, подводника Николая Петровича Ковалева, (он погиб в 1946 г.[5]) и матерью родившейся в 1933 году во Владивостоке[6] Маргариты. В 1938 г. Риту Райт принимают в Союз писателей как переводчика.

В 1941 г. моя тогда тринадцатилетняя мама оказалась вместе с Ритой Яковлевной в эвакуации – в лагере-интернате для детей ленинградских писателей в Гаврилов-Яме Ярославской области. Маргарита была младше моей мамы и, как я понимаю, была в группе с маминим двоюродным братом будущим инженером Женей Гринбергом, а также с будущим актером Мишей Козаковым (он многим запомнился, так как был большой шалун) и будущим кибернетиком Виктором Ильичем Варшавским (1933-2005), воспоминания которого мне хочется процитировать: «... уехал в эвакуацию с детским лагерем Литфонда.

На весь набитый до отказа вагон у нас был один взрослый человек — тетя Рита, Рита Яковлевна Райт. С нами ехала ее дочка, Маргарита,

которую дома все звали Киска, и ее приемный сын Шурик Ковалев. Ковалев — это фамилия мужа тети Риты, Николая Ковалева, капитана первого ранга, флагманского механика бригады подплава Северного флота. Шурик, его настоящая фамилия Черномордик, — это сын сестры Риты Яковлевны. Когда отца Шурика расстреляли, а мать посадили, тетя Рита усыновила его. Был он на несколько лет старше меня и в лагере в Гаврилов-Яме его звали Сашка Райт.

Он был капитаном футбольной команды, пользовался в лагере непререкаемым авторитетом и заступался за меня и Киску, говоря, что только он может пользоваться правом нас бить. После лагеря он поступил в Школу Юнг Северного флота и погиб во время войны, закрыв своим телом пробитый на катере паропровод. Об этом подвиге есть картина в Военно-Морском музее в Петербурге» (<http://is.ifmo.ru/important/potok.pdf>).

Настоящая фамилия Саши не Черномордик, а Рабинович. Иосиф Деген (автор стихотворения «Мой товарищ в предсмертной агонии...») упоминал, говоря об участии евреев в Великой отечественной войне, что «Александр Ковалев — это Саша Рабинович, сын расстрелянного инженера Рабиновича и погибшей в лагере Лили».[7]

23 июля 1941 г. наш родственник Женя Гринберг сообщал своей маме в Ленинград: «Мне очень здесь хорошо. Мне здесь мальчишки сделали лук и Мише Козакову тоже»[8]. Я думаю, это Саша Рабинович сделал им по луку. Но мне уже давно не у кого это уточнить.

Рита Яковлевна пишет: «В 1944 году мы вернулись в Москву, без сына...»[9]. Это они из Архангельска вернулись, куда она уехала по вызову мужа из Гаврилов-Яма, в Архангельске она работала на радио.

Со времен эвакуации осталось некая нежность. Рита Яковлевна звала мою маму Наташечкой. Помнила, как мне кажется, что моя мама и Саша были одноклассниками и что мама рано осталась сиротой. Не знаю, поддерживалось ли знакомство после войны, наверное, где-то встречались, но я до 1962 г. совсем не знала Риту Яковлевну. А в 1962 г. она, и мы с мамой, поселились в кооперативном доме у метро Аэропорт.

Ее называли не только обезьянкой, но и акулой. По-моему, каждого добившегося успеха переводчика называли именно этим словом - «акула», хищник, все лучшие книги для перевода хватает себе. А как можно было не хватать? Конечно, в СССР издавали много переводных книг, однако все равно не всем доставалось (тем более, что хотелось получить для перевода хорошую книжку, художественно ценную, знаменитого автора).

Публикация перевода у переводчика, работавшего внештатно, была основным заработком. Даже если гонорар за перевод большой книжки представлял собой значительную сумму, при разделе этой

суммы на месяцы труда, получалась примерно средняя зарплата - не то, чтобы богатство. Мы жили в писательском доме, про который теперь принято говорить «знаменитый» (меня смешит), я ни у кого большого богатства не видела.

Возможно, люди путают наш дом по Красноармейской улице (когда мы переезжали, она была еще 2-й Аэропортовской), кооператив «Советский писатель», с так называемым «старым писательским» домом по улице Черняховского «Московский писатель», где, как мне кажется, жили некоторые более именитые и зажиточные. Вообще-то самые богатые в кооперативных домах не жили, им не приходилось покупать себе жилье, они получали его от государства вместе с другими благами.

У Риты Яковлевны была обычная однокомнатная квартира – уютно, но без всякой роскоши. Вообще не роскошью, не богатством, а – не знаю, как правильно выразиться – чем-то, чем интересовались, на что ходили смотреть, были книги.

Все (не буквально все, но большинство) были записаны в библиотеку Союза писателей и имели возможность брать там неограниченное количество книг на дом, но свои личные библиотеки тоже собирали. Мне кажется, у Риты Яковлевны не было загруженности книгами – она ведь с детства много переезжала и часто жила не дома.

Обзаведясь своим углом, она все равно любила ездить, смотреть новые места, да и просто жить в Домах творчества Союза писателей, где можно было не заботиться о быте и всегда находилось с кем пообщаться. Она очень любила общаться.

У меня сохранились некоторые мамины письма за разные годы, из которых видно, что они встречались довольно часто. Но хотя моя мама очень любила свободную беседу, злостью Риты Райт даже она опасалась. Как-то в сентябре 1973 г. мама объясняла мне, почему боялась дать почитать Рите Яковлевне рукопись своих воспоминаний (вошедших потом в книжку «Четыре главы»).

Они вместе оказались у Али Яковлевны Савич (вдовы переводчика О.Г. Савича), с которой Риту Яковлевну связывала давняя дружба. Рита Яковлевна «ругательски ругала Володю М[10]., он, оказывается, был членом редколлегии «Октября» и десять лет больше всех на свете дружил с Кочетовым[11], а теперь вот завел себе новых друзей. Его теперь называют «крестный отец». Она с ним познакомилась в Риге, считает его сволочью заправской, неграмотным идиотом.

Так же ругательски она ругала Надьку[12], в частности уверяла, что она совершенно некомпетентна в английской поэзии, о которой она судит, и приводила примеры ее полного незнания английского языка». Были у Риты Яковлевны и не столь злые, но отличающиеся полной неприличностью рассказы, например, о том, как вдова Ромен

Роллана покупала в Москве рояль, а секретарь Иностранной комиссии Союза писателей СССР В. С. Коткин «подъ@бывался к этому роялю, чтобы поехать с ним в Париж». То есть при хорошем воспитании и большой доброжелательности к собеседнику Рита Яковлевна могла и сплетничать за глаза и «выражаться».

Тогда среди интеллигенции разговорный мат был в моде, у нас называлось «мат в быт», но все-таки отнюдь не все матерились. Возможно, у Риты Яковлевны эта привычка осталась от того прошлого поколения, где матерились эмансипированные женщины хорошего воспитания. В общем пуританством она не страдала, так что obscene лексика не включена в ее переводы не по незнанию эквивалентов.

Неприличное в печати запрещалось, еврейство нельзя было акцентировать, комфортность американской жизни тоже лучше притушевать, - вот и теоретизировали всю жизнь про «искусство перевода».

У моей мамы еще с 1950-х гг., со времен работы в «Литературном наследстве», где исследовалось в частности влияние русских классиков на культуру зарубежья, завязалась переписка с некоторыми иностранными литературоведами.

Иногда, вместо того, чтобы писать по-русски или по-французски, они писали маме на английском языке, которого она не знала. В этом смысле соседство с Ритой Яковлевной было необычайно удобным. Вроде бы и других переводчиков в доме хватало, но с Ритой Яковлевной было проще - она вообще была легкая – воспитанная: не вмешивалась, не переходила на личное. Но дело не только в этом – не все наши профессиональные переводчики хорошо схватывали, о чем речь.

Естественно, что они не знали реалий – а как можно было знать их, не пожив за границей (в незнании реалий, кстати, обвиняют и Риту Райт[13]), но Рита Яковлевна была необычайно востра и не терялась.

Мама прямо с удивлением сообщила мне в 1965 г., как «Ритатушка» (конечно, только за глаза так называли) быстро сообразила, что имелось в виду в принесенном мамой письме. Через несколько лет (я к тому времени уже закончила английское отделение филфака, но меня не было в Москве) маме понадобилось срочно написать письмо по-английски – на этот раз бытовое, американским родственникам, а у Риты Яковлевны телефон не отвечал.

Мама зашла к другой переводчице – тоже очень знаменитой, имени называть не хочу. А та сказала, что она на английский не переводит. Вот это да! Мы ведь не про художественный стиль говорим, а про что-то типа, зеленую кофточку нам купить или голубую. Пришлось ждать Риту Яковлевну, которая опять же мгновенно и точно (это следовало из того, что все содержащиеся в письме распоряжения были выполнены) всё перевела.

В советской переводческой школе огромное значение придавалось хорошему знанию русского языка.

Например, я еще школьницей, прогуливая уроки физики, ходила в университет (тогда пускали без пропуска) на переводческий семинар Н.М. Любимова: мы должны были придумывать синонимы к русским словам, перестраивать русские грамматические конструкции, - мне очень нравилось. Но как-то не обсуждалось, что если хорошо понимаешь смысл иностранной фразы, то адекватный эквивалент гораздо быстрее на язык прыгает.

Хоть и известно, как бережно Рита Яковлевна собирала русские слова, просила ей помочь с молодежной лексикой, но известно также, что она переводила быстро, - за что некоторые другие переводчики («вдумчивые») обвиняли ее в халтурности. Мне-то кажется, что у нее не только были к языкам хорошие способности, но была и вообще повышенная способность понимания, которая, возможно, связана с живостью ума.

И, конечно, уверенность в себе тоже играет роль – вот чего ей было не занимать. Ей хотелось и услышать, и самой сказать, что без нее не было бы ни Сэлинджера, ни Воннегута. Про Кафку я никогда не слышала, чтобы она так говорила, - она была умная женщина.

Я помню, как она своей живостью ума нравилась моей тогдашней подруге, поэтессе и литературному критику, Тане Бек - как они замечательно сплетничали! Возможно, что-то из их злословной болтовни доходило потом до объектов их обсуждений - общих знакомых было достаточно. Наверное, были обиженные.

Недавно я прочла в чей-то записи разговора с И. Бродским, что он назвал Риту Райт плохим словом на «с» (неважно, каким именно)[14] - не аргументируя. Стала спрашивать, адресуясь ко всем оставшимся в живых из того круга знакомых, - нет, никто не помнит, чтобы она какую-нибудь пакость сделала, ни общественную, ни личную. Так что наверное сплетней объясняется -совсем не обязательно, что через Таню.

В разговоре, в домашней болтовне Рита Райт была, естественно, совершенно своей, полностью антисоветской и всепонимающей. Но вне дома она громко не высказывалась. В сложной ситуации она умела уходить под воду.

Поясню на примере. На Интернетовском аукционе продаются сейчас два автографа – мне на глаза попало - надписи Риты Райт Александру Галичу на журнальных публикациях ее переводов.

Первая на переводе романа У. Фолкнера «Солдатская награда»: «Саше Галичу – за всё, за всё... с любовью. Рита Райт. Москва. Ноябрь 1966», вторая на переводе «Бойни №5» К. Воннегута: «Саше, — with love and eternal gratitude for his marvelous talent, — Rita. M. 23.X.70 г.» («Саше - с любовью и вечной благодарностью за его дивный талант»).

В 1966-1970 Галич пел открыто, благополучно состоя в двух творческих союзах, любовь к нему не казалась опасной. А вскоре, когда он оказался в опале и общение с ним стало рискованным, она и не общалась. Книг не надписывала и в гости не заходила. Не то, чтобы чувства исчезли, но пришлось их спрятать, раз надо.

Получив на старости лет возможность ездить за границу (один раз в Париж по приглашению Натали Саррот, которую она переводила, и два раза в Англию-Шотландию, благодаря книге о Р. Бернсе, может быть, и еще чему-то, но я не знаю), она остерегалась лишиться себя этой радости. Тем более, она еще задумала книгу о поэте и филологе, участнике Французского Сопrotивления Борисе Владимировиче Вильде, - а тут ведь не только тема послереволюционной эмиграции, но и трагедия перед войной в Советский Союз вернувшихся, неизвестно куда попавших и пропавших.

Книжка вышла ("Человек из Музея Человека". М.: Советский писатель, 1982), но, мне кажется, не в том виде, как затевалась, потому что планировалась еще в конце 1960-х, когда существовал «Новый мир» А.Т. Твардовского и, что называется, «были надежды»[15].

Именно такой – приличной, пережившей, как она сама говорит, голод и разруху, никогда не читавшей Маркса, Ленина, Сталина, старой, хрупкой и мечтающей, чтобы ее берегли, не втягивая в опасные политические игры, описывает Риту Райт В. Войнович[16].

Но Войнович пишет в обвинительном тоне, а мне хочется, чтобы эту старушку, такую, как я помню ее: небольшого роста, аккуратненькую, хорошо подстриженную, в брючках и кофточке, с живым интересом в глазах - любили. Во-первых, это все-таки часть моей жизни, а кроме того, всё это очень типично для той нашей жизни – там говоришь одно, здесь другое, а тут и вовсе промолчишь. Все были такими за исключением тех, кто такими не были.

Не знаю, остались ли у Риты Яковлевны ученики-переводчики. Конечно, свою дочь Маргариту Ковалеву она научила – и научила хорошо. Но со мной, например, она не предлагала позаниматься. Одна моя приятельница, учившаяся на английском отделении на несколько курсов старше меня, говорит, что вроде бы она ходила в Дом литераторов на переводческие семинары Риты Яковлевны. Но точно не помнит (А у Риты Яковлевны в нашем возрасте память была прекрасная).

Почему-то ей хотелось познакомить меня с Куртом Воннегутом – она говорила «Воннегутиком», ее отношение к которому казалось мне подозрительно пылким. Он был моложе ее на 25 лет и старше меня на 25 лет, и мне совсем не интересен. Но из-за него произошла у нас следующая история.

Рита Яковлевна мечтала посмотреть фильм «Бойня №5», снятый в 1972 г. по роману Воннегута режиссером Джорджем Роем Хиллом (до этого он прославился фильмом «Буч Кэссиди и Санденс Кид»), получившим приз в Каннах. Главное для Риты Яковлевны - фильм очень нравился самому Воннегуту.

Но фильм у нас в прокате не шел, как не шел и фильм «Буч Кэссиди и Санденс Кид» и многое-многое другое. А я работала в Госфильмофонде – в киноархиве, где старались хранить всё, - то есть не только то, что имели законное право собирать, но и то, на что прав не имели. При возможности копировали то, что привозилось для какого-либо отбора (на фестиваль, на неделю кино, в надежде, что купят в прокат, и т.д.).

А потом эти копии - плохого, конечно, качества, черно-белые вместо цвета, но все-таки что-то видно, - показывали иногда в Домах творческих работников или ученых или где-то еще, где я, наряду с другими синхронными переводчиками, иногда подрабатывала, и этой возможностью, то есть этим приработком, дорожила.

Рита Яковлевна прямо умоляла меня, что, если я буду где-нибудь переводить «Бойню №5», взять ее с собой. Но никак не приглашали – не было спроса на этот фильм. И вот наконец-то позвали. Не помню, куда именно.

Но четко помню, что в очень хорошее место, где и платили по двойному тарифу, и подвозку обеспечивали (скорее всего, «Звездный городок» - школа космонавтов). И надо же такому случиться, что я никак не могла туда поехать. Не помню, почему, но действительно не могла. Рита Яковлевна ужасно-ужасно расстроилась. А моя мама, увидев это, сказала: «Да вы бы, Рита Яковлевна, сами и перевели, ведь вы этот текст наизусть знаете». Рита Яковлевна купилась на лесть, да и на желание посмотреть фильм. Я перезвонила администратору: он был в восторге, конечно, он знал, кто такая Рита Райт, счастлив был познакомиться, заедет за ней сам лично, шоферу не доверит и т.д.

До сих пор я чувствую свою ужасную вину: я ведь знала, что устный синхронный перевод сильно отличается от художественного - письменного. Надо было сообразить, что она уже старая, что есть возраст, когда нельзя уже сходу освоить новую специфику.

А нам с мамой она казалась такой вострой, такой живой. И она ведь не только книжки по-английски читала, она же с этим Воннегудиком болтала, гуляя по разным городам, - хвасталась нам их взаимопониманием. Не знаю, что в этом Звездном городке произошло. Меня туда больше никогда переводить не звали, и Рита Яковлевна никогда больше с нами не общалась - сторонилась. Кошмар.

Не хочу заканчивать на этой очень неприятной для меня ноте. Расскажу про Маргариту. Рита Яковлевна умерла в 1988 г. В нашем кооперативе, когда умирал пайщик, наследники которого не были с

ним прописаны, квартира возвращалась в кооператив, а наследнику выплачивался пай, который к тому времени представлял собой просто смехотворно маленькую сумму денег. Обычно это было выгодно председателю кооператива, который мог заново начать распределение этой квартиры, учитывая при этом какие-то свои интересы, вроде того, в каком издательстве ему помогут с публикацией. И для очереди жаждущих получения квартиры - тоже было лучше.

И вот Маргарита – +по-моему, первая в Советском Союзе – отказалась возвращать квартиру в кооператив, аргументируя это тем, что при Перестройке пора научиться уважать частную собственность. Интересно, что даже среди самых приличных наших пайщиков мнения разделились: не все были на Маргаритиной стороне, советский рефлекс загнанной послушности срабатывал. Маргарита это дело выиграла и переселилась в квартиру матери.

Через год умерла моя мама, а я стала собираться с дочкой в Израиль. Маргарита, с которой мы раньше только здоровались, пришла ко мне поговорить.

По полному своему идиотизму я не вслушалась в ее финансовые советы - очень боялась устать перед дорогой, боялась предотъездных трудностей, не понимая, сколько предстоит постотъездных.

Потом не раз в тяжелые минуты вспоминала этот разговор. Не только правильность советов Маргариты вспоминала, но и сам факт ее прихода ко мне. То ли по наследственному эвакуационному братству она чувствовала за меня ответственность, то ли потому что ее мать мне симпатизировала.

[1] Наталья Александровна Роскина (1927-1989), литератор.

[2] См. публикацию О. Лекманова «Об одной загадке Бориса Пастернака» (<https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=166>).

[3] См. помимо биографической статьи о Рите Райт в Википедии меморию на сайте https://m.polit.ru/news/2019/04/19/m_rait/

[4] См. <https://www.spb.kp.ru/daily/26012.2/2935251/>

[5] Р. Райт пишет об этом в письме Юрию Софиеву. См. публикацию Рита Райт-Ковалева — Юрий Софиев. «Расскажите мне о Борисе Вильде...»: Переписка // Простор. 2004. № 5. На Интернетe тоже можно прочесть: http://www.pseudology.org/Literature/Right_Kovaleva.htm
http://www.pseudology.org/Literature/Right_Kovaleva.htm

[6] См. мемуарные заметки Любви Качан «Ее величество переводчик! Рита Райт» <https://proza.ru/2012/02/29/434>

[7] Арон Абрамович. «В решающей войне». ДЕАН, 1999.

[8] См. И. Роскина Память войны: Из переписки моих родственников в военные годы. Журнал «Чайка», 2016.

[9] «Надписи на книгах» - воспоминания Риты Райт о Маршаке.

[10] Владимир Емельянович Максимов (1930-1995), писатель, в тот момент диссидент, в дальнейшем основатель и главный редактор журнала

«Континент» в Париже. Он считался крестным отцом А. Галича (по другой версии им был Н. Каретников).

[11] Всеволод Анисимович Кочетов (1912-1973), советский писатель-сталинист, в 1960-е гг. главный редактор журнала «Октябрь».

[12] Надежда Яковлевна Мандельштам (1899-1980), вдова О.Э. Мандельштама, работала преподавателем английского в разных городах, автор мемуаров.

[13] Об этом пишет, например, Вадим Паперный в книге «Мос-Анджелес» (электронное издание).

[14] <https://polit.ru/article/2020/06/07/memobrodsky/>

[15] См. об этом в упоминавшейся выше публикации Рита Райт-Ковалева — Юрий Софиев. «Расскажите мне о Борисе Вильде...»

[16] В. Войнович. Автопортрет: роман моей жизни. Рита Райт. <https://biography.wikireading.ru/96151>

Лиана Алавердова

Нью-Йорк, США

О моей прабабке

«Сколько можно копать в прошлом?» – возмущается моя мама. Маме 85 лет. Возраст, которому свойственно постоянно заглядывать в прошлое, если не полностью в него погружаться. Мама любит рассказывать о своем детстве, о родне, и у нее это получается живо и непосредственно. К сожалению, на все мои просьбы записать свои воспоминания – решительный отказ. Парадоксально, но я, хоть и моложе ее, ощущаю странную тягу к тому, чего и не знала. То жизнеописание своей бабушки создала, то вожусь над семейным деревом на сайте ancestry.com. Этот же сайт пополнился анализами моего ДНК вкупе с родительскими, кузины моей мамы и моей дочери. Веточки семейного древа приходится иногда воссоздавать по крохотным обрывистым сведениям, взятым неведь откуда. Недавно занялась воссозданием семейных связей двоюродных братьев моей бабушки. И что же? Сохранились только имена. Ни дат рождений, ни

смерти. Разве что курьезом обнаружилось в материалах Кавказского Еврейского Вестника (была такая газета, выходившая с 1917 до 1920 гг.), что на обрезание Марочки Брикера собрано было еврейской общиной Баку в 1919 году 1005 р. А ведь он жил долгие годы и моя бабушка с ним дружила. Ужас!

Мою прабабушку звали Рахиль. Она была статной, дородной, даже величавой в молодости, но я запомнила её старой, грузной, тяжелой на подъем. Помнится, я в детстве гордилась: у меня были не просто две бабушки и двое дедушек, но ещё и прабабушка с прадедушкой!

Заглянем в конец XIX века. Прабабушка Рахиль была из семьи польских евреев. Отец её, Арон, был из кантонистов, то есть из тех еврейских мальчиков, которых насильно забирали в армию на четверть века. Семейное предание не сохранило подробности того, как его «забрили» в армию, но известно, что он служил в армии Николая I, или, как в народе говорят, Николая Палкина, и был, что называется, «николаевский солдат». Похоже, был он человеком сильным и сметливым. Кошерные привычки, видимо, пришлось запрятать далеко в подсознание. Не думаю, что он подозревал о существовании микробов, но был не лишён природной брезгливости, унаследованной в полной мере его дочерью. Когда перед Ароном и его однополчанами ставился горшок со щами, предполагалось, что они будут совместно хлебать из него варево ложками, пока не увидят дна. Хитроумный Арон завёл себе половник вместо ложки и, зачерпнув единожды, этой порцией и ограничивался. Казалось, на такой диете далеко не уедешь, но на здоровье Арона воздержанность в еде, похоже, не отразилась, так как он отслужил в армии все положенные ему 25 лет. После службы он приехал во Владикавказ, где жили его мать и братья. Многим кантонистам не выпадало такого счастья: они или умирали в детстве, или не помнили, откуда родом.

Мой прапрадед был молодым человеком с твёрдым характером и причудливой фамилией. Возможно, Фиго были родом из португальских евреев. Эту фамилию принимали многие португальские евреи в XV веке, вынужденные притворяться христианами, чтобы потом все же быть изгнанными или сожженными на аутодафе. Путь беглецов лежал на Восток, включая страны Восточной Европы. Говорят, что фамилия затем трансформировалась в Фигу, возможно не без участия какого-нибудь вредного волостного писаря. Но мои предки добились справедливости и со временем фамилия вновь стала звучать Фиго. Это не мешало семейным шуткам. Так, глядя на фотографию, где сидели рядом четыре сестры Фиго, муж одной из них, мой прадед, бывало, говорил: «Вот сидят четыре фиги».

Демобилизовавшись, молодой Арон Фиго отправился во Владикавказ, где, вероятно, жили в то время его родители. На базаре, среди гор арбузов, дынь, яблок, черешен и прочей снеди, характерной

для южного кавказского города, Арон увидел молодую миловидную швею, тоже (о радость!) из иудейского племени. Швея сидела себе скромненько за прилавком и шила. Арон поинтересовался, почему она сидит на базаре и занимается своим ремеслом, не отходя от прилавка. Она ответила, что семья у неё бедная и она так зарабатывает на жизнь. Звали её Сима. Сомневаюсь, читал ли он Пушкина, и поэтому не представляю в его устах фразу: «Участь моя решена. Я женюсь». Тем не менее, последовавшие затем матримониальные действия со стороны моего прапрадеда были решительны и скоры. Кто-то посоветовал ему поехать в Баку, так как там вернее можно было в то время заработать. Ох уж этот неведомый мне советчик «кто-то»! Не в последний раз он сыграет роль в моём появлении на свет.

Итак, отец моей прабабушки Рахили уехал в посёлок Балаханы, пригород Баку. Именно с балаханского месторождения, когда там в 1871 г. пробурили первую нефтяную скважину, и начинается история нефтяной промышленности в Азербайджане. При разглядывании фотографии буровых сооружений и так называемой «Центральной улицы», видно, что посёлок Балаханы был заурядной провинциальной дырой. Позднее нефтяными приисками Азербайджана заинтересуется Альфред Нобель, здесь построят железную дорогу, и нефтяной бум в Азербайджане принесёт свои плоды. Пока же, устроившись работать кузнецом в Балаханах, кузнец Арон жил среди работников нефтяного Касабовского участка.

Привычки у кузнеца были вполне устоявшимися. После работы он мылся, надевал белую накрахмаленную сорочку, опрыскивал одеколоном усы и садился во главе стола обедать вместе с чадами и домочадцами. Жене он наказал не варить щей и каши, так как за четверть века армейской службы пища эта ему порядком поднадоела. Жизнь протекала мерно, в окружении жены и семерых детей: пятерых дочерей и двух сыновей. В доме была прислуга. За столом соблюдался строгий распорядок. Если кто лез первым за едой, то можно было и ложкой по лбу угоститься. Патриархальный быт, одним словом! Там, в бакинском пригороде, прошла юность моей прабабки. Если она и выезжала в Баку, то не иначе, как на фээтоне.

Все считали Рахиль красавицей. Она была высокой, круглолицей, с густыми длинными темными волосами и глазами каштанового цвета. Не худенькой, а, что называется, «в теле». Будущая моя прабабка не обладала голливудской гламурной красотой, но была всю свою жизнь «дамой». Таковой она оставалась даже и в те годы, когда не на что было купить дешёвенького ситца, чтобы сшить себе обнову.

Вышла замуж Рахиль, по традициям того времени, очень рано, в восемнадцать лет, за моего прадеда Абрама Бабиора. Некогда Бабиоры жили в Литве и, как литовские евреи, они прозывались «литвики», или «литваки». Затем переселились в Витебскую

губернию, городок Лиозно. История умалчивает о том, что заставило Бабиоров бросить привычные занятия и знакомые литовские пейзажи и покинуть белорусские края. Скорее всего, слухи о зарождающемся нефтяном буме в Азербайджане докатились до Белоруссии и, как следствие, Абрам Бабиор, мой прадед, решил попытать счастья в далёкой азиатской провинции Империи Российской.

Следствием переселения был брак моего прадеда с прабабкой. Сохранилась фотография, где прабабушка Рахиль, стройная и круглолицая, гордо позирует перед фотографом. Стройность она сохраняла недолго: четверо детей способствовали изменению её фигуры не в лучшую сторону, но никакими физическими упражнениями прабабушка, как и большинство её современниц, не занималась. Романтическая любовь тогда была в романах, а в реальности выход замуж вовсе не предполагал бурной страсти между супругами. Почему поженились мои прадед и прабабка — останется загадкой. Как показало время, любовь была более преданной с её стороны, нежели с его. Иначе моего легкомысленного прадеда не застукали бы в кино с какой-то дамочкой, куда моя прабабушка Рахиль отправилась с сестрой. Представим её эмоции, когда она увидела в зале своего муженька с незнакомой женщиной! Можно лишь догадываться, что произошло между супругами потом. Развод не последовал, но обид подобного рода прабабушка накопила предостаточно и, бывало, лёжа в старческой кровати, вдруг начинала плакать, вспоминая очередной эпизод, где её гордость пала жертвой мужнина легкомыслия.

Несмотря на бедность, в доме не переводилась прислуга. Гораздо позднее прабабушка Рахиль предупредила свою дочь: «Я твоих детей нанять не буду!». Что ж, она нанячилась со своими четырьмя, а внукам и носочков никогда не постирала. И всё же внуков она крепко любила, особенно благоволя к детям старшей дочери, выросшим у неё на глазах.

Прабабушка моя разбиралась в людях гораздо лучше мужа. Она прозорливо указывала ему на нечистоплотность и непорядочность некоторых торговых компаньонов и друзей. Прадед мой её не слушал или слушал вполуха, за что ему приходилось неоднократно расплачиваться. Не эта ли интуиция помогла ей разглядеть нечто особенное в моем маленьком братишке, и она предрекла моей маме: «Ты с ним еще наплачешься»?

Родственники мужа считали Рахиль необразованной молодкой, не слишком с ней считались, но она обладала врождённой интуицией и чувством собственного достоинства. Рахиль, и в самом деле, нигде не училась, однако могла читать и писать. На старости лет на неё произвёли почему-то огромное впечатление романы Шишкова «Угрюм-река» и Мельникова-Печерского «В лесах». То ли оттого, что

она мало читала художественной литературы, то ли по скудости читательского опыта вообще, но моя прабабка уверяла свою внучку, мою маму, что всё, произошедшее в романе Мельникова-Печерского, — правда и что таков и был быт русского купечества. Остаётся лишь надеяться, что моя прабабушка, которая была примерно настолько же удалена от раскольничьих скитов Заволжья, как от царского двора, нутром чувствовала реализм добротного романа и была права в своей оценке.

Прабабушка Рахиль большую часть жизни прожила в полуподвальной квартире, которую некогда ей купила моя бабушка, ее старшая дочь Генриэтта. Небольшой дворик, куда выходили двери ее квартиры, был местом, где протекала жизнь нескольких знакомых семейств: азербайджанцы, евреи, русские, поляки, словом типичный бакинский коктейль. Там мамина тетя Идочка некогда выучилась разговорному азербайджанскому языку, играя с детьми во дворе, по которому проходила гигантскими шагами нескладная соседка Зоська. Зоська ловко мыла полы, помогая моей прабабке. В моей памяти дом бабы Руши неразрывно связан с запахом карамельной фабрики, находившейся рядом. Мой дедушка, мамин отец, писал об этой фабрике в справочнике о городе Баку (справочник остался неизданным). «На 1-й Свердловской улице, на углу улицы Губанова, в пятиэтажном доме помещается Бакинская карамельная фабрика. Дом этот, построенный в конце прошлого века миллионером Тагиевым под городскую тюрьму, был им подарен городу. Любопытно, что в эту тюрьму должен был быть посажен по суду сам даритель, но царь, благожелательно относившийся к миллионеру, не допустил этого, амнистировал его, и Тагиев так и не успел испытать всей прелести и удобств своего щедрого дара. В Советское время здание тюрьмы было перестроено, превращено в фабрику и утратило свой угрюмый и неприглядный внешний вид». (Баку в прошлом и настоящем. Краткий путеводитель-справочник по городу Баку. Составитель А. С. Львов).

Итак, сладкий запах сопровождал нас, когда мы шли с визитом к прабабушке Руше. Она любила принимать внуков и правнуков, хотя была грузна, тяжела на подъем и эти приемы давались ей нелегко.

Она вырастила четырех детей: двух мальчиков и двух девочек. Все из них стали коммунистами, что составляло предмет её гордости. Что ж, она шла в ногу со временем, не особенно озадачиваясь его моральными коллизиями. Такова была, как говорится, «структура момента». Рахиль Ароновна гордилась тем, что ее две дочери стали директорами школ (одна общеобразовательной, другая — музыкальной), что ее старший сын стал инженером, а младший, в детстве непутевый, прошел через армию и выбился в люди, дослужившись до майора.

В прежние, дореволюционные времена, инженер был существом высшего порядка: разъезжал на фаэтоне в костюме и белоснежной сорочке. Её же сын, инженер-строитель, был похож на чернорабочего, когда приходил домой. Хотя был он главным инженером-строителем и Али-Байрамлинской ГЭС, и ГРЭС «Северной»...

Прабабушка не была религиозной и никаких еврейских ритуалов не соблюдала. Еще в юности она, ставя свое изделие в печку, притворялась перед свекровью, что шепчет молитву, а на самом деле говорила только «шехиёне вегимоне». Никто в семье не знал, что означало это таинственное заклинание и похоже, что сама Рахиль не ведала его смысл, а бормотала нечто «для отмазки». Муж ее, мой прадед, тоже был равнодушен к религии. Они смирились с тем, что живут в эпоху, когда на религиозную веру смотрят как на бесполезный пережиток. Но еврейские праздники Рахиль Ароновна справляла: и Пасху, и Пурим, и еврейский Новый год. В те далекие-близкие времена все давалось нелегко и наши предки принимали мир, каким он есть, не ропща и не жалуясь. Чтобы получить мацу к Пасхе, надо было ее еще «достать», отстояв в очереди в синагоге. Затем вручную перемалывали грубые пласты через мясорубку, чтобы получить мацемел – муку из мацы. Из этой муки готовились кнейдлех, мацебрай (у нас говорили «мацебра»). Мацемел использовали и для знаменитой фаршированной рыбы. Приготовление этой рыбы – целая сага, и надо было обладать колоссальным терпением и любовью к своей семье, чтобы подняться на эдакий кулинарный Эверест.

Самым многолюдным и любимым праздником была Пасха. Собиралась вся большая родня. Тесно, но весело! По традиции в середине стола выставлялся бокал вина для Ильи-пророка. Прабабушка Руша окунала в него руку, чтобы не повадно было ее старшему сыну тайком отведать винца.

II

Жили они бедно. Прабабушка никогда не работала и была в статусе «иждивенки», а прадед, некогда конторщик на нобелевских промыслах, перебивался ничтожными заработками. Пенсия его была столь незначительной, что дети их всю жизнь помогали своим родителям, особенно моя бабушка. В трудные годы, бывало, прабабка лежит в кровати. Мать моя приходит и спрашивает, что, мол, не встаешь? «А что вставать? – отвечает баба Руша. - Без денег скучно». С деньгами она пошла бы на базар, испекла бы пирог...

И вправду сказать – мало было развлечений в то время. Разве что сходить в кино да книжку почитать. Вот и приобщилась моя прабабушка к картам. Играла с внуком и внучкой в дурака. Ну и азартная она была! Ужасно злилась, когда проигрывала. Как-то, уже в

зрелые годы, стала она играть с моим папой. Папа каждый ее проигрыш отмечал спичкой на столе. Когда набралось спичек шесть, баба Руша разозлилась и смахнула спички со стола: «Не буду больше играть!» Так же страстно играла она в карты и со своими двумя сестрами. Каждую неделю сестры собирались по очереди друг у друга. И не то чтобы речь шла о больших деньгах – так, мелочь. Но страсти кипели, сестры ссорились. Много раз давали себе зарок не играть, а все ж проходила неделя, и их тянуло к игре.

Одну из сестер, Веру, насмешливо величали в семейном кругу «Ворошиловской дамой». Не думаю, что Вера – это ее подлинное имя, так как выросла она в традиционной еврейской семье. Но поди узнай сейчас, какое имя дали ей при рождении кузнец Арон и его жена Сима? Причудой судьбы Вера Фиго вышла замуж за некоего М. (Михаила?) Задова. Сменить фамилию Фиго на Задову – это ли не повод для смеха в семье, где так любили посмеяться? «Но при чем тут Ворошилов?» - спросите вы. А вот при чем.

Задов этот был революционером, социал-демократом. В его доме какое-то время жил, скрываясь от царской охранки, будущий нарком. Было это в 1907-1908. Как пишут, Ворошилов провел в Баку тогда меньше года. Клима из конспиративных соображений называли Володей. Занимался он тем, что организовывал забастовки рабочих на нефтяном месторождении Биби-Эйбат. Мутил воду, словом. Говорят, наведывался туда и Коба, и мой прадед видел будущего властителя шестой части планеты. Видимо, эта встреча не произвела особого впечатления, так как семейных преданий на этот счет не сохранилось. Что касается Ворошилова и сестры моей прабабушки, то она впоследствии смутно намекала на амурные отношения между ними, что, думаю, было простым флиртом.

Шли годы. В Баку давно упрочилась Советская власть. Неизвестно, куда делся первый муж Веры, революционер Задов. Вера вышла замуж вторично, на этот раз за мужчину с приличной еврейской фамилией Зауберман.

Всемогущий интернет помог мне раскопать свидетельство сестры моей прабабки. Откуда взял его некий Шусек, поместив в своем «живом журнале» это свидетельство? Привожу этот отрывок. «Приехав в Баку, К.Е. Ворошилов поселился в доме №88 по улице Татарской в квартире рабочего М. Задова. Большевичка Зауберман, вспоминая о пребывании К.Е. Ворошилова в Баку, писала: «Товарищ Ворошилов жил у меня на Татарской улице в тупике, напротив Михайловской больницы. Когда приехал тов. Ворошилов, он был не очень здоров.

Приехал и слег. Наша квартира не была специально явочной. Но все знали, что это такая квартира, где никогда не сдадут. Товарищ Ворошилов жил здесь с 1907 по 1908 год месяцев 6-8. Хозяин дома

настаивал, чтобы я ему дала паспорт Ворошилова. Я каждый раз по разным причинам говорила хозяину — сегодня, завтра, все время выкручивалась. В конце концов паспорт Ворошилов принес, но там имя было написано не Клим, а Владимир. Жил Ворошилов очень скромно. Всегда ходил аккуратным, в черной меховой шапке и в пальто с таким же воротником.

Помню, как к Ворошилову принесли листовки, читали их. Вообще, к Ворошилову часто ходили люди. Приходил к нему и тов. Сталин. Обысков у нас не было, поэтому Ворошилов ходил спокойно. Он мог всех шпикив обмануть и убежать от них».

Что чистая правда. В других воспоминаниях о «Первом красном офицере» я прочла, что он для конспирации не побрезговал вырядиться в женское платье и притворялся, что белье полощет. Но этот эпизод мифом не стал, в отличие от бегства Керенского в женском наряде, – выдумке большевистских пропагандистов.

Вера Зауберман своих детей не имела, а воспитывала чужих. Младой пасынок и надумил Веру: «А напиши Ворошилову, напхни о своих заслугах перед революцией». Что ж, Вера нигде не работала, и помощь ей была нужна. Сказано – сделано. Через какое-то время явился некто из НКВД. Долго допрашивал Веру, что да как. Прошло еще какое-то время и пришло письмо, что Вера будет теперь величаться «персональной пенсионеркой» и отведено ей 120 рублей пенсии. Вот это был сюрприз!

III

Но вернемся к моей прабабушке Руше. Рахиль Ароновна была самолюбива. В старости Рахиль Ароновна не каждому разрешала называть себя «бабушкой», а только избранным! Мой отец удостоился этой чести, но подругам моей матери подобная вольность не дозволялась. Как-то за семейным столом она сказала, что, мол, нет такого блюда, какого бы она не ела в своей жизни. Конечно, это было легкомысленное заявление, и к нему тотчас же прицепился ее зять, мой дед. Моего деда баба Руша называла «всязнайка», поскольку он был на порядок образованнее своей тещи и то и дело это демонстрировал. «А ананас вы ели?» – мгновенно парировал он.

Через какое-то время мой отец оказался в Москве, в командировке. В столовой студенческого общежития, где обретался его брат, он неожиданно узрел за прилавком ананас. Бедным студентам было не по карману отведать заморского фрукта, да и папа мой его никогда не ел. Желание потрафить бабушке перевесило финансовые соображения, и мой папа привез бабе Руше ананас. Довольная баба Руша на следующей встрече со своим язвительным зятем не преминула сообщить: «И ананас я ела!» Полагаю тогда (а может, позже?) всплыл

вопрос о том, была ли она в Оружейной палате? Конечно же, ответ был однозначно отрицательным. До Оружейной палаты моей прабабке было, как до Парижа.

Однако был, как говорится, «еще не вечер». Моя прабабушка отправилась с родственным визитом в Кубинку к своей младшей дочери Идочке. Ее старшая дочь Туся была недовольна и критиковала мать: у Идочки, мол, и так забот хватает, а тут еще придется ухаживать за тобой, но прабабушка все же поехала к дочери. Вновь очередная столичная командировка подоспела у моего отца. И вот мой папа повез бабушку (точнее, бабушку жены) на электричке из Кубинки до Белорусского вокзала. Там он совершенно по-джентльменски взял такси до Оружейной палаты. В метро прабабушка отказывалась спускаться. Ее отговорка «под землю я еще успею» – была неустрашимой. Так она ни разу в метро и не прокатилась.

Мой папа завел мать своей тещи в кафе неподалеку от Красной площади. Перекусив, им предстояло еще пересечь площадь и дойти до знаменитой Оружейной палаты, куда и билеты-то достать было совсем не просто. У бабы Руши подкашивались ноги от усталости, когда она переступила порог музея. Ближайший стул был занят одной из смотрительниц. Она мгновенно уступила место почтенной и грузной посетительнице. На все увещевания моего отца пойти и осмотреть музей, баба Руша ответствовала с порога: «Иди-иди. Я все вижу!» и ... так и просидела, пока мой папа не обегал и не осмотрел все в одиночестве.

Прабабушка любила моего отца, мужа своей старшей внучки. И это несмотря на то, что когда, будучи женихом, он впервые пришел в ее дом на пасхальное торжество, то ничего не оценил из ее кулинарных шедевров. Ни воздушные кнейдлех в курином бульоне, ни нежнейшую рубленую селедку – форшмак, ни фаршированную рыбу, ни фиш картошкис (то есть картошку и морковку, сваренные вместе с рыбой и подаваемые как отдельное блюдо, очевидное наследие местечковой бедности) – все оставило моего отца равнодушным. Единственное, что он распробовал и на короткое время полюбил – это компот из сухофруктов. Он съел две глубокие тарелки компота и... долгие годы на него смотреть не мог.

Прабабушка Рахиль с удовольствием передавала свои кулинарные секреты внучке, моей маме. У них были особые доверительные отношения. Если Надя побаивалась своей строгой мамы, то с бабушкой у них было полное взаимопонимание. Она поверяла ей свои секреты, делилась сердечными тайнами. «Скучно без хвостика» - постулировала бабушка, под «хвостиком» разумея еще не оформившихся поклонников своей внучки. Часами смотрела Надя, как бабушка готовит, чтобы через короткое время, еще девочкой, помогать по хозяйству. Мама моя начала готовить в двенадцать лет, и

этим она была обязана своей бабушке. Если баба Руша что-то состряпает, то скорей несет угостить семью дочери. «Кусок в горло не лезет, – признавалась она, – кушать одной». Баба Руша очень любила свою семью, а своих старших внуков особенно ценила. «Эти двое – вот где они у меня сидят», – говорила она, показывая на сердце. И внуки любили ее, свою «баушку». Дядя мой, рано уехавший в Питер на учебу, не успев оказаться дома, спешил к ней. Телефонов у наших стариков тогда не было. Ноги заменяли транспорт.

Она была отзывчива на юмор, смешлива. Может, поэтому ее тянуло в дом старшей дочери, где собирались ее дети и внуки и было шумно, весело. Хохот был такой, что соседи удивлялись и завидовали. И это при том, что семья дочери из шести человек теснилась в двух комнатах коммунальной квартиры. Жили трудно, но весело. То поколение было привычно к трудностям и было радо любой малости, любому светлому лучику.

Умерла она, как и все наши старики, не в больнице, а дома, от тромбоза. Она и предрекала, что ее «тром» убьет. Полтора месяца не дожив до восьмидесятилетия, жарким июльским днем 1966 года. Хотя и была она стара, но уход ее был неожидан и вызвал волну горя. Для бабушки моей уход ее матери был потрясением. Она ее горячо любила, и всем запомнилось, что ею овладел приступ говорливости. Позднее я узнала, что подобное случается после ухода близкого человека: оставшимся надо «проговаривать» вслух свершившееся. Иначе невозможно поверить в реальность события.

Мою прабабушку в семье искренно уважали и любили. Никто из ее детей и внуков не вздохнул с облегчением: мол, отмучилась. Вообще в нашем доме к старикам было особенное почтительное и бережное отношение: то ли семейные традиции, то ли влияние Кавказа, то ли просто характерное именно для этой семьи. Родня со стороны отмечала: Бабиоры любят своих.

Для меня смерть моей прабабки была первой в жизни утратой. Оберегая наши юные души, меня и моего брата не привели попрощаться с покойницей. Нас немедленно отправили к «другой бабушке», то есть к моим бабушке и дедушке по отцу. Затем я последовала с ними в Кисловодск, а брат мой вместе с Идочкой, дочерью бабы Руши, отправился в Москву. Мои родители хотели, чтобы забота о ребенке как-то заставила Идочку отвлечься от горя. Сейчас я понимаю, что от горя отвлечься нельзя.

Говорят, наши отношения с родными не прерываются после их смерти. Любовь переживает смерть. И отношения живы, пока теплится огонек любви.

Михаил Гаузнер
Одесса, Украина

Дорогие мои старики

*«Сарре Соломоновне М-ле Хасилевой
Въ м. Калюсь Подольской губ.*

Милая Сонюша! Только что благополучно прибыль в Харьковъ, чувствую себя прекрасно. Крайне сожалею, что я лично лишёнъ удовольствия поздравить Тебя с днёмъ рождения. А потому мысленно желаю Тебе истиннаго счастья и долголетия.

*Любящий Тебя Давид. Приветствую всехъ.
Харьковъ. 14.IV.1903 г.».*

Автор этой открытки, написанной изящным каллиграфическим почерком, – двадцатидвухлетний Давид Гаузнер, который адресовал

её своей невесте. На одной из сохранившихся его фотографий того времени – молодой человек в двубортном сюртуке с двумя рядами пуговиц; средняя расстёгнута, что позволяет вставить внутрь кисть руки, от которой видна только белая манжета. Твёрдый стоячий воротничок охвачен тёмным шейным платком, выступающая часть которого закреплена заколкой со светлым камнем. Красивое лицо с правильными чертами, зачёсанные назад гладкие тёмные волосы, густые чёрные брови и такого же цвета большие усы.

Мой будущий дед смотрит прямо на меня. Он легко узнаваем, хотя в моей памяти и на сохранившихся поздних фото его волосы совершенно белые, усы неопределённого цвета, прокуренные, а вот брови оставались такими же чёрными и густыми.

На другом фото – высокая молодая женщина в полный рост. Она стоит рядом с задрапированным тяжёлой портьерой столиком, видна его гнутая резная ножка в виде фигурки со скрещёнными на груди руками. На женщине длинное, до пола, белое платье, расшитое тёмными цветами, на высоком воротнике и подоле – тёмные аппликации.

Густые чёрные волосы расчёсаны на пробор. С шеи на грудь свисают на цепочке круглые часы. Теперь они принадлежат моей дочери – были подарены ей на двадцатилетие; их открывающаяся подпружиненная крышка, покрытая переливающейся синей эмалью, памятна мне с детства. На меня смотрит моя будущая бабушка, которой тогда тоже было двадцать лет.

Обе фотографии на плотном тиснёном паспарту прекрасно сохранились. Они выполнены в июле 1903 года, незадолго до свадьбы.

К сожалению, старых семейных реликвий сохранилось немного – несколько открыток, фотографии обоих прадедов, прабабушек и те две, описанные выше. Пара дедовских подстаканников с гордо плывущими лебедями (один из них я передал в музей) – непонятно, как бабушке удалось их сохранить в череде сложных и драматических событий, которых было немало.

На полке моего книжного шкафа стоят часы в деревянном корпусе, но им на пятьдесят лет меньше. В верхнем углу корпуса – табличка с монограммой: «Дорогим юбилярам от потомков двух поколений. 27.XI.1953 г.». Этот текст я, первокурсник, сочинил к золотой свадьбе деда и бабушки. Часы прекрасно идут, я более пятидесяти лет с удовольствием завожу их два раза в месяц.

У деда и бабушки было трое детей. Младшая, Танечка, умерла в 1919 г., десятилетней, то ли от тифа, то ли от скарлатины – время было такое, что умирали и от более лёгких хворей. Старший сын Юзя ушёл в сорок первом на фронт и, не успев написать ни одного письма, погиб. Средний сын, мой отец Яков Давидович, дожил до 79 лет, был крупным инженером и организатором производства.

Дед и бабушка жили вместе с нами все годы – в Одессе, в эвакуации и после возвращения снова в Одессе. Всё мое детство, юность и первые молодые годы прошли рядом с моими любимыми стариками, о которых этот мой рассказ.

После свадьбы дед и бабушка поселились в г. Могилёве-Подольском, где дед держал мануфактурный магазин. В начале двадцатых годов они, как-то уцелев в смутное время гражданской войны, перебрались в Одессу.

Дед познакомился и подружился с недоучившимся студентом-медиком Алексеем Николаевичем Азаровым, «вычищенным» из мединститута за непролетарское происхождение. Азаров был разносторонне способным человеком. Он придумал и сделал полуавтоматическое устройство для изготовления сборных долгоиграющих (как говорили тогда – «многократных») патефонных иголок, конструкция которых позволяла сохранять их остроту в несколько раз дольше обычных. Дед работал в качестве слесаря и как бывший коммерсант организовывал сбыт продукции. От утончённой внешности молодого человека с фотографии вскоре не осталось и следа – приходилось выживать и приспосабливаться к реальным условиям жизни.

Как-то к деду от имени его могилёвских знакомых обратился приехавший оттуда молодой человек по имени Григорий Пильдиш. Впоследствии и дед, и отец говорили, что он вполне мог бы стать одним из прототипов Остапа Бендера. Впервые появился он утром,

когда дед уже ушёл на работу, а отец собирался на занятия в техникум. Поинтересовавшись, где отец учится, Григорий сказал, что ему это, пожалуй, подойдёт.

В техникуме ему удалось получить адрес директора. Явившись к нему домой, когда директор завтракал, Григорий заявил, что готов разделить с ним трапезу, а потом обсудить вопросы, которые явно заинтересуют директора. После занятий мой изумлённый отец узнал, что Гриша зачислен студентом – в середине учебного года и, скорее всего, без необходимых документов. Чем «взял» Гриша директора, осталось неизвестным.

Когда в техникуме состоялось общее собрание, Гриша выступил с речью и настолько покорила аудиторию, что был избран председателем учкома. С тех пор он совершенно не отягощал себя посещением занятий и полностью сосредоточился на общественной деятельности. Неизвестно, чем она закончилась бы для студентов и преподавателей (а ведь тогда именно студенты решали, оставлять ли преподавателей на работе), но вскоре Гриша перестал появляться и в техникуме, и в семье деда.

Через некоторое время отец встретил на Дерибасовской Гришу, ведущего под руки двух расфуфыренных девиц. Увидев отца, он радостно воскликнул «Яша!» и широко раскинул для объятия руки. Девицы при этом разлетелись в разные стороны, и об их существовании Гриша больше не вспоминал. Он пригласил отца и его друзей в «Гамбринус» – ту самую легендарную пивную, увековеченную А. Куприным в одноименном рассказе.

Мой отец в молодости

У многих при упоминании этого названия возникают в памяти завсегдатаи пивной – матросы, портовые грузчики, воры, буфетчица

мадам Иванова и, конечно, Сашка-музыкант. «Со струн Сашкиной скрипки плакала древняя, как земля, еврейская скорбь, вся затканная и обвитая печальными цветами национальных мелодий», – за эти незабываемые слова иногда хочется ненадолго, всего на несколько минут, забыть о махровом антисемитизме Куприна*. Но я отвлекся.

Гриша не пожелал слушать робкие попытки отца и его друзей отговориться отсутствием времени (а в действительности – денег): «Я угощаю!» По дороге в пивную на вопрос, «чем занимаешься», он ответил, что организовал и возглавил профсоюз трубочистов, предъявив в качестве доказательства массивный золотой портсигар с выгравированной надписью «Дорогому председателю от благодарных трубочистов». Друзья отца смотрели на него и слушали, разинув рты.

В «Гамбринусе» Гриша делал заказы на всю компанию, пока не кончились деньги. После этого он предложил отцу и ещё одному из участников гулянки ненадолго отлучиться с ним «по делу».

Была уже ночь. Они вошли в парадное одного из недалеко расположенных домов. Гриша оставил их на межэтажной площадке, поднялся и позвонил в дверь одной из квартир.

После нескольких настойчивых звонков дверь открылась, и отец с другом услышали примерно такой разговор: – Григорий Ефимович, это вы? Что случилось? Ведь уже ночь! – Ситуация не терпит отлагательств. Завтра финотдел нагрянет к Вам с проверкой. ЕСТЬ МНЕНИЕ всё конфисковать, дело закрыть, а вас посадить. Если утром не РЕШИТЬ ВОПРОС (ну, вы понимаете), то потом я уже ничего не смогу сделать. – Григорий Ефимович, вы мой благодетель. Сколько нужно дать?

Дальше следовали реплики типа: «Ну, не знаю, не знаю... Вы сами должны понимать... Может быть, и хватит, но не гарантирую... Решайте сами...». Потом за дверью зазвучал встревоженный женский голос и эзпман громким шепотом сказал: «Розочка, солнышко, это наш спаситель Григорий Ефимович. Быстренько принеси деньги. Какое счастье, что у нас есть такой человек!».

Когда Гриша с довольным видом спустился к друзьям, отец осторожно спросил: «Значит, ты сейчас работаешь в финотделе?». Гриша рассмеялся: «Яня, не забивай себе голову глупостями. Я похож на счетовода? Пошли, будем продолжать».

Из его весёлых розыгрышей отец запомнил спор о чае. Гриша поспорил на приличную сумму, что выпьет подряд десять стаканов чаю с лимоном. Ударили по рукам. Попросив у буфетчика пустой чайный стакан и несколько лимонов, Гриша выбрал из них один, плотно входивший в стакан так, что над ним почти не оставалось места. Потом налил до верха стакана чай и выпил, повторив это ещё девять раз. В ответ на возмущение поспоривших сказал: «Разве я

нарушил условие спора? Ведь действительно были выпиты десять стаканов чаю с лимоном!» Формально он был прав.

Время от времени Гриша неожиданно появлялся в квартире деда, шокируя его и бабушку необычными историями из своей жизни. Однажды он рассказал, что стал уполномоченным по подписке на газеты одного из крупных московских издательств. Из его недоговорок было ясно, что значительная часть полученных денег (если не все) оседает в Гришиных карманах. При следующем посещении он сказал, что «одесский климат стал ему вреден» и он уезжает. На вопрос деда «Куда?» он ответил запомнившейся отцу фразой: «Давид Иосифович, на мой век дураков хватит».

Потом к деду приходили из «органов» и спрашивали о Грише и его возможном местопребывании, о чём дед действительно не знал. Говорили, что Гриша объявлен во всесоюзный розыск.

Через несколько лет общий знакомый рассказал деду, что встретил Гришу в небольшом городке типа Умани, где тот работал... заместителем начальника уголовного розыска (естественно, под другой фамилией). Разве не похож этот человек своей оборотистостью, авантюризмом, актёрскими способностями и умением убеждать на «великого комбинатора»?

В начале тридцатых годов началась компания конфискации золота и драгоценностей у «нетрудовых элементов», названная одесситами «золотухой». Деду вспомнили его буржуазное прошлое (видимо, кто-то «настучал»). Пришли с обыском, перевернули всё вверх дном, ничего не нашли, но деда арестовали и пообещали держать в тюрьме до тех пор, пока он не сдаст золото и драгоценности, накопленные нетрудовым путём и так необходимые советскому государству.

Моя мама, незадолго до этого вошедшая в семью Гаузнеров, пошла к следователю и предложила себя в качестве заложницы вместо свёкра, больного «грудной жабой» (так тогда называли стенокардию, которой действительно всерьёз страдал дед). Она будет сидеть, а в квартире пусть ищут как хотят, хоть полы вскрывают – она уверена, что ценностей нет. Видимо, на следователя произвела впечатление молодая, очень красивая и решительная женщина, и деда, продержав в тюрьме какое-то время, отпустили.

Интересна история о том, как мой дед чуть не стал миллионером. За пару лет до войны его неожиданно вызвали в НКВД, которое одесские острословы по аналогии с Госстрахом (страховым обществом) называли Госужас. Вполне понятно, что у деда эта организация вызывала именно такие ассоциации.

Однако опасения оказались напрасными. Деду объявили, что во Франции умер его дальний родственник-миллионер, не имевший наследников, который завещал разыскать в бывшей России своих родственников и передать им его состояние: завод, виллу, солидный

счёт в банке. В СССР нашли нескольких Гаузнеров и среди них в Одессе – деда.

В то время наличие родственников за границей было чревато большими неприятностями. Естественно, дед стал отказываться и от родства, и от наследства. Ему популярно и доходчиво объяснили, что отказываться не следует, но после того, как деньги поступят в нашу страну, он сможет передать их детскому дому или на другие благие нужды государства. Пришлось деду писать и оформлять официальные бумаги, заверять их, оплачивать пошлину и т.д. При этом он продолжал бояться – его жизненный опыт подтверждал, что для этого есть основания.

Оформление затянулось, началась война, и «компетентным органам» стало не до деда, а ему – не до наследственных дел. Но через пару лет после войны деда нашли в Свердловске, где он вместе с моим отцом работал на военном заводе, и всё повторилось – дед пытался отказываться, потом снова оформлял, заверял, платил.

В 1949 г. семья переехала из Свердловска в Одессу, и появилась надежда, что деда потеряли. Но не тут-то было: через пару лет деда опять нашли, и всё пошло по третьему разу. Наконец, в один прекрасный день дед пришёл из НКВД домой, и на его лице была смесь облегчения с разочарованием. Он объявил, что наследство получено, и предложил угадать его величину. Это не удалось никому.

Оказалось, что за годы войны и послевоенной разрухи наследство во Франции превратилось в ничто – завод и вилла были разрушены, деньги на счете дважды подвергались девальвации, а оформление наследства составило большую сумму. Короче говоря, суммарные затраты деда на трёхразовое оформление значительно превысили смешную сумму, полученную из Франции. Во всяком случае, на детский дом передавать её было неудобно. С тех пор деда долго называли «миллионером».

После возвращения в Одессу дед вновь встретился с А.Н. Азаровым, они восстановили установку и возобновили производство (а дед – ещё и сбыт) многократных патефонных иголок. Деду к тому времени было 68 лет, работать было нелегко. По своему характеру и из-за развившегося ухудшения слуха он был немногословен. Очень любил читать. Раз в неделю, в пятницу, приносил из библиотеки (почему-то в «авоське» – были такие плетёные из ниток корзинки, которые можно было носить в кармане) несколько книг. Руки его пахли керосином, в котором он отмывал продукцию. Отфыркиваясь, умывался на кухне, на полу образовывалась лужа (ванной пользовался только по выходным, и переубедить его не удавалось), обедал и ложился на свою кушетку читать.

В общих разговорах дед обычно участия не принимал, а если «встревал», то коротко и афористично. Когда при нём ещё в молодые

годы однажды пожалели общего знакомого, которому изменяет красавица-жена, дед оторвался от чтения очередной книги и без улыбки заметил: «В хорошем деле хорошо иметь и пятьдесят процентов».

Всё, что бабушка готовила, дед ел с удовольствием, после чего говорил «Спасибо, Сонюша» и целовал ей руку. Но были два продукта, которые дед никогда не употреблял и незаметно отодвигал от себя, если они оказывались рядом с ним где-нибудь за общим столом – горчица и голландский сыр. Однажды я пристал к нему и стал настойчиво спрашивать, чем вызвана такая неприязнь. Дед ответил: «Я удивляюсь твоему вопросу. Её – за вид, его – за запах».

Я очень любил разговаривать с ним «за жизнь». Юности свойственно желание поскорее завершить теперешний этап жизни и приступить к следующему, более интересному. Как-то я эмоционально излил ему очередное своё нетерпение: «Скорей бы уже...». Он усадил меня рядом и сказал: «Мишенька, не надо спешить жить. Жизнь – это путь через гору. Сначала карабкаешься вверх и хочется поскорее преодолеть подъём. Постепенно путь становится более пологим, а затем – ровным, ты уже не спешишь и думаешь, что это надолго. Незаметно начинается уклон, которого ты вначале не замечаешь. Потом уклон увеличивается, ты невольно всё больше и больше ускоряешь шаг. Пытаешься притормозить – не получается, ноги сами несут тебя вниз. А потом – обрыв... Так что не спеши, радуйся жизни».

Все члены нашей семьи работали, а бабушка, как говорили тогда, «вела дом». Она была спокойной, выдержанной. Не помню, чтобы когда-нибудь повысила голос, проявила раздражение или недружелюбие. Людей видела, как говорят, «насквозь». Бывало, ко мне приходил новый знакомый, с которым бабушка, впустив его, могла обменяться несколькими незначительными фразами. После его ухода она давала этому человеку характеристику настолько близкую к истине, что я поражался.

Каждая вещь была у неё на предназначенном месте, всё делалось чётко, рационально, неторопливо. Иногда она позволяла себе по чьему-то адресу высказывание «беспорядок в жизни» – это была максимально возможная для неё степень осуждения.

Спешка и суетливость были для неё неприемлемыми. Однажды мы с женой торопились в театр. Я примчался с работы, быстро умылся и переоделся, на еду уже времени не оставалось, и мы побежали, рискуя опоздать. На следующий день бабушка расспросила нас о спектакле, задала несколько уточняющих вопросов, а потом сказала: «Честно говоря, не понимаю, как вы смогли воспринимать спектакль, едва переведя дух уже в зрительном зале. Мы посещали театр довольно редко, но этот день строился по-особому. Дедушка приходил с работы днём, обедал и больше туда не возвращался, отдыхал. Выходили из

дома задолго до начала спектакля (а жили они в полутора кварталах от знаменитого одесского Оперного театра – М. Г.), брали извозчика и медленно ехали по Пушкинской до вокзала и обратно. Смотрели на людей, на витрины, любовались каштанами и платанами. Потом не спеша гуляли по фойе театра, раскланивались со знакомыми. Понимаете, ребята, мы настраивались на восприятие спектакля, на получение удовольствия. А как вы, не переключившись... непонятно».

Ей действительно многое в нашей жизни было непонятно, но она, как правило, не позволяла себе вмешиваться и тем более – навязывать своё мнение. Услышав мою непрошеную и, по молодости, чересчур настойчивую попытку переубедить кого-то из товарищей, она потом сказала мне наедине: «Не пытайся надеть свою голову на шею другого человека – она ему не подойдёт, а ты можешь остаться без головы». Преувеличение, но как образно!

Обычно бабушка готовила простые блюда, но по праздничным дням на столе обязательно появлялись традиционные кушанья – фаршированная рыба, цимес, кисло-сладкое жаркое, куриная шейка. «Коронным» блюдом бабушки были вертуты из так называемого вытяжного теста, кусочек которого величиной чуть больше крупного абрикоса она умудрялась растягивать на своём большом старинном с массивными гнутыми резными ножками столе так, что через него был виден свет лампы (я специально экспериментировал).

Когда лист теста занимал всю поверхность стола, в него многократно заворачивались (отсюда название этого пирога) разные начинки: мясо, творог с изюмом, яблоки, крутые яйца с зелёным луком. Тончайших слоёв теста было не менее 10-12, вкус – необыкновенный. Даже в те времена, когда ещё были живы старые хозяйки, сохранившие традиции одесской кухни, это бабушкино произведение было единственным в своём роде. Если теперь в витрине магазина я вижу под названием «вертута» пирог из теста, в пару толстых слоёв которого что-то завернуто, я сразу вспоминаю бабушку и её кулинарный шедевр.

Когда бабушке исполнилось 82 года, мы отметили её день рождения. Деда и большинства её сверстников уже не было в живых, но более молодые родственники и наши друзья собрались, чтобы её поздравить. Я отчётливо помню, как она вышла к гостям: чёрное платье в белый горошек, белый отложной воротник, гладкие волосы стянуты сзади, прямая спина, прекрасная осанка.

Села во главе стола, благожелательно и живо реагировала на тосты в её честь. Потом попросила меня налить рюмочку её любимого вермута, встала и спокойно сказала: «Дорогие, я очень благодарна вам за пожелания, особенно потому, что это уже в последний раз». Все замерли, а я не выдержал: «Бабушка, да что ты такое говоришь?». Она невозмутимо ответила: «Мишенька! Моя мама, тётя, старший брат

прожили около 83 лет. Мы, Хасилевы, живём только до этого возраста». Это было в конце апреля, а в сентябре она умерла, проболев недолго.

Становясь старше, я всё чаще вспоминаю своих деда и бабушку, их добрые лица, образные сравнения и мудрые высказывания.

Возможно, если бы я на четверть века раньше услышал слова песни Игоря Саруханова «Дорогие мои старики! Дайте, я вас сейчас расцелую...», то теплее и сердечнее внешне проявлял свою любовь к ним, пока они ещё были живы. Но вряд ли – в 25...28 лет преодолевать, как оказалось, совершенно излишнюю сдержанность казалось ненужным и даже недопустимым. Уважение, внимание, помощь – это естественно, но сантименты? Нет уж, ведь я мужчина! Как это было неправильно, понял только тогда, когда уже ничего нельзя было исправить...

Сейчас я в меру своих сил постарался рассказать об этих хороших, добрых, искренних, заботливых людях – моих дорогих стариках.

* Лично я сомневаюсь в этом «махровом» антисемитизме. Антисемитские взгляды были высказаны писателем однажды в письме к другу, как говорится, под горячую руку. Но стоит ли из-за этого забывать про «Жидовку», «Суламифь», тот же «Гамбринус»? В них Куприн совсем не антисемит, наоборот (прим. ред.)

Часть 4. Наши интервью

Павел Тайбер. Маленький театр

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

Памятные встречи: Род Стайгер

Он предпочитал играть людей сложных, обладающих сильным характером, то побеждающих, то терпящих поражение: от Аль Капоне до Наполеона, от Понтия Пилата до Муссолини...

Рода Стайгера я считал ВЕЛИКИМ американским актёром с тех пор, как в начале 70-х годов 20-го века увидел в Московском доме кино голливудский фильм "Ростовщик" (The Pawnbroker), в котором он сыграл главную роль.

Род Стайгер в роли Сола Назермана. Кинофильм «Ростовщик»

Я был потрясён его игрой, ибо увидел настоящего трагика шекспировского масштаба. 20 лет спустя появилась возможность взять у него интервью, о чём договорилась Раиса Чернина, мой продюсер и по совместительству моя жена.

Условия для интервью были на редкость благоприятные: Род Стайгер приехал отдохнуть на лонг-айлендском курорте в

Истхэмптоне, в трёх часах езды от Бруклина, где я жил. В курортном комплексе 70-летний актёр снимал номер, но встретились мы в уютном чайном зале, где отдыхающие собирались обычно в 5 вечера за чашкой чая. До 5 часов было ещё далеко. Нам никто не мешал. Стайгер был расслаблен, никуда не спешил, у него было настроение поговорить.

Я записывал нашу беседу на магнитофон. Эта запись долго хранилась в моём архиве. По разным причинам руки не доходили до работы над этим материалом: ежедневные новостные репортажи для радио «Свобода», еженедельные для русскоязычного телевидения, практически, отнимали все силы. Но с годами чувство уходящего времени обострилось и я понял, что откладывать больше нельзя. К тому же эпидемия коронавируса и связанные с этим ограничения в передвижении и в общении освободили от повседневной суеты и позволили сконцентрироваться на выполнении давних планов.

Род Стайгер уже давно покинул этот мир, но сказанное им может быть интересно для любителей кино и театра.

- Итак, мой первый вопрос к вам, мистер Стайгер: что такое "профессиональный актёр"? Это человек, получивший актёрское образование или любой, кто получает деньги за актёрскую работу?

Род Стайгер и Александр Сиротин

- Прежде всего наберитесь терпения, слушая мой ответ, потому что я часто начинаю издали, хожу кругами, как сумасшедший, постепенно приближаясь к сути. Лучшим образом ответить на ваш вопрос я могу... о, Боже, я забыл своё кольцо в комнате... ладно, потом

найду... так вот, если вы спросите меня, что такое успех, я отвечу: успех невозможен без физического и умственного здоровья.

Если это есть, то на втором месте - деньги, которых хватает на основные потребности: еду и жильё. Затем, и это очень важно, хорошо бы получать деньги за работу, которую ты любишь. И, наконец, хорошо, если ты сам можешь распоряжаться своим временем. Это основные условия успеха. Зарабатывать актёрской профессией так, чтобы этих денег хватало на жизнь - чудо из чудес, редчайшее везение.

К сожалению, ныне любой человек может назвать себя профессиональным актёром, никак не доказывая этого. В нашей стране, в Америке, сейчас, примерно, 200 тысяч актёров. Из этих 200 тысяч более или менее постоянную работу имеют около 30 тысяч. Если бы я знал эту статистику, когда был молодым, наверно подумал бы, что глупо лезть в эту профессию. Но мне повезло: я всё же стал профессиональным актёром и у меня есть все те условия для успеха, о которых я говорил. Я занимаюсь тем, что люблю, и за это мне хорошо платят. Я говорю это на 50-м году моей профессиональной актёрской карьеры.

Мне очень повезло. Актёром я стал случайно. Я не мечтал с детства об этой профессии, не думал стать актёром. После Второй мировой войны я был одним из тех миллионов молодых людей, которые вернулись домой. Я даже не успел окончить школу, когда ушёл на войну. Образование у меня было минимальное, и я мало что мог предложить обществу, в котором жил. Но моё поколение считало, что если ты настоящий мужчина, "мачо" (хотя я считаю это выражение дурацким), ты сам найдёшь, как прокормить себя и где переночевать. Ты не будешь плакать, жаловаться, просить помощи у правительства, требовать чего-то от общества, которое, мол, обязано тебя содержать...

Мы рассчитывали только на себя. Мой приятель сказал мне: "Послушай, ты ветеран войны, прослужил четыре с половиной года в военно-морском флоте, сейчас на государственную службу берут таких, как ты". И я пошёл, сдал какой-то очень примитивный экзамен. Там брали на работу любого ветерана войны. Что это была за работа? Мыть полы, смазывать маслом станки, печатавшие чеки для инвалидов войны, для пенсионеров.

На этом предприятии работало 6 тысяч человек. Как-то мы, рабочие, говорили между собой, куда пойти сегодня вечером. Но проблема была в том, что все самые симпатичные девушки были вечером заняты. Чем? Они играли в любительском театре. А мужчин там не хватает.

Я хотел быть там, где красивые девушки, и записался в театральный кружок. Я получил роли в двух небольших пьесах, и

руководительница кружка сказала, что мне стоит попробовать зарабатывать актёрской профессией. "Вы шутите!", ответил я.

В нашей семье за то, что я помогал матери выносить мусор и вытирать насухо мытую посуду, я получал 10 центов и мог купить билет в кино на утренний сеанс. Кино - это всё, что я видел. Я никогда не был в театре. «Ты должен пойти учиться», сказала руководительница. «Я не могу, - ответил я, - у нас нет денег».

И тогда она напомнила мне о законе для участников войны (GI Bill of Rights). По этому закону отслужившие 4 года в вооружённых силах могли учиться 4 года за счёт государства, да ещё получая стипендию 85 долларов в месяц. «Чем чёрт не шутит!», - подумал я. Тогда я был молод, и, решив стать актёром, поступил в нью-йоркскую Новую школу социальных исследований, при которой была открыта Студия драматического искусства под руководством гениального немецкого режиссёра Эрвина Пискатора, о котором я тогда понятия не имел. Впрочем, я вообще ни о чём и ни о ком не имел понятия.

Много позже я узнал, что это он ввёл в театре вращающуюся сцену, монтажное освещение. Меня приняли в студию. Только тут я почувствовал, что заболел театром. В моей сумке лежала коробочка с гримом и книги по истории театра, по актёрскому и режиссёрскому мастерству. Для меня магическими стали фамилии таких мастеров театра, преподавателей актёрского мастерства, как Болеславский, Станиславский, Вахтангов...

Тяжёлые сумки с книгами я таскал на себе, потому что очень серьёзно относился к выбранной профессии. У некоторых моих сокурсников это вызывало насмешки. Но я шёл своим путём. Я рад, что, решив стать актёром, не пытался тут же искать работу в театре, а пошёл учиться. Если вы захотели стать автомехаником, вы должны сначала понять, как работает автомобильный двигатель, верно?

И я хотел сначала понять, что такое актёрское ремесло. А у нас сейчас молодой человек, решивший делать актёрскую карьеру, в четверг пишет резюме, в пятницу делает десяток своих фотографий, а в понедельник развозит их по актёрским агентствам с уверенностью, что ему предложат хорошую роль. Может произойти настоящая трагедия, если такому человеку действительно предложат роль, с которой он не справится. Я учился актёрскому мастерству сначала в Студии драматического искусства при Новой школе социальных исследований, потом в Актёрской студии Ли Страссберга, а на сцену выходил один раз в неделю.

Вскоре актёры в кофейнях заговорили о Роде Стайгере: «Вы видели, как играет тот паренёк в сцене из романа Томаса Вулфа «Паутина и скала»? Или в сценах из Чехова?» А тут как раз на американском телевидении появились «живые» передачи. Это была ужасная работа: колоссальное напряжение, как на премьере, а если

ошибся, то исправить нельзя. В 1950-х годах был на американском телевидении продюсер и режиссёр Фред Коу. Он ставил телеспектакли, которые шли в прямом эфире, не в записи, и славился тем, что безошибочно открывал новые таланты среди драматургов и актёров.

Однажды у меня раздался телефонный звонок: «Мистер Стайгер? Это Фред Коу». Я чуть не умер: это как мне бы позвонила королева Великобритании. А он продолжает: «У меня роль для вас, всего четыре реплики. Там ерунда, но если вы согласны, то роль ваша». Конечно, я согласился! Так с четырьмя репликами я впервые появился на телеэкране. Я долго всё это рассказываю, чтобы ответить на ваш вопрос о таком понятии, как «профессиональный актёр»: серьёзно, не спеша учиться профессии важнее, чем подчиниться желанию как можно быстрее стать известным и добиваться главных ролей.

Я оказался профессионально подготовленным, когда мне повезло, и я стал получать роли. К сожалению, я не раз бывал свидетелем того, как некоторые мои молодые коллеги оказывались актёрами одной роли. Удачно сыграв один раз самого себя, они проваливали вторую роль, так как не умели создавать образы, и исчезали со сцены и с экрана. В актёрской профессии удача играет важную роль, но ты всегда должен быть готов к ней. Вот что значит для меня быть профессиональным актёром.

- Удача пришла к вам, вы были к ней готовы и, наконец, получили премию «Оскар». Что это значило для вас?

- Зависит от того, за что получена премия. Я думал, что получу высшую премию американской Киноакадемии за главную роль в фильме «Ростовщик». Когда этот фильм вышел на экраны, многие не верили, что его сделали в Америке.

Род Стайгер в роли Наполеона. Кинофильм «Ватерлоо»

Спрашивали: «В какой стране снимали?» И я отвечал: «На 128-й Стрит в испаноязычной части Гарлема, в Нью-Йорке». Я очень

гордился ролью в этом фильме, и режиссёр Сидни Люмет был доволен своей картиной. В том 1964 году не было ни одного американского фильма, который мог бы встать на один уровень с «Ростовщиком». И ещё там была еврейская тема, а в Голливуде к этой теме, к теме Холокоста относились очень трепетно.

В общем, я, молодой, наивный и самоуверенный, был убеждён, что нашей картине «Оскар» обеспечен. Я помню своё состояние, когда услышал, что я номинирован на «Оскара» за роль в «Ростовщике». «Есть справедливость на свете», - подумал я тогда. На вечере вручения премии я сидел позади актёра Ли Марвина и обдумывал, как мне надо будет идти, когда меня позовут за наградой: бежать радостно или идти медленно, с достоинством, целовать ли кого-то по дороге, кому пожать руку, и что я скажу, получая золотую статуэтку. Наконец, слышу: «Оскара» получает... Ли Марвин за главную мужскую роль в картине «Кэт Баллу»... О, это был мне хороший урок против высокомерия по отношению к другим, против самодовольства и самоуверенности. Мне крепко дали по мозгам.

Одна из причин нашего поражения была в том, что голливудские кинематографисты очень не любили нью-йоркских и при случае могли щёлкнуть по носу «этих янки». Я понял это потом, а в тот момент я был в шоке. «Оскара» я всё же получил в 1968 году за роль шефа городской полиции в фильме режиссёра Нормана Джуисона «Душной южной ночью» (In the Heat of the Night). Хотя я и был опять номинирован на «Оскара», но отнёсся к этому скептически. Я уже не считал, что я самый лучший и что награда мне положена. Возможно, я не прав, но я никогда не умел и не хотел заниматься саморекламой.

Это, конечно, не делает меня святым. В нашем бизнесе рекламой должен заниматься продюсер, а не актёр. По правде говоря, естественно мечтать о победе и радоваться, если становишься победителем. Особенно в моём случае, потому что я мог рассчитывать только на самого себя. Мои родители были алкоголиками. Мне было лет 8 или 9, когда я стал свидетелем того, как мою маму выбрасывали из бара под смех соседей.

Насмешки детей в мой адрес были беспощадно злыми. Я должен был пробиваться в жизни без всякой помощи, и опираться только на свои способности, доказывая себе и другим, что у меня есть талант. Я был обязан работать лучше других, чтобы не давать повода для насмешек над собой. Поэтому, став актёром, я стремился сниматься у хороших режиссёров в хороших ролях, выбирая хорошие сценарии. И каждая последующая роль должна была быть лучше предыдущей, это обеспечивало движение вперёд, успех в профессии, ну и лучшие гонорары, естественно.

- Можно ли сравнить значение премии «Оскар» в 60-х годах прошлого века и теперь?

- Эта премия ныне важна прежде всего для привлечения внимания публики к кинофильму, для повышения статуса продюсера, режиссёра, актёра и других участников создания кинематографического продукта. Изначально награда задумывалась, как поощрение за творческое достижение. Ныне «Оскар» работает на финансовый успех картины. Но это не исключает художественной значимости фильма.

- Что в вашей актёрской жизни связано с получением других кинематографических премий?

- На кинофестивале в Берлине я получил «Серебряного медведя» за «Ростовщика». Когда мне сообщили о награде за эту выстраданную роль, я решил отложить все дела и полетел в Германию. Вообще-то я агностик, я не верю в судьбу, в приметы, в божий суд, в организованную религию... Будучи номинированным на получение «Оскара», я верил, что хороший кинофильм на еврейскую тему получит одобрение большинства членов американской киноакадемии еврейского происхождения. Но я ошибся. Когда же выяснилось, что в Берлине наш фильм имел грандиозный успех у немцев, я помчался туда, ибо хотел увидеть своими глазами, как бывшие солдаты и офицеры гитлеровской армии, которые несомненно были среди зрителей в зале, аплодируют антифашистской картине.

Я пришёл на показ. Когда фильм закончился, в зале наступила полнейшая тишина. Ни кашля, ни шуршания одежды... Мой приятель шепнул мне: «Встань, иди на сцену». Я ответил: «Зачем? Чтобы вызвать вежливые аплодисменты, мол, вот он я?» Мне показалось, что в затянувшейся тишине все услышали моё бешеное сердцебиение. Потом один человек начал аплодировать, другой, а за ними – волна аплодисментов. Люди оставались на своих местах три четверти часа. Когда я выходил, немецкие зрители разного возраста, но большинство в возрасте участников войны, трясли мне руку, обнимали меня, даже плакали. Тогда в Германии подавляющее большинство испытывало чувство вины за трагедию Второй мировой войны. По-настоящему оценили нашу картину и меня, как исполнителя главной роли, люди, у которых нервы были обнажены. Их реакция потрясла меня.

- Вы много снимались вне Голливуда, в разных странах, в том числе сыграли Наполеона в фильме Сергея Бондарчука «Ватерлоо». Каково вам было работать с русским режиссёром?

- Я видел моменты, когда Бондарчук был в ужасе от массовки. Представьте: 12 тысяч солдат пехоты, 5 тысяч кавалеристов, да к тому же Наполеона играет актёр, не понимающий по-русски. Как всем этим управлять? Бондарчук бывал растерян, безумно уставал. По-моему, он был больше актёром, чем режиссёром. Это разные профессии. Сергей Бондарчук был режиссёром традиционным, несколько старомодным.

Во время съёмки баталий он так часто и громко кричал: «Дым, дым, дайте мне дым», что я ему сказал: «Ещё раз крикнешь возле меня «Дым» - и я тебя зарублю своей саблей!» Это была шутка, хотя, правда, из-за дыма я ничего не видел. Во время съёмки мы с Бондарчуком сработались и стали хорошими друзьями. Я откровенно сказал ему, что текст роли Наполеона меня не устраивает. Сукин сын продюсер Дино Де Лаурентис, экономя деньги, нанял какого-то студента для перевода киносценария с русского на английский. Мой текст был отвратительным, лишённым драматизма.

Для примера, там была моя реплика: «Входи, садись в кресло у окна с видом на парк». Может быть на русском это звучит, но на английском - просто пустая фраза. И Бондарчук согласился. Он работал очень тяжело, очень упорно. И я, и вся съёмочная группа относились к нему с большим уважением, но прежде всего потому, что он, будучи замечательным актёром, не показывал другим, как надо сыграть сцену, а объяснял, и он доверял актёрам: «Хочешь сыграть так? Играй, посмотрим». Это особенно важно для таких, как я, актёров, которые любят импровизировать. Помню одну сцену, когда съёмка шла пятью камерами. У меня очень ответственный монолог: Наполеон говорит о Париже. Ко мне как актёру пришло вдохновение. Всё шло, как иногда бывает в сексе, лучше, чем я ожидал.

Я чувствовал, что режиссёр доволен сценой. И вдруг посреди монолога я услышал крик Бондарчука: «Стоп!» Я не понял, почему? Подбежал к нему узнать, что я сделал не так? И получил ответ: «У нас плёнка кончилась». О, если бы вы видели мою реакцию и слышали мой собственный монолог, уже не в роли Наполеона! Мой голос, наверное, был слышен и в Москве на Красной площади, и в Риме на площади Колизея.

Я кричал Бондарчуку: «Вы должны понять, моя работа – это не просто профессия, это моя жизнь! Это моя кровь, мой мозг, моё сердце! Вы остановили моё сердце из-за того, что вам не хватило плёнки! Вы отняли у меня вдохновение! Отняли полёт! Вы сбили меня налету, как чайку у Чехова!» Я был в таком бешенстве, что не мог сдерживать слёз. Это был первый в моей жизни случай, когда при съёмках фильма сэкономили деньги на плёнке. Вы должны понять моё возмущение. Бондарчук был так расстроен, так смущён, что я подумал: он откажется от меня. На него никто так не кричал. Но он был не только режиссёр, он актёр, причем, очень хороший, и как актёр он понял меня. Мы после этого подружились по-настоящему. После того случая до конца съёмок плёнка уже никогда не кончалась.

Ещё помню, мы снимали сцену - Наполеон и маршал Ней. Маршала играл Джек Хоукинс, британский актёр, напыщенный, весь из себя «Актёр Актёрыч». В той сцене Ней говорит мне о Париже, который он должен любить. Бондарчук – смуглый, кареглазый, поседевший

брюнет южнославянских кровей – когда сердился, то буквально темнел. Снимая Джека Хоукинса, он темнел, и у него скулы двигались. Он бормотал: «Что мне с ним делать? Он ничего не чувствует. Он любит не Париж, а себя». Я сказал Бондарчуку: «Позволь мне поговорить с ним». Я отвёл Джека в сторону, говорил об ирландском картофельном голоде, о трупах на улицах, об умирающих детях. Когда Бондарчук увидел, что у актёра на лице что-то дрогнуло и на глазах появились слёзы, он дал команду «Снимаем!» Крупный план удался.

Потом я спросил у Джека: «Ты не обиделся на меня, что я с тобой так говорил?» Он ответил: «Ну, что ты. Наоборот, я благодарен тебе. Когда ты так проникновенно говорил со мной, я изо всех сил сдерживался, чтобы не рассмеяться, и моё лицо приняло выражение, которое нужно было режиссёру». Это тоже к разговору об актёрской профессии. И ещё одна, моя любимая история, связанная с работой над фильмом «Ватерлоо».

Когда я надел мундир Наполеона, меня попросили заложить руку за борт жилета, как на портрете работы Жака-Луи Давида. Я категорически отказался, ибо считал, что буду выглядеть карикатурой на великого полководца. В театре и в кино актёры, игравшие Наполеона, всегда засовывали правую руку под мундир. Сам жест как бы означал, что актёр вошёл в образ. Мне это было смешно. Тем более, что никто точно не знает причину такого жеста. К тому же, одно дело – застывшая поза на парадном портрете, а другое дело –двигающийся актёр в роли эмоционального полководца.

Итак, я надел костюм Наполеона, сделал грим, вышел на съёмочную площадку, подошёл к Бондарчуку и сказал: «Я готов». А Бондарчук ответил: «Всё отменяется. Все свободны и возвращаются в гостиницу». «Почему?» «Плохая погода». Странно. Стоял ясный, солнечный день. Вполне могли снимать. Всё было готово к сцене битвы. 12 тысяч статистов стояли в костюмах и при оружии. «А кто сказал, что будет плохая погода?» Бондарчук ответил: «Москва. Там лучше знают. Оттуда сообщили, что ожидают дождь и штормовой ветер. Может пострадать дорогая аппаратура. Подождём, пока погода нормализуется».

Я вернулся в свой номер в гостинице. Мы ждали три дня. Целых три дня простоя. Все три дня не было ни ветра, ни дождя. Почему же мы ждали? Оказалось, потому, что солдаты, снимавшиеся в роли русских и французских воинов, должны были срочно снять театральные костюмы и, надев настоящую военную форму, двинуться в Чехословакию. Натурные съёмки проходили в августе 1968 года в Западной Украине, под Ужгородом, недалеко от советско-чехословацкой границы. Когда наша работа возобновилась, я несколько раз подходил к Бондарчуку и со скрытой иронией спрашивал: «Какой прогноз из Москвы? Ожидается ли новый

штормовой ветер? Не сдует ли всех нас опять в гостиницу?» Понимаю, это был чёрный юмор, но Бондарчуку было не до смеха. Он был хороший человек, и крутился, как мог.

- Вернёмся к вашей картине «Ростовщик». Что там за скандал был с показом обнажённой женской груди?

- Да, для того времени это был очень смелый кадр. В том эпизоде нацисты выбрасывали меня через окно, разбивая стеклом моей головой. Потом показано, как нацисты на моих глазах насиловали мою жену. Они приказывали женщинам раздеться догола перед расстрелом. Режиссёр Сидни Люмет целых три месяца добивался разрешения на такую съёмку. Наконец, добился. Это была очень сильная сцена.

Но беда в том, что после нашего фильма каждый продюсер или режиссёр, желавший показать на экране обнажённое женское тело и встречавший возражение, поскольку были приняты ограничения на показ массовому зрителю эротики и порнографии, ссылался на сцену в «Ростовщике»: «Почему им было можно, а нам нельзя?» С другой стороны, наш фильм пробил брешь в пуританской стене, существовавшей до тех пор в Голливуде. К сожалению, в последующие годы обнажённые женщины и мужчины стали появляться на экранах надо или не надо, лишь бы хоть этим привлечь интерес публики.

- Вы играли роли людей разного этнического происхождения – итальянцев, французов, евреев, русских. Аль Капоне, Наполеон, Сол Назерман в «Ростовщике», Виктор Комаровский в «Докторе Живаго»... Работая над ролями, вы, как мне показалось, не используете штампы, указывающие на национальность. Почему?

- Трудно сказать. Наверно, потому, что не это главное. Хотя... на премьере фильма «Доктор Живаго» в элитарном нью-йоркском клубе, где собрались актёры Алек Гиннес, Том Кортни, Ральф Ричардсон, режиссёр Дэвид Линн, был русский князь, кажется Оболенский, не помню его имени. Он указал на меня и сказал: «Вот вы – настоящий русский в этой картине». Почему? Не знаю.

Я бывал в России и не видел, чем отличаются русские от американцев. Да, итальянцы жестикулируют больше, чем англичане, но евреи в Бруклине тоже разговаривают руками. Я бывал во многих странах, трижды совершал кругосветное плавание, начиная с того времени, когда в 19 лет начал службу в военно-морском флоте. Снимался в кино в разных странах мира. Конечно, есть национальные особенности. Но для меня как актёра важны не столько внешние отличия, сколько внутренние, то, как себя ведёт любой человек в предлагаемых обстоятельствах. Я реалистический актёр.

Если у моего героя умерла мать, я переживаю это на сцене или на экране так, будто это моя собственная мать умерла. Американские актёры 50-х – 60-х годов, включая Монтгомери Клифта, Джеймса Дина, Джералдин Пейдж, Марлона Брандо и отчасти меня, представляли

реалистическую школу на сцене и на экране. Затем в том же русле работали артисты следующего поколения – Де Ниро, Дастин Хоффман, Аль Пачино.

Американские актёры 50-х – 60-х оказали большое влияние на актёрскую игру во всём мире. Даже на британских актёров. Они стали глубже переживать события в жизни своих персонажей, перестали бояться проявления чувств. Я помню, как поначалу меня критиковали за то, что я мог показать слёзы на глазах, мог заплакать, а это считалось проявлением излишней эмоциональности. Мол, мужчины не плачут. Теперь мужские слёзы на экране – в порядке вещей. Не знаю кем, но это разрешено. Я как-то сказал режиссёру, требовавшему от меня мужской сдержанности: «Мне сообщают, что моя дочь погибла, а я должен спокойно сидеть и делать вид, что я сильный мужчина, не способный проронить слезу по собственной дочери? Это же неправда!»

- Каков ваш метод работы над ролью?

- Актёр должен как можно больше узнать о человеке, которого он играет: кто он, откуда, кто его родители, в какой семье воспитывался. Возможно, автор пьесы или киносценария не говорит об этом вообще, или говорит намёками. Актёр должен включить свою фантазию. Я всегда интересуюсь, какую задачу поставил перед собой режиссёр, о чём он хочет сказать в спектакле или в кинофильме, и какова роль моего персонажа в раскрытии идеи режиссёра и автора. Затем, каковы отношения моего героя с другими персонажами, где и когда происходят события, какова политическая, экономическая, социальная обстановка того времени. Чем больше я знаю, тем глубже создаваемый мною образ.

Но в работе актёра важны не только знания. Огромную роль играют актёрская интуиция, импровизация и необъяснимое вдохновение, которое приходит свыше. Когда режиссёр, бывало, спрашивал меня, почему я сыграл так, а не иначе, я отвечал: «Не знаю. Как-то само собой получилось». Есть актёры, которые представляют себе, как в тех или иных обстоятельствах поступил бы их персонаж, и от этого отталкиваются.

Я исхожу из другого: как я бы поступил на месте моего персонажа. Другими словами я, по идее Станиславского, становлюсь другим, оставаясь самим собой. А знаете, кого из учеников Станиславского я считаю своим идеалом? Вахтангова. Он объединил принципы реалистического театра Станиславского с открытой театральностью. Пьесу Горького «Егор Булычёв и другие» ставили вахтанговцы и мхатовцы.

Я читал об этих постановках. Булычёв умирает от рака. В постановке Немировича-Данченко и Сахновского Булычёв появляется на сцене уже как полумертвец, кто-то шепчет: «У него рак». Ученик и

последователь Вахтангова Борис Захава, как писали критики и историки театра, выводит Булычёва сильным, энергичным, даже весёлым, мол, всё у него прекрасно. Он взбегаёт по лестнице и вдруг на самом верху останавливается, хватается за живот, сгибается от боли, падает вниз, ложится на кушетку, над ним склоняется дочь и шепчет кому-то: «Рак». Это вахтанговский театр. Не четвёртая стена, будто нет зрителей, а спектакль для зрителей, без четвёртой стены. Когда я прочитал об этой постановке, я стал читать всё о Вахтангове. И чем больше читал, тем больше он мне нравился. Спектакль основан на реальности, но поднимается над реальностью. Я не слишком углубляюсь в своё понимание театра? Будет ли это понятно и интересно вашим читателям?

- Я прекрасно вас понимаю, поскольку сам учился в театральной школе при театре Вахтангова.

- Другой урок, который я усвоил, касается поставленной Станиславским исторической трагедии «Царь Фёдор Иоанович». Режиссёр тогда увлёкся историко-бытовой правдой. На сцене были костюмы, аксессуары, предметы мебели не стилизованные, не бутафорские, а настоящие, из того времени. Какой-то рецензент написал: «Господин Станиславский, мы же пришли в театр, а не в музей».

Когда я прочитал об этом, то окончательно утвердился в мысли, что театр не зеркало, а увеличительное стекло, по словам вашего поэта и драматурга Маяковского. Тем не менее, Станиславский оказал огромное влияние на мировое, в том числе американское театральное искусство. Метод Станиславского пропагандировали в своих актёрских школах Ли Страсберг и Стелла Адлер. В начале 30-х годов прошлого века в Нью-Йорке была создана театральная труппа под названием «Груп-театр» (Group Theatre). Это был ансамбль единомышленников, последователей учения Станиславского. Там были Ли Страсберг, Стелла Адлер, Элия Казан, Клиффорд Одетс, Ирвин Шоу. Метод актёрской техники Станиславского внедряли в Америке бывшие актёры Московского Художественного театра Ричард Болеславский и Мария Успенская. Некоторые члены «Груп-театра» встречались со Станиславским, а Стелла Адлер брала курс актёрского мастерства у Станиславского в Париже и в Москве.

Я вообще думаю, что у Стеллы Адлер был краткосрочный роман со Станиславским, что никак не умаляет моего уважения к ней. Она, кстати, была очень хороша в молодости, так что Станиславский вряд ли мог пройти мимо. Стелла была достаточно консервативным последователем Станиславского, в отличие от Ли Страсберга, который хотел идти дальше своего учителя по пути трансформации тогдашнего театра. На этом Стелла Адлер и Ли Страсберг сильно разошлись, их актёрские школы жёстко конкурировали друг с другом. Из-за этого мы,

американские актёры, до сих пор не можем понять, каков на самом деле истинный метод Станиславского: в интерпретации Ли Страсберга или в интерпретации Стеллы Адлер? Мне кажется, что оба они сфокусировались на Станиславском и недооценили роль Немировича-Данченко.

- Итак, системе Станиславского в разных интерпретациях учили американских актёров Ли Страсберг, Стелла Адлер, Соня Мур, Михаил Чехов...

- К сожалению, Михаила Чехова в Америке не поняли, его великий талант не оценили. Его считали комедийным актёром. На мой взгляд, он был мастером трагикомедии. Я видел его на экране. Он даже был номинирован на «Оскара». Мне кажется, Михаил Чехов был ближе к Вахтанговской театральной школе, хотя считался учеником Станиславского. Он, как учил Вахтангов, соединял реализм с театральностью.

Когда я приезжал в Нью-Йорк для участия в театральных постановках, я старался играть не как в кино или на телевидении, а именно в стилистике театра. Знаете, что меня, как актёра, больше всего привлекает в театре? Опасность провала. Это как зайти на борт самолёта. Ты не можешь быть абсолютно уверен, что долетишь, что самолёт не разобьётся. Но ты преодолеваешь страх, самолёт взлетает и ты наслаждаешься полётом, когда видишь облака под собой. Страх провала даёт актёру адреналин, кураж. Но зритель идёт в театр, предвкушая удовольствие от успеха спектакля, а не от его провала. Мне кажется, что в цирке наоборот. Однажды я поймал себя на мысли, что разлюбил ходить в цирк, потому что там, глядя на воздушных гимнастов, ты всё время ждёшь, что кто-то из них вот-вот упадёт. Есть, конечно, любители острых ощущений. Это те, кто любит смотреть фильмы ужасов. Да, есть в индустрии развлечений элемент садо-мазохизма.

Театр и цирк – живые представления, в которых действие происходит здесь и сейчас. На глазах у зрителей всякое может произойти, такое, чего раньше не было и, возможно, не будет потом. Надо спешить увидеть. Это стимулирует зрителя. Актёра подстерегает ещё одна опасность: придёт вдохновение или не придёт? Мастерство в том и заключается – и этому учил Станиславский, - чтобы уметь вызывать в себе творческое состояние, вдохновение, ощущение полёта. Если оно было на прошлом спектакле, актёр хочет его повторить. Здесь могут помочь элементы импровизации, благодаря которым возникают новые ощущения. Ты не меняешь текст, но вкладываешь новый подтекст, делаешь неожиданную паузу, не меняя мизансцену меняешь жест... Любая мелочь, маленькая деталь – и ты играешь по-новому, удивляя самого себя.

Это рождается неожиданно и для тебя, и для партнёра. То же самое бывает на телевидении, когда эпизод играется вживую, без предварительной записи: прорепетировали – и вышли в эфир. Вот пример, ставший классическим: актриса Эва Мари Сейнт, получившая «Оскара» за роль в кинофильме «В порту», имела большой успех на телевидении. В одном сериале, шедшем в прямом эфире, действие происходило как бы в самолёте, летевшем на огромной высоте. Игрался эпизод, в котором были заняты двое актёров: Эва Мари Сейнт и её пожилой партнёр. Перед включением камеры помощник режиссёра начинает отсчёт: «4, 3, 2, 1, старт!» Актёр должен произнести первую реплику и... забывает, что должен сказать. Время идёт, а он не может вспомнить слова. Десятисекундная пауза кажется вечностью.

В глазах у всех паника. И тогда Эва Мари Сейнт произносит: «Ну, я пока вздремну». На это старый актёр не нашёл ничего лучшего, чем сказать, глядя прямо в камеру: «Сейчас моя остановка, я, пожалуй, сойду». А действие-то происходит в салоне летящего самолёта! Вот пример опасности и одновременно прелести живой игры перед зрителями. Актёр должен быть готов к любой неожиданности. У меня много было подобных моментов... Вам знакома такая личность как Ефим Райкин Бен-Ари?

- Нет.

- Это был американский актёр, режиссёр и театральный педагог – мой первый учитель по актёрскому мастерству. Он из России, был одним из основателей театра Габима и написал об этом книгу. От него я впервые услышал о Вахтангове. В Америке в 20-х годах он создал театр, игравший на иврите, а также он режиссировал в театре и на телевидении. Как-то я играл в его телеспектакле, который шёл в прямом эфире. У нас диалог с моим партнёром.

Позади него стоит одна из трёх телекамер, в которой горит красная лампочка включения. Вдруг вижу, как она тускнеет и гаснет. Перегорел предохранитель, и камера перестала работать. А это живой эфир. Нас смотрят 40 миллионов телезрителей. Я понял: надо тянуть время, чтобы нас переключили на другую камеру или поменяли предохранитель на первой. И тогда я говорю партнёру: «Слушай, а что если...» и замолкаю. Мол, думаю. По своему жизненному опыту знаю – если сказать «Слушай, а что если...», то человек будет сколько угодно ждать продолжения фразы. Я держал паузу, пока мне не дали знак, что всё в порядке и можно продолжать диалог. Это ещё один пример того, как профессиональный актёр должен уметь выходить из трудного положения, не теряясь ни при каких обстоятельствах.

Полный текст интервью читайте в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/11704>

Анна Кузнецова

Москва, Россия

Никита Кривошеин

Париж, Франция

«Дмитрий Сеземан и его двойной исход». К столетию русского Исхода. Беседа с Никитой Кривошеиным

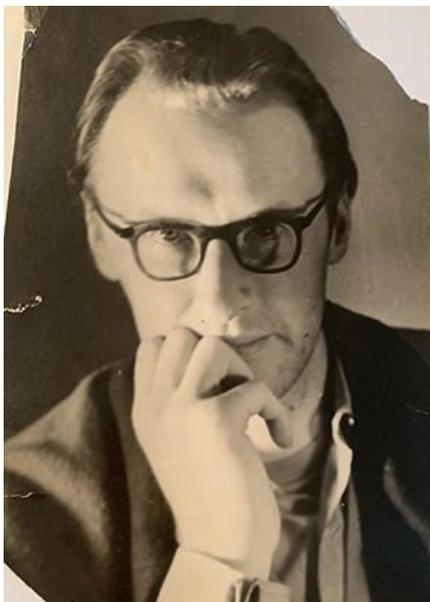
Никита Кривошеин и Дмитрий Сеземан встретились в «оттепельной» Москве шестидесятых, пережив на тот момент все тяготы, выпавшие на долю русско-французских репатриантов: парижских подростков вернули в СССР убежденные пропагандой родители.

Книга матери Никиты - Нины Алексеевны Кривошеиной «Четыре трети нашей жизни» послужила основой впечатляющего французского фильма «Восток-Запад», для многих европейских «левых» ставшего первой и горькой правдой о советском социализме.

Никита Игоревич также автор двух мемуарных книг. В свою очередь, Дмитрий Васильевич Сеземан хорошо известен в среде цветоведа, поскольку он знал лично поэта, ее семью и прежде всего Георгия (Мура) Эфрона, чьим единственным другом и являлся.

Немногим из русских эмигрантов-репатриантов повезло пробить в советское время железный занавес. «Свой билет на вход прошу вернуть обратно» - в ключе этой фразы Ивана Карамазова возвращение во Францию Сеземана и Кривошеина и их вклад в независимую русскую мысль являются сюжетом для большого рассказа.

Анна Кузнецова

Д.В Сеземан 60-е Москва. © Nikita Krivocheine

- Никита Игоревич, каким образом Дмитрий Сеземан снова оказался во Франции?

- Дмитрий Сеземан в 1976 году получил разрешение на выезд из СССР по туристической визе короткого пребывания, благодаря приглашению, которое ему оформил сотрудник французского посольства в Москве. Поэтому отказать ему в выезде было Советам не выгодно, так как это привело бы к дипломатическому напряжению.

- Уезжая, он знал, что это билет в один конец?

- Нет, не знал! Он приехал по своей гостевой визе (на 3 месяца) и остановился у меня. Я очень горжусь, что смог с большим трудом убедить его не возвращаться, выбрать свободу. Он очень беспокоился за своих близких, оставшихся в Москве. После падения Советов к нему стала приезжать его дочь Екатерина, он был счастлив, это было утешением! Наша старая дружба длилась до его последних дней.

- Расскажите немножко о бытовой стороне жизни Дмитрия Васильевича в Париже. Что он любил, куда вы вместе ходили, как он проводил отпуск? Кто был в его ближнем кругу общения?

- Во Франции Дмитрий устроился в парижском предместье, достаточно удаленном, и посвятил себя работе на радио «Свобода», писал литературную критику для еженедельников L'Express et Le Point; также работал над своей книгой воспоминаний «Confessions d'un métèque» («Исповедь чужака»). Это замечательная книга, она состоит не только из летописи жизни, в конце повествования он подвергает анализу Францию, ее политику и общество. Тонкий ценитель искусства, он совершил последнее путешествие в свою любимую Италию. Он специально повез свою младшую дочь Лизу, чтобы показать ей музеи и храмы.

В Париже он дружил со славяноведом Луи Мартинесом и композитором Андреем Волконским. Их дружба родилась еще в Москве. Дмитрий также виделся довольно часто с журналистом Семеном Мирским, который работал на радио «Свобода», с публицистом-историком Аркадием Ваксбергом, журналистами Жаном и Люсиль Катала.

Каждую Пасху мы ходили вместе с Сеземанами на заутреню, в церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, здесь до сих пор находится центр РСХД. Дмитрий Васильевич всегда был со своей супругой Доминик и дочерью Элизабет, потом приезжали к нам домой - и разговлялись. Мы довольно регулярно обедали с Дмитрием в ресторане Rozès в 13 округе Парижа; он приезжал к моему отцу и маме.

- У Вас во многом очень сходные судьбы, но ДС успел поучаствовать в войне и даже имел боевую награду. Упомянул ли он об этом? Как относился вообще потом к разделенной Германии?

- Дмитрий отправился добровольцем на фронт прямо из лагеря в Инте, и это его спасло. Но он почти никогда не вспоминал о войне и об этом периоде в жизни. После войны брак с москвичкой дал ему возможность остаться в столице, невзирая на его лагерное дело. Что касается его фронтовых впечатлений, я, надо сказать, никогда не замечал в нем никакой германофобии. Но, конечно, национал-социализм был ему так же отвратителен, как и коммунизм.

- В вашей последней книге «Дважды француз Советского Союза» (2014) упоминается В.Э. Сеземан, отчим ДС, и упоминается как настоящий герой: «Русский эмигрант, профессор философии Каунасского университета Василий Сеземан, специалист по Платону, послушный голосу своей православной совести, взялся в годы войны укрывать литовских евреев (технически как — не знаю). Формулировка полученных им в 1948 году десяти лет была «за связь с сионистскими

организациями».(с.46. Кривошеин Н.И. Дважды француз Советского Союза»). Вы наблюдали в ДС интерес к личности своего приемного отца, к его философии, как неким синтезом святоотеческой традиции с современной ему феноменологией и неокантианством?

- Я не помню какого-то специального интереса, который бы проявлял Дмитрий Васильевич к работе отчима, во всяком случае, он очень мало об этом говорил. Дмитрий был верующим и церковным человеком. У него оставалось нежное отношение к матери, ее фото висело над его столом. В своей прекрасной книге «Исповедь чужака» сложные семейные чувства и отношения были им глубоко проанализированы.

Слева направо: А. Волконский, Д. Сеземан, Н. Кривошеин, СССР.
© Nikita Krivocheine

- Грустный, но важный вопрос, который не любят французы: как ДС вообще относился к смерти и как ее встретил?

- Я вообще-то не замечал, что французы избегают говорить о смерти. Дмитрий Васильевич мог умереть молодым, и не однажды, он, можно сказать, бывал на волоске от смерти... А перед самой кончиной к нему пришел молодой и глубоко образованный священник из церкви Московского Патриархата, который его исповедовал и причастил Святых Тайн.

- Близкая приятельница ДС по Москве сказала, что он никогда не говорил на религиозные темы. При этом известно, что он получил от матери православное воспитание. Что известно об этой стороне

личности ДС в период СССР? Интересно также узнать, был ли ДС знаком с Вашим дядей - выдающимся патрологом и богословом Владыкой Василием Кривошеиным?

- Во время визитов Владыки Василия в Москву, я приглашал Дмитрия поужинать с нами, и они с моим дядей почти сразу почувствовали друг к другу уважение и интерес. Вообще мы с Дмитрием отмечали всегда Пасху в церкви Иоанна Воина в Москве, и тамошнее священство нам оказывало милость, приглашая в Алтарь. В прошлом, перед репатриацией в Советский Союз, еще мальчиком, они вместе с матерью были прихожанами Трехсвятительского подворья Московского Патриархата в Париже. И вот представьте, божественное провидение устроило так, что именно в этой церкви Дмитрий Васильевич был отпет! А вообще в этом храме ранее хранилось несколько икон, которые написала его мама Нина Николаевна, но, к сожалению, они не сохранились.

Его мать последним браком была замужем за Николаем Клепининым. Он был старшим братом священника Дмитрия Клепинина. Дмитрий Васильевич часто вспоминал о. Дмитрия, говорил, что он был светлым и очень добрым человеком.

В 1937 году семья Клепининых (Дмитрий, его брат Алексей, мать и отчим) бежали из Франции в Советский Союз. Это было связано с делом об убийстве бывшего советского резидента Игнатия Рейса. Семейство Клепининых было в дружбе с советским агентом Сергеем Эфроном и его женой Мариной Цветаевой. Парадокс истории заключается в том, что один из братьев Клепининых - вышеупомянутый отец Дмитрий, погиб в нацистском лагере Дора и был канонизирован как мученик, тогда как его брат Николай в 1941 году был расстрелян в советской тюрьме в Орле, в то же время, что и Сергей Эфрон. Оба они были объявлены Советами французскими шпионами.

- Никита Игоревич, мы с вами беседуем в канун важнейшей исторической даты - столетие русского Исхода. Ваша семья хлебнула досыта этой горькой доли и Вы с Дмитрием Васильевичем Сеземаном оба - дети Исхода, оба родились в эмиграции, репатриировались с родителями, и затем в семидесятых и вам, и Дмитрию Сеземану удалось из-за железного занавеса вернуться на вторую родину - Францию. Много ли было вас, - таких «счастливчиков» среди «советских французов»?

- Определение «советский француз» не подходит ни к Дмитрию Сеземану, ни к Андрею Волконскому, ни к Николаю Двигубскому, ни к Михаилу Щетинскому, ни ко мне самому. Все мы были привезены в Советский Союз родителями - и вернулись во Францию чудом и Божьей милостью. Со временем Советы разрешили вернуться во Францию некоторым репатриантам-пенсионерам, но при этом лишили и их

советских пенсий. Я написал книгу «Les tribulations d'un Russe blanc en ex-URSS », где я посвящаю главы и страницы воспоминаний о белых русских, вернувшихся в СССР в 1947, а также я пишу о тех, кто был отправлен в мордовские лагеря (1958-1961). У меня сохранились яркие воспоминания об оккупированном Париже, о наших встречах с матерью Марией Скобцовой, об арестах моего отца, участника Движения Сопротивления и его депортации в концентрационный лагерь Дахау. В этой же книге я делюсь своими размышлениями о русском православии во Франции. В книгу вошли различные интервью на радио Свобода, газете «Русская мысль», публикации в российских журналах. <https://www.egliserusse.eu/blogdiscussion/Un-livre-de-Nikita-Krivocheine...>

- Как вы встретились с ДС, вернее, при каких обстоятельствах вы «нашлись» в советской Москве?

- Мы встретились с ним после моего освобождения из лагеря, наверное, в 1964 году в антисоветском «домашнем клубе» Владимира и Сюзанны Раппопорт - блестящих врачей-психиатров, живших в районе Пушкинской площади. Важно заметить, что ни один из членов этого кружка никогда не был вызван на допрос, что говорит о том, что среди нас не было стукачей. Я находился в непростых жизненных обстоятельствах и именно тогда Дмитрий Сеземан помог и устроил меня переводчиком в редакцию пропагандистского еженедельника «Новое время», издававшегося на нескольких языках. Я, конечно, согласился. Так мы с ним проработали в этом журнале лет пять.

- По моему личному впечатлению, вас с ДС объединяет уникальное чисто русское чувство юмора - при всей вашей жизни масштаба греческой трагедии! Вы оба говорите об этом немножко «свысока», порой с улыбкой и самоиронией над собственными страданиями... Вы же, наверное, это качество сознаете в себе, но не «эксплуатируете» намеренно... Насколько вы с ДС в этом оригинальны? Или эта горькая улыбка над судьбой есть более-менее общая черта «старых русских» в изгнании?

- Дмитрий обладал тонким и саркастическим чувством юмора, в котором, конечно, была некая доля цинизма, он часто насмеялся над самим собой. Эта ирония была спасительной в тех условиях. Дмитрий при этом оставался человеком таинственным и закрытым, ирония служила ему неким камуфляжем.

- Как часто вы говорили о прошлом с ДС: о вашем и его лагере, о повсеместном советском страхе, среди которого прошла ваша молодость? Что вообще было главной объединяющей силой в вашей дружбе?

- Мы были очень близки, невзирая на разницу в возрасте в десять лет, и между нами не было никаких запретных тем для обсуждения.

Схожесть наших судеб, общность взглядов только укрепили нашу дружбу. Для меня был большим утешением наш общий антисоветизм, мучительная и постоянная ностальгия, которую мы испытывали по нашему отрочеству в Париже. Невзирая на наше фрондерство против советского режима, в нас всегда жил страх быть снова закрытыми в этой системе. Когда мы с ним были вдвоем, мы всегда говорили только по-французски.

После падения Советов, в 90-х, когда стало возможным снова ездить в Россию, Дмитрий, колебался. Он так и не поехал, его воспоминания были слишком горькими. Более того, он достаточно скептически относился к подлинности изменений, происходивших в России.

- Давайте поговорим о фильме «Восток-Запад», в основу сценария которого легли мемуары вашей матери Нины Алексеевны Кривошеиной, урожденной Мещерской. Вы уже неоднократно говорили о ваших впечатлениях, а что говорил ДС об этой картине? Как он относился к воспоминаниям вашей мамы «Четыре трети нашей жизни»?

- Дмитрий говорил, что книга «Четыре трети нашей жизни» во много раз лучше, чем фильм. Он очень сожалел, что моя мама не смогла дописать свои воспоминания. Нина Алексеевна хотела, чтобы ее книга вышла только после ее смерти, она скончалась в 1981 году, а в 1984-м книга появилась на русском в ИМКА - Пресс а потом и во французском переводе в издательстве Albin Michel. И Дмитрий Сеземан был одним из двух переводчиков книги моей матери «Les quatre tiers d'une vie».

- Должна заметить, что в вашей книге совсем не упоминается сам Дмитрий Сеземан. Почему так получилось?

- Да, действительно, Дмитрий Васильевич отсутствует в моей книге, так же как другие близкие мои друзья - Андрей Волконский, Луи Мартинес и Олег Прокофьев. И это, конечно, упущение.

- Ваша книга натолкнула меня на вопросы о семействе Цветаевых-Эфрон. И первый из них о масонстве в довоенном русском Париже, поскольку ваш отец был членом ложи того толка, что не отвергает христианства. Насколько явление масонства влияло на общий фон русской эмиграции? Считаете ли вы вероятным, что ваш отец мог встречаться с Сергеем Эфроном? (последний, как известно, вступил в масонство по заданию НКВД).

- Насколько я знаю, мой отец никогда не встречал ни Марину Цветаеву, ни Сергея Эфрона.

- Дмитрий Сеземан известен сейчас в России, прежде всего, благодаря «Дневникам» Георгия Эфрона, где он упоминался больше, чем кто-либо. И это наше интервью в том числе призвано расширить представление о личности ДС. Тем не менее, мы не можем не

упомануть дружбу с Муром... Говорил ли Д.С с вами о нем? И, если да, то в каком контексте?

- Я счастлив, что смог устроить два интервью Дмитрия Васильевича с Михаилом Соколовым на радио Свобода. В этих длинных передачах он рассказал о Цветаевой и ее сыне Муре, который был близким другом Дмитрия. У Сеземана на всю жизнь остались самые яркие воспоминания о Муре. Он им всегда с восхищался. Говорил, что Мур быстро понял, что СССР стал для них смертельной ловушкой. Надо вспомнить, что он испытывал к своей матери достаточно отрицательные чувства.

- На нынешний день львиное большинство исследователей уверено, что Мур погиб в белорусской деревне Друйка, где ему поставлен обелиск. В свою очередь, покойная ныне Вероника Лосская в своей книге «Марина Цветаева в жизни» упоминала одного свидетеля послевоенной встречи с возможным Муром в Париже на Place de l'Etoile, когда после оклика «Мур» этот человек оглянулся и моментально исчез... Вы слышали такие разговоры? Допускаете ли вы лично вероятность, что Мур мог спастись? Вы лично знали такие случаи, связанные с бывшими воинами Красной Армии?

- Рассказ Лосской об этой встрече в Париже, скорее всего, сущая мифология. Вы серьезно полагаете, что Мур мог попасть в плен и после этого остаться в Европе? Это было нереально. Множество «перемещенных лиц» отказались вернуться в СССР, образовав тем самым остов второй эмиграции.

- Никита Игоревич, я здесь позволю себе рассказать вам подлинную историю об одной парижанке, которая рассказала мне семейную тайну, что она дочь советского офицера, сумевшего каким-то образом остаться на Западе, женившегося на ее француженке-матери и только перед смертью открывшегося дочери, что она наполовину русская! Он никогда ничем себя не выдал в течение 30 лет! Именно благодаря этой истории, я допускаю маленькую вероятность, что с Муром могло произойти такое же...

Но вернемся к реалиям, опять же из вашей книги, краткое замечание об А.С. Эфрон, что она «была и осталась коммунисткой». Вы лично встречали ее? А ДС?

- Дмитрий Васильевич Сеземан не хотел встречаться с Ариадной. У меня же с ней был единственный разговор, который оставил после себя самое неприятное впечатление. Ариадна, невзирая на все пережитое, осталась «верующей» коммунисткой, преданной советской власти.

- Мне досталось несколько книг, принадлежавших ДС, в том числе словарь французского арго, чему я невероятно рада...А что вам осталось в «наследство» - материальное или метафизическое - от вашего друга?

- Рядом со мной всегда его книга «Исповедь чужака», а также фотография, которую я сделал во время нашего Пасхального застолья. Дмитрий мне подарил бронзовое Распятие перед моим отъездом из СССР, я бережно храню его до сих пор. Но самое главное, это память о нашей дружбе, она всегда со мной! К сожалению, архивы Дмитрия Васильевича Сеземана не были ни изучены, ни систематизированы его наследниками. Что с ними стало? Не знаю!

Часть 5. Архив

Павел Тайбер. Автопортрет

Александр Якобсон
Иерусалим, Израиль

Дневники Анатолия Якобсона. Тетрадь 3

Тетрадь 3 (14 августа -5 сентября 1974) [1]

[На обложке]: Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал
Д.С. [Давид Самойлов]

Нападающие силы арабов: 1.000.000 солдат, которым помогли добровольцы, лётчики и танкисты из Северного Вьетнама и, Северной Кореи, Кубы. 5.500 танков. 1000 самолётов. 200 батарей САМ. 3500 орудий дальнего боя. Противотанковые ракеты разных видов, впервые применённые в эту войну. Электронное оборудование высшего класса, также впервые употреблённое в эту войну. Начало войны – 6 октября, в Судный день, в субботу, вдвойне священную для евреев. В этот день в Израиле не работают все виды связи и транспорт – частный и общественный. 24 часа молчит радио и телевидение. Все евреи – либо дома, либо в синагоге.

1400 танков с пехотой, оснащённой противотанковыми ракетами, переправляются через Суэц и овладевают линией Бал-Лева, на всех 160 км. которой – 436 солдат ЦАХАЛа.

1500 танков и 2000 орудий [египтян] ринулись вглубь Синайской пустыни, и прикрыли их 150 батареями ракет САМ. На линии канала их встретили 80 израильских танков. Ещё 170 израильских танков были разбросаны по всей пустыне.

В то же время 150.000 сирийских солдат – при 2000 танках и 1300 орудиях дальнего боя, прикрытые 35-ю батареями САМ, захватили Голанские высоты. Их встретили там 150 израильских танков.

* * *

«Это самый счастливый день мой жизни», - воскликнул советский посол в Каире Виноградов (День начала войны. Тов. Виноградов не сомневался в победе).

Сов. Безопасности ООН молчал. Он заговорил только тогда, когда израильтяне подошли на 85 км. к Каиру и на 35 км. к Дамаску, заняв в Египте, на западном берегу канала, территорию в 3000 кв. км, а в Сирии – 400 кв. км.

14.8.

После мельницы нервная реакция. Ослабел. Восстановиться. Непрерывно держать форму. Прогулки. Ходьба.

Кроме пса, никто не нужен.

Многие интересны здесь. Целый ряд людей уважаю. Некоторых даже люблю. Но близкой души — ни единой. И вряд ли будет. Единственное близкое мне существо в Израиле - Том [собака]. И тот — педераст. Или просто онанист. Убедился в этом со всей очевидностью. Бедный пёсик. Это, наверно, вот отчего. Надо стоять твёрдо на двух задних ногах. А у него задняя левая слаба. Собаки совокупаются долго. А он не может так долго стоять. Потрётся немножко и всё. И стал таким...

* * *

Надо привыкать к одиночеству. На то и дневник. Майку одну можно допускать до дневника. И то слава богу. Майка всю жизнь была в сущности одинока (при всех её дружбах и «любвях»). Пора и тебе, сударь, переформироваться на старости лет.

* * *

Наконец-то научился дорожить временем. Лучше поздно, чем никогда.

* * *

[Виктор] Файнберг. В жёсткой ситуации – железо. В обычной, человеческой – мягкость, уступчивость, многословие. Кто угодно будет распоряжаться его временем. Жаль, может, Марина [оставшаяся в то время в Ленинграде жена Файнберга] его защитит, когда (если) придет.

* * *

Хорошо бы приехал Вовка Г. [Гершуни]. Кормил бы его, одевал и ноги мыл. Но близко от себя не держал бы. Утомительно.

* * *

Гарик [2] — вот кто по-настоящему интересен и нужен мне. Но, думаю, не уедет из России, и освободившись. Силы небесные, только бы он выдержал срок.

* * *

Сегал: «феномен», «исчерпал». Систематически врёт в ударениях. Говорит, что нормы, зафиксированные словарями, для него не обязательны (на самом деле просто не знает, не прислушивается, не интересуется). Нет, батенька: не лингвисты, а литераторы - подинные пониматели и хранители языка.

Сегал и Ронен — литературоведы. Я тоже. Здесь точки (поле) соприкосновения и взаимопонимания. Но они — литературоведы-лингвисты, а я — литературовед-литератор. И здесь мы чужие. Они будут говорить и писать на своем профессиональном жаргоне. А я буду говорить и писать (много писать!) на русском языке.

(Прочитать исследование Ронена на тему: «Фета жирный карандаш»).

У литературоведов кастовое высокомерие по отношению к литературным критикам. Дети!

Литературоведение претендует на констатацию неких объективных элементов, черт произведения. Гаспаров [3] (в письме к Д. С. [Диме Сегалу?]): «Хорошо, плохо — понятия вне науки».

Критика дает эстетическую, т.е. по преимуществу субъективную, оценку произведения. Критик хороший не может не понимать, не может не чувствовать литературы.

Литературовед - очень даже может ни хрена не понимать и не чувствовать, но при этом «свершать открытия». Лучший пример— Лотман [4] , литературовед толковый, но ничего не смыслящий в литературе. (П.Руднев [?] – мученик науки).

«Книга о русской рифме» Самойлова — сокрушительное доказательство того, насколько умный и талантливый литератор и в литературоведении выше профессиональных литературоведов (и самого Романа Осиповича Якобсона).

Корней Иванович. Смолоду. М.Бахтин — не литератор, не критик, не литературовед, даже не историк и не философ литературы (хотя всего этого предостаточно у него); он — великий мыслитель.

Что-то М.Б. [М.Бахтин] опубликовал в России в последнее время. Эдик Б. [5] [?] Выяснить. Прочесть.

Эдик Б. Хороший очень малый. Бен Сарнов [6] .

Юрка Левин [7] . (Я ему: «Ты - учёный с литературной жилкой, а я - литератор с исследовательской косточкой»).

* * *

Ирина [Глинка]. Перстни.

* * *

У литературоведов-лингвистов учиться точности, строгости в обращении с текстом. Учиться методике (но не методологии!!) анализа. А синтезировать они не умеют. Дима и Омри — ловцы реминисценций. Сегал — поболее. Эрудиция их для меня непостижима и недостижима. Ничего, перебежмся.

* * *

Г.Струве и Филиппов [редакторы эмигрантского журнала «Вестник РСХД»] – Штепсель и Тарапунька.

* * *

Никита Струве – ещё хуже.

* * *

А кто же Андрюша Синявский? А он — только литературный критик, но не литературовед. Будем одновременно с ним писать о Пастернаке. Очень замечательно.

* * *

А Морозов [Александр Анат., 1931- московский литературовед] нечто понимает, но ничего не может, не умеет, кроме библиографии.

* * *

Свирский [Григорий Цезаревич, 1921 -, бывший московский, потом израильский писатель. Живёт в Канаде] не только лапочка, но и умница: понимает, что он понимает, и понимает, чего не понимает. Прекрасно придумал себе тему докторской. И объективно это очень

интересно. И, главное, оригинально. И получится у него здорово. Помочь всеми силами.

* * *

Напомнить старикам о Галочкиной фотографии [неясно, о ком речь]

* * *

Заняться копиями [?].

* * *

Сегаловский разбор «Грифельной оды» — классика.

* * *

Кто оценил сполна «Царственное слово»? Гелескул, Петровых [8] , Чуковская, Самойлов, Бахтин. Маспик [достаточно - иврит] Кто не понял ни аза? Леня Пинский [9] .

«Дар», «Приглашение на казнь», «Лолита». Достаточно. Определенно не люблю Набокова.

Кафка: «Процесс» (и др.).

1. Вне языка (нужды нет, что перевод; и Хемингуэя и Бёлля читывал в переводах — а какой язык!)

2. Автор смотрит на сконструированные им ужасы с другой планеты. Марсианин. Думаю, не ведает ни добра, ни зла. Персонажи — не люди для него, а объекты эксперимента. В этом смысле Кафка в подметки не годится своему учителю Достоевскому.

Кафка — визионер и провидец; это - да.

* * *

«Котлован» можно и должно сравнивать с «Процессом» — по заданию и по контрасту.

Платонов — антипод Кафки.

1. Язык — по концентрации и свободному пространству — не уступает высшим образцам поэзии (Мандельштаму, например). «Котлован» и надлежит разбирать как поэтическое произведение, разглядывая каждую фразу, каждое слово.

2. Любовь к людям и вместе бесконечная жалость к ним. И поразительное понимание людей и истории. Чиликин (рабочий-большевик) >—< партийный уполномоченный по коллективизации, функционер.

* * *

«Котлован» и фрагменты из «Великой криницы» Бабеля («Колывушка», «Гапа Гужва»). «Джан», «Судьба человека», «Чевенгур» — полуфабрикат, подступы к «Котловану».

* * *

Откуда у Майки дар писать? От отца? Нет, от матери. Н.М. пишет очень хорошо. А говорит плохо. Майка хорошо говорит и хорошо пишет.

Тесть прекрасно говорил, но писать упорно не желал — быть может, неслучайно?

* * *

Платонов и Бабель. По дарованию, по-моему, оба одной высоты — оба гениальны. Булгаков — не гениален, не великий писатель, но писатель блистательный. Его обаяние неотразимо. Как артист, который, лишь только появился на сцене — всех разом покори́л. Один жест, одно движение лица — и все в его руках.

«Мастер и Маргарита» — талант, обаяние, ум - и темперамент, ненависть, кровь. Преинтересно: Гелескул не любит «Мастера и Маргариты». Подумать об этом.

* * *

Платонов и Бабель — равногениальны, но по осуществлению, по самореализации Платонов выше. Бабеля раньше и более молодого убили. Платонов стал алкоголиком и умер в конце концов от чахотки, которой заразился от сына-подростка, посаженного по уголовному делу и отпущенного с Колымы (?) умирать домой. Отец ухаживал за ним и заразился: открытая форма туберкулеза. Работал Платонов дворником. Мария Сергеевна [Петровых] говорила, что не видела в жизни человека добрее и благороднее Платонова. Какой человек — такой и писатель.

* * *

Третье-четвертое место в русской прозе XX в. (Чехова отношу к XIX в.) делят Булгаков и Зощенко. Судят Зощенку обычно по его рассказам. Мало кто читал повести («Коза», «Аполлон и Тамара» и др.) Если бы Зощенко написал в своей жизни одну «Козу», этого было бы достаточно для бессмертия. Зощенко по достоинству оценен Мандельштамом в «Четвертой прозе».

* * *

Мандельштам про своего антипода Маяковского: первозданный поэт. Так-то. Мандельштам разбирался в литературе, в поэзии лучше мандельштамистов.

* * *

Мандельштам боготворил Пастернака. А Пастернак его при жизни (Мандельштама) в упор не видел. Вот смеху-то.

* * *

Мария Петровых не оценила Мандельштама как поэта только потому, что он за ней так энергично ухаживал, а она его — как мужчину — НЕ воспринимала. Был у нее роман с Пастернаком в Чистополе. А потом насмерть полюбила Фадеева.

* * *

Пастернак сделал Ахматовой (видно, в конце 30-х годов) формальное предложение. Она рассмеялась.

* * *

Ахматова была влюблена в Блока. А он в это время волочился (думаю, успешно) за Ольгой Глебовой-Судейкиной.

Петербургская кукла, актерка —

Ты один из моих двойников.

(Ахматова)

Князев (надо прочесть его единственную книгу стихов) застрелился, увидев Судейкину с Блоком на пороге дома. Анна Андреевна и в него была влюблена. Подруга Олечка регулярно отбывала у Ахматовой мужиков. А Ахматова обессмертила ее в «Поэме без героя». Такая женщина!

* * *

Мужья Ахматовой: Гумилев, Шилейко, Н.Н.Пунин, Гаршин. Она была в эвакуации, в Ташкенте. Гаршин, врач в военном госпитале, сошелся с молодой медсестрой. Ахматова в «Поэме без героя» писала о Гаршине:

Ты не первый и не последний
Светлый слушатель темных бредней.
Узнав о его измене, переписала:

Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней.

Не последний — это точно. Её последняя — и самая страстная в жизни — любовь: Исайя Берлин [10] . Роман начался (и тут же кончился, он вернулся в Британию), когда ей было примерно 56 лет. Она считала, что он — причина распятия 46 года.

За тебя я заплатила чистоганом,
Ровно десять лет ходила под наганом,
Ни налево, ни направо не глядела,
А за мной худая слава шелестела.

Ты недолго был моим Энеем.
Я тогда отделалась костром.
Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты мой проклятый дом.

И забыл ты в ужасе и муке
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.

Ты не знаешь, что тебе простили,
Создан Рим. Плывут стада флотилий,
И победу торжествует лесь.

(Я - по просьбе А.А. - прикоснулся к этому стихотворению и испортил строку. Вот несчастье-то! Ведь М.С. [Петровых] умоляла меня: «Не надо, не трогайте!»)

Вся поздняя лирика Ахматовой посвящена И.Б. Она увиделась с ним в Лондоне за год (?) до смерти. Что было за свидание? Что за разговор?

Тайна. И останется тайной. Она любила его до последней секунды... Писала о тайном браке с ним, о браке, скрытом и от людей, и от Бога.

Отношения между Ахматовой и Цветаевой. Между Цветаевой и Пастернаком. Какие сюжеты!

* * *

Раньше я смерти боялся, как большинство людей. Теперь не боюсь абсолютно. Умирать не хочу (жить — тоже не особенно). Проживу, сколько суждено, понимая, что смерть — не самое страшное, что может случиться с человеком в жизни. Умру, скорее всего, в Израиле. Предпочтительно в Иерусалиме. Но хоронить меня будет не Саша. И не другие мои дети, если — паче чаяния — они у меня будут. Составлю духовное завещание по всем правилам европейского искусства. Урну с моим пеплом переправят в Россию. И Юрий Всеволодович Белоусов [11] зароет мой прах в русской земле. На еврейском кладбище, в Вострякове. Рядом с моим отцом. Никто не любил меня в жизни так, как любил отец.

19.8.

Так наз. литературоведы литературы не ведают, как лингвисты не ведают языка, ибо литературоведенье — не что иное, как побочный (и довольно дешёвый) продукт литературы; а хорошая критика — часть литературы (когда же литературоведы суверенны — независимы от литературы — получают, в лучшем случае, лотманы.)

Для Бахтина литературоведение только методика, а цель и смысл — мирозерцание.

Р.Якобсон, выступая как хороший литературовед, также стремится понять жизнеотношение (Маяковского, например). И тут он больше критик, чем литературовед.

* * *

Майка. Бывают на свете издержки. Бывают и передержки. Моё непомерное очарование ею — передержки любви и (долго ещё) молодости (моей). Я всегда был моложе её не на 2-1/2 года, а намного (женщина + лагеря). Теперь во всяком случае **не** моложе...

Глубока? Не бездонно. Умна? Не чересчур. Талантлива? Да, пожалуй. Благородна? Меа ахуз [сто процентов - иврит].

Интересна ли по-прежнему как человек? Умеренно. В основном интерес исчерпан. Слава богу, что не скучна (этого не было и не будет).

* * *

Единственная страна, где не умеют пить, наверное, Россия. Нельзя ощущать вкус спиртных напитков, поглощая их в таком количестве. Ю.Ф.К. захлеб давился армянским коньяком, запивая его жигулевским пивом.

* * *

У лингвиста по преимуществу нет родного языка (сфат ха-эм). Неслучайно Сегал одинаково хорошо (плохо) говорит по-русски и по-английски (по-американски). Так же будет говорить и на иврите

* * *

Почему Майка так много читает? В сущности своей она ленива. Лентяйка, но, конечно, не бездельница. Жизнь не позволяла. И не позволяет.

* * *

Израиль — прекрасная чужбина.

* * *

Лев [Толстой] сверхъестественно гениален. Беспредельно умён («до глупости»). Интеллект — камнедробилка. Но главное: темперамент. Отсюда все крайности, нелепости и пр. (Темперамент

Достоевского тоже страшен, конечно, но другое, совсем другое: бесплотный темперамент). Темперамент Толстого — кровь, страсть. Старик написал «Хаджи-Мурата».

* * *

«Двистительно» Л.Т.

20.8.

Израиль смогу полюбить, как жизнь, ибо у меня есть родина, ибо я знаю, что такое родина, ибо Россию люблю несравненно сильнее жизни.

* * *

Повести: «Капитанская дочка», «Хаджи-Мурат», «Степь», «Коза», [Зощенко], «Котлован», «Один день Ивана Денисовича».

* * *

Тёща Майе: «На (в) чужом пиру похмелье». Поистине н а ч у ж о м!»

* * *

Вера Ив.[Прохорова], с которой общался так мало, насколько была мне ближе Майки!

* * *

Полиглот – как правило = космополит от языка, враг языковой стихии. Зализняк [Анд. Анат.,1935- ,] Заец. Им не медведь – бронетранспортёр на оба уха и на оба глаза наступил.

* * *

Лекции буду читать друзьям за так. «Аудитория» Сегала и Ронена – не для меня. И я – не для неё.

Ближе других мне будет здесь Гершович [12] и Файнберг. Их друзья — мои друзья (там!)

Скучаю по маленькому Авербуху. С ним легко и интересно.

* * *

Кфар Этцион. Том и два тамошних пса! Котомина? Арье! [лев - иврит].

* * *

Иврит – сафа

Това, яфа [иврит – хороший, красивый язык]

Аваль:

Барух ха-Шем,

Еш сфат-ха-эм [Слава Богу – есть родной язык].

Доделать.

* * *

Не ищу слов. Теперь слова меня ищут. И находят.

* * *

Очевидность

Мысль – не слово. Мысль – быстрее слова. Рябой [Сталин] не знал даже этого.

* * *

Кто по национальности Сегал? Профессор. Лена счастлива ли? Омри – и тот лучше по-русски.

* * *

Ани [я - иврит]

Иврит – сафа

Каше, сабаль?

- Каше. Аваль:

Барух ха-шем,

Еш сфат ха-эм Това, яфа Иврит – хороший, красивый язык. Тебе трудно, грезчик. Трудно, но, слава Богу, есть родной язык.].

.

* * *

Анахну

Ло нора

Эйн брира [ладно уж – ничего не поделаешь].

21.8.

Ни в одной стране (кроме Израиля) не дают пенсии старикам: предполагается, что пенсия переводится из той страны, откуда приехал.

Во все (?) страны (кроме Израиля) не пускают.

* * *

Борис Чичибабин

Кончусь, останусь жив ли —

Чем зарастет провал?

В Игорево Путивле

Выгорела трава.
Школьные коридоры
Тихие не звенят.
Красные помидоры
Кушайте без меня.
Как я дожил до прозы
С горькою головой?
Вечером на допросы
Водит меня конвой.
Лестницы, коридоры,
Хитрые письма.
Красные помидоры
Кушайте без меня;
Написал [Чичибабин]:
Не в игрищах литературных,
Не на пирах, не в дачных рощах,
Мой дух выковывался в тюрьмах -
Этапных, следственных и прочих.

.....
И все-таки я был поэтом,
В три Бога мать, я был поэтом
и подыхаю как поэт.

Напечатали:
Не в игрищах литературных,
Не на пирах, не в дачных рощах,
Мой дух выковывался в буднях,
Трудах строительных и прочих.
И все-таки я был поэтом,
И все-таки я был поэтом
И побеждаю как поэт.

* * *

Разговор с Евой [неясно, кто, возможно, французская славистка] о
дорогих людях и близких людях. И родных людях.

Неопубликовано «Кармен».

* * *

Как она вглядывалась в меня. В глаза.

* * *

Бахтин. Бог. Бахтин против формализма в 20-е гг. Сам – как
формалист – выше формалистов. (Методика).

* * *

Бог. Сперва: нет; потом: может быть, есть; теперь: может быть еще
сильнее. Но верующим не стал и не стану.

* * *

Майка – при той н е б л и з о с т и со мною, на которую мы изначально обречены, может быть моим лучшим другом. Это зависит т о л ь к о от неё.

* * *

И про дневник – Ишиягу! Пророк...
«Размышления» - назв. книги.

* * *

[...]

* * *

Собаки и я. На ловца и зверь бежит. Петах-Тиква. Тель-Авив (с М.)
Солдат. Что будет с псом?

* * *

22.8.

Неадекватное самознание – комплекс.

Комплекс – элементарная система замочек. Фрейдизм –
правильная, элементарная отмычка, простой ключик.

Фрейдизм, человек, искусство.

* * *

Комплексы. Патологическое влечение к выродку (ам?)

* * *

Всё истинно великое и возвышенное - вне комплексов.
Умнейшая из людей Анна Ахматова о Фрейде.

* * *

Несчастно-закомплексованная Г.Г. мученица [неизвестно, о ком
речь].

Комплексы – явления бездарности. Их проявления – проявления
бездарности.

* * *

«Положительный» комплекс – неполноценности.

«Отрицательный» комплекс – величия.

Сочетание первого и второго – ч у д о в и щ н о

Отрицательный комплекс – у м е р е н н ы й – X, У, (ум, вкус, порядочность, юмор).

Z – закомплексован выше собственной кипы. Его несчастная жена – до несуществующего кадыка.

* * *

Гриша Свирский – без комплексов; здоровый человек.

Говорящий – слушающий.

Пинский – Бахтин:

Толстой и страд. комп. Достоевский и комплексы. Достоевский и страдание.

Новый свет:

1.Новая жизнь

2.Новая планета.

* * *

Полнота духовной жизни = страдание за всех, полнота страдания.

Любовь к русской истории - любовь к России. Небезразлична история славы (бесславия) русского оружия.

* * *

Горнило. Геенна. 9 месяцев. Новорождение. Ясновидение (полнота духовной жизни) = страдание.

Полнота духовной жизни - страдание за всех. Полнота страдания.

* * *

Если евреи не отучатся говорить хором, не научатся говорить по очереди, т.е. слушать, т.е. уважать друг друга — их перебьют.

Лучшие слушатели — Гелескул и Бахтин. Аристократизм.

«Хаджи-Мурат помолчал (он не только никогда не перебивал речи, но всегда выжидал, не скажет ли собеседник ещё чего), потом поднял голову, стряхнул папаху назад, улыбнулся той особенной детской улыбкой, которой он пленил ещё Марью Васильевну». (Гл. XI)

Перелом в человеке – новорождение:

«Хаджи-Мурат остановился, загорелое лицо его буро покраснело, и глаза налились кровью.

- На меня нашёл страх, и я убежал.

- Вот как? – сказал Лорис-Меликов. – Я думал, что ты никогда ничего не боялся.

- Потом никогда; с тех пор я всегда вспоминал этот стыд, и когда вспоминал, то уже ничего не боялся» (гл.XI).

Толстой. «То» - предмет. Любовь к «то», «что» - вещи, плотское (телесно, предметно), материальное, «Двистительно» намернулся (Х-М., гл.XI).

* * *

Община – община

Одновременно – одновременно

* * *

Окуджава, Пастернак, знамение.

* * *

Ударение. Тенденция. Разговорная стихия. Фиксированное ударение. Поэты («антилингвисты») — хранение языка; лингвисты («антипоэты») — безразличие к поруганию языка, т.е. к самому языку. Хамизация языка. Массовая культура. Хамская лингвистика. Остатки фольклора - деревня, Север, Серафима Никитина (лингвистка-поэт) — народное достояние, спасение погибающих сокровищ. Сколько погибло безвозвратно!

* * *

(Х. – вкус к литературе, глухота к языку? Что это значит – его литературный вкус?)

* * *

Туча по небу идёт,

По небу полуночи ангел летел.

Тяготение сущ. к наречиям (**за** угол, **по** полю, **по** лесу).

пережил - пережил

пропил (получку) – пропил (всю ночь)

передал – передал

пробил (час) – пробил (дырку)

Различные группы слов.

1. портфель, доцент, магазин

2. знамение

3. постриг, послушник, духовник.

прапамять – слышит, как говорили (говорят) предки.

взашей (М.С.Петровых)

взашей (Мандельштам. «Под морозную пыль» ,
образуемых вновь падежей)

Самойлов «обижать малышей» [?]

Самойлов, Петровых, Тарковский
Гелескул.

* * *

Хаджи-Мурат
Аристократия Израиля.

Кфар Этцион. Индивидуальные различия внутри аристократии.
Случай с псом. Евреи и собаки. Надпись в немецком парке, в Риге.
Спросить у мамы [мать А.Я. была родом из Риги].

Плебс Израиля. Деньги. История евреев. Гаоны. Ростовщики.
Цветаева.

* * *

Плебс Запада. Америкашки на ливанской границе. (мошав
Маргалиот). Фон.

* * *

Свадьба. Бабель. Мелодия русская «катюша». Еврейские танцы.
Русские танцы по-еврейски. Жених. «Аристократы Молдаванки, они
были затянуты в малиновые жилеты. Их плечи охватывали рыжие
пиджаки, а на мясистых ногах лопалась кожа цвета небесной лазури
(«Король»).

Платонов, Бабель («Великая криница»). Шолохов.
(Коллективизация).

* * *

Я многое смогу сделать в этой жизни, чего не сделал в той (письмо
А.Г. [Анатолию Гелескулу], если опять не сойду с ума.

* * *

Собиратели, накопители информации. Люди-аккумуляторы.

* * *

Пастернак
Жизнеощущение. М. [Мандельштам?] «Я – антицветаевец». И
анти-маяковец.

* * *

Пастернак

За счёт чего динамика (энергия стиха): ритмика, лексика, фразеология, рифмовка.

* * *

Не успеваю писать мысли. Не помогают скоропись, концентрация, сжатость. Устаю нервно. Не только мысль перегоняет слово (так должно быть), но мысль перегоняет мысль. Безумный в Кунцеве: «Я пишу столько-то поэм и столько-то стихов за ночь». Прервать дневник? Не думать? Как? Уж не сердцем ли жить? Это - дотла.

* * *

Майке кажется, что Толстой — зол, безжалостен. Ко мне он добр. Добра сама материя его прозы (Гейне: «материя песни»). Добра, здорова и животворна, как ни у кого, кроме Пушкина.

* * *

Заснул днем чуточку. Сон. Впервые про Израиль. Страшный сон. Хуже яви. Было [во время депрессии]: повторяющийся, неотвязный сон про Россию, что вот в последний момент не уезжаю, извернулся, переиграл; невысказанная радость во сне («я самый счастливый человек в мире») - и кошмар пробуждения.

* * *

Нервная слабость, неустойчивость. Вверх, вниз. На мельнице, бывало, работал по двое суток не спавши — не мог, не помогли снотворные. 9-го мая вышел из больницы, 10-го с Ишягу полуприполз на мельницу. К июню ожили мышцы, воскресло тело. В середине июля проснулся мозг (не прошло еще 1-1/2 месяца). Ишягу Авербух: новорождение в муках, спасение физическим трудом. Дневник.

И.А. — претворенная (сублимированная) телепатически, провидчески — гениальность, (нереализованные задатки). Он боится своего дара, считает, что это — не от Бога. А это, хотя И.А. далеко не святой, — от Бога. У него ничего нет от Лукавого. Дар от Бога — недодаренный или передаренный. Откуда мне знать? Не земной дар.

В.Файнберг ближе к святости, но не так духовно одарен. Хотя тоже одарен.

* * *

«Колокол». Наталья [Белинкова] [13] . Зло. Добро. Дар. Бездарность. Как жил на Западе и умер А[ркадий] Б[елинков]

* * *

Крыши университетские. Все балконы. Деревья. Футбольные ворота. Лопнувшая веревка [14] . Завидовал больше всего мертвым,

но также и парализованным, медленно разлагающимся полутрупам в дурдоме.

* * *

НЕ с прилагательными, наречиями и глаголами

Неумный (дурак)- не умный (отказываем в уме)

Не умно - неумно

Не красивая (так себе) - некрасивая (дурная)

Так же надо бы: не люблю - нелюблю.

Есть негативное понятие негромкий, нелёгкий; потому пишем слитно или раздельно, в зависимости от смысла: негромкий, нелёгкий - утверждения (есть негромкий, есть нелёгкий), утверждения нелёгкости, негромкости;

Не лёгкий, не громкий - отрицания (не есть громкий, не есть лёгкий); отрицания громкости, лёгкости.

Нет понятий «нетихий», «нетяжёлый», потому всегда пишем раздельно: не тихий, не тяжёлый; только отрицание, нет негативного утверждения.

С глаголами надо бы то же самое (недостаток грамматики, а не языка).

* * *

Ненасытность художнического любопытства, плотолюбие Бабеля — стопроцентное здоровье. Платонов наоборот: несравненные изображения больной, страдающей, голодной, чахлой, хилой, умирающей плоти.

Булгаков здоров как писатель. Зощенко — наоборот: постоянно занимался самолечением.

Комплексы — вообще примитивное явление духовной жизни. Комплексы примитивных так же примитивны, как и комплексы великих, Гоголя или Достоевского, например. Их комплексы придавали определенные формы их духовному содержанию, но не комплексами определялся масштаб, калибр этого содержания. Все великое и высокое — вне комплексов.

(Достоевский – вслед за Гоголем. Мережковский)

Аскетизм — передержки или издержки темперамента у Толстого. Его схи́ма — усмирение собственной плоти, во всемогуществе своем держащей соперничать с самим духом.

Толстой — здоровая плоть и мятущийся — как бы независимо от плоти — дух. Чистая духовность. И чистая телесность. Гармония: здоровое страдание, здоровая боль.

Достоевский — больная плоть; дух, мятущийся в сугубой зависимости от больной плоти.

Темперамент Толстого — жизнь, кровь, страсть. Выплески страсти - . Все крайности, нелепости, до абсурдов.

Темперамент Достоевского огромен, но бесплотен. Видимость чистой духовности, на деле во многом — сублимация немощной плоти и озарения, откровения. Дисгармония: нездоровое страдание, больная боль.

* * *

Пастернак

Мандельштам о духовном здоровье . Пастернака («озон»), Цветаева о том же («выписка из тысячи больниц»).

22.8.74

23.8.74

Я и сын.

Ани увни

Ло циони ве ло дати;
Уляй гам ло иехуди.
Аваль Ани исраэли.
Ани хошев, кмо Бен шели.

[Я – не сионист и не верующий,
Может быть и не еврей.
Но я – израильтянин;
Я думаю, как мой сын].

Братья А [Авербухи]

Старший НЕ умнее, но мудрее младшего. Младший лучше говорит и лучше слушает. И – в этом – он аристократичнее старшего. С ним, с младшим, совсем легко. Приятно – с обоими.

* * *

6). [см. ниже, начиная с 1-го непонятная нумерация] Д.С.
[Зачёркнуто: Сегал]

Порядочен? Безусловно.

Умён? Да.

Очень умён? Мудр? Отнюдь нет.

Талантлив? Да.

Чрезмерно? Нет.

Добр? Да.

Великодушен, щедр? Нет.

Самолюбив? Излишне.

Честолюбив? В меру.

Кто он по национальности? Русский? Нет. Еврей? Не очень. По национальности он еврейский «профессор» (Ю.Л.)

Одинаково хорошо (плохо) говорит по-русски и по-американски; т а к ж е б у д е т г о в о р и т ь н а и в р и т е; так же говорил бы на любом другом языке. Родного языка у него нет. Есть ли родина – пока не знаю, посмотрим.

Помнит всё, но не помнит наизусть стихов; в том числе и стихов Мандельштама

Лена Толстая [15] : - Что тебе больше всего нравится в Израиле?

Дима Сегал: - Я больше всего нравлюсь себе в Израиле.

Суворов: «Русские прусских всегда бивали».

Я думаю, что слава русского оружия нам не безразлична. Война с Фридрихом Великим. И тогда побывали в Берлине. Генерал Салтыков разгромил немцев. Ал. С. [Суворов], вихрастый тощий мальчишка, с пустяковой шпажкой бросался в атаку впереди взвода.

Небезразлично нам и бесславию русского оружия: Николай I, жандарм Европы, душил Польшу и Венгрию.

1). Если – не приведи Господь – будет б о л ь ш а я война, я сильнее тревожусь о России, чем об Израиле. Ничего худшего с Израилем не будет. Горсточка мужчин и женщин перебьют стократ больше врагов, сами погибнут все до единого, но детей своих замучить не дадут. Один Бог знает, какие жертвы понесёт русский народ, какие испытания ждут Россию (глядите на Восток). Может, войны не будет. Если будет - рассчитываю на доблесть и стойкость русского солдата.

2). Беседа.

3). Я, быть может, научусь любить Израиль, как жизнь, ибо у меня есть родина, ибо я знаю, ч т о т а к о е родина, ибо Россию я люблю несравненно сильнее жизни.

4). Дорожите породой, гордитесь кастой. Если бы вы только могли вообразить, насколько мы выше Запада!

5). Ударения:

[неразб.]

7). Ире

8). Просьба.

9). Надоумить Нину [Коптелову? Неясно, о чём речь].

10). Филадельфия. Иерусалим. Россия. Оформление. Деньги. Перстни.

11). Братец, а братец... (Л.П.)

Несравненных

Не вздумай

[Неясно, о ком и о чём речь].

12). Санька. Еш закан катан (небольшая бородка)

12). [Повторно]. П. [Пастернак] Книга чисто литературоведческая и литературно-критическая – без публицистики и проч. Ещё пяток-другой планов.

13). Питер, Москва, Иерусалим и т.д.

14). Самое прекрасное здание в Иерусалиме.

15). Юрка. Насчёт пожрать. Всегда ел не много. Теперь понял, что такое есть изысканно.

16). Перстни [Вероятно, речь шла о ювелирной работе И.Глинки, жены Ю.Левина].

17) Фасмер (III).

Секс: Бабель, Платонов, Солженицын.

Солженицын — самый бездарный и пошлый в отношении секса писатель (Костоглов [в «Раковом корпусе»], «Август четырнадцатого»).

* * *

Выродок Отто Вейнингер: «Я никогда ничего не забывал». Есть память и память.

* * *

Фрейд – учёный. О.В. – выродок и спекулянт.

* * *

Лишние слова.

* * *

В.Г. [как видно, В.Гершуни] поджаривается на внутренней сковородке.

* * *

Пушкин о книгах перед смертью: друзья мои.

* * *

В.Гершуни – очень хороший человек.

Всё плохое у него – от болезни.

* * *

Научиться правильно обращаться со своей памятью.

* * *

А.А.Ахматова считала «Процесс» Кафки лучшей книгой XX века.

* * *

До 3-х часов полная мобилизация резервов.
Армия + резервы ~ 500. 000 чел.

* * *

Ю.Ф.К. : [Юрий Фёдорович Карякин]: Счастливец и
Несчастливец
Я и Том.

* * *

Гепард 112-130 км/час.

* * *

Историк Флюссер – Иерусалимский университет Флавий. Христос.
(Не Пинес) [Философ Шломо Пинес, ныне покойный – также
профессор Иерусалимского ун-та]

* * *

Кровь – последняя инстанция тела. Дальше – дух (йога и иудаизм).
Илларион Капучи, архиепископ греко-католический. Вёз из Ливана
на машине гранаты, «калашниковы» и проч. 3 дня под следствием.
Признался, что финансировал террористические акты Аль-Фатха.
Греко-православная церковь.
На Ближнем Востоке Греко-католическая
Признался, что год назад его завербовал Аль-Фатх, якобы угрожая
смертью.

* * *

Пацуа – раненый,
Пцаца – бомба

* * *

Пока Б.Ц. [белая церковь?] не проникнет в иудаизм – не
успокоится. Проникнет ли. «Соска» (И.А. [возможно, приводится
мнение Исаея Авербуха о политике Белой церкви (Б.Ц.) в Иерусалиме]).
А проникнув – успокоится ли?

* * *

Хевель (нет!) лопнул.
Хут – тонкая верёвка.
Эзрахут – гражданство.
Эзрах – гражданин.
Мефакед – командир

Кацин – офицер.

Побуцкать – побить (одесское)

Придумывание, изобретение слов. Лингвисты, поэты.

* * *

25.8.

Комплексы сложны в том смысле, что трудно от них избавиться; они мучительны, болезненны. Они примитивны по содержанию своему. По сравнению с высокими проявлениями (явлениями) психики, душевной жизни.

Комплексы – не натура; это – травмы. Натура неизменна. Комплексы устранимы; характер изменяем.

Комплексы – неправильное (неадекватное) самосознание. Калибр личности – в генотипе.

* * *

Бар-Яков –

Не смерд;

Рак коф [только обезьяна],

Рак керд [только накипь; непонятна мысль].

5.9.74

Если бы Фёдор Толстой-Американец застрелил на дуэли Пушкина, самоё имя Толстой навеки было бы связано с этим убийством. Хвала небесам, Фёдор Толстой был не американец, а русский дворянин (хотя и шулер).

«Русские используют экстремистские арабские режимы точно так, как в своё время нацисты использовали Испанию в 30-е годы, чтобы испытать свои новые виды вооружения и, что ещё более важно, испытать решимость демократии!»

(Джеральд Форд)

* * *

Арабы вели с Израилем Священную войну (Джихад).

Израиль – 3 мл. (с палестинскими арабами)

Арабы: Египет, Сирия, Ирак, Иордания (дивизион? [?]), Марокко, Кувейт, Саудовская Аравия, Судан, Тунис, Алжир – 111.292.000 человек.

(миролюбивые арабские правительства; народы; израильские агрессоры)

С арабскими правительствами незнаком, арабы-грузчики – правда миролюбивы.

- [1] В квадратных скобках – прим. М.Улановской.
- [2] Г.Суперфин. В это время находился в лагере. См. о нём завершающие страницы [«Автобиографических заметок»](#) («Интервью»).
- [3] М.Л.Гаспаров - русский филолог.
- [4] Литературовед и филолог Ю.М.Лотман принадлежал к нелюбимому А.Якобсоном направлению структуралистов.
- [5] Неустановленное лицо
- [6] Сарнов Бенедикт Михайлович, 1927- российский критик, литературовед.
- [7] Друг А.Я., московский учёный-филолог.
- [8] М.С.Петровых (1908-1979). Вместе с Д.Самойловым вела в 60-е годы переводческий семинар. Была большим другом А.Якобсона. В её доме он встречал Ахматову во время её наездов в Москву.
- [9] Л.Е.Пинский (1906-1981) - литературовед, ныне покойный.
- [10] И.Берлин (1909-1997) - английский философ и специалист в обл. политических наук, родом из России. Работал после войны в британском посольстве в Москве. О его встречах в Ленинграде с Ахматовой см.: Berlin I.: Meetings with Russian writers in 1945 and 1956. - In his: Personal impressions. London, 1980, p.156-210. Там же - об их последней встрече в 1965 г. в Оксфорде.
- [11] Ю.В.Белоусов - сын покойного друга А.Якобсона Всеволода.
- [12] В.Гершович - иерусалимский друг А.Якобсона, знакомый ещё по Москве, автор большей части примечаний к «Интервью», помещённому в сборнике «Почва и судьба». Как и Файнберг, выделен здесь как участник правозащитного движения в Сов. Союзе.
- [13] Вдова А.Белинкова, писателя, литературоведа и узника сталинских лагерей. Живёт в США.
- [14] «Крыши университетские, все балконы...» - то, что во время депрессии манило покончить с собой. «Лопнувшая верёвка» - об одной из таких попыток, после которой пришлось лечь в больницу.
- [15] Литературовед, преподаватель Иерусалимского университета, в то время жена Д.Сегала.

Елена Поздеева

Киров, Россия

Из истории моей семьи. Тарловский Гершон Йоселевич

Предваряя эту публикацию, хочется заявить о нашей поддержке МЕМОРИАЛА, а также движения «Последний Адрес», на которые в современной России идут постоянные гонения. Без сохранения памяти – нет государства и нет народа, об этом следует помнить тем, кто стоит у власти.

Редакция журнала ЧАЙКА

«Мы все, выросшие в России — внуки жертв и палачей. Все абсолютно, все без исключения. В вашей семье не было жертв? Значит, были палачи. Не было палачей? Значит, были жертвы. Не было ни жертв, ни палачей? Значит, есть тайны. Даже не сомневайтесь!»

Этот текст написан Владимиром Яковлевым – журналистом, основателем и первым главным редактором ИД «[Коммерсант](#)».

В нашей семье была тайна. Ее больше нет. Я – внучка жертвы. Об этом мне рассказал папа, который полвека молчал о своем отце, моем деде, Тарловском Герасиме Осиповиче.

Опубликовав в журнале «[Чайка](#)» свою первую статью, посвященную истории моей семьи, я думала, что исчерпала все возможности по поиску информации о своем деде. Но я даже представить себе не могла, какое последует продолжение. Оказывается, потянув за ниточку, я начала разматывать огромный клубок.

Прошло полгода, и неожиданно через редакцию журнала «Чайка» на меня вышла сотрудница питерского Мемориала Елена Кондрахина. В редкой книге "[Letters from Russian Prisoners](#)" она нашла фотографию Тарловского Герасима Осиповича. До этого у нас хранился единственный любительский снимок, где дед стоит на втором плане; изображение нечеткое, довольно мелкое.

А тут – фотография, достаточно качественная, сделанная в мастерской, с подписью – Gershun Tarlovsky ("Geraska") Student. Так вот откуда имя – Герасим, совсем не еврейское. Очевидно, это было прозвище, которое дед взял, участвуя в анархическом движении, и которое впоследствии стало его именем. Итак, имя моего деда было Гершун. Или Гершуни? Гершон?

Елена Кондрахина занимается оцифровкой Соловецкого архива в петербургском Мемориале, где хранятся собранные личные дела заклученных и другие документы 20-х годов. Особое внимание она уделяет сведениям о политзаключенных на Соловках (эсерам и анархистам). Таким образом, Елена и натолкнулась на фотографию моего деда, сопоставила фамилию Тарловский с фамилией из статьи в «Чайке» - и прислала нам этот бесценный снимок, за что вся наша семья ей безмерно благодарна. Елена нашла также новые сведения, представляющие интерес для моих поисков.

Клубочек разматывался по крупичам, одна к одной; собирались факты, дополняя имевшиеся у нас сведения.

Мне несказанно повезло, что судьба свела меня с Ириной Островской из Московского Мемориала. Ирина не просто помогала в поисках. Если прежде я наугад блуждала в Интернете, отправляя запросы в разные инстанции по своему разумению, то сейчас у меня появился наставник-профессионал.

Для начала Ирина по косточкам разобрала мою статью в «Чайке» - и дала ценные советы.

«Отец его (Герасима) сначала работал закройщиком в кожевенной мастерской, а позже занял должность управляющего кожевенным производством. Герасим получил домашнее образование».

Очень интересный факт, отмечает Ирина Островская. Домашнее образование детям давали лишь люди состоятельные. Значит, Иосиф Тарловский был заметной фигурой и надо искать его на страницах адрес-календаря Гродненской губернии. Все они отсканированы и выложены в интернет. Требуется внимание и терпение, предупредила Ирина, но результат может быть.

Я скачала пару десятков томов – начиная с 1886 до 1916 года - и несколько вечеров провела за компьютером. И вот, наконец, в томах за 1906 и 1909 годы нахожу запись: «Тарловский Йосель, м. Крынки Гродненского уезда, казначей пожарного общества».

Так мы узнали, что нашего прадеда звали Йосель, следовательно, мой дед был Гершун (Гершон?) Йоселевич.

Ирина анализирует статью дальше. Если Герасима Осиповича в 1922 году арестовали в Москве, значит, надо искать его дело в Центральном Архиве ФСБ; первый арест должен быть очень информативным.

Отправляю запрос в Центральный Архив ФСБ России.

«В 1938 году Герасима Осиповича снова арестовали... Во время войны Крым был оккупирован немецкими войсками, и скорее всего, все местные архивы были уничтожены», - писала я в предыдущей статье.

Нет, это не так, отмечает Ирина Островская. Дела тех лет сохранились, надо искать. Прокуратура Крымской области реабилитировала по этому делу Тарловского Г.О. в 1989 году. Значит, дело есть.

Пишу запрос в Управление ФСБ по республике Крым и городу Севастополю.

Следуя инструкциям Ирины Островской, помимо этих двух писем отправила с десятков новых запросов в различные архивы МВД, ФСБ, ФСИН.

В ожидании ответов складываю имеющиеся факты с вновь поступающей информацией и выстраиваю цепочку событий по московскому аресту Тарловского.

Герасим Осипович арестован в Москве 28 сентября 1922 года, а 29 января 1923 года приговорен к трем годам заключения в Северных лагерях особого назначения. 21 февраля этапом отправлен в Пертоминский концлагерь.

Пертоминск находится на восточном берегу Унской губы Белого моря в 180 километрах от Архангельска. Концлагерь в Пертоминске был создан советским правительством в конце 1919 года и негласно использовался в качестве штрафного изолятора для заключенных других северных лагерей Губчека. Одно лишь упоминание об этом месте заставляло людей трепетать – ссылка в Пертоминск была равносильна смертному приговору. Заключенных селили в наскоро

выстроенные бараки, которые не отапливались даже в самую сильную зимнюю стужу. Об условиях жизни заключенных свидетельствует тот факт, что на 1200 человек за полгода пришлось 442 смерти. Снабжение продуктами питания было мизерным: людям не давали хлеба и кормили исключительно сухой рыбой. Средний и низший персонал состоял из арестованных чекистов, которые были сосланы по причине слишком очевидного грабежа, взяточничества, пьянства и других нарушений. Эти ребята, потеряв выгодные должности в Чрезвычайных комиссиях центральной России, свою неимоверную злость с неопишуемой жестокостью вымещали на лагерных заключенных.

Спустя некоторое время из Пертоминского концлагеря Герасим Осипович был переведен в лагерь на Соловки.

Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (СЛОН) был создан Постановлением Совнаркома от 13 октября 1923 г. на основе Северных лагерей принудительных работ (Пертоминска, Холмогор и Архангельска) ГПУ и ГУПР НКВД РСФСР.

«Где-то на краю белого света, на берегу моря, скованного льдами, где восемь месяцев в году царит зима, где месяцами не появляется солнце...» - так описывали это место монахи древнего Соловецкого монастыря.

Согласно Положению о Соловецких лагерях, утвержденному Коллегией ОГПУ 3 марта 1924, сюда высылались «особо вредные государственные преступники, как уголовные, так и политические, деяния коих принесли или могут принести существенный ущерб спокойствию и целостности Союза С.С.Р.».

Жизнь политических заключенных на Соловках детально описала историк, руководитель петербургского "Мемориала" Ирина Флиге, посвятившая 30 лет изучению советских репрессий. Политзаключенных («политиков») содержали под охраной, в строгой изоляции от других категорий. В отличие от заключенных других категорий, которые более или менее свободно перемещались по территории Большого Соловецкого острова, «политическим» нельзя было выходить за периметр скита, охраняемый стрелками ВОХР (Военизированной охраны), на ночь их запирали в корпусах.

В то же время «политрежим» считался привилегированным: «политиков» не принуждали к работе, они имели свои органы самоуправления (старостаты), распоряжавшиеся внутренней жизнью скитов и взявшие на себя все взаимоотношения с администрацией лагеря.

Несмотря на то, что «политики» составляли небольшую часть от общего числа заключенных (их было около 400 человек), их присутствие на Соловках во многом определило характер этого периода. Недолгая история политскитов – это история их

ожесточенного противостояния попыткам администрации урезать «вольности» политрежима: в ответ следовали голодовки и обструкции.

Из публикации в журнале "Социалистический вестник" за 1924 год мы узнаем, что Тарловский Г.О. содержался на Соловках в Савватиевском скиту – первом из трех политскитов в этом лагере.

В письме же, которое мы получили из Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея заповедника Архангельской области, сообщается, что «в списках политзаключенных Тарловский Г.О. числился за Муксаломским политскитом».

Савватиевский скит расположен в северной части Большого Соловецкого острова Соловецкого архипелага, недалеко от губы Сосновой. В первые же месяцы после основания лагеря скит стремительно заполнялся вновь прибывающими партиями заключенных. Вскоре лагерное начальство распорядилось перевести часть людей в Муксаломский скит, находящийся на острове Большая Муксалма. Этот остров расположен в восточной части архипелага и соединяется с Соловецким островом дамбой. Переселяя заключенных, лагерное начальство преследовало две цели: с одной стороны, разгрузить Савватиевский скит, а с другой, расколоть сложившиеся группы анархистов, социал-демократов и левых эсеров, изолировав их друг от друга. Тех заключенных, которые не хотели расставаться с товарищами и переселяться в Муксаломский скит, связывали и отправляли на новое место насильно.

Очевидно, таким образом Герасим Осипович и оказался в этом скиту.

Тарловский Герасим Осипович находился в Соловецком лагере с 1923 по 1925 год.

Разматываем клубок дальше.

В Материалах к биографическому словарю социалистов и анархистов НИПЦ Мемориал находим следующие факты: Тарловский Герасим Осипович «отбывал (приговор) на Соловках, а в 10.1925 приговорен к 3 годам Верхнеуральского политизолятора».

Здание Верхнеуральской тюрьмы было построено в 1914 году, а Верхнеуральский изолятор был там «открыт» весной 1925 года, когда в стоявшее уже давно, но до сих пор не заселённое здание, водворили арестантов, устроивших на Соловках голодовку. На новом месте у бывших соловчан сразу отняли свободное хождение: камеры взяли на замки; запретили неограниченное перемещение денег, книг и вещей между камерами, как раньше.

То, как жили заключенные в Верхнеуральском политизоляторе, описала в своих воспоминаниях Олицкая Екатерина Львовна: «Мы получали газеты, журналы, книги, по пяти в декаду от библиотекаря, мы встречались с товарищами по прогулке, в камерах у нас были все

наши личные вещи — письменные принадлежности, нитки, иголки, ножницы, даже бритвы. Жены сидели в камерах с мужьями, братья и сестры соединялись на прогулке. Мы имели право написать и получить по три письма в месяц (ближайшим родственникам). Так было. Но тюрьма остается тюрьмой. Человек, лишенный воли, человек, запертый за решетку, всегда мечется по своей камере, всегда меряет ее шагами. Самый воздух тюрьмы отравлен. Отравлены и лица арестантов, серые, землистые, одутловатые. Политических эзков сопровождают всегда специфические условия. Они не чувствуют за собой никакой вины перед своей совестью, перед своим народом, перед человечеством. В большинстве своем это люди, которые во имя блага других, как они его понимают, приносят в жертву свою личную жизнь. Из жизни, в которой они отказывали себе во всем ради борьбы, из борьбы за идеалы, ради которой они причинили боль своим родным и близким, их вырвали и посадили за решетку... Где-то идет борьба, здесь — бездействие, вынужденное, томительное...

Для политэзков был создан в те годы какой-то единый стандарт репрессий. Все мы получали в административном порядке по пунктам 5810-5811 три года политизолятора, за которыми следовало три года ссылки. Дальнейшее нам было неизвестно, но первое мы знали твердо».

Герасим Осипович не являлся исключением. После трех лет заключения в Верхнеуральском политизоляторе его сослали в Северный край, и, как мы уже знаем, местом его ссылки был Архангельск.

А тем временем пришел ответ из Крымского ФСБ, где говорилось: «Архив Управления какими-либо документальными материалами в отношении Тарловского Г.О. не располагает. Ваше обращение для дальнейшего исполнения направлено в Государственный комитет по делам архивов республики Крым, в состав которого входит Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», в чей адрес, на основании Указа Верховного Совета Украины от 09.09.1991 «О передаче документов КГБ Украины в госархивы республики», передано для дальнейшего хранения архивное уголовное дело № 016138 в отношении Тарловского Герасима Осиповича».

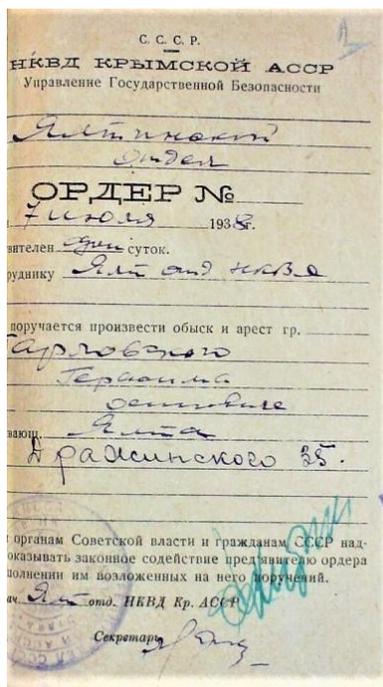
БИНГО!* Спасибо, Ирочка Островская!

И вот оно — дело по аресту 1938 года, который произошел в Ялте. Копии уголовного дела № 016138 в отношении Тарловского Герасима Осиповича, всего 8 листов были высланы мне по электронной почте.

В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения записано, что «гр. Тарловский Герасим Осипович, 1893 г.р., гражд. Польши, до 1921 года проживал в Польше, Германии, Австрии, Венгрии, в 1922 г. ... достаточно изобличается в том, что он является

активным анархистом и ведет контрреволюционную пропаганду среди рабочих».

В связи с этим издано ПОСТАНОВЛЕНИЕ: «Гр. Тарловского Г.О. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58-10 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в тюрьме г. Симферополя», и выписан ордер на арест.

Во время обыска на квартире была составлена опись изъятых «вещей, ценностей и документов:

Паспорт за № 180250 – 1

Книги – 2 шт.

И больше не обнаружено ничего». (!)

В анкете заключенного находим крупницы новой информации:

«Служба в Красной армии: В 1918 и в 1921 г. в Винницком летучем отряде**.

Политические убеждения: Анархист с 1908 года

Партийная принадлежность: С 1908 г. по день ареста примыкаю к анархизму

Арестован 7.07.1938».

Итак, Тарловский Гершун (Гершон?) Йоселевич стал анархистом в 1908 году, то есть в 15 лет. Далее из материалов данного дела мы

узнаем, что впервые его судили «за анархо-деятельность» в 1911 году еще в царской России.

В этом же деле от 1938 года читаем: «В 1915 г. вторично судим за анархо-деятельность».

В протоколе по делу 1932 года арестованный Тарловский сообщал, что «в начале 1917 г. или вернее в 1916 г. судился за политическую деятельность в Германии в Ганновере». Об одной и той же судимости идет речь? Между этими двумя допросами прошло шестнадцать лет. В каком состоянии находился допрашиваемый? Мог ли он точно вспомнить даты? Насколько правильно записывались показания? В одном и том же протоколе 1932 года его отчество было записано по-разному: и как Иосифович, и как Осипович. Возможно, и с годами получилась такая же путаница?

А далее следует протокол допроса. К счастью (насколько уместно здесь это слово), в отличие от протокола от 1932 года, написанного неразборчиво, от руки, этот протокол напечатан на машинке и читается легко (орфография и пунктуация сохранены).

«ВОПРОС: Когда и при каких обстоятельствах Вы попали в СССР?»

ОТВЕТ: в СССР я прибыл в 1921 г. из Польши путем нелегального перехода Польско-Советской границы.

ВОПРОС: Каким образом Вы перешли границу?»

ОТВЕТ: Из г. Белостока, где я проживал, выехал поездом до гор. Барановичи, находившегося от границы 60-65 клм. Откуда наняв извозчика выехал в пограничное местечко Ребжевичи в 8 клм от границы. В Ребжевичи я по рекомендации извозчика заплатил 5000 марок переводчику, фамилия которого мне не известна, и ночью был им переведен через Польско-Советскую границу.

ВОПРОС: Чем был вызван нелегальный переход границы на территорию СССР?»

ОТВЕТ: Причиной моего нелегального перехода на Советскую территорию явилось то, что, я неоднократно преследовался за анархическую деятельность полицией.

ВОПРОС: Проживая в Польше, когда Вы в последний раз арестовывались?»

ОТВЕТ: Последний раз я был арестован в 1921 г. в гор. Белостоке - Польше, где принимал участие в забастовочном движении, как анархист. После короткого времени пребывания под стражей я в числе других был освобожден из под стражи до суда и не дождавшись суда бежал на территорию СССР.

ВОПРОС: Чем Вы занимались прибыв на территорию СССР в 1921 г.?»

ОТВЕТ: Первое время проживания на территории СССР я работал до 1922 г. на заводе Сальмана в Минске, затем переехал в Москву на

завод Парижской Коммуны, где проработал до июля 1922 г. и был арестован за контрреволюционную анархическую деятельность.

ВОПРОС: В каких местах отбывали срок наказания?

ОТВЕТ:

До 1923 г. содержался под стражей во внутренней тюрьме на Лубянке в Москве, со середины лета 1923 г. в Пертоминском концлагере,

до 1925 г. на Соловках,

с 1925 по 1927 г. в Верхнеуральском политизоляторе,

с 1927 по 1932 г. ссылка в Архангельск,

с 1923 по 1935 г. ссылка в Петропавловск и в этом же году был освобожден.

ВОПРОС: Когда Вы прибыли в Ялту?

ОТВЕТ: В Ялту я прибыл в феврале 1937 года.

ВОПРОС: Каких политических взглядов придерживаетесь сейчас?

ОТВЕТ: По своим политическим убеждениям я являлся и являюсь по сей день анархистом, а следовательно продолжаю оставаться идейным врагом Советской власти.

ВОПРОС: Расскажите о проводимой вами контрреволюционной деятельности.

ОТВЕТ: Никакой контрреволюционной работы после освобождения из ссылки я не проводил.

ВОПРОС: Однако Вы остаетесь идейным врагом Советской власти по своим политическим убеждениям.

ОТВЕТ: Совершенно верно, по своим политическим убеждениям я остаюсь идейным врагом Советской власти.

ВОПРОС: А раз Вы продолжаете оставаться идейным врагом Советской власти, оставаясь на позициях анархиста Вы не могли не проводить контрреволюционной работы. Следствие предлагает дать правдивые показания.

ОТВЕТ: Не стану отрицать, что в некоторой части я действительно проводил контрреволюционную работу, которая сводилась к следующему».

Читая эти строки, невольно начинаешь представлять себе неспешную беседу, где арестованный не устает повторять, что является «идейным врагом Советской власти», а следователь, в свою очередь, вежливо убеждает упрямого арестованного «дать правдивые показания».

Не менее прекрасны и ответы арестованного о том, как в Пертоминском концлагере он познакомился с анархистами Красовским Владимиром и Морозовой Татьяной, которые «сгорали желанием окунуться в практическую контрреволюционную работу, претворяя в жизнь свои анархические идеи», и которым он предложил

«разворачивать анархистскую деятельность и вести к-р агитацию против мероприятий Партии и Правительства».

Далее мы читаем, что Морозова и Красовский благополучно совершили побег из Пертоминского концлагеря, остановились в Саратове, где «для лучшего осуществления своей контрреволюционной работы... занялись изданием ... контрреволюционных листовок, чтобы завоевывать известные позиции в рабочем классе».

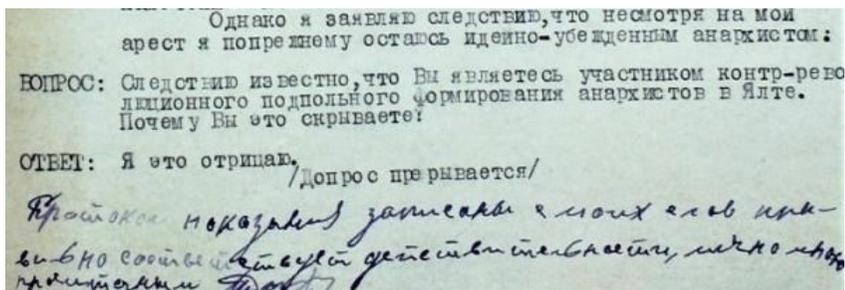
Контрреволюционная деятельность самого Герасима Осиповича в Пертоминском концлагере «в этой области» заключалась в том, что он «периодически воодушевлял окружающих (его) анархистов, готовил их к практической работе по освобождению из ссылки».

Находясь в ссылке в Архангельске, арестованный «рассказывал ссылным сущность неравной оплаты труда, высокую оплату труда отечественных работников и целый ряд других вопросов, которые считал необходимым заострять, так как они являлись ... наиболее актуальными на современном этапе, и могли находить сочувствие среди отсталых слоев населения».

Замечательное место! Только «отсталые слои населения» могли быть недовольны своей низкой оплатой труда по сравнению с руководящими работниками.

В 1932 году Герасим Осипович «был переведен для отбывания наказания в Петропавловск (Казахстан), где также пытался развернуть работу среди ссылных». Но, к его несчастью, в Петропавловске подавляющее большинство ссылных анархистов оказались анархомистиками, с которыми он «никак не мог найти общего языка» и его «неоднократная попытка к единству действия оканчивалась философскими спорами ничего не дающими в практической работе».

Проживая в Ялте, Тарловский, «не желая оставаться пассивным от анархической деятельности», также «проводил контрреволюционную агитацию направленную на подрыв авторитета Советской власти».

В конце этого протокола читаем: «Первоочередной задачей я ставил воспитать парочку лиц в духе анархизма, с которыми и

развертывать дальнейшую работу, но арест, последовавший 7/VII не дал мне осуществить намеченные планы.

Однако я заявляю следствию, что несмотря на мой арест я попрежнему остаюсь идейно-убежденным анархистом.

ВОПРОС: Следствию известно, что Вы являетесь участником контрреволюционного подпольного формирования анархистов в Ялте. Почему Вы это скрываете?

ОТВЕТ: Я это отрицаю».

Обстоятельная беседа, чудные формулировки с обеих сторон. Но после последней реплики арестованного «Я это отрицаю» допрос прерывается. Смотрим дату проведения данного допроса: 9-10 июля 1938 года. Протокол занимает четыре машинописных листа. Четыре листа, примерно на два часа неторопливого допроса. 9-10 июля ...

Можно только представить, что скрывается за этими витиеватыми вопросами и ответами, почему потребовалось так много времени на столь непродолжительный допрос. Страшно подумать, что последовало после ответа «Я это отрицаю» и для чего был сделан перерыв в допросе.

Допрос возобновился лишь 11 июля. В Протоколе Дополнительного допроса читаем, что Герасим Осипович поддерживал связь с анархистом Сно, работавшим фотографом в Алушке, Браверманом Иосифом Моисеевичем, анархистками Яковлевой Верой Павловной, Видерман Лизой Лазаревной, с меньшевиком Пуме Михаилом Дмитриевичем, с Вегер Марией Моисеевной, проживавшей в Эссентуках.

И вновь, как и в протоколе допроса от 1932 года, всплывает фамилия Дубинский.

«ВОПРОС: С кем из анархистов, находящихся за границей Вы поддерживаете связь?»

ОТВЕТ: С анархистом Дубинским Еней, проживавшим в Парнасе, которому писал письма, но последние 2-3 года связи не имел. Дубинский является мужем моей родной сестры».

Из протокола от 1932 года мы знали лишь, что у Тарловского Г.О. были братья: Борух, Матес, Соломон, Мойше. Так оказывается, у него была еще и сестра, возможно, и не одна.

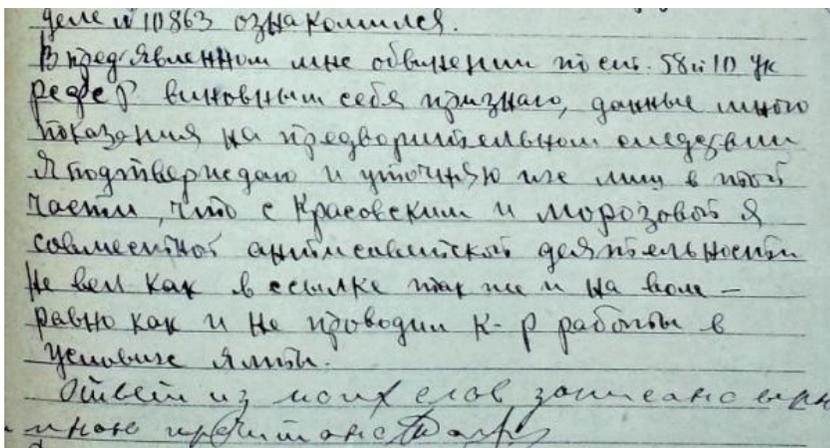
И окончание допроса:

«ВОПРОС: Известно, что Вы являетесь участником контрреволюционного формирования анархистов в Ялте. Почему Вы об этом не говорите?»

ОТВЕТ: Ни о каком контрреволюционном формировании анархистов в Ялте мне ничего неизвестно. И по существу этого показать ничего не могу».

Зря прерывался допрос от 9-10 июля. Герасим Осипович, судя по протоколу, был убежденным идейным анархистом, чего и не скрывал. Но он не являлся членом никакого «контрреволюционного подпольного формирования анархистов» в Ялте. Скорее всего, подобной организации вообще не существовало.

Но все-таки в 1938 году органы работали намного эффективнее, чем в 1932 году. Если при аресте в 1932 году Тарловский Г.О. виновным себя не признал, то, спустя шесть лет в Протоколе об окончании следствия от 1939 года января 4 дня гор Симферополь записано: «В предъявленном мне обвинении по ст. 58-10 УК РСФСР виновным себя признаю, данные мною показания на предварительном следствии подтверждаю и уточняю лишь в той части, что с Красовским и Морозовой я совместной антисоветской деятельности не вел как в ссылке так и на воле – равно как и не проводил к-р работы в условиях Ялты».

Дело № 10863 о Знакомстве.
В предъявленном мне обвинении по ст. 58-10 УК
РСФСР виновным себя признаю, данные мною
показания на предварительном следствии
подтверждаю и уточняю лишь в той
части, что с Красовским и Морозовой я
совместной антисоветской деятельности
не вел как в ссылке так и на воле –
равно как и не проводил к-р работы в
условиях Ялты.
Добейте из слов записки
и не принимайте во внимание

Вся вина моего деда состояла в его взглядах, от которых он так и не отказался, выступая за принцип равной оплаты труда простых рабочих и «отечественных работников», у которых оплата труда была высокой.

Следственное дело № 10803 по обвинению Тарловского Г.О было направлено на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 37

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

От 23 октября 1939 г.

СЛУШАЛИ:

Дело № 10803 Крым АССР по обвинению Тарловского Герасима Осиповича, 1893 г.р. ур. г.Гродно (Польша), еврей, гр. СССР

ПОСТАНОВИЛИ:

Тарловского Герасима Осиповича за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок со дня ареста.

Дело сдать в архив.

А вскоре события приняли неожиданный оборот. Пришел ответ из Центрального Архива ФСБ России.

Во-первых, в этой истории появился новый персонаж – Вера Кеврик, предыдущая жена Герасима Тарловского. Во-вторых, представленные копии паспортов, свидетельства о рождении не являются доказательством родства. Формально это так: мой дед – Тарловский Герасим Осипович, а в архиве ФСБ хранится дело Тарловского Герсона Йоселевича, у которого женой записана Вера Кеврик, а не моя бабушка, Фарбер Шейна Зельмовна.

Последний факт не вызвал у меня большого удивления. Герасим познакомился с моей бабушкой, когда ему было уже под сорок лет. Можно уверенно предположить, что до этого времени у него была личная жизнь, но и я подумать не могла, что этому отыщутся документальные подтверждения.

По данным Мемориала, в начале 20-х Вера Кеврик была женой одного видного анархиста, Максима Альтенберга, он же Кеврик. В 1920 Альтенберг был отправлен разведкой в Польшу, там порвал с большевиками, там и умер в 1926.

Очевидно, после отъезда Альтенберга в Польшу Вера Кеврик стала женой Тарловского Герасима.

Согласно справке из Мемориала, «Вера Кеврик была арестована в Москве в 1921 году. В 1922 жила в Смоленске, член группы анархистов. Арестована в Смоленске в сентябре 1922. Постановлением от 23.02.1923 приговорена к заключению в концлагерь на 2 или на 3 года. Отправлена этапом из Москвы 18.03.1923.

С 1923 содержалась в Соловецком лагере особого назначения, где заболела туберкулезом. С 17.11.1924 переведена в Кемлаг.

Освобождена под надзор 05.03.1925. Видимо, по освобождении приговорена к ссылке в Сибирь. Жила в Бийске Сибирского края. Поддерживала связи с заграничным Фондом помощи при Международном товариществе рабочих заключенным и ссыльным анархистам и анархо-синдикалистам в России (ФПЗСА). По сведениям ФПЗСА, на ноябрь 1930, «бесследно исчезла».

Если сопоставить некоторые даты, то можно предположить, что Тарловский Герасим и Кеврик Вера проходили по одному и тому же делу: оба арестованы в сентябре 1922 года; приговор Герасиму вынесен 29 января 1932 года, Вере - 23 февраля 1923, оба содержались в Соловецком лагере особого назначения. После того, как в ноябре 1924 Кеврик была переведена в Кемеровский ГУЛАГ, их пути разошлись.

Тот факт, что ФСБ отказалось признавать мое родство с Тарловским Герсоном Йоселевичем означает лишь, что копии материалов дела мне не пришлют. Но остается возможность поехать в Москву и ознакомиться с этим делом в читальном зале Архива ФСБ. Ситуация осложняется тем, что архивы закрыты для посетителей вследствие карантина по ковиду.

Будем ждать.

Будем ждать и ответов на запросы в Архангельск, где на данный момент обрываются следы поиска. Согласно справкам, полученным нами из различных архивов ФСИН, МВД и ФСБ, «Тарловский Герасим Осипович (Йоселевич) по состоянию на 10 августа 1943 года работал столяром базы № 2 ООС ВятЛага. Тарловский Г.О. был освобожден из заключения 07.07.1943 и оставлен в лагере до конца войны для работы по найму «согласно приказа НКВД СССР за № 185». Тарловский Г.О. был повторно осужден 30.10.1943 по ст. 162 п. «Д» УК РСФСР и приговорен к 5 годам лишения свободы. Начало срока 10.08.1943, конец срока 10.08.1948».

Что интересно, в справке из архива УФСИН по Кировской области указано, что «осужден по ст. 162 п. «Д» на 5 лет без права переписки». В справках же, полученных из МВД по Кировской области и из ФСИН по республике КОМИ, значится лишь статья 162 «Д», фраза «без права переписки» уже пропала.

После вынесения приговора Тарловский Г.О находился в ЦИЗО, ОЛП 8,1 (Кировской области), а 05.01.1944 убыл в Воркутлаг. Прибыл

в Воркутинский ЛГУ 29.01.1944, убыл 25.06.1944 в Архангельский УИТЛКА.

Закончить хочется тем, с чего я начала эту статью, - с текста [Владимира Яковлева](#). «Статистически сегодня в России — нет ни одной семьи, которая так или иначе не несла бы на себе тяжелейших последствий беспрецедентных по своим масштабам зверств, продолжавшийся в стране в течение столетия.

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, до какой степени этот жизненный опыт трех подряд поколений ваших ПРЯМЫХ предков влияет на ваше личное, сегодняшнее восприятие мира? Вашу жену? Ваших детей?

Если нет, то задумайтесь.

Нам часто кажется, что лучший способ защититься от прошлого, это не тревожить его, не копаться в истории семьи, не докапываться до ужасов, случившихся с нашими родными. Нам кажется, что лучше не знать. На самом деле — хуже. Намного.

То, чего мы не знаем, продолжает влиять на нас, через детские воспоминания, через взаимоотношения с родителями. Просто, не зная, мы этого влияния не осознаем и поэтому бессильны ему противостоять.

Самое страшное последствие наследственной травмы — это неспособность ее осознать. И, как следствие — неспособность осознать то, до какой степени эта травма искажает наше сегодняшнее восприятие действительности».

Я не имею права останавливать свой поиск. Надеюсь, что продолжение следует.

* Когда кто-то восклицает бинго, это значит у него что-либо получилось (молодежный слэнг, прим. ред.).

** Летучие отряды - временные формирования в Русской армии, существовавшие после революции 1917 года (прим. автора).

Ирина Роскина
Иерусалим, Израиль

Из семейного архива. Наташа Роскина и ее близкие

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатели журнала «Чайка» уже встречались с героями моего семейного архива.

По сюжету данная публикация продолжает «Письма моей бабушки». А то, что происходило с героями этих писем дальше, было опубликовано в журнале еще раньше. Так получилось, потому что материалы архива печатались не по хронологии, а по мере того, как они у меня оказывались и мной обрабатывались. В общем в поисках продолжения, ищите: «Переписка моих родственников в годы войны 1941-1945 (рубрика «Память войны»)). Ссылок не даю, легко находится.

Наташа с мамой

Главное действующее лицо этой части семейного архива - моя мама, девочка, родившаяся в Ленинграде. В данную публикацию включены и несколько писем Наташиных мамы и бабушки Наташиному отцу, который жил в Москве, и письмо ему маленького Алеши. Однако в основном здесь печатаются письма Наташи – отцу, бабушке, маме. И ответные письма Александра Иосифовича Роскина дочери. Сначала Наташа диктовала маме, потом училась писать сама. Обратим внимание на то, как даже детские письма, которые казалось бы, не касаются исторических перипетий, дают штрихи для понимания общей картины жизни.

То какая-то хорошенькая вещица привезена из Львова, значит этот город уже присоединен к Советскому Союзу. То не приходит учительница французского: во время затемнений финской войны в Ленинграде было опасно. Мы, выросшие в Советском Союзе, не только любим читать, мы умеем читать меж строк и понимаем: если, упоминая книги, которые отец собирается послать дочери, он употребляет слово «достал», значит этих книг не было в свободной продаже. Да и на газету подписаться было сложно. А уж про промтовары и говорить нечего: пальто, туфли, - всего не хватало.

В письмах встречается довольно много имен. Они обычно прокомментированы, но все-таки хочется предварительно рассказать о Наташиных близких.

Наташина бабушка Роза Наумовна Рабинович осталась в 1919 г. вдовой с тремя детьми. Ее муж был врачом, видимо, в белой армии, я точно не знаю – при детях такого не рассказывали. Роза Наумовна очень бедствовала, наконец вернулась с детьми- Гога был еще школьником - из Сочи в Петроград, в котором от их имущества, перевезенного в свое время из родного Харькова, ничего не осталось. Она устроилась куда-то библиотекарем, училась стенографии и старшую дочку Надю, студентку историко-филологического, туда же – по стенографии - определила. Днем Надя записывала заседания, а по ночам расшифровывала и перепечатывала эти стенограммы. В Ленинграде они поселились у дальних родственников. Там все они подружились с Изабеллой Гринберг, впоследствии детской писательницей, там же Надина младшая сестра Лида, целеустремленный биолог, влюбилась и вышла замуж за брата Изабеллы, инженера-турбостроителя Марка Иосифовича.

А Надя, со многими кокетничавшая, целых семь лет тайно вспоминала живущего в Москве Шуру (Александра Иосифовича) Роскина, с которым познакомилась в Сочи. Не знаю, как оказалась в Сочи семья Роскиных, зажиточного московского присяжного поверенного и его жены Веры Львовны. Почему бабушка Вера жила у брата - врача Абрама Львовича Дынкина в Ленинграде, тогда как трое

ее сыновей жили в Москве, - не знаю. Известно только, что Иосиф Гершевич Роскин был похоронен на еврейском кладбище в Сочи рядом с мужем Розы Наумовны Давидом Моисеевичем Рабиновичем (до Сочинской олимпиады сохранялись могилы).

Скажу еще, что старший брат Шуры Роскина – это Григорий Иосифович (дядя Гриша), про которого до сих пор много пишут в связи с препаратом КР – круцин, или лекарство от рака Клюевой и Роскина, которое они якобы передали за границу, за что их в 1947 г. судили сталинским судом чести.

А средний брат – художник Владимир Роскин (дядя Володя) – говоря про него, вспоминают ВХУТЕМАС, Маяковского, Окна РОСТА и что-то еще, однако многое остается и неизвестным: например, какое-то время он явно не имел права жить в Москве, - наверное, есть что-то в архивах органов.

В 1925 г. - по предварительной договоренности - Надя Рабинович и Шура Роскин встречаются в Ялте и сочетаются браком. Свадьбы никакой не было, просто расписались. В будущем – лет через пятьдесят - известный драматург Михаил Вольпин, случайно встречая меня около метро Аэропорт на улице, приговаривал: «А я у твоих дедушки с бабушкой свидетелем брака был». Я неизменно отвечала, что я их никогда в жизни не видела, хотелось бы что-то узнать, но нет, подробностями он не делился (может быть, и сам их забыл, помыкавшись по сталинским лагерям), так что я знаю только то, что читала в бабушкиных письмах.

А.И. Роскин

Александр Роскин тогда начинал как журналист и литератор, по вечерам иногда подрабатывал в качестве тапера в кинотеатрах, он – по слухам – замечательно играл на рояле. Надя переехала к нему в

Москву. Я, прочитав об этом, была потрясена, что моя бабушка жила когда-то в той самой комнате в той самой коммуналке, где проходило мое детство, - в той самой комнате, где в 1944 г., приехав из эвакуации поступать в университет, моя шестнадцатилетняя мама нашла пачку этих своих детских писем, сбереженных ее отцом.

Надежде Давыдовне было плохо в Москве, одиноко. Рожать и растить дочку она уехала в любимый Ленинград: к маме, к сестре, к братишке Гоге. Роскин к ним приезжал, как-то лето провели все вместе у Фраермана в Солотче. Всё время обсуждали, как устроить семейную жизнь, как обменять комнату. В те годы в Ленинграде существовала активная литературная жизнь, но у Роскина-литератора уже завязались какие-то связи именно с московскими редакциями, а налаживать новые было не просто. Кроме того характеры у них обоих были на редкость неделовые. А, может быть, Надя разлюбила Шуру раньше, чем это осознала.

В 1933 г. Надя познакомилась с поэтом и либреттистом Сергеем Спасским. После ее смерти он так вспоминал в письме к ее подруге: «...большой серый дом напротив садика, называемого «Прудки»[1]. Я живу там в годы 30-34-ый. Оттуда я спускаюсь по лестнице, сажусь в трамвай и еду на Невский, чтобы увидеть Надюшу в первый раз в жизни. К этому дому не раз мы подходили вместе. На дорожки «Прудков» въезжает мальпост с моей дочерью, а в нескольких шагах бегают Наташа с ребятами из своей группы. Надюша забегает ее навестить и мы сидим на скамейке, обсуждая и важные, и пустяковые дела» (см. <http://sites.utoronto.ca/tsq/58/Spasskij58.pdf>).

Дочь Спасского Вероника – сейчас мы не скажем про коляску «мальпост» - родилась у законной жены Спасского скульптора Софьи Гитмановны Каплун в марте 1933 г., а ровно через год 12 марта 1934 г. у Надежды Давыдовны и Сергея Дмитриевича родился сын Алеша. Легко себе представить, в каком отчаянии находилась совсем не ханжа, но все-таки воспитанная в старых правилах Роза Наумовна. Она даже любимой золовке, посылавшей им в Ленинград продовольственные посылки из европейской эмиграционной нищеты, постеснялась об этом сообщить. Спасский с Софьей Гитмановной не развелся, жил, видимо, на два дома. Никому из Надиной семьи - кроме Наташи - Спасский не нравился. Он был всем совершенно чужой. Может быть, и то, что он не был евреем, играло роль. Но уж его увлечение антропософией точно никак не вписывалось в уклад семьи. Все вспоминали Шуру Роскина. А Наташа, отца обожавшая, и Спасского, как ни странно, полюбила.

В 1937 г. арестовали Софью Гитмановну – помимо антропософских взглядов ей приписывали и анархистские. Она сидела долго, тяжело, после войны выпустили, Спасский с ней сразу развелся, ее снова

арестовали, сослали – полный кошмар. Я видела ее в конце 1950-х гг., и мне приятно, что она к моей маме приходила – обид на мою бабушку не держала – но сейчас мы не о том. Веронику в 1937 г. оставили у сестры Софьи Гитмановны Клары – она работала редактором, но я не знаю в каком издательстве. А Спасский переехал к Наде.

У Роскина примерно в это время начался роман с Бетти Львовной Федотовой, женой художника Ивана Сергеевича Федотова. Образ Бетти Львовны очень романтизирован фразой из воспоминаний о Роскине Василия Гроссмана (см. http://www.pseudology.org/evrei/Roskin_AI.htm) «В последний раз я видел Роскина 05 июля 1941 года, за день до ухода ополчения из Москвы на фронт. Он стоял среди пыльного пустого переулка и смотрел вслед близкому ему человеку, женщине, уходившей после прощания с ним.

Вот она дошла до угла, свернула в переулок, а Роскин все стоял среди мостовой... Я не окликнул его. То было прощание с жизнью...». Но это позже. Я была знакома с Бетти Львовной, она жила долго, мы ходили к ней в гости, и я знала, что она та женщина, на которой мой дедушка до войны собирался жениться, а все-таки не женился. Видимо, он продолжал любить Надежду Давыдовну. Но Наташа и к ней хорошо отнеслась.

Тем временем Лидия Давыдовна и Марк Иосифович жили в благополучии. М.И. Гринберг стал главным конструктором КБ на ЛМЗ, где создавались проекты мощных, уникальных турбин его конструкции, – в общем, казалось, что огорчает только то, что дети – Сережа, на три года младше Наташи, и Женя, ровесник Алеши, ужасно дерутся. 29 апреля 1938 г. Марк Иосифович был арестован.

Я, будучи еще не совсем взрослая, как-то спросила, не потому ли его арестовали, что в 1920-е гг. он был в командировке в Англии, но старшие на меня ополчились: незачем искать поводов, причина содержится в самой природе советской власти. Чтобы досказать про всех них: Лида не могла устроиться на работу никуда – не брали жену арестованного, совсем непонятно было, чем мальчишек кормить, ни о каких посылках из-за границы в те годы речи уже не было. Как-то все друг с другом делились.

Марка Иосифовича выпустили 28 октября 1939 г., заставили расписаться, что он ни о чем никому не расскажет – говорят, что он не рассказывал, но по его виду понятно было: на ногах не стоял, зубов не было - выбили. Однако его приняли на прежнюю должность. Лида тоже начала работать по специальности. Об их семье многое сказано в переписке военных лет, так что только еще несколько слов о мальчишках. Главный драчун Сережа не просто хорошо учился, а был каким-то выдающимся по способностям. Он мечтал стать ядерным физиком – после войны еврея на физический не взяли. Работал в

авиационной промышленности, не дожил и до пятидесяти лет. Женя тоже стал инженером, хотя казался гуманитарием, в 90-х гг. вывез своих детей в Германию, там и умер, тоже не в глубокой старости.

Возвращаюсь к 29 апреля 1938 г. В тот или на следующий день Лида сообщила сестре, что произошло. Надя побежала к ней и не услышала звонков вагоновожатого – ее увезли на скорой, ногу ампутировали, она начала поправляться, но умерла от тромба. Ей было 37 лет. Ее хоронили 10 июня – в день рождения Роскина, он, конечно, приехал – рыдал.

Ни слова в письмах Наташи или отца нет про их горе. Только один раз Роскин спрашивает, ездила ли Наташа на кладбище. На этом письме нет даты. Может быть, я его неправильно поставила в июнь 1938, может быть, Роскин знал, что на еврейское кладбище ездят только на тридцатый день – но мне казалось, что в июле Наташа на даче, Роскин в Солотче – в общем я не знаю, как правильно. Только заметила еще, что в то лето жили вместе и Лида (без арестованного Мары) с мальчиками, и ее любимая подруга Нина со своей матерью и Катюшей – вот про них еще доскажу. Сарра, мать Нины, родственница Розы Наумовны умерла от голода в блокаду, как и муж Нины архитектор Григорий Френк. А Нине после этого удалось выехать по Ладоге из Ленинграда, но до эвакуированной с детьми архитекторов Катюши не доехала, умерла от истощения на перевалочном пункте в Ярославле. Лида ужасно о ней горевала и удочерила Катюшу, но и эта общая жизнь потом тоже не была простой и сытой. Катюша нынче в Сан Франциско – опять всех по разным странам раскидало.

Роскин после смерти Надежды Давыдовны хотел забрать Наташу к себе, но она осталась с бабушкой и братом, считая, что переедет к нему позже, когда подрастет. Он, как мы видим, часто писал Наташе и просил, чтобы она ему обязательно писала. А Спасский проводил с ней много времени, что-то рассказывал, отвлекал. Он очень подробно описал смерть Надежды Давыдовны (в том письме, которое выше цитировалось) и оставил посвященный ее смерти цикл стихов (см. там же).

Так они и жили после этого ужасного горя, пытаюсь ради друг друга – особенно ради прелестного маленького Алеши - создать видимость нормальной жизни. И в какой-то мере начали какой-то нормальности достигать, во всяком случае уже можно было пошутить на тему, что неполучение Наташей похвальной грамоты при переходе из шестого в седьмой класс, это тот удар судьбы, который можно пережить. Но их – как и всех тогда – ждал новый чудовищный удар, ведь это было лето 1941 года.

Роскин – ему по возрасту идти в армию не полагалось - уходит добровольцем на фронт – в московское писательское ополчение. У Б.М. Рунина прекрасно описано в «Писательская рота» (можно на

Интернете найти). В армии Роскин работал санитаром. Он пропал без вести в октябре 1941. Простите мою практичность, но, может быть, вам будет интересно узнать, если не знаете, что семьям пропавших без вести, в отличие от семей погибших, не полагалась пенсия по утере кормильца, то есть моя оставшаяся круглой сиротой мама не имела никаких денег на существование.

Спасский тоже по возрасту не подлежал мобилизации, он тоже пошел в ополчение, только в ленинградское. Они тоже попали в окружение, но он выжил и вернулся в город. А уж что началось в Ленинграде, какие страшные советские допросы о том, почему это он, видите ли, выжил – деталей нам не рассказывали. Наташины родственники долго не могли понять, когда пережившие блокаду Спасский с дочкой Вероникой и ее теткой Кларой Гитмановной наконец добрались до эвакуационного Молотова (Пермь), что теперь Клара стала ему гражданской женой. Может быть, они бы и простили ему это, ведь он кошмарно измучился и ослаб, и вообще какая разница, но невозможно было видеть, что он потерял всякий интерес к Алеше. Он бросил и Клару Гитмановну и женился в новый раз. И даже Наташа, раньше всегда его защищавшая, из-за Алеши с ним порвала. Неизвестно, простила ли, но узнав о его аресте в 1951 г., возобновила с ним отношения. Его освободили в 1954, я его помню, маме хотелось, чтобы я его полюбила. Он умер от инфаркта в 1956, путешествуя с последней женой по Волге – он и с Надеждой Давыдовой ездил по этой реке. А Вероника, ставшая известной переводчицей с испанского, дружила с мамой до конца.

Можно было бы сказать еще несколько слов про мою маму, но мне не хочется – о ней лучше узнавать от нее самой, не случайно ведь она стала литератором. В журнале «Чайка» опубликованы и ее документальная повесть «Оборотни», и ее письма А.Ф. Перельману, переписка с Копелевыми, письма к ней К.И. и Л.К. Чуковских. И вот сейчас эта публикация, дающая возможность познакомиться с ней с самого ее детства, когда даже я ее совершенно не знала.

Часть 1: Первые годы

1. А. И. Роскину 3 ноября 1927

Телеграмма из Ленинграда в Москву

Принято Ленинград 3 ноября 1927 15:42

Адрес 77 Москва 1 Мещанская 7/22 РОСКИНУ

ПОЗДРАВЛЯЮ ДОЧКОЙ РОДИЛАСЬ СКОРО БЛАГОПОЛУЧНО
БАБУШКА[1]

2. Наташе 27 февраля 1928

Из Москвы в Ленинград от А.И. Роскина открытка с репродукцией картины «Сватовства майора» П. А. Федотова, адресована Наталии Александровне Тузёнской
(Наташе было едва четыре месяца).
Текст рукой А.И. Роскина:
Через 20 лет...

3. А.И. Роскину 9-VI [1933]
(Почерком Н. Д. Роскиной)

Дорогой Зекту, я поживаю хорошо. Вчера приехала ко мне мама, и я ей говорю, что писать.

Скажи от меня дяде Вите[2] спасибо.

Поздравляю тебя с рождением[3] и посылаю тебе конфетюшку. Я уже живу в Удельной и нам очень хорошо. Мы живем на Алексеевской улице прямо от трамвая. Дом 13 кв.2 Коричневенькая дачка первая. Я пью молоко, потому что близко молочница. Лучше всех тетя Клавдия, она меня всегда смешит. А еще бывало хорошо в сосновом лесу. Мы брали туда, когда было уже сухо, подстилку и лежали.

[Почерком Наташи]

ЦИЛЮЮ-УОК-РА

(Почерком Н.Д. Роскиной)

Милый мой Шурик, поздравляю тебя с днем рожденья. До сих пор ничего не собралась тебе по этому поводу купить, хотя намечено. Наташино письмо целиком продиктовано ею. "Вчера приехала" - означает, что когда ты получишь письмо, это будет вчера. Приехала я, конечно, сегодня, сейчас 11 часов, а к вечеру мне на работу. От няни я в отчаянии, но в общем ей здесь живется неплохо. Жара сегодня аховая.

Вчера была на Булычеве[4], но по свойственной нам с тобой беспокойной натуре ушла со 2-го акта. Играют блестяще - правда, не все - Мансурова[5] делает какую-то дегенератку и ее и Басова[6] здесь очень портят голоса, - но пьеса занудная.

Писала[7] позавчера в Союзе композиторов[8], разбирали симфонию Михайлова[9], и "Коммунистический манифест" Белого[10]. Обе вещи так изруганы, что в конце концов Белый попросил прекратить это издевательство, а Чулаки[11] в заключительном слове отметил, что у них появилась "хватка" к разбору и больших произведений[12]. Я так и фыркнула.

Читаю "Красную новь"[13]. Работы не очень много, но времени на нее по обыкновению уходит много - то вызов, то как дурак ждешь целый день, чтобы позвонили (неразб.) В результате в июне у меня пока 3 часа, плюс маленькая халтурка. Наверное, теперь погоняют. Твоих денег до сих пор не получила. На почте сказали, что справку

можно получить только после 4х и я в это время не попадаю.Целую тебя крепко. Надя

5. Наташе (Без даты. 1933)

Дорогая моя крошка, все собираюсь тебе прислать длинное письмо с картинками, да нет времени: то надо читать-писать, то куда-нибудь пойти по делам. Как ты поживаешь теперь без няни? С кем ходишь гулять? Поступила ли ты в группу и что ты там делаешь? Как обходишься без розового халатика и двух рубашечек, которые мама[14] позабыла у меня в Москве? У кого ты бываешь в гостях? Есть ли у тебя новые книжки и игрушки? Непременно напиши мне письмо – продиктуй маме, да сама что-нибудь припиши. Те, кто жили в Солотче[15], иногда тебя вспоминают. А ты их помнишь? Теперь Фраермаша[16] уже не ходит ловить рыбу, Недоверчивый[17] уже не стреляет из лука... Теперь все сидят, да пишут, пишут... И дядя Миша[18] пишет разные смешные стишки для клоунов в цирке, а дядя Витя[19] занимается с детьми в школе, чтобы потом написать про них смешную книжку. Не пишет только Бубкин папа[20], потому что ему надо строить дом в десять этажей.

А помнишь, как мы делили яичницу и манную кашу на секторы, и как ты кричала «ай!», когда находила белый гриб, и какой вой вы поднимали, когда воевали с солотчинскими мальчишками! Целую тебя в глазки. Твой папа.

Жду от тебя длинного письма. Диктуй, пока у мамы не заболит рука писать.

6. А.И. Роскину 25/Х [1933]

(Почерком Н.Д. Роскиной)[21]

Милый Зек, я в группу поступила. Учительницу группы зовут Евдокия Семеновна, а деток зовут Эля, Валерик, который буйнит целыми днями, его один раз наказали и он сидел в другой комнате, мы в тот день переводили картинки, а он сидел наказанный, лежа на диване поперек дивана. Остальных деток мальчика зовут Натик, потом Игорь, потом девочка Алла и еще мальчика зовут Вовик.

В группе мы пишем, а я, Аллочка и Игорь будут скоро списывать с книги. В группе очень интересно, мы маршируем и играем в такие игры, каких и на свете не бывает. Например, одна сидит на стуле, а другие ему говорят, а скажи-ка Эллочка, чей пальчик у тебя на головке сидит, а сам поддерживает этот палец, и она скажет, что Наташин. А я скажу: нет, потому что кто поддерживает, это считается. Играли в Шверцер-петера[22] три раза, по два раза мы все не доигрывали, а третий доиграли и Шварцер-петер осталась Евдокия Семеновна.

Мы назначаем свиданье в саду. Учительница туда приходит и собирает деток. Детки очень хорошие, и вот только Валерик плохой.

25го мы рисовали домики, а еще раньше рисовали картинку красного уголка. Рисуем домики мы уже три дня: 23го, 24го мы были выходные, а 25го мы опять рисовали. 25го мы опять не дорисовали и приходится рисовать еще 26го.

Ходим в группу с 11 до 4х.

Мне дядя Володя бабушкин Верин делает коляску, но я надеюсь, что у него не выйдет. Когда я приехала и его увидела, то хотя его уже любила больше, а все-таки показывала lange Nase[23]. Lange Nase выучили в группе, это меня выучила не мама, ты не думай, Зечинька.

Я помню, кто жил в Солотче. Очень жалко, что они все в Москве, а ни одного в Ленинграде нет.

Я помню, как мы делили кашу и яичницу на сектора, мы с мамой теперь тоже делим на сектора, но только очень редко.

Скоро ли ты к нам приедешь? Ты обещал, что приедешь ко мне в октябре, а сейчас уже октябрь кончается. Ты всегда на мое рождение бываешь в Москве.

(Наташиным почерком) Целую дылу юан п

ДРАГОЕ ПАПА РОСКИНОЙ (ПАПА) ЕОЛКА ПАПАЧКА УМНАБЛА[24]
ПРИЕЗЖАЙ СКАРЕЙ (МАМА) ПАПА) МАМАЧКА/МЯ ТЕБЯ ЖДЕМ ПАПЫ ОТ
НОТАШЫ

7. А.И. Роскину [1933]

(Почерком Н. Д. Роскиной)

Милый Зек,

Я недавно была в цирке. Не было ни Дурова[25] и не ходили на канатах, дык потому мы с мамой идем 30го в театр. Там в цирке было самое лучшее представление, т.е. может быть, другим людям может и не понравилось, но мне это больше всего понравилось. Как пришла лошадь в рубашке, ей принесли кровать с одеялом и подушкой, она сначала села, а потом легла. Но укрывалась она сама. Потом пришел очень смешной клоун и говорит: это моя кровать, какую-то гражданку на нее положили. Подошел с этой стороны, где спинка, видит, а у этой гражданки хвост. Хе-хе. (прим. Просьба: напиши, как смеются).

30-го пойдем в театр, в ТЮЗ, а какое будет там представление – напишу тебе в другом письме, потому что я пишу тебе последнее письмо, когда еще не была там, а когда побуду, то обязательно-обязательно напишу.

Мне зуб не вырвали, а только лечили, а я была там три раза. А во второй раз Шварц[26] взял такой фонарь, который освещал, и мне было очень приятно на него смотреть. В нем были полоски как в радуге, только все одинакового цвета.

Мы в группе очень хорошо проводили день. Там гораздо лучше чем в других группах, и я этой группой очень довольна. Мы там рисуем домики; нам тетя Нелли нарисовала гусей. Картинки были совершенно

некрасивые, но как только мы узнали слово красить, мы сразу закрашивали. Да-а, да-а. Рисунки «гуси» вышли очень красивые, когда мы его покрасили. Потом мы рисовали, - знаешь, наверно, читал в баснях Крылова – «Тришкин кафтан». Целую тебя. Наташа

8. А.И. Роскину [1933] (Здесь и далее сохраняется Наташина орфография)

Милый Зек я тебе обещала, что я тебе расскажу – что в театре. Ну, так слушай там было представляли степку растрепку[27] и пра лола[28] я тебе не пишу потому что мама пичатала и мне не прешлось тебе у нас уже автоматический телефон 2-69-85

Целую тебя. Наташа

9. А.И. Роскину [1933]

Милый Зек,

извини, что я тебе все время не писала, что у меня родилось дитя[29], очень хорошенькая прелесть. Обязательно напиши мне письмо. Я уже умею играть на рояле. Целую тебя. Наташа

10. А.И. Роскину [1933]

Милый зек.

Извини меня что я так долго тебе не писала. Спасибо тебе за игрушки. Как ты поживаешь и пачему ты мне не пишешь письм. я тебе три письма написала а ты мне аднаго. ты знаешь что у нас теперь автмат Ж 2-69-85 цилую тебя. Наташа

11. А.И. Роскину [1933]

Дорогие редакторы я вам придумала такое название ракушка шарик и град что вам понравилось то и берите и еще как килька и снежок. Натшенька

12. А.И. Роскину [1934]

Милый мой папа я конечно играть на рояле не умею а бренчу чижика[30] просто у меня не хватило бумаги превизи мне бирюльки[31] книжки только имей в иду что лесная газета[32] и мюнхгаузен[33] у меня есть. Читать умею но книг не прочла потому что ленюсь.

Цилую тебя. Наташа для папы

13. А.И. Роскину [12.VI-34]

Извини меня что я толко теперь написала письмо, поздравляю тебя з днем ражения целую тебя. Наташа

14. Наташе (Без даты)

Дорогая Наташа, почему ты мне ничего не пишешь? Так хорошие Тузики не поступают. Если ты не будешь мне писать, я тебя выдам замуж за Черномордика. Он будет зубной врач. Захочешь ты пойти вечером в гости или в театр, а он скажет: - Никуда не пойдем, лучше я тебе зуб попломбирую. И будешь ты всю жизнь мучиться. И звать тебя будут гражданкой Черномордик. Потому что стыдно забывать собственного папу.

А я был недавно в гостях у артистов, представляющих кукольный театр[34]. Они показывали представление, которое называется «Макбет»[35]. Убийства и ведьмы – очень страшно. А потом басни Крылова. И сам Крылов разговаривал. И еще выходил Пушкин и гулял, размахивая тросточкой. Вся квартира у артистов завалена куклами, даже уборная. Напиши мне про Сиверскую, как проводишь время. Месяца через полтора увидимся. Очень крепко целую тебя.

15. А.И. Роскину (Без даты) (На машинке)

Милый зек привизи мне что хочиш потомучто я не знаю что лучше а что тебе понравится то и визи пишу тебе так мала потомочто ме с тобой скоро увидимся. НАТАША

16. А.И. Роскину 21 марта 1935

Милый Зек я все время собиралась написать письмо. Я была в Дом писателей[36] там был Чуковский[37] Шварц[38] и еще один писатель толко я забыла его фамилию. Еще там были фокусы и жонгльер и лилипуты танцевывли. как ты живеж. ответь мне. Цилую тебя
Наташа. Роскина.

17. А.И. Роскину Май 1935

ДОРОГОЙ ПАПА СПАСИБО ТЕБЭ ЗА ПИПИСЬМО ОЧЭНЬ ИНТЭ (далее почерком Н.Д.Роскиной) ресное. Ты мне таких писем не посылай, что с (неразб. – макушкой?). Посылай картинку, чтоб было на ней нарисовано, что девочка больна и потом, что Красная шапочка с волком разговаривает у бабушки. Папа, если ты не знаешь про Красную шапочку, то не рисуй, а нарисуй больную собачку с завязанной шеей. Скажи Феерманам[39], чтобы приезжали ко мне.
НАТАША

18. А.И. Роскину [Сентябрь 1935]

Милый Зек. В д.х.в.д.[40] меня не приняли. Буду занематься 1/1 часа с немкой. Как жевет Александра Матвеевна[41] и ты сам.
Целую тебя Наташа.

(На обороте письмо от Н. Д. Роскиной)

Милый Шурик, мы благополучно переехали 9го с дачи. Теперь наступили муки – Наташе целый день нечего делать и я в поисках

учителей. В ДХВД ее не приняли, как и следовало ожидать, за отсутствием музыкальных данных, напрасно ездили с дачи. Мы очень огорчены. Есть какая-то надежда устроить ее на (неразб. ...дел) туда же, но это будет уже чистый блат. Подобрала хорошую немку – выходит очень дорого, ищу другую. Русским и арифметикой попробую с ней заниматься сама, это еще в пределах моих знаний.

Работы уже много, с этой стороны все в порядке. Мама[42] была неделю в отпуску, и я за это время провела ремонт в квартире – содрали обои и выкрасили клеевой краской: мамина комната – охра, точно освещена солнцем, моя - светло зеленая.

Мара[43] все время лежит из-за тромба, потом они собираются на юг, а потом, возможно, и я поеду. Мама на проданную картину решила меня поправлять. Целую тебя.Н

19. А.И. Роскину 27 октября 1935 (На машинке, печатала Н.Д. Роскина)

Милый Зек. Почему ты мне не пишешь? Ты обещал, что напишешь первый, но не написал не первый, не последний. Как тебе не стыдно? Чем писать маме и жаловаться бабушке Вере[44], что я тебе не пишу, лучше написал бы сам. Обязательно приезжай на рождение, а если не успеешь, обязательно на рождество. Я занимаюсь с немкой, сделала успехи. С 1-го урока пишу и читаю, хотя и не знала немецких букв. Как ты живешь?

Целую тебя. Наташа

20. А.И. Роскину [1935] (На машинке)

Дорогой папочка! Я тебе написала письмо и там была только ты тагда был в дом отдыхе а там кто получал потириал. Пишу тебе так мало по таму что мы с тобой скоро увидимся. Цилую тебя. НАТАША

21. А.И. Роскину 13 ноября 1935

Милый Шурик, спасибо за деньги. Они пришли как раз вовремя, чтобы пышно отпраздновать Наташино рождение. Ребят было всего 6, т. к. остальные приглашенные не пришли, но шуму было достаточно. Она получила много подарков, в том числе 4 «Конька Горбунка» (4) – 2 Маугли. Пойду менять. Вера Львовна хотела подарить платье, но в ожидании твоего подарила одеяло. Я очень одобряю эту идею (платье), но здесь мы ничего подходящего не нашли. Хорошо, конечно, шерстяное. «Маленький оборвыш»[45] Наташа не читала, думаю, что ей должно понравиться. Сейчас она читает «Гекелбери Финна», которого я ей подарила в ожидании, что скоро выйдет «Том Соьер». У меня все по-старому. Работы сейчас порядочно. Была раз в театре на «Кармен» с Шарлоттой Моисеевной (!)[46], был бесплатный билет. Постановка очень порастряслась, дирижировал не Самосуд и пела не

Мельтцер[47], но все-таки с удовольствием прослушала. 15го собираюсь с мамой на Мадам Баттерфлей, тоже бесплатно – осилила наконец эту премудрость не платить за театральные билеты, и то с чужой помощью.

Пролезла в библиотеку Исторического факультета, набрала книжек, но в эти дни было некогда даже прочесть газету. Писала в ИРЛИ[48] толстовскую конференцию[49], где дела, по-моему, чуть не кончились мордобоем между Пиксановым[50] и Гудзием[51], но вовремя замяли.

Писала ли я тебе, что стала Наташу водить на кварц. Позавчера ее смотрела профессорша, нашла, что она чересчур бледна и назначила ей сделать все анализы, после чего начнет ей создавать румянец.

Лида[52] таки уехала в Ривьеру, пока очень довольна. Дети здорово ей осточертели. Теперь они терзают маму.

Когда ты собираешься в Ленинград? Пуша[53] под этим предлогом тебе не пишет, что ты все равно скоро приедешь. Целую тебя. Н.

(приписка от Наташи)

Милый Зек. По моему не привози ничего, а когда приедешь то купим вместе. Пишу тебе так мало потому что мы с тобой скоро увидимся. Наташа

22. А.И. Роскину 28 декабря 1935

Милый Зек. Книгу[54] получила и она мне очень понравилась. Книжку[55] мне привизи. Приезжай скорей потому что тебя ждет елка и уже осепается. Бабушка очень волнуется ждет тебя со дня на день пишу тебе так мало потому что скоро увидимся. Целую тебя 1028 р. Наташа

(На обороте почерком Н.Д. Роскиной)

Милый Шурик,

у нас все благополучно. Как видишь, успехов в орфографии Пуша не делает. "Маленький оборвыш" она прочитала залпом. Пишу на почте, т.к. Пуша поручила отправить письмо, и руки замерзли. Целую. Н

23. А.И. Роскину (Февраль 36 г.)

Дорогой зек. Твою книгу[56] получила и прочла. Благодарю за нее. Была у Жени Гринберга[57] на именинах. Там было очень весело и помимо всяких игр был Петрушка и искусственные снежки[58], а домой нас отвизли на машине. Я же собираюсь 10-го февраля у себя устроить куклино роженье.

Занимаюсь музыкой и уже начинаю играть хотя и с астановками. правда ли что кагда учишься играть то надо считать? ответь мне на этот вопрос. Музаки учительница мне нравится но для нас Германия -

враги, и потому для меня самый злейший враг - это немка, и я никогда, никогда не скажу: Мама, я хочу заниматься по-неметский!

Как ты поживаешь. Целую тебя, 2, 10, 1587, раз.

Наташа

Я и забыла сказать что у Жени на именинах мы играли и на разных инструментах. Это был джаз. Я играла на бубне.

Ната

(Рисунки серп и молот, звезда, флаг: пролетарий всех стран соединяйтесь)

24. Н.Д. Роскиной [1936]

Дорогой мамик! Мы встаем в 6-т часов так как иначе няничка не успеает убрать кровати. Ложимся мы в пол8го. Кормят нас средне, но мне часто бывает спициальный заказ от сестры-хозяйки. К нам в палату такую мелюзку, что не дают спать - грудные, или мать свое молоко приносят. Почему бабушка говорит что я никому не клаиюсь - я в письме написала - привет всем. Поцелуй Алешу[59]. Цилую тебя. Письма печатай. Наташа

25. Н.Д. Роскиной [1936]

Дорогой мамик! Миня пиревили в палату N1, 6 отд. Здесь гораздо лучше, и мне надо спешно прислать мягкие туфли, чтобы ходить. Зачем ты мне прислала виноград, когда я тебя просила ничего не присылать. Больше ничего ни присылай. Мы ходим на горшок на обыкновенный и сами достаем. У миня в полате 10 человек, 6 девочек и 4 мальчика, Т.Кузмина каждый день ко мне приходит и сказала что когда приедит дядя[60], то я может быть приеду домой. Лечит миня Доктор Мария Иванна противная.

Здесь веселее но тоже скучно. Ты тоже пиши каждый день, и присылай книги. Но не виноград. Цилую тебя 1000 раз. Наташа

26. Н.Д. Роскиной [1936]

Дорогая мама! Я стала лучше кушать. Вы все ужасно непонятно пишете. Ты лучше не связывайся с Полянкой - она очень противная. Ты верно сказала, что время пройдет быстро - я и не заметила, как лежу 14ть дней. Завтра приедет дядя и мне будет хорошо. Мне ужасно нравится Кузмина. Пришли мне 2-е тетради, 2-а хорошо отточенех карандаша и булочку сладкую. Привет всем. Цилую тибя 1000 раз. Нташа.

Арбуз очень вкусный. Пришли бумагу для пориходов.[61]

27. А.И. Роскину [1936]

Дорогой Зекки! Знаешь, дяде на ногу упала «бомба» с кислородом и он очень хромает. Я пока живу у бабушки Веры. У нас в больнице

была очень славная хозяйка, она мне подарила чашечку старинного фарфора. Весело у вас на праздниках? У нас нет. К 20-м годам готовятся. Я уже хожу, даже была на демонстрации. Получила 3 письма. Пришли «Остров сокровищ». Целую. Ежик

(Далее и на обороте письмо В.Л.Роскиной)

Дорогой Шура!

Письмо твое получила. Удивляюсь, что ты не получил моих писем. Писала после телеграммы два раза. С Наташей теперь все хорошо. У нее только была второй раз ангина, и сейчас еще стрептококки держатся у нее в горле, и она общаться с детьми не может и потому пробудет у нас, до тех пор пока у нее все пройдет. Очень она поблднела и потеряла 2 кило. Сейчас она хорошо ест, и думаю, что поправится у нас лучше чем у Нади. Я уж не поленюсь сделать все, что она захочет. Капризулька она порядочная, но в общем совсем взрослый человек и с ней приятно жить. С дядей одна беда кончилась, другая случилась. По приезде у него была рожа, а теперь неделя как сидит дома – разбил палец от ноги и чуть не потерял всю ногу: упала бомба многопудовая, и счастье, что он стоял далеко и только треснул палец, вообще можно было погибнуть. Вся его поправка кончилась, нервничает и все это на мою голову. Замучилась в больницах: то Володя Козловский[62] болел у меня около месяца, а теперь дядя; да и с болезнью Наташи немало переволновалась, особенно пока Абраша[63] отсутствовал. Устала и чувствую себя неважно. Надя сейчас бывает каждый день у нас. Пиши Наташе чаще, а то она капризничает от безделья и все просится домой, особенно, когда Надя приходит. У нас осень, темно и дождит. Какая у вас погода? Скоро ли ты поедешь в Москву? Доволен ли ты своим пребыванием в Ялте? Думаю, что тебе надо позже приехать в Ленинград, когда Наташа будет совсем здорова. Будь здоров и немедленно отвечай. Пиши, получил ли ты мои письма. Целую. Мама. Привет от дяди

28. А.И. Роскину [1936]

Дорогой зек. Мы сняли дачу в Сестореске. К Чорному ехать мне страшно - очень длинная дорога, и ехать в автобусе 4 или 6 часов не так приятно. Книжку я не получила... верн она на почте потерялась. Басовый ключ хорошо. Я его победила. Я играю уже в нем, трудные вещи. Я живу хорошо и прошу тебя отечать когда я тебя спрашиваю. Также я прошу не давать читать мои письма Софе Дмитревне[64]. Еще событие: мама мне купила очень хорошую парту. Но Алеша уже взрослый парень и все говорит. Целую тебя Наташа

29. А.И. Роскину Сестрорецк 31/VIII.36

Дорогой зекки! Мама уехала кататься по Волге. С нами живет бабушка Роза. Она тебе кланяется. Погода у нас жаркая. Как ты

поживаешь? Бабушка Вера приезжала 4 раза сюда. Целую тебя.
Наташа

(На обороте – почерком Р.Н. Рабинович):

Дорогой Шура! Невероятных трудов стоит заставить Наташу написать письмо, пожурийте ее. Эти несколько слов она писала только потому, что я сидела возле нее, причем каждая мысль, подаваемая мною, ею немедленно сокращалась с ловкостью опытного стенографиста. Из восьми слов она немедленно составляет фразу из 3-4 слов, а большинство предложений ею вообще отвергается, напр., «папа сам понимает, что если я живу у моря и жарко, стало быть я купаюсь».

Наташа прекрасно выглядит, загорела и очень похорошела. Она теперь обращает на себя внимание интересной внешностью, фотографию Вы, наверно, получили.

Погода стала свежей и слава Богу, а то мы изнемогали. Через несколько дней ждем Надю. Сердечный привет от преданной Вам Р.Рабинович

30. А.И. Роскину [Осень 1936]

Дорогой зекки! Я только что была на «Огни большого города», а недавно видела «Дети капитана Гранта»[65]. Обе картины мне очень понравились. В школе очень хорошо, а у меня 6 «Отлично».

У меня есть подруга Ляля, Люда, 3 Вали и 2 Наташи, и 2 Нины. У нас есть пение и физкультура. По пению у меня «Отлично», а по физкультуры «хорошо»... Целую тебя 1000 раз. Наташа Р.

Спасибо за книги. Особенно интересные: «Степь», «Купленный мальчик» и «Дюймовочка»[66].

31. А.И. Роскину [1936]

Дорогой Зек. Я получила «Ребята и зверята», «33 затеи» и «Про кролика»[67]. Ты не удивляйся что я путаю буквы, - я много пишу по-немеский, а мало порусский а оттого мне приходится над каждой буквой призадуматься. Я совершенно забыла какой Рувачка[68] с види. Попроси его пожалуйста что бы он прислал мне его карточку. Скажи что, я его забыла, и хочу вспомнить. Я уже знаю ноты в 4 руки, и когда ты к нам приедешь, то мы будим с тобой вместе играть. Цилую тебя. До скорого свидания. Тузик

32. А.И. Роскину 19 декабря 1936

Дорогой зечик! Я серьезно решила катнуть в Москву на каникулы. Приезжай и поедем. Я набралась опыту в больнице. Раньше я никогда не расставалась с мамой, а теперь рассталась и вижу, что не так уж страшно. Так долго не писала потому что очень много дел в школе: то сбор, то много уроков, то еще что-нибудь. Взяла уже два урока

немецкого. Так как я очень отстала, особенно по арифметике, то я вызвала на соц-соревнование. А в Москву если у тебя мало дела, поедим на недельку. Интиресно. Цылую тебя. Ежик

У нас тоже ходят троллейбусы[69], правда мало. Сейчас я сказала: "сейчас буду писать зеку письмо", а Алеша говорит: "вот он", (показывая на твой портрет)

[1] Сейчас его называют Некрасовский садик. На углу Некрасова (бывшая Бассейная) и Фонтанной.

[1] В Ленинграде жили обе Наташины бабушки: мать писателя А. И. Роскина (1898-1941) Вера Львовна Роскина (урожд. Двойра Лейбовна Дынкина, ум. 1946) и мать Надежды Давыдовны Роскиной (урожд. Рабинович, 1901-1938) Роза Наумовна Рабинович (урожд. Матусовская, 1880-1951). Неизвестно, кто из них послал телеграмму.

[2] Возможно, приятель А.И. Роскина писатель-сатирик Виктор Ефимович Ардов (1900-1976).

[3] День рождения А.И. Роскина – 10 июня.

[4] Пьеса М. Горького «Егор Булычев и другие» в 1932 г. была впервые поставлена одновременно в Ленинградском Большом драматическом театре и в Театре им. Евг. Вахтангова. Ц. Л. Мансурова (роль Шурки) и О. Н. Басов (роль Достигаева) играли в спектакле театра Вахтангова, реж. Борис Захава

[5] Цецилия Львовна Мансурова (настоящее имя — Воллерштейн; 1896-1976), известная актриса Вахтанговского театра.

[6] Осип Николаевич Басов (1892 — 1934) — советский драматический актёр, режиссёр и театральный педагог.

[7] Т.е. стенографировала.

[8] Союз советских композиторов был создан в 1932 г. на основании Постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций для укрепления контроля над художниками, писателями и музыкантами и обеспечения выполнения задач, возложенных на них партией.

[9] Симфония Михайлова - ?

[10] Виктор Аркадьевич Белый (настоящее имя — Давид Аронович Вейс) (1904—1983) — советский композитор, педагог, представитель «пролетарского» направления. Под его «Коммунистическим манифестом», видимо, имеется в виду его песня «Гимн рабочих» на слова Н.М. Минского: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!/ Наша сила, наша воля, наша власть./ В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь!/ Кто не с нами — тот наш враг, тот должен пасть.

[11] Михаил Иванович Чулаки (1908—1989) — советский композитор, педагог и музыкальный деятель.

[12] К сожалению, я ничего толком не нашла о травле композиторов в начале 1930-х гг. Много, конечно, пишут о Шостаковиче (см. например, С. Волков «Сталин и Шостакович: случай «Леди Макбет Мценского уезда», Знамя, 2005, №8), разгромленном в эпохальной статье газеты «Правда» «Сумбур вместо музыки» от 28 января 1936 г., а про предыдущих – скупо. И так кажется не одной мне. См., например, Яша Немцов «Я давно уже умер» на шаламовском сайте: «О композиторах, которых преследовал нацистский

режим, существует обширная интернациональная литература. Композиторов же, находившихся в ГУЛАГе, музыковеды до сих пор игнорировали. Распространенное мнение, будто музыкантов при Сталине не преследовали, - это миф.» <http://shalamov.ru/research/61/14.html>

[13] Литературный журнал, выходивший с 1921 по 1941 гг.

[14] Надежда Давыдовна и А. И. Роскин разошлись примерно в 1933 году (сын поэта Сергея Дмитриевича Спасского Алеша Спасский родился у Надежды Давыдовны 12 марта 1934), тем самым это письмо скорее всего может быть датировано 1933 г., так как Фраерман поселился в Солотче в доме, построенном в конце девятнадцатого века гравером и художником Пожалостиным, в 1932 г.

[15] Солотча – место (сейчас поселок) в Мещерском крае, к северу от Рязани, знаменитое живописностью своей природы.

[16] Рувим Исаевич Фраерман (1891- 1972), детский писатель. К. Паустовский в очерке «Рувим Фраерман» пишет о том, что Роскин, как и многие другие любил приезжать к Фраерману в Солотчу: «Это была дружная семья - Гайдар, Роскин, Фраерман, Лоскутов. Их связывала и литература, и жизнь, и подлинная дружба, и общее веселье.» Гостили там в разное время и В.С. Гроссман, Андрей Платонов, И.И. Халтурин, Константин Симонов и т.д. См. также отрывок из «Книги скитаний» Паустовского <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/kniga-o-zhizni/kniga-skitanij...> (Мне – вслед за мамой – не нравится концовка: «Переводчик из ополченцев сказал им, что Роскин – армянин. Казалось, он был спасен. Но какой-то негодяй выдал Роскина, и часовые отшвырнули его в сторону, где стояли евреи. Тогда Роскин принял яд. Говорят, он мучился недолго». Концовка эта неверна, так как в том то и дело, что не было тех, кто «говорят» - никто этого не видел. Нельзя все-таки такие вещи придумывать, даже если ты писатель. А характер Роскина, созданный писателем Паустовским, как мне – вслед за мамой – видится, описан верно. И очень мне вспоминаются кратчайшие, Паустовский пишет: «в одну-две страницы – очерки о западных писателях. <...> мы и называли статьи Роскина «стальными» – за их краткость, отточенность и холодноватый блеск» – предисловия к маленьким книжечкам Школьной библиотеки Детиздата, которыми я зачитывалась в детстве (все пропало при отъезде в эмиграцию). Эти книжечки были прекрасным введением ребенка в большую литературу.

[17] Не знаю, возможно, Вадим Константинович Паустовский (1925–2000) – сын К.Г. Паустовского от первого брака с Е.С. Загорской.

[18] Видимо, речь идет о Михаиле Давыдовиче Вольпине (1902-1988), которого арестовали в октябре 1933, то есть то лето он еще мог провести в Солотче. Кроме того Мишей звали и Михаила Петровича Лоскутова (1906-1941). В 1940 г. М.П. Лоскутова арестовали и вскоре расстреляли. К.Г. Паустовский в рассказе «Рувим Фраерман» пишет: «Это была дружная семья — Гайдар, Роскин, Фраерман, Лоскутов. Их связывала и литература, и жизнь, и подлинная дружба, и общее веселье.» (Дочь М.И. Лоскутова Таня (р. 1938), художница, - я помню, как она замечательно делала искусство из ничего: расписывала дощечки, банки, бутылки - тоже, как и мы с мамой, жила в писательских домах на Аэропорте, потом уехала в Америку).

[19] По-моему, «дядя Витя» это Виктор Ефимович Ардов (1900-1976), писатель-сатирик, но я не смогла проверить, бывал ли он в Солотче.

[20] Архитектор Михаил Исаакович Синявский (1895-1979). Возможно, имеется в виду десятиэтажный дом по адресу Москва, 1-я Тверская-Ямская ул., 36, строение 1, который был закончен в 1939 г.

[21] Автограф в РГАЛИ.

[22] Карточная игра: парные карты скидываются, а оставшийся с картой проигрывает.

[23] Пальчиковая игра: длинный нос показывается двумя ладонями с растопыренными пальцами.

[24] Видимо: у меня была.

[25] Имеется в виду цирковая династия клоунов.

[26] Стоматолог.

[27] Стихотворная сказка Е. Шварца «Война Петрушки и Степки-растрепки» (оригинальное название: «Степка-растрепка и Погремушка») была впервые поставлена в созданном при Ленинградском ТЮЗе «Театре Петрушки». В 1930 г. этот театр был объединён с Театром марионеток и получил наименование Ленинградский государственный кукольный театр.

[28] «Поиски Лоло в Ледовитом океане» (не знаю, чья пьеса) – также постановка «Театра Петрушки».

[29] Видимо, имеется в виду кукла, а не рождение брата, Алеши Спасского (12.III.1934-31.I.1943), сына Надежды Давыдовны Роскиной от поэта Сергея Дмитриевича Спасского.

[30] Шуточная песенка (Чижик-пыжик, где ты был?/На Фонтанке водку пил./Выпил рюмку, выпил две —/Закружилось в голове) Благодаря легкости мелодии (можно было сыграть одним пальцем) использовалась в начале обучения игры на роале.

[31] Игра, состоящая из малюсеньких деревянных предметов кухонной посуды (хранившихся обычно в хорошенькой коробочке), каждый из которых по одному нужно было специальным крючком вытаскивать из общей кучи.

[32] «Лесная газета» - детская книга о природе (календарь природы) писателя В.В. Бианки (1894-1959), впервые изданная в 1928 г.

[33] Книга Р. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена» в пересказе К.Чуковского.

[34] Имеются в виду Иван Сергеевич Ефимов (1878-1959) и Нина Яковлевна Симонович-Ефимова (1877-1959), художники, создатели театра кукол с представлениями, основанными на классической литературе.

[35] Спектакль «Макбет» был поставлен в 1927 г., так что это упоминание не помогает датировке письма. Сын Ефимовых рассказывал: «Макбет и Макдуфф, вооруженные щитами и мечами, встречаются. Лицо Макдуффа – это лицо белокурого ангела средневековой скульптуры. Когда он входит, виден его спокойный профиль и большой голубой глаз. Начинается битва, он поворачивается – и блестит его огромный гневный черный глаз. <...> Дрались Макдуфф и Макбет, отступая, падая, вскакивая и наступая, изгибаясь, меняясь местами. Быстрая смена различных профилей кукол создавала полное впечатление того, что лица их искажаются <...>. Враги сходились в последней схватке. Здесь управляющие трости Макбета из рук Ивана Семеновича брала Нина Яковлевна, игравшая Макдуффа. От этого создавалось особенно яркое впечатление насмерть сцепившихся врагов. Макбет повержен, убит – но его рука продолжает сжимать меч, торчащий острием вверх. Макдуфф ставит ногу

на грудь врага и устало опускает оружие». - Ефимов А. И. Макбет в кукольном театре Ефимовых // Что же такое театр кукол? М.: СТД, 1990. С. 86–87

[36] Дом писателей помещался в Шереметьевском дворце на Шпалерной 18, позже ул. Воинова, потом снова Шпалерная.

[37] К. И. Чуковский

[38] Е. Л. Шварц

[39] Имеются в виду Фраерманы – детский писатель Рувим Исаевич (друг А. И. Роскина) и его жена Валентина Сергеевна..

[40] Дом художественного воспитания детей в Ленинграде на ул. Чайковского, дом 29. В 1937 году ЛДХВД был реорганизован в ленинградский Дворец Пионеров имени А. А. Жданова.

[41] Александра Матвеевна Рогинская (урожд Рессер. 1864-1936), пианистка, учительница музыки.

[42] Роза Наумовна Рабинович

[43] Марк Иосифович Гринберг (1896-1957), муж сестры Н. Д. Роскиной Лидии Давыдовны, ученый и инженер в области турбостроения.

[44] Мать А. И. Роскина Вера Львовна Роскина (урожд. Дынкина).

[45] Книга Джеймса Гринвуда в пересказе Т. Богданович и К. Чуковского.

[46] Тетка Марка Иосифовича Гринберга.

[47] Самуил Абрамович Самосуд до 1936 г., когда он переехал в Москву на должность главного дирижера Большого театра, жил и работал в Ленинграде и был главным дирижёром и художественным руководителем Ленинградского малого академического театра оперы и балета (сейчас Михайловский театр). М. Л. Мельтцер пела в те годы в Москве в Оперном театре им. Станиславского.

[48] С 1930 г. Пушкинский Дом становится академическим Институтом русской литературы (сокращенно — ИРЛИ), сохраняя свое первоначальное название — Пушкинский Дом.

[49] (Не смогла найти материалы этой конференции, а очень хотелось узнать, о чем был спор).

[50] Николай Кирьякович Пиксанов (1878-1969), литературовед. Сотрудник Пушкинского дома.

[51] Николай Каллиникович Гудзий (1987-1965) – литературовед, профессор Московского Государственного университета.

[52] См. выше

[53] Одно из прозвищ Наташи Роскиной.

[54] «Маленький оборвыш».

[55] Имеется в виду опубликованная в 1935 г. книга А.И. Роскина «Кольцо Севана» о строительстве гидроэлектростанции.

[56] См. выше.

[57] Евгений Гринберг (20.I.1934-23.II.2004), младший сын Л. Д. и М.И. Гринбергов.

[58] О том, что такое искусственные снежки, мне хочется рассказать подробно. Я (Ира Роскина) лет с трех очень любила поесть, и многие родственники мне в этом потакали, знакомя меня с чудесами кулинарии. Так, Ида Исааковна Думова, теща Лидинога старшего сына Сергея, мать жены Сергея Фриды Израильевны, приготовила как-то «снежки», они же «снштейномежки» - божественное блюдо из взбитых с сахаром (сначала с солью надо взбивать, чтобы масса приобрела плотность) и закипевших в

сливках яичных белков, залитых заварным кремом. Вкус врезался в воспоминанья. А потом я, лет десяти, приезжаю в Ленинград на школьные зимние каникулы (а жили Гринберги на Лесном 61, в доме специалистов - его даже в Интернете можно найти - в отдельной квартире, по сравнению с нашей коммуналкой раем казалось), и тетя Лида мне рассказывает, что до войны на день рождения своего младшего сына Жени она делала снежки, но это очень хлопотно. Заметив мой огорченный вид, она обещает, что ради меня постарается и сделает снежки, пока я буду с помощью Кати Френк окультуриваться в Эрмитаже. Я в восторге предвкушенья. Возвращаемся, и под елкой лежит какая-то гнусь: ватные шарики, облитые для блеска клейстером, - снежки. Ух, и влетело мне потом от мамы за проявление горького разочарования, за полное непонимание того, как бедно и трудно жили они до войны, на какие усилия шли взрослые, чтобы порадовать детей, и как Лида хотела доставить мне удовольствие.

[59] Брат Наташи Алеша Спасский (12.3.1934-31.1.1943).

[60] Брат Веры Львовны Роскиной, детский врач Абрам Львович Дынкин (ум. 1946) был в отпуске.

[61] Лист бумаги особым образом складывался и получался парходик с трубой – очень нравилось.

[62] Не установлено.

[63] Абрам Львович Дынкин (ум. 1946), брат Веры Львовны Роскиной.

[64] Софья Дмитриевна Разумовская (1904-1981), известный в Москве литературный редактор (работала и с «классиками»: в 1930 гг. с А. Гайдаром, в 60-70 гг. с Ю. Трифоновым), после войны жена писателя Д. Данина. В 1930-е гг. дружила с А.И.Роскиным (она познакомила его с Бетти Львовной - см. ниже), а после войны Софья Дмитриевна (дома ее звали Тусей) и Даниил Семенович тесно общались с Наташей, тем более, что жили в одном подъезде на Красноармейской 27.

[65] Фильм вышел в прокат в сентябре 1936 г.

[66] Тоненькие книжечки в бумажных переплетах, отдельные издания повести «Степь» А. П. Чехова, рассказа «Купленный мальчик» В. Г. Короленко с иллюстрациями В. П. Васильевой, сказки «Дюймовочка» Г. Х. Андерсена с иллюстрациями П. Митурича вышли в 1936 г. в Детгизе, где А.И. Роскин имел возможность покупать книги, так как сотрудничал там.

[67] Книга «Ребята и зверята» О. Перовской с рисунками В. Ватагина также вышла в Детгизе в 1936 г (см. выше), «33 затеи» А. Абрамова с рисунками К. Кузнецова – альбом-игрушка, М.: Детгиз, 1935 и «Про кролика» - «Сказки дядюшки Римуса» Дж. Ч. Харриса в пересказе М. А. Гершензона впервые были изданы по-русски в 1936 г.

[68] Р.И. Фраерман.

[69] В Ленинграде троллейбус начал ходить в 1936 г., тогда как в Москве троллейбусное движение началось с 1933 г.

Предисловие и комментарии Ирины Роскиной

Часть 6. Литература

Павел Тайбер. Белый гиацинт

Александр Орфис

«Русский бунт» в романе Достоевского «Бесы». К 200-летию писателя

«Герой моего рассказа, которого я пытался изобразить во всей своей красе, был, есть и будет прекрасен. Это Истина»

Лев Толстой «Севастопольские рассказы»

Вон позади вышагивает лжец,
Посажена изящно голова,
Лежат во рту великие слова

.....

Как мало смысла в искренних словах,
Цените ложь за равенство в правах
С правдивостью, за минимум возни,
А искренность - за привкус новизны.
Всего не понимая до конца
Я целиком на стороне Лжеца.

Иосиф Бродский «Шествие»

К 140-летию смерти Федора Михайловича Достоевского хотелось бы сказать несколько слов о его знаменитом романе «Бесы».

Википедия называет его «Одним из наиболее политизированных» произведений Федора Михайловича – причём считает не совсем справедливо.

В первой части романа, занимающей почти 30 % его объёма, 206 страниц из 694,^[1] политики совсем немного, причём почти исключительно в описании молодых лет Степана Трофимовича Верховенского.

Вот именно эта часть Федору Михайловичу удалась лучше всего.

Один монолог Лебядкина ничем не уступает тирадам шута в «Короле Лире» Шекспира.

Действительно, «на закате цивилизации трагедии и фарсы так мешаются, что становятся почти что неотличимы друг от друга»^[2] (Григорий Козинцев).

Кстати, в первоначальном наброске романа^[3] ни о каких «бесах» и речи не было, а сам сюжет несколько напоминал «Униженных и оскорблённых». Жаль, что Федор Михайлович этим не ограничился и занялся антинигилистическими проповедями.

Но если вчитаться в эти злобные филиппики внимательнее, то вспоминаются слова из «Романса лжеца» (в поэме «Шествие») другого

великого автора - Иосифа Александровича Бродского, кстати, большого поклонника Достоевского:

«Друзья мои, я вам в лицо смотрю,
Друзья мои, а вас колотит дрожь,
Друзья мои, я правду говорю,
Но дьявольски похожую на ложь.»

Федор Михайлович пытался изобразить российское революционное движением происками нигилистов, которых, в свою очередь, натравили западники николаевской эпохи. А между тем в самом начале романа[4] «после слухов об Антоне Петрове[5], что и в нашей губернии, и всего-то в пятнадцати верстах от Скворешников, произошло некоторое недоразумение, так что сгоряча послали команду», то есть попросту, произошло восстание крестьян, справедливо возмутившихся, что свободу они получили, а землю нет.

При этом никаких нигилистов во всей губернии ещё нет, а (окарикатуренный) западник Степан Верховенский «до того взволновался, что даже и нас напугал. Он кричал в клубе, что войска надо больше, чтобы призвали из другого уезда по телеграфу; бегал к губернатору и уверял его, что он тут ни при чем; просил, чтобы не замешивали его как-нибудь, по старой памяти, в дело, и предлагал немедленно написать о его заявлении в Петербург, кому следует.»[6]

Кроме того, Федор Михайлович хотел изобразить архимандрита Тихона самым привлекательным персонажем своего романа, а показал его самым омерзительным, так, что я почти благодарен царской цензуре, не допустившей к печати главу «У Тихона».

В самом деле, можно ли представить себе, что в «Преступлении и наказании» Соня Мармеладова в ответ на признание Раскольников «я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил» не воскликнет: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!"», а напротив, начнёт, отговаривать Родиона от явки с повинной хитрыми софизмами («Дальше подобного удивительного подвига, который вы замыслили, идти покаяние не может, если бы только...это действительно было покаяние и действительно христианская мысль»[7]), называть угрызения совести «гордыней»[8] и «бесом»[9], цинично оправдывать совершенное Раскольниковым убийство («Что же до самого преступления, то и многие грешат тем же, но живут со своею совестью

в мире и в спокойствии, даже считая неизбежными проступками юности.

Есть и старцы, которые грешат тем же, и даже с утешением и с игривостью. Всеми этими ужасами наполнен весь мир.»[10]), и советовать Раскольникову лучше позаботиться о своей карьере: «Вся просьба моя лишь в том, что вы... ведь вы уже сознаетесь, Николай Всеволодович (так, кажется, ваше имя и отчество?), что если огласите ваши листки, то испортите вашу участь... *в смысле карьеры*,[11] например, и... в смысле всего остального...К чему же бы портить? К чему бы, казалось, такая непреклонность?»[12]

Более того, Тихон фактически подталкивает Ставрогина на совершение нового преступления, точнее, убийства неудобных свидетелей, разоблачения которых могли бы отправить Николая Всеволодовича на каторгу, тем самым помешав его «нагреву»[13] у «отшельника и схимника»[14] и направлению «великой праздной силы»[15] педофила в нужном направлении: «Нет, не после обнародования, а еще до обнародования листков, за день, за час, может быть, до великого шага, вы броситесь в новое преступление как в исход, чтобы только *избежать*[16] обнародования листков!»[17]. А заодно Тихон «перетолковывает» Евангелие, выдавая Ставрогину индульгенцию на все его прошлые и будущие преступления:

«- Кстати, Христос ведь не простит, - спросил Ставрогин, и в тоне вопроса послышался легкий оттенок иронии, - ведь сказано в книге: "Если соблазните единого от малых сих"* - помните? По Евангелию, больше преступления нет и не может (быть). Вот в этой книге!

Он указал на Евангелие.

- Я вам радостную весть за сие скажу, - с умилением промолвил Тихон, - и Христос простит, если только достигнете того, что простите сами себе... О нет, нет, не верьте, я хулу сказал: если и не достигнете примирения с собою и прощения себе, то и тогда Он простит за намерение и страдание ваше великое... ибо нет ни слов, ни мысли в языке человеческом для выражения *всех* путей и поводов Агнца, "дондеже пути его въявь не откроются нам". Кто обнимет его, необъятного, кто поймет *всего*,[18] бесконечного!»[19]

А всё потому, что Соня Мармеладова это просто верующий человек, а архимандрит Тихон, наслаждающийся «объемистым и талантливым изложением обстоятельств последней войны»[20] и, видимо, наставляющий религиозного националиста Шатова[21] (его монолог впоследствии сам Геббельс цитировал[22]) – «политический мыслитель», как впрочем, и сам Достоевский. Кто - то назвал комбинацию религиозного фанатизма и светской ксенофобии «гремучей смесью».

А главным злодеем у Достоевского должен был выйти верховный нигилист Петр Верховенский (фамилия-то какая!), но Федор Михайлович, скорее, подсознательно, мучимый образом стукача Петра Антонелли, отправившего его на каторгу 12 годами раньше, изобразил Верховенского, скорее, беспринципным двойным агентом, работающим одновременно на правительство и на революционеров, но в действительности заботящимся только о своей собственной выгоде.^[23] Не удивительно, что ещё в 1914 году Сергей Николаевич Булгаков сравнил Петра Верховенского с Евно Азефом.^[24]

А заодно Федор Михайлович попытался нарисовать «ну очень смешную» антисемитскую карикатуру под заголовком «жид Лямшин», но, рисуя её, он ненароком высмеял юдофобию – в том числе и свою собственную:

«Был потом слух,^[25] что Лямшин украл эту пиеску у одного талантливого и скромного молодого человека, знакомого ему проезжего, который так и остался в неизвестности; но это в сторону.»^[26]

А вот ещё лучше:

«И вот икона была в одну ночь ограблена, стекло киота выбито, решетка изломана и из венца и ризы было вынута несколько камней и жемчужин, не знаю, очень ли драгоценных. Но главное в том, что кроме кражи совершено было бессмысленное, глумительное кощунство: за разбитым стеклом иконы нашли, говорят, утром живую мышь. Положительно известно теперь, четыре месяца спустя, что преступление совершено было каторжным Федькой, но почему-то прибавляют тут и участие Лямшина. Тогда никто не говорил о Лямшине и совсем не подозревали его, а теперь все утверждают, что это он^[27] впустил тогда мышь.»^[28]

Уж сколько великих и малых преступлений, проступков и просто несчастных случаев, совершённых за последние 2000 лет (от распятия Иусуса до эпидемии коронавируса), были впоследствии приписаны евреям, хотя первоначально евреев «совсем не подозревали».

И наконец, Федор Михайлович убеждал себя и читателей, «что если в России бунт начинать, то чтобы непременно начать с атеизма»^[29], а между тем, Стенька Разин, которому мог бы уподобиться Николай Ставрогин,^[30] был кем угодно, только не атеистом.

И даже разбойник Федька Каторжный, который сперва ограбил церковь,^[31] а затем, вместе с Петром Верховенским (а не «жидом Лямшиным») осквернил иконостас и запустил туда мышь,^[32] тоже глубоко верующий человек.^[33] Причём в главе «Праздник. Отдел первый» один из ненавидимых Достоевским нигилистов в ответ на путаные «обличения» раскаявшегося Степана Верховенского задаёт

ему и нам, да в сущности и самому автору, совершенно здоровый вопрос: «Здесь в городе и в окрестностях бродит теперь Федька Каторжный, беглый с каторги. Он грабит и недавно еще совершил новое убийство. Позвольте спросить: если б вы его пятнадцать лет назад не отдали в рекруты в уплату за карточный долг, то есть попросту не проиграли в картишки, скажите, попал бы он в каторгу? резал бы людей, как теперь, в борьбе за существование? Что скажете, господин эстетик?» [34]

Вот с чего начался русский бунт, беспощадный, но далеко не бессмысленный. А не с нигилизма или атеизма.

[1] Сужу по изданию 2013 года. Издательство «Азбука-Аттикус». Далее в тексте все ссылки на это издание

[2] *Козинцев Г.М.* Время трагедий. С. 203, 436; *Козинцев Г.М.* Пространство трагедии. С.55.

[3] См. стр. 694.

[4] С. 36.

[5] Крестьянин с. Бездна, Спасского уезда, Казанской губ., Антон Петров принял на себя обязанность читать крестьянам "Положение", и, по официальным данным, слушать его толкование собралось до 5000 человек из разных деревень. Петров утверждал, что по "Положению" вся земля переходит к крестьянам, а следовательно, они не должны ходить на барщину, платить оброк и т. д. Многие из восставших крестьян были убиты, а Антон Петров расстрелян по приговору военного суда.

Lib.ru/Классика: Достоевский Федор Михайлович. Бесы

[6] С. 36.

[7] С. 685 – 686.

[8] С. 692.

[9] Там же

[10] С. 687.

[11] Курсив мой.

[12] С. 691.

[13] См. с. 670.

[14] С. 692.

[15] С. 687

[16] Курсив в оригинале.

[17] С. 693.

[18] Курсив в оригинале.

[19] С. 690-691.

[20] С. 665.

[21] С. 665

[22] Сергей Алленов, «Образ России и формирование политического мировоззрения молодого Йозефа Геббельса», «Полития», №2, 2013.

[23] Паншев Н. В. , Петр Верховенский как агент-провокатор, Российский литературоведческий журнал, С. 171-176, №. 16 / 2002. С. 171-176.

[24] Булгаков С.Н. Избранные статьи. М., 1993. Т. 2. С. 523.

[25] Курсив мой.

[26] С. 317.

[27] Курсив мой.

[28] С. 318.

[29] С. 224.

[30] С. 251.

[31] С. 376.

[32] С. 317-318, 545-546.

[33] С. 545-546.

[34] С. 474.

Анатолий Валюженич
Нур-Султан, Казахстан

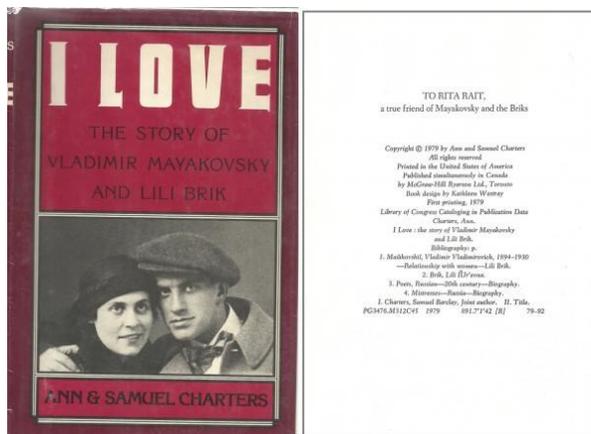

Малоизвестная страница биографии Риты Райт

В журнале [«Чайка» 07.9.2020](#) была помещена интересная статья Ирины Роскиной (Иерусалим) «О РИТЕ ЯКОВЛЕВНЕ РАЙТ (1898-1988)», посвященная ее хорошей знакомой, известной советской переводчице (см. статью Ирины Роскиной в разделе «Воспоминания», прим. ред.) В статье приведены фрагменты биографии последних лет жизни Риты Райт, но тем не менее отсутствует одна страница, которую я решил здесь восполнить.

В 1979 году в США вышла в свет книга Ann¹ and Samuel² Charters "I LOVE. The story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik". Соавторы несколько раз приезжали в Москву семьей, вместе с детьми³ для бесед с Лилей Брик, на которых строилась будущая книга. Собственно соавторство Самуэля довольно условно. Он сопровождал семью в этих

поездках, участвовал в беседах с Лилей Брик, выполнял некоторые вспомогательные работы при подготовке книги к печати.

А вот с какой трудностью столкнулись «собеседники» с самого начала – языковой барьер. Анна и Самуэль Чартерсы не владели русским языком, а Лиля Юрьевна и ее муж Василий Абгарович Катанян⁴ английским. Свободно общаться на каком-то третьем языке, знакомом обоим «собеседникам», как-то не получалось.

И тогда Лиля Юрьевна позвала на помощь свою многолетнюю знакомую – Риту Райт, профессиональную переводчицу с английского, которая охотно согласилась принять участие в этих беседах. И дело пошло. Надо сказать, Рита Райт хорошо знала Маяковского и Бриков еще с 1920-х и в этих беседах произвольно дополняла воспоминания Лили Юрьевны своими. Анна Чартерс оценила эту роль как роль «соавтора» воспоминаний и посвятила ей всю книгу: "TO RITA RAIT, a true friend of Mayakovsky and the Briks".

Но в конце концов эта работа над воспоминаниями была закончена, и американцы уехали к себе готовить книгу к изданию. Лиля Юрьевна прожила после этого недолго, уйдя из жизни 4 августа 1978 г. на 87-м году жизни, не дождавшись выхода книги в свет. На её панихиде в Переделкино 7 августа присутствовала и выступала с прощальным словом Рита Райт. Ей предстоит прожить еще 10 лет.

А в первой половине 1979 года книга "I LOVE" вышла в свет и вскоре была доставлена в Москву Катаняну. Но Василий Абгарович, как уже было сказано, не владел английским языком и попросил перевести её свою невестку Инну Юлиусовну Генс⁵. Она свободно владела английским и сделала перевод с записью его на магнитофон.

Василий Абгарович с большим интересом стал прослушивать эту кассету.

И вдруг - о ужас!- прозвучало, что еще с 20-х годов Лиля Брик сотрудничала с ГПУ!

Конечно, сегодня эта «Тайна» растиражирована и прокомментирована в десятках публикаций о Л.Ю.Брик. Но тогда, в 1979-м, это было, по-видимому, впервые и взбесило Василия Абгаровича. Но кто же из участников бесед мог это «вспомнить»? Ясно, что не сама Лиля Юрьевна. Значит, посредница-переводчица Рита Райт.

И Василий Абгарович сел за гневное письмо к ней:

«Рита!

Я прочитал книгу Анн и Самуэля Чартерс.

Осенью этого года здесь был Роман Якобсон⁶, который уже читал эту книгу, и первый его вопрос ко мне был: «Кто такая Рита Райт? Я объяснил ему, кто вы такая, на что он мне сказал: «Проверь это! Проверь еще раз. У меня такое впечатление, что она из их компании».

Теперь, когда я прочел книгу, мне стало ясно, какая мелкая и подлая душонка жила в действительности в том человеке, которого Лиля неосторожно приблизила к себе и которого мы якобы знали.

Проведя больше пятидесяти лет в этом доме, с этими людьми, я считаю своим долгом и правом одергивать вас Лилиными словами: «Рита, не врите!»

В то же время я надеюсь, что мне никогда больше не доведется с вами встретиться.

В.Катанян

Москва, 29 декабря 1979 года»⁷

Неизвестно, удалось ли им все-таки встретиться, объясниться и как-то уладить свои отношения.

Василий Абгарович Катанян скончался через два месяца после отправки этого письма 15 февраля 1980 года.

Примечания

1. Чартерс Анна (Charters Ann) (р. В 1936 г.), писатель, профессор университета, доктор философии, автор нескольких книг.

2. Чартерс Самуэль (Samuel B.Charters), муж Анны (с 1959 г.).

3. Их дети – Молли, Нора, Лили. Не исключено, что последняя была названа в честь Лили Брик.

4. Катанян Василий Абгарович (1902-1980), известный писатель, литературовед-маяковед, в 1937-1978 гг. муж Лили Брик.

5. Генс Инна Юлиусовна (1928-2014), киновед, кандидат искусствоведения. С 1963 г. жена кинорежиссера-документалиста Катаняна Василия Васильевича, сына В.А. Катаняна.

6. Якобсон Роман Осипович (Roman Jakobson) (1896-1982), всемирно известный российский и американский лингвист, педагог и литературовед. Близкий знакомый Л.Ю.Брик с юности.

7. РГАЛИ. Ф.2577. Оп.1.

А.Валюженич. Пятнадцать лет после Маяковского в 2-х томах. Том 1. Лиля Брик – жена командира (1930-1937). Москва-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 3015. С.487-488.

Вера Чайковская

Москва, Россия

Адам Мицкевич в зеркалах Кипренского и Пушкина

Самое удивительное, что Орест Кипренский нарисовал карандашный портрет сосланного из Литвы «вольнодумца» Адама Мицкевича в самый первый период его появления в Петербурге - между 1824 и началом 1825 года (9 ноября 1824, через день после знаменитого петербургского наводнения, он в нем появился, и в январе 1825 года, почти за год до еще более знаменитого восстания декабристов, уехал в Одессу и Крым).

Тогда его в России мало кто знал. Стихи с польского на русский переведены не были. Это потом, после возвращения Пушкина-главного тогдашнего арбитра в поэзии, - из Михайловской ссылки (1826), имя Мицкевича «прогремит».

Его будут переводить известные российские поэты - сам Пушкин, Петр Вяземский, слепой поэт Иван Козлов. Его будут приглашать в светские салоны, его импровизации в Москве и Петербурге произведут фурор, когда молодой Пушкин, в сущности ровесник Мицкевича, с удивленным восхищением воскликнет после одной из них, разумеется, по-французски :«Какой гений! Какой священный огонь! Что я рядом с ним?». И кинется его целовать.^[1]

Но у Кипренского было какое-то особое пристрастие к поэтам. Пожалуй, никто из современных ему живописцев стольких прекрасных поэтов первой половины 19-го века не изобразил!^[2]

Кроме того, он любил поляков. В 1822 году, находясь еще в Париже как «стипендиат» (тогда говорили «пенсионер») императрицы Елизаветы Алексеевны, он посылает в Рим письмо к своему другу - скульптору Самуилу Гальбергу, горячо рекомендуя ему художника из Вильны (кстати, Мицкевич учился в Виленском университете и уж в Вильне-то был хорошо известен!), поляка Русецкого, который его письмо передаст. К этому он присовокупляет: «Русские с Поляками за руки держатся, а художники все братья» [3].

Кипренский. Портрет К. Батюшкова - фр-нт, б., ит. кар, Гос. Лит. муз, 1815

Вообще судьба делает какие-то странные выражения вокруг Кипренского, Пушкина и Мицкевича. В 1812 году Кипренский получает звание Академика Российской Академии художеств вместе с польским историческим живописцем и портретистом Юзефом Олешкевичем, ставшим сразу после приезда Мицкевича в Петербург его близким другом [4].

Через много лет Мицкевич назовет именем Олешкевича, тогда уже умершего, одно из стихотворений «петербургского» цикла, описывающего ночь перед петербургским наводнением. Пушкин в примечании к «Медному всаднику» (1833), назовет стихотворение «Олешкевич» («Oleszkiewicz») - одним из лучших у Мицкевича и переписет его по-польски в свою рабочую тетрадь (вместе со стихотворением «Русским друзьям» и началом «Памятника Петра Великого»). Замечу кстати, что зрелый Пушкин польским владел.

Таким образом, какие-то вести о поэте Мицкевиче могли дойти до слуха Кипренского в 20-х годах и от Русецкого, и от Олешкевича. К тому же, собственного отца Кипренского - российского крепостного, но при этом лютеранина, о котором художник всю жизнь создавал «возвышающий миф», звали Адамом - редкое для России имя!

Кипренский. Портрет Мицкевича, 24-25, б.ит.кар. ГТГ

Это тоже могло возбудить интерес художника. Так или иначе, Кипренский с Мицкевичем в Петербурге познакомился (где и как - остается загадкой) и нарисовал его портрет в своем рабочем альбоме[5]. Искусствовед Изольда Кислякова выдвигает ряд предположений, где могло произойти знакомство, но подтверждающих ее догадки свидетельств нет или пока нет.

Что сказать о графическом портрете польского поэта работы Кипренского? (между 1824 и нач. 1825 гг., б.,ит. кар., 25,2x20). Герой не очень-то похож на стихотворца. В нем нет той артистической «искры», которая угадывается, положим, в лице Константина Батюшкова на его карандашном портрете работы Кипренского, не говоря уже о живописных портретах Жуковского и Пушкина. Батюшков, только что вернувшийся после наполеоновской кампании, с живым лицом и в распахнутом военном мундире, артистически свободно расположился в едва намеченном кресле (1815, б.,ит.кар.22,5x18,5,Гос. лит музей, М.). Мицкевич, видимо, стоит, скованный и зажатый. Это «чужак», скрывающий свои мысли.

У него какое-то невероятно закрытое, самоуглубленное лицо, изображенное в полупрофиль, лицо человека «средних лет» (а Мицкевичу в это время всего-то лет двадцать шесть) с зачесанными со лба темными волосами, с аккуратными бакенбардами и плотно сжатыми, красивого рисунка губами. Он одет в простой, намеченный карандашными линиями и штриховкой сюртук. Шейный платок, густо зачерненный, как и волосы, туго сжимает шею, точно удавка. Пожалуй, поражают только большие миндалевидные глаза - их отрешенный и одновременно сосредоточенный взгляд намекает на какие-то тайные глубины.

Это Мицкевич, еще не вполне раскрывшийся и пока не распознанный, Мицкевич, поэтические триумфы которого все впереди. Он еще «вещь в себе», копит силы и вдохновение.

Тем интереснее взглянуть на графические портреты Мицкевича, выполненные в период его поэтической славы. Они оставлены Пушкиным на полях собственных черновиков и фиксируют пушкинские раздумья о польском поэте.

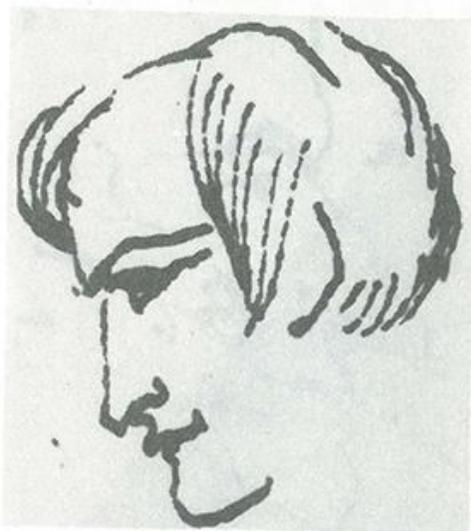
Я уже писала, как высоко Пушкин ценил его импровизации и в целом поэтический дар. Встретив однажды Мицкевича на улице, Пушкин посторонился, воскликнув: «С дороги, двойка, туз идет!» На что Мицкевич остроумно ответил: «Козырная двойка туза бьет!»^[6].

Они познакомились в Москве в октябре 1826 года, когда Сергей Соболевский привел Мицкевича в гостиницу «Европа», где жил возвращенный царем из Михайловской ссылки Пушкин. И с этих пор Пушкин включил Мицкевича в круг своих ближайших друзей.

Существует несколько пушкинских графических портретов Мицкевича. Они группируются в основном вокруг 1829 года, когда Мицкевич покинул Россию, и вокруг 1833 года, когда два поэта вступили в некий, как мы бы сейчас сказали, «виртуальный» спор-диалог. Причем тональность двух этих «циклов» совершенно различна, если не противоположна.

Профиль Мицкевича, возникший в 1829 году на полях послания «Калмычке» и атрибутированный Татьяной Цявловской, нарисован в быстрой и лапидарной пушкинской манере, схватывающей характерное выражение лица, запечатлевшееся в феноменальной пушкинской памяти.

Мицкевич тут гораздо энергичнее, свободнее и живее, чем на портрете Кипренского. Он уже сумел удивить, заинтересовать и даже восхитить не только Пушкина, но и российскую творческую элиту. Мы видим красивый профиль с чуть изогнутым носом и намеченной перьевыми линиями густой шевелюрой.

Пушкин. Мицкевич, атр. Цявловской, черновик «Калмычке», 1829

Он слегка склонил голову, губы приоткрыты в язвительной улыбке и есть во взгляде нечто мрачное и страдальческое. Недаром профиль возникает на полях послания «Калмычке» после заключительных слов о «кибитке кочевой». Ведь Мицкевич ощущал себя вечным «странником» и уехал из России отнюдь не на родину, куда путь был закрыт. В целом образ овеян благородной печалью.

Еще один портрет примерно этого же времени, атрибутированный Н.О. Лернером, дает более светлый и гармоничный облик поэта с небольшой бородкой и с черной массой волос на голове. Пушкинист и музейвед М.Д.Беляев возражал против этой атрибуции, указывая, что «голландскую бородку Мицкевич начал носить в 1831 году»^[7].

Запомним это замечание, которое нам еще понадобится. Однако портрет на Мицкевича очень похож. Причем здесь его образ полон мощной энергии и «божественного огня». Это Мицкевич «вдохновенный» (Так его называли Пушкин и Баратынский), запечатленный в момент внутреннего преображения, о котором пишет из Петербурга приятелю близкий друг Мицкевича Одынец как раз в 1829 году. Сначала он вспоминает знаменитую импровизацию Мицкевича в салоне Зинаиды Волконской в Москве, а затем - более ранние в Вильне: «Помнишь это изумительное преображение лица, этот блеск глаз, этот проникающий голос...».^[8]

Два других портрета Мицкевича, набросанные Пушкиным в 1833 году, столь резко отличаются от предыдущих, что могут вызвать оторопь. В портрете, атрибутированном Я.Л.Левкович, все черты поэта утрированы, - нос удлинился, подбородок выдвинулся, губы искривились. Прекрасные волосы поэта убраны под нечто вроде шапочки - лицо получилось голым, заостренным и до безумия агрессивным.

Следующий портрет, атрибутированный В.С. Лаврентьевым и набросанный на черновике пушкинского стихотворения, посвященного Мицкевичу («Он между нами жил»...(1834) , дает еще более зловещий образ поэта. Но на этом портрете, он, как мне кажется, вовсе не «враждебный, гневный, проклинающий», как считает Татьяна Цивловская, опираясь на интерпретацию Лаврентьева. Этой интерпретации, кстати, придерживается и Натан Эйдельман.^[9]

Но прежде, чем дать свое истолкование пушкинского рисунка, кратко поясню, что же произошло между двумя поэтами.

Болдинская осень 1833 года целиком прошла у Пушкина «под знаком» польского поэта. Он тогда написал о Мицкевиче стихотворение, перебеленное в 1834 году, перевел две дивные баллады («Воевода» и «Будрыс и его сыновья»), нарисовал портрет...

Дело в том, что с собой в Болдино Пушкин взял 3-й том Собрания сочинений Мицкевича, привезенный ему летом 1833 года из Франции Сергеем Соболевским. Опять Соболевским! А ведь произведения Мицкевича были в России «запрещены к ввозу», что Соболевского не остановило. В томе был и «петербургский» отрывок. В сущности, оба портрета Мицкевича возникли после того, как Пушкин прочел ядовитые и во многом несправедливые строфы стихотворения «Русским друзьям». Реакция на подавление Россией польского восстания (1830) и взятие Варшавы(1831) у Мицкевича и у Пушкина оказалась противоположной.

Предположение Мицкевича о друге, который продал «разум, честь и совесть» «за ласку щедрую царя или вельможи», - Пушкин вполне мог отнести к себе, что было несправедливо оскорбительно. Мицкевич Россию и русских проклинал, Пушкин славил («Клеветникам России», «Бородинская годовщина», - оба 1831). Но Пушкин не лицемерил и не подыгрывал властям, как считал Мицкевич, а искренне высказывал свое тогдашнее мнение. У него еще сохранились какие-то иллюзии по отношению к вызволившему его из ссылки государю. Но это было не последнее слово. В 1836 году поэт напишет стихотворение «Из Пиндемонти», где воспевает полную личную свободу, не зависящую ни от царя, ни от народа, свободу, которую Блок назовет «тайной».

Итак, в Болдине Пушкин написал стихотворение, посвященное Мицкевичу, где изобразил как бы двух поэтов - прежнего, «возвышенного», и теперешнего, «злобно» хулящего друзей (« Он

между нами жил»...). В обоих пушкинских рисунках 1833 года сказалась обида. Но второй портрет, на мой взгляд, гораздо интереснее и глубже. На первом, как я писала, - молодой и агрессивный Мицкевич с заострившимися, злыми, шаржированными чертами. На втором - некое новое и весьма неожиданное «преображение» Мицкевича.

Если во время импровизаций в нем усиливался «божественный огонь», то теперь это «обратное» преобразование - огонь совершенно гаснет. Мицкевич показан в старости, когда не остается ни гнева, ни ярости, ни злобы. Такие «преобразования» бывали и на нескольких автопортретах самого Пушкина, рисовавшего себя лысым и морщинистым стариком. Но главный признак этих автопортретов - угаснувший «огонь очей». Нечто подобное мы видим и в профиле Мицкевича.

Он очерчен не энергично круглящейся линией, как предыдущий, а какой-то неуверенной, словно дрожащей, «старческой» рукой и характеризуется все теми же заострившимися чертами - удлинённым носом с волосатой ноздрей, выступившим вперед подбородком, а теперь еще и проваленным, словно беззубым ртом, «кустистой» старческой бровью и глубокой морщиной на щеке. Нет волос ни на голове, ни на подбородке. Сузившийся глаз уныло смотрит перед собой.

Пушкин «наказал» друга за злые и несправедливые стихи «старостью», которой сам, видимо, больше всего боялся. Наказал главной ее бедой - утратой энергии чувств, «божественного огня». Впрочем, и Пушкин, и Мицкевич, проживший несколько дольше (умер в 56 лет), до старости не дожили и этой утраты избежали.

Как видим, Мицкевич на пушкинских рисунках весьма многолик - то молод, то стар, то красив и благороден, то уродлив и зол, то энергичен и исполнен творческого горения, то мрачен и язвителен... По всей видимости, отголоски этих черт Пушкин находил и в себе самом, недаром «старый» Мицкевич рифмуется с некоторыми собственными пушкинскими автопортретами и набросан как бы его ровесником.

Литературовед Татьяна Цявловская пишет о пушкинских портретных рисунках: «А если писатель, изощренный в литературном портрете, одарен к тому же и талантом графика, то портрет, им созданный, будет острее, выразительнее портрета, сделанного профессиональным художником»^[10].

«Острые» и «выразительные» пушкинские портреты Мицкевича и в самом деле удивляют парадоксальностью и глубиной проникновения, чего нет в портрете работы Кипренского, где персонаж «затаился».

Но и у Ореста Кипренского графический портрет был, как мне представляется, не последним словом о Мицкевиче. Я вполне разделяю точку зрения, высказанную еще до революции Николаем Романовым, что на картине Кипренского «Читатели газет в Неаполе» (1831,х.м.,64 x 78,ГТГ),ныне украшающей Третьяковку, изображены известные поляки, в том числе Адам Мицкевич [11].

По версии Романова, это уже упоминавшийся мною А. Одынец (читает газету), А. Мицкевич (второй слева), С. Красинский и А. Потоцкий (в профиль).

Адам Мицкевич и Зигмунд (Сигизмундт) Красинский, наряду с Юлиушем Словацким, входят в тройку самых знаменитых польских поэтов эпохи романтизма. Антоний Одынец- тоже поэт, близкий друг Мицкевича. Александр Потоцкий - единственный из всех изображенных не поэт,- граф, военный, филантроп, представитель известного польского семейства.

Пушкин. Мицкевич, атр. Я.Л. Левкович, 1833

Между тем, современные исследователи Кипренского не пришли к общему мнению даже о том, русские изображены на этой картине, или поляки. Положим, Валерий Турчин не сомневался, что это поляки.[12] А Евгения Петрова в своей монографии о Кипренском настаивает, что это русские.[13]

В таком противоборстве мнений отчасти виноват сам Кипренский, писавший графу В.В. Мусину-Пушкину-Брюсу в 1833 году, что изобразил на картине русских путешественников в Неаполе, читающих во французской газете статью о Польше.[14] Но что он мог написать, посылая картину из Италии в «чиновничий» Петербург? «Польская»

тема в России в эти годы была взрывоопасной. Но тут мне видится и некий «кураж», желание «поморочить» сильных мира. Нрав у Кипренского был веселый и свободный, склонный к подобного рода «мистификациям». Об этом я подробно пишу в статье о «личном мифе» Кипренского.[\[15\]](#)

Между тем, и современники поэта угадывали в персонажах поляков. Так, академик живописи Андрей Иванов, уволенный в отставку из-за того, что Николаю 1 не понравилась одна из его картин, писал сыну Александру, будущему великому художнику, что на картине Кипренского «изображение нескольких особ польской национальности, читающих газету, картина сия имеет много достоинств по характерам в ней изображенным, хотя не в правильных чертах, но верных и свойственных (этой,-В.Ч.) нации».[\[16\]](#)

Я еще вернусь к удивительно пронизательным суждениям Андрея Иванова. А пока можно сослаться на тогдашнего критика Александра Воейкова, пишущего, что на академической выставке 1833 года на одной из картин Кипренского изображен «поляк, читающий известие о взятии Варшавы, и трое его соплеменников, с любопытством его слушающие».[\[17\]](#)

Литератор Михаил Лобанов, посетив эту выставку, пишет о героях картины так, словно он узнает их в лицо, они для него «живые люди». В одном месте он и впрямь «проговаривается», называя персонажа: «Посмотрите: Г.П., что в соломенной на голове ермолке, курил трубку, но перестал»... [\[18\]](#)

Николай Романов предположил, что это «господин Потоцкий» (граф Александр Потоцкий), которого, в Петербурге, по-видимому, хорошо знали. Могли узнать и Мицкевича, (если это был он), так что Кипренский в этом случае сильно рисковал.

Но есть одно свидетельство, которое делает гипотезу Романова более чем вероятной. Это статья Александра Петрова из «Русского биографического словаря А.А. Половцова», где автор пишет, что, находясь вместе с Мицкевичем в Петербурге в 1829 году, Одынец «составил план совместного путешествия за границу, который скоро был приведен в исполнение. Сначала вдвоем с Мицкевичем, а затем и с Красинским, поэты посетили Германию, Швейцарию и Италию».[\[19\]](#)

С 1829 года по весну 1832 Кипренский жил в Неаполе. Известно, что и Мицкевич находился в Италии в 1829-1830 и частично в 1831 годах. Вполне вероятно, что польские поэты в 1831 году посетили Неаполь всей компанией.

Мог ли Кипренский, поклонник поэтов и поэзии, к тому же хорошо знавший Мицкевича, пропустить такой удивительный случай – появление знаменитых польских поэтов в Неаполе? Конечно, он поспешил их изобразить, причем картина производит впечатление не «постановочной», а некоего «живого свидетельства» этого

необыкновенного события. Недаром Кипренский пишет в письме графу Мусину-Пушкину-Брюсу, что «сцену взял с натуры»[\[20\]](#). Скорее всего, он неожиданно для себя застал их всех вместе и был необычайно поражен и воодушевлен. Следы этого воодушевления видны в картине.

По виду этой четверки ясно, что изображены вовсе не «русские путешественники», слишком они свободно и раскованно держатся, одеты в какие-то домашние халаты, один прижимает к себе маленькую собачонку, у другого на голове смешная соломенная шапочка с кисточкой, названная Лобановым «ермолкой». Да и есть в них некое сплоченное единство, вызванное общим переживанием. Что русским путешественникам падение Варшавы? Другое дело - полякам, да не просто полякам, а поэтам, обладающим пылкой и свободной душой!

Кипренский. Читатели газет в Неаполе, 1831, х.м. ГТГ

Кипренский пишет их с явной симпатией и сочувствием. Он не был революционером, но, рожденный в семье крепостных крестьян, необычайно высоко ценил личную и творческую свободу. С важными чиновниками и даже с «царственными особами» общался на равных, чем вызвал, как мне кажется, сильное раздражение Николая I.

Апофеозом этого раздражения стал «монарший» отказ под формальным предлогом выдать пенсион вдове художника, молодой итальянке с малолетней дочерью, после внезапной смерти Кипренского оказавшейся без средств.[\[21\]](#) Император не понимал ни

творческого масштаба гениального мастера, ни его значения для России.

В картине Кипренского глухая стена, возле которой сгруппировались персонажи, открывается внезапным видом на залив и курящийся Везувий, что добавляет композиции ощущения воздуха и свободы.

В центре композиции лицо юноши, особо выделенное Андреем Ивановым. Он не знал, кто это, но написал о нем так: «одно лицо в оной, довольно значительное, как по своей правильности, так и хорошо написанное, слушает со вниманием читающего, внимание его совершенно изображено художником».^[22]

Узнаются прежние черты - широкий лоб, густые волосы, зачесанные назад, появилась небольшая борода. Тут можно вспомнить замечание М.Д. Беляева, что «голландскую бородку» Мицкевич начал носить с 1831 года, что совпадает с временем написания картины. Мицкевич парадоксальным образом помолодел, черты лица оживились и прояснились. На картине он красив, молод, свободен и одушевлен высокой идеей.

Большие глаза смотрят прямо на зрителя или, скорее, вглубь себя. Но теперь это не отрешенный, полностью ушедший в себя человек с карандашного портрета Кипренского, он обуреваем жадной действия. И в самом деле, в том же 1831 году Мицкевич сделал попытку прорваться в Варшаву, окончившуюся неудачей.

Как мне кажется, именно этот персонаж, атрибутированный Романовым как Мицкевич, стал неким «внутренним стержнем» всей композиции, наиболее полно выразил ее поэтический и свобододлюбивый дух.

А что же Пушкин с его портретом «старого» Мицкевича в болдинскую осень 1833 года? Это не столько полноценный рисунок, сколько раздумье над судьбой друга, все же друга, - несмотря ни на что, а также размышление над собственной изменчивой судьбой. И недаром Пушкин, перебив в 1834 году не вполне завершённое стихотворение «Он между нами жил»... - так его и не напечатал. А ведь Николай I, пушкинский цензор, с удовлетворением бы его пропустил, в отличие от тоже написанного в Болдине гениального «Медного всадника», который из-за многочисленных царских поправок, остался ненапечатанным.

Кипренский и Пушкин показали нам «многоликого» Мицкевича. У Кипренского в карандашном рисунке он отрешенный от мира и внешне зажатый, а потом в картине «Читатели газет в Неаполе» - пылкий, дерзновенный и жаждущий свободы. У Пушкина - то печальный странник, то поэт, охваченный творческим порывом, а позже - то обозленный и погруженный в мрачные мысли о предательстве друзей, то вдруг старый и угасший. Три гения в этих портретах сумели

удивительным образом «взаимоотразиться» и в «жестокий век» прославить свободу во всех смыслах этого слова.

[1] Мицкевич А. Собр. соч. в 5 т., Худ. литература, М, т.5,1954,с.631.

[2] Орест Кипренский изобразил Пушкина, Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Козлова, Гнедича, Крылова, Гете, Мицкевича.

[3] Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников Составление, текстологич. подготовка, вступит. статьи, комментарии Я.В. Брука, Е.Н. Петровой, под ред. Я .В. Брука, СПб, Искусство-СПб,1994,с.148.

[4] Там же,с.221,

[5] Портрет Адама Мицкевича работы Ореста Кипренского атрибутирован Изольдой Кисляковой - см. Кислякова И. Орест Кипренский. Люди и герои., М. Изобр. ис-во,1982 ,с.38-42. Атрибуция принята Музеем Адама Мицкевича в Варшаве .

[6] См. Эйдельман Н.Я. Пушкин. Из биографии и творчества - 1826-1837,М.Худ. литератара,1987, с.278.

[7] Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций, СПб. 1996, с. 228.

[8] Мицкевич А. Собр. соч. в 5 т., т.5, ,с.631.

[9] См. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина, М. Искусство, 1980, с. 212, см. также ,- Эйдельман Н.Я .Пушкин, Из биографии и творчества 1826-1837,М..Худ. лит-ра,1987, с. 272-273.

[10] Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина, М., Искусство, 1980, с.128, 130.

[11] См. Романов Н.И, Московская Румянцевская галерея , М, Издание И.Н. Кнебеля,1905,с.34 , См. также: Орест Кипренский. Переписка .Документы. Свидетельства современников ,-,сн. 35 на стр. 603-604. В перечислении имен изображенных есть неточность: не Крисинский, а Красинский.

[12] Турчин В. Орест Кипренский, М. Изобр. искусство,1975, с.41.

[13] Петрова Е.Н. Орест Кипренский ,М. Арт-Родник,2000,с.18.

[14] Орест Кипренский, Переписка. Документы. Свидетельства современников ,с.181-182.

[15] Чайковская В. «Личный миф « Ореста Кипренского, Человек, 1916,№5.

[16] Орест Кипренский, Переписка. Документы .Свидетельства современников, с.465.

[17] Там же, с.467.

[18] Там же, с.468.

[19] См. Русский биографический словарь А.А. Половцова,т.12,1902. С.170-174.

[20] Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников,с.181

[21] Там же,с. 344.

[22] Там же, с.465.

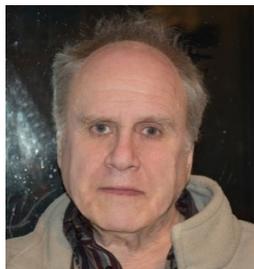
Часть 7. Полемика

Павел Тайбер. После спектакля

Юрий Колкер

Лондон

Идёт война народная. В продолжение спора об Ионе Дегене

Смех и грех! Два народа, евреи и русские, всерьёз спорят за право считать своим — что? — стихотворение «Мой товарищ, в смертельной агонии»: про мародёра, снимающего валенки с боевого товарища в последние минуты его жизни. Что спор этот международный; что это именно распря национальная, тут и сомнения быть не может: достаточно посмотреть на имена спорщиков и на имена кандидатов в авторы.

Как тут не вспомнить Одиссея и Аякса над оружием Ахилла? Но там-то, под Троей, честь была несомненная, а здесь — позор несомненен: кто перетянет канат, тот останется с мародёром и до скончания века не отмоется. Спорят до хрипоты за стихи заурядные по исполнению и гнусные по наполнению. Люди не в состоянии опомниться и открытыми глазами перечитать восемь незамысловатых строк анапестом — потому что никому дела нет до стихов, всем кажется, что дело идёт о народной чести. Нет и не было лучшего свидетельства того, что стихи ушли из нашей жизни: что они больше никому не нужны и всем непонятны.

Чтобы убедиться, что речь не о стихах, сделаем простой опыт: в двух заключительных строках знаменитого стихотворения —

Дай-ка лучше сниму с тебя валенки,
Нам еще наступать предстоит —

изменим один слог: вместо наступать поставим отступить. Стихотворение при этом не полиняет ни пёрышком. Смысл — тот же: снятие валенок с умирающего. Слова — те же. Наступать или отступить — на войне и то и другое случается, а в стихах всегда работает корень слова. Перед нами в точности то же стихотворение,

если говорить о его художественной стороне. Но из стихотворения ушёл русско-советский ура-патриотический пыл, ушёл парад на Красной площади. Для тех, кто славит эти стихи, «гениальное стихотворение» схлопнулось в нонсенс, поправка в две буквы убила лозунг и обнаружила подлость литературного героя, глумление литературного героя над умирающим.

Я подаю мой голос в международном споре: я уверен, что позор ляжет на евреев. Я не сомневаюсь, что автор гнусного стихотворения — поэт-любитель Ион(а) Деген, отважный танкист в годы войны, превосходный врач в мирное время, — родился и умер евреем. Деген прожил достойную жизнь. На фронте он не мародёрствовал: перепоручил гнусность своему лирическому герою. Стихотворение, вокруг которого копыя ломают, — не хорошо и не плохо по исполнению, обычный соцреализм уровня Евтушенки или Дудина, но это лучшее из написанного Дегеном, остальные его стихи уже не просто заурядны, а ничтожны с точки зрения любого художественного критерия. Как стихотворец Деген был бездарен.

Но позор ляжет не на всех евреев, сколько бы ни работали в этом направлении те, кто говорит, что стихи Дегена «входят в золотой фонд русской поэзии и считаются лучшими стихами о войне». Человек, недавно написавший этот вздор, не просто солгал, он облил помоями всю русскую поэзию, от Пушкина до Ахматовой, от Мандельштама до наших дней. Перед нами типичная физиономия времени: ложь под личиной правды, зло под личиной добра. Человек не понимает стихов, что ещё совсем не беда. Литература давно уже обочина жизни. Стихи — обочина обочины. Не стыдно прожить жизнь без стихов. Не стыдно не понимать стихов. Стыдно делать вид, что понимаешь стихи. Стыдно участвовать в споре о стихах, когда у тебя на уме не стихи. Человек, написавший вздор о золотом фонде, пытается сказать нам, что евреи лучше русских, а подводит к обратному: что евреи — хуже!

Конец спора мне представляется вот каким: беломраморную статую Дегена работы Церетели, в треуголке и со скальпелем наголо, установят на верхушке колонны Низкор в Иерусалиме (название колонны значащее, переводится как Не забудем). Точную копию этой статуи, но уже как памятник Иванову, Петрову или Сидорову, признанному автором у русских, установят на верхушке Александрийского столпа в городе с переменчивым именем, сняв с этой верхушки надоевшего ангела. Свары утихнут. Имена двух великих поэтов войдут в учебники. Каждый из народов будет вволю идолопоклонствовать перед своим кумиром... а строка «Роняет лес багряный свой убор» уже не старшеклассников будет ставить в пень, как она ставит их в наши дни, а докторов филологических наук.

P. S. Мне уже случалось писать на эту печальную тему. Любопытствующие могут заглянуть сюда:

http://yuri-kolker.com/selected/Russian_response_2020.htm

<http://yuri-kolker.com/articles/Degen.htm>

Семен Резник

Вашингтон

Смех или грех? Ответ Юрию Колкеру

«Смех и грех!» Так [Юрий Колкер](#) начинает свою «народную войну». Я с ним согласен наполовину. Смеха в его статье полные штаны, а греха никакого нет.

Недавно вышла новым изданием мемуарная книга Иона Дегена «Из дома рабства». Мое предисловие к ней, опубликованное в [«Чайке»](#) (С. Резник. «Проза поэта, врача и солдата»), побудило Юрия Колкера ринуться в бой. Ну, что ж, мы привычные...

Того, что мною написано о прозе Дегена, г-н Колкер не соизволил заметить – он сконцентрирован на поэзии. Хотя о поэзии Дегена в моем предисловии ничего не сказано. Ничего – кроме напоминания об общеизвестном: «То, что его стихи входят в золотой фонд русской поэзии и считаются лучшими стихами о войне, - хрестоматийная истина».

Тут я и попался.

«Человек, недавно написавший этот вздор, не просто солгал, он облил помоями всю русскую поэзию, от Пушкина до Ахматовой, от Мандельштама до наших дней».

Боже мой! Что же такое я натворил!? Из статьи Юрия Колкера этого не понять, но он приводит ссылки на другие свои шедевры. Там про Иона Дегена все доказано с алгебраической безупречностью. И горе тому, кто в сем усомнится.

Оказывается, г-н Колкер уже десятки лет дубасит поэтическую гармонию Иона Дегена уравнениями и мнимыми числами, а также извлечением квадратного корня из валенок. Для него это дело жизни. Валенки его душат. Почему бы это? Может быть, он их куда-то не туда приспособил?

Ион Деген надевал валенки на ноги, а Колкер засунул в один из них голову, да так глубоко, что вынуть не может. Ни выдохнуть, ни вдохнуть. И, что всего обиднее, второй валенок зря простаивает.

В стихотворении Иона Дегена «Мой товарищ в смертельной агонии...» с беспримерной силой и лаконизмом показана жуть жесточайшей войны, уже плохо осознаваемая самими участниками. Повседневная гибель друзей для них стала обыденной бытовухой: сегодня ты, а завтра я. Не «Жди меня, и я вернусь, только очень жди» (К. Симонов), не «На поленьях смола, как слеза» (А. Сурков), не Василий Теркин на этом или на том свете (А. Твардовский)... Деген показал войну такой, какой ее видит промерзший солдат, по счастливой случайности, пока еще не убитый. Пуля-дура просвистела мимо него и сразила товарища. Тот в смертельной агонии отходит в мир иной, спасти его уже невозможно. Остается погреть заочеченные руки «над дымящейся кровью твоей» да снять с остывающего тела драгоценные валенки. Свои-то давно прохудились и хлюпают, а новых когда еще дождешься, да и дождешься ли.

Мне понятно возмущение Юрия Колкера против такого мародерства. Солдата, погибшего в бою, надо хоронить при полном параде, с почетным караулом и артиллерийским салютом. А тут – валенки стягивают с мертвеца.

... Я помню это стихотворение с тех времен, когда оно еще не было напечатано, расходилось в самиздате, считалось творением погибшего солдата, от которого не осталось даже имени. Всякий раз, когда на него натыкаюсь, испытываю дрожь. Василий Гроссман включил его в свой великий роман, арестованный КГБистскими держимордами. Мне очень жаль Юрия Колкера, которому не дано прочувствовать суровую поэтическую правду этого сжатого восьмистишья. Не дано, значит, не дано: бывает.

«Не стыдно прожить жизнь без стихов. Не стыдно не понимать стихов», говорит Юрий Колкер, с чем я согласен на сто процентов.

«Стыдно делать вид, что понимаешь стихи. Стыдно участвовать в споре о стихах, когда у тебя на уме не стихи», говорит Юрий Колкер, и с этим я согласен даже на двести процентов.

Г-н Колкер мнит себя знатоком поэзии, в чем нет греха: вполне невинное и немного забавное самообольщение. Пушкина и Ахматову он вроде бы почитает, но в том, что их понимает, у меня большие сомнения. Кабы понимал, не поверял бы алгеброй гармонию. Не купался бы в помоях, коими с маниакальным упорством тщится облить

Иона Дегена. Да и к «Евтушенкам» относился бы с меньшим высокомерием. Ни барский гнев, ни барская любовь г-на Колкера «Евтушенкам» ничем не грозит. А в какое положение барин ставит самого себя, - об этом пусть судят читатели.

Восьмистишие Иона Дегена:

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.
Ион Деген. 1944

P.S. Книгу Иона Дегена "Из дома рабства" можно купить здесь https://www.blurb.com/b/10415300-from-the-house-of-bondage_3 или здесь: <https://www.lulu.com/en/en/shop/ion-degen/from-the-house-of-bondage/pape...>

Лев Гуревич
Германия

Ошибка Владимира Маяковского

8 мая 1923 года Советскому правительству была вручена нота правительства Великобритании, составленная министром иностранных дел лордом Джорджем Керзоном. Нота, получившая в СССР название «Ультиматум Керзона», включала в себя следующие пункты:

– Деятельность советских полпредов в Иране и Афганистане нарушает пункт англо-советского торгового соглашения 1921 года, по которому Советская Россия была обязана воздерживаться от антибританской пропаганды в Азии. Британское правительство требует отзыва советских полпредов с занимаемых ими постов и публичных извинения за акты антибританской пропаганды.

– Выплатить подданной Великобритании Стэн Гардинг, находившейся под арестом за шпионаж, три тысячи фунтов стерлингов (около 30 тысяч рублей золотом). Выплатить родственникам подданного Великобритании Девисона, уже расстрелянного за шпионаж, компенсацию в размере десяти тысяч фунтов стерлингов (около 100 тысяч рублей золотом).

– Освободить английские рыболовные траулеры "Святой Губерт" и "Джеймс Джонсон", задержанные советскими властями за нарушение установленной декретом советского правительства 12-мильной зоны береговых вод вдоль Мурманского побережья. Кроме уплаты денежной компенсации за ущерб, нанесённый этим британским рыбопромышленникам, отказаться от 12-мильной зоны и установить трёхмильную зону береговых вод.

– Отозвать две ноты советского правительства (от 31 марта и 4 апреля 1923 года), в которых СССР давал отпор английским попыткам вмешательства в свои внутренние дела.

Митинг с осуждением «Ультиматума Керзона»

Нота устанавливала десятидневный срок для удовлетворения всех этих требований, угрожая в противном случае разрывом англо-советского торгового соглашения 1921 года.

Дальнейшее развитие событий происходило следующим образом. Официальный ответ Москвы Лондону вполне миролюбив: давайте примиряться. Казалось бы, что инцидент «сойдёт на нет», но тут произошло событие, смешавшее все карты. 10 мая 1923 года, в самый разгар скандала, был застрелен Вацлав Воровский – глава советской делегации на конференции в Лозанне по черноморским проливам.

Англичане не были причастны к этому убийству! В Воровского стрелял бывший белый офицер М. Конради – он, в отместку за расстрелянную большевиками семью, давно мечтал покарать кого-нибудь красного комиссара-дипломата. Но всё сложилось одно к одному: лорд Керзон атаковал Москву, а Конради убил советского полпреда.

В СССР началось антибританская истерия. Советская пропаганда обвинила лорда во всём – в смерти Воровского, в том, что он готовит войну. Грандиозные митинги в Москве, в Ленинграде, других крупных городах: «Питерские рабочие заявили: попытка угрожать нам войной поднимет на ноги 10.000 000 взрослого населения нашей страны!», «Крестьяне Херсонской губернии клянутся по первому зову стать под ружьё!», «Советские дети вместе с отцами защитят революцию», «Пиши, Керзон, но знай ответ: Бумага стерпит, а мы нет!».

3 июня 1923 года в газете «Известия ЦИК СССР» появляется стихотворение Владимира Маяковского со своей редакцией ноты Керзона;

«О том, как у Керзона с обедом разрасталась аппетитов зона»

с подзаголовком
«Фантастическая, но возможная история»

...Но я б
Керзону
дал совет:
- Больно мало просите что-то.
Я б
загнул
такую ноту.
Опуская
излишние дипломатические длинноты,
вот
текст
этой ноты:
"Москва, Наркоминдел,
мистеру Чичерину.
1. Требую немедленной реорганизации в Наркомине...

2. Мисс Гаррисон
до того преследованиями вызлена,
до того скомпрометирована
в глазах высших сфер,
что требую
предоставить
ей
пожизненно
всю секретную переписку СССР
3. Немедленно
с мальчиком
пришлите Баку,
чтоб завтра же
утром
было тут,
А чтоб буржуа
жирели, лежа на боку,
в сутки
восстановить
собственнический институт...»

Возможно, данный стихотворный опус обладает определённой поэтической и политической ценностью, но Владимир Владимирович на минуточку ошибся, перепутав английскую шпионку Стэн Гардинг, о

которой шла речь в ноте Керзона, с американской шпионкой Маргарет Гаррисон.

Владимир Маяковский. 1923 год

Это не удивительно – только в 1923 году Маяковским было написано и опубликовано около ста стихотворений. Поражает «всеядность» поэта: среди тем стихотворений и осуждение советского бюрократизма, и антирелигиозная пропаганда (особенно «доставалось» патриарху Тихону), и международная обстановка. Маяковский любил каламбурить и производил замысловатые рифмы о сосках и сигаретах, конфетах и галошах со скоростью и продуктивностью конвейера. Неспроста некоторые литературные критики считают, что прототипом эпизодического персонажа романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» поэта-халтурщика Ляписа-Трубецкого являлся Владимир Маяковский, который поставлял стихотворные отклики на все революционные праздники и текущие события.

Так кого же с кем перепутал великий пролетарский поэт, постоянно находящийся «В груди дел, суматохе явлений...»?

Когда речь заходит о женщинах-шпионах, в первую очередь приходит на память знаменитая Мата Хари, ставшая олицетворением очаровательной женщины – двойного агента, работавшего на немецкую и французскую разведку. Между тем, в отличие от Маты Хари – исполнительницы экзотических танцев, расстрелянной по

приговору французского военного трибунала, американка Маргарет Гаррисон (Marguerite Harrison) и англичанка Стэн Гардинг (Stan Harding) пришли в разведку, работая журналистами в воюющих странах. Гаррисон была завербована в американскую разведывательную службу в январе 1918 года, а Гардинг – в английскую «Сикрет интеллидженс сервис» в начале 1917 года.

Впервые их пути пересеклись в опустошенном войной Берлине 1919 года в разгар спартаковского восстания, жестоко подавленного правительственными войсками. Гаррисон работала корреспонденткой балтиморской газеты «Baltimore Sun», а Гардинг представляла газету «New York World». После возвращения в Соединённые Штаты Маргарет Гаррисон в марте 1920 года лично добилась от начальника американской разведки генерала Мальборо Черчилля разрешения отправиться в охваченную Гражданской войной Советскую Россию.

Стэн Гардинг также не могла остаться в стороне от событий, происходящих в стране, победившей в Гражданской войне и отразившей агрессию иностранных государств, и в мае 1920 года прибыла в Москву.

Дальнейшая судьба женщин-шпионок в большевистской России сложилась почти по одному сценарию: обе были арестованы ЧК, причём Маргарет Гаррисон дважды, и обе чудом вырвались из лап чекистов.

Маргарет Гаррисон

Оказавшись в Америке, Гаррисон опубликовала две книги: «История американской женщины, заключенной в тюрьму в России» (1921 год) и «Незаконченные истории из русской тюрьмы» (1923 год).

Стэн Гардинг в 1925 году в Лондоне опубликовала книгу «Преступный мир государства», предисловие к которой написал

Бертран Рассел – британский философ, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе.

Желающим более подробно ознакомиться с биографиями этих двух отважных и честлюбивых женщин можно порекомендовать книгу бывшего агента Центрального разведывательного управления США Мелани Кинг «The Lady is a Spy: The Tangled Lives of Stan Harding and Marguerite Harrison» («Дама-шпион: запутанная жизнь Стэн Гардинг и Маргарет Гариссон»), вышедшую в свет совсем недавно, в 2019 году.

А чем же закончилась история с «Ультиматомом Керзона»?

В Лондоне советским полпредом являлся умный, понимающий Европу Леонид Красин. Он начал с Керзоном осторожные переговоры. В итоге задержанных рыбаков отпустили. Вопрос о прибрежной зоне было решено обсудить при подготовке отдельной «рыболовной конвенции». Компенсации Стэн Гардинг и семье Девисона выплатили. Советские дипломаты перестали встречаться с активистами антиколониальной борьбы.

Реально это были уступки по всем позициям. Лондону ничего не оставалось, как снять требования. Но в СССР всё подавалось как испуг лорда – вот что значит гнев питерских рабочих и херсонских крестьян! Все центральные газеты захлёбывались от материалов, обличающих «Ультиматум Керзона».

Большевистский Агитпроп не утруждал себя дипломатическими изысками. Общение с британскими империалистами свелось к лозунгам на уровне площадных выражений и выпуску в многомиллионном количестве спичек с этикетками, на которых изображён самолет «Р.С.Ф.С.Р. с кукишем вместо пропеллера и надписью «НАШ ОТВЕТ».

Следует отметить, что за прошедшие почти 100 лет в российской дипломатии мало что изменилось и нынешние сотрудники Министерства иностранных дел недалеко ушли от своих предшественников. Дипломатическое общение с зарубежными партнёрами сведено до уровня уличного разговора. Весь мир обсуждает хамские выходки на регулярных брифингах официального представителя МИД госпожи Захаровой и российских представителей в ООН и Совете Безопасности. Да что далеко ходить за примерами, если в лексиконе Министра иностранных дел господина Лаврова регулярно используются нецензурные выражения, причём как на русском, так и на английском языке. Вспомните хотя бы его знаменитое: «Дебилы, бл...ь».

Невольно приходят на ум слова одного из великих фотографов XX века Моисея Наппельбаума: «Прошлое человека, его мысли, взгляды на жизнь, отношение к людям — все, что видят глаза человека и как они видят, все это оставляет свой отпечаток на его лице... Умеющий — да читает».

Лев Бердников

Лос-Анджелес

Лютый ненавистник. Иван Грозный и евреи

Фигура московского царя Ивана IV Васильевича, по прозванию Грозный, и сегодня не перестаёт привлекать внимание исследователей, пытающихся понять, какова его подлинная сущность. Показательны в этом отношении вопросы, заданные известным историком-медиевистом Александром Дворкиным: “Кем же был Иван IV? Создателем Великой России или её разрушителем, нанесшим непоправимый ущерб стране и надолго остановившим её историческое развитие? Предтечей Петра Великого, предвосхитившим грандиозные перемены конца XVII – начала XVIII века, или величайшим традиционалистом, ксенофобом и подлинным антиподом Петра I? Смелым реформатором или капризным параноиком? “Природным демократом” или властолюбивым деспотом? Защитником Православия или прагматичным циником, использовавшим Церковь в своих личных или политических целях? Носителем подлинного благочестия или ханжой и лицедеем? Сильной личностью или безынициативным ничтожеством? Блестящим писателем, мужем обширного ума и высочайшей по тем временам образованности или полуграмотным обскурантом, не способным связать воедино двух мыслей?”.

Часть исторического сообщества и сейчас акцентирует внимание на благотворных свершениях Грозного, называя в числе неоспоримых заслуг увеличение вдвое территории державы и прирост её населения на 30-50%, введение суда присяжных, появление первой регулярной армии и первой военной формы, эмиграции из Европы в Россию, превысившей 30 тысяч семей, бесплатное начальное образование в церковных школах, запрещение рабского труда и т.д., давая возможность гордиться русским царём.

Нас в данном случае интересует не оценка всей деятельности царя, а лишь его политика по отношению к евреям. Вспомним слова Павла Милюкова: "Евреи не нация, а индикатор благополучия страны". Как бы в добавление к сказанному премьер-министр Великобритании Бенджамен Дизраэли отметил: "Господь поступает с нациями так, как те поступают с евреями". С этими мыслями резко контрастируют заявления иных "почвенников" о том, что главный подвиг Грозного царя – это решительная борьба против евреев (которых, кстати, в России тогда практически не было) и их пагубного влияния. Иван Васильевич, дескать, праведный воитель, оградивший Русскую Землю от кровавых проделок "лютых жидов". Тех же историков, кто сомневается в плодотворности деяний Грозного, иные его доброхоты аттестуют не иначе, как "масонами" и "русофобами".

Иван Грозный

И в самом деле, Иван IV слывёт первым и, пожалуй, самым отчаянным царём-"жидоборцем" в истории России. Существует характерная икона царя с весьма патетическим зачином: "О, Великий кормчий Святой Руси, бесов во плоти жидов изгнавый...". И вовсе не случайно, что его будущий преемник по части юдофобии император Александр III, распорядится писать иконы с Грозного монарха, и таковых существует добрая дюжина.

Именно при Грозном антисемитская политика обрела воистинно непримиримый характер. Ведь во времена Ивана III, да и Василия III, границы Руси для иноземных еврейских купцов ещё не были закрыты. Примечателен договор между княжеством Московским и Польско-

Литовским государством, заключенный в 1503 году и распространявшийся также и на иудеев: "А твоим купцам из всех твоих земель во все наши земли приехать со всяким и торговати на всякий товар, а приехати им и отъехать добровольно, безо всяких зацепок". .

Как утверждал французский "солдат удачи" Жак Маржерет, именно "со времен Ивана Васильевича Мучителя" евреи стали повсеместно гонимыми в Московии. Впрочем, когда Иван по своему малолетству страной не правил, были ещё возможны какие-то послабления на сей счёт. Обращает на себя внимание послание в Москву польского короля Сигизмунда I (1539 год), где тот ходатайствовал о выплате по счетам двум обманутым в Смоленске бельским евреям-кредиторам. Посол короля взял тогда евреев под защиту и перед тронем девятилетнего московского государя пытался отстоять права его подданных. Хотя ответ из Кремля до нас не дошёл и финал этой истории неизвестен, симптоматично, что польский посланник в качестве аргументов в пользу своих подзащитных ссылался на условия межгосударственных перемирных грамот.

Но тем не менее, еврейские купцы из Бреста в 1545 году не были впущены в Москву, а их товары на границе были конфискованы и сожжены. Известно, что купцы эти промышляли торговлей кожей, воском, бумагой, мехами, железом, оловом, фетровыми шапками, сукнами, полотном, зеркалами, пряностями и т.д.; вывозили же мыло, московские рукавицы, меха, кованые пояса, латунные узды и проч. Но пограничники-москвиты объявили, что те якобы пытались всучить им "мумей", орудия чёрной магии в виде разного рода человеческих фигур (истуканов, литых кумиров), призванных, подобно куклам Вуду, вооружить их обладателей необыкновенной силой а заодно прозреть будущее. Такие рукотворные идолы, восходившие ещё к Древнему Вавилону, и в Средневековье воспринимались как атрибуты, призывавшие бесов. Есть все основания думать, что в данном случае инициатором таких действий стал сам великий князь московский, уже достигший тогда совершеннолетия и принимавший решения самостоятельно.

В связи с этим польский посол Станислав Едровский в 1550 году передал Ивану Васильевичу характерное послание от нового короля Сигизмунда II Августа: "Докучают нам наши подданные, жида, купцы государства нашего, что... теперь не позволяешь ты жидам с товарами в государство твоё въезжать". Царь отвечал: "Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов. Как они наших людей от христианства отводили, отравное зелье к нам привозили и пакости многим нашим людям делали. Так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать о них много, слыша их такие злые дела". Видимо, Грозный имеет здесь в виду события давно минувших дней, известные царю лишь по слухам: неудачное лечение сына Ивана III, Ивана Молодого, эскулапом из

Италии Мистро Леоном, обезглавленного на Болвановке при большом стечении народа, а также о сожженных заживо фигурантах так называемого дела "жидовствующих". Впрочем, ещё при Василии III власти пытались всячески искоренить их последователей. Так, в 1517 году объявился некий «жидовин, волхв, чародей и прелестник» Исаак, который "совращал" православных. Был созван церковный собор, после чего этого еретика казнили. Была спровоцирована и обширная полемическая литература, в том числе инвектива Максима Грека в адрес помянутого Исаака, а также многочисленные памфлеты Иосифа Волоцкого. Но были и более поздние адресаты. Так, при самом дворе Грозного выдвинулся некий Матвей Башкин, выходец из мелкопоместных "детей боярских". Он собрал кружок вольнодумцев, при этом отвергал Святую Троицу, считал Христа человеком, отрицал почитание икон и церковное покаяние. Он был заточён в Волоколамский монастырь, и следы его с тех самых пор теряются. А в начале 1550-х годов монах Феодосий Косой начал проповедовать учение, также отрицавшее божественное происхождение Христа и основные догматы православия. Был арестован, бежал из Москвы в Литву, где, по слухам, принял иудаизм и женился на еврейке. В результате церковь предала его анафеме. Пылкий Иван Васильевич был первым учеником этих православных ортодоксов.

Иноземец Петр Петрей де Эрлезунд в своём "Описании русских государей" пояснил: "Как ни был он жесток и неистов, однако же не преследовал и не ненавидел никого, кроме жидов, которые не хотели креститься и исповедовать Христа: их он либо сжигал живьём, либо вешал и бросал в воду. Потому что обыкновенно говорил, что никакой царь, князь или король не должен доверять этим людям или щадить тех, которые предали и убили Спасителя. Монарх запретил всякое пребывание евреев в Московии и тщательнейшим образом следил за соблюдением этого запрета «В свои государства жидам никак ездити не велети, занеже в своих государства лиха никакого видети не хотим», — продолжал настаивать царь. Однако Сигизмунд II, знавший иудеев и отвергавший кровавый навет и ложные юдофобские обвинения, в "злые дела" этого народа не верил.

Интересно, что беззастенчивые антисемитские филиппики Грозного, правда, без ссылки на источник, повторил и развил в 1795 году российский историк Василий Татищев: "Изгнаны они, иуды, из России за великие и злые душегубства, убиения ядом лучших людей, людей русских, распространение отравленных зелий и тяжких смертельных заразительных болезней всяческими хитроковарными способами, за разложение, кои они в государственное тело вносят... Пускать их... в Россию – деяние много хуже государственной измены... Особливо опасны они – природные ростовщики, кровососы, тайные убийцы или всегдашние заговорщики для Великой России". Далее

Татищев отмечал, что евреев "в Руси нет, а когда который приедет, народ грабит и убивает... Маю (думаю) я, что государство или республика, где жидов zelo много, быстро к упадку или гибели придут". Как видно, предубеждения, заложенные Грозным, ещё долго бытовали в сознании и практике российского общества.

Надо, однако, заметить, что Грозный не был антисемитом расовым. Может статься, он знал, что мать великого князя Владимира Святославовича, ключница Малуша была еврейкой или хазарянкой, а помогал Владимиру утвердиться на киевском великокняжеском престоле его дядя Добрыня Малкович, которого былинно-фольклорная традиция увековечила под именем Добрыни Никитича. Не исключено, что он также ведал и о примеси еврейской крови его отдалённых пращуров. Достаточно сказать, что еврейкой была болгарская царица Феодора, чья внучка, Елена Дарагаш, была бабушкой Софии Палеолог и, соответственно, матерью великого князя московского Василия III, отца нашего героя. Но это никак не повлияло на его отношение к евреям. Государь категорически не признавал какой-либо связи современных ему иудеев с их библейскими праотцами. Более того, этот православный монарх, опираясь на Священное Писание, называл себя царем Израиля, а саму Россию – Израилем и стремился построить в Москве Новый Иерусалим. И эта заветная мечта о горнем царстве сопрягалась в его сознании не только с основой русской культуры, но и с российской государственностью вообще. Что до судьбы евреев-выкрестов, то им была, по крайней мере, дарована жизнь, о чём свидетельствует владельческий документ помещика-крепостника от 1576 года о неких "людях жидовского живота" в деревне Починок Кашинского уезда Тверской губернии.

Не беда, что в самой Руси иудеев не было. Иных неугодных власти сознательно "производили в евреи" и под этим предлогом расправлялись с ними. Скажем, распротстранился ядовитый навет о том, что у ближнего советника царя окольничего Алексея Адашева проживала вместе с пятью сыновьями Мария Магдалина, "чародейка, каббалистка и жидовка", которая будто бы своими дьявольскими ухищрениями извела возлюбленную жену царя Анастасию Романову. И что с того, что Мария была глубоко православной и "славилась в Москве своими христианскими добродетелями", она вместе с чадами была прилюдно казнена в столице.

С характерным событием Ливонской войны связано взятие войсками Ивана Грозного Полоцка 15 февраля 1563 года.

Осада Грозным Полоцка

Здесь царь был подчёркнуто милостив с поляками, их женами и детьми, а также с православными жителями, которые пользовались полной неприкосновенностью. Литовцев брали в плен, а наемных немецких рыцарей и солдат щедро одаривали и отпускали домой. Однако с евреями всё обстояло поистине ужасающе. "Была лютая зима, – говорится в еврейском источнике. - Московский царь Иван Грозный завоевал Полоцк и повелел всех евреев с их женами и детьми – всех [кто не пожелает креститься] – согнать к берегу реки Двины, неподалеку от княжеского замка... И приказал Иван Грозный поставить всех евреев на лед реки, а затем разрубить лед. Так что все были потоплены". Впоследствии эти мученики за веру высоко почитались в еврейском народе. Примечательно, что вплоть до начала XX века в память об этом трагическом событии члены погребального братства в Полоцке постились ежегодно и устраивали богослужение на старом кладбище, возле деревни Солоники, где были похоронены сии невинно убиенные. Данные об их числе разнятся: согласно еврейским источникам, таковых было в Полоцке 3000 человек, тогда как по русским данным их насчитывалось лишь 300. Это событие послужило сюжетом известной картины российского художника Исаака Аскназия (кстати, тоже уроженца Полоцкого уезда) "Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году".

Сохранилась легенда о том, что когда охочий до казней Иван Васильевич пошёл по обыкновению посмотреть на мучения утопленников, он обратил внимание на двух еврейских детей, мальчика и девочку, оказавшихся детьми двух кознов (священнослужителей), и вдруг неожиданно велел пощадить их. Согласно преданию, дети эти потом выросли и сочетались браком,

получив прозвище Бар-Коген - Баркан. После тотального разгрома еврейской общины Полоцка они положили начало её возрождению. Литератор Израэль Берлин отмечал, что в этом рассказе "Иоанн Грозный выступает отнюдь не в своем истинном виде; еврейскому сказанию он нужен, чтобы ввести в текст мотив, связанный со «снисхождением» московского царя, а это, в свою очередь, объясняет, каким образом разгромленная община сумела возродиться к новой жизни, и по воле Провидения восстановился целый пласт утраченного было еврейского бытия". Именно от этой пары пошла и еврейская фамилия Баркан. Согласно переписи населения, в Полоцке во второй половине XIX века значились 11 домовладельцев Барканов, 5 купцов и 6 мещан. Вообще же, среди носителей этой довольно распространённой фамилии мы находим израильского фотографа, и немецкого фармаколога, верховного раввина Латвии, и турецкого историка, а также российских актёров, режиссеров, экономистов, математиков и т.д. А в Израиле есть даже посёлок - Баркан.

Почвенник Андрей Дикий утверждал, что на убийства иудеев Ивана подвигли "местные жители — русские полочане, [которые] якобы пожаловались на притеснения и лихие дела евреев". Авторитетные историки отмечали тем не менее, что это была инициатива самого монарха. Так, Николай Костомаров объяснил такую его жестокость тем, что "уже прежде Иоанн был предубежден против этого народа и не терпел его". Ему вторил Дмитрий Иловайский, говоря, что Грозный был "ненавистником жидовства вообще". Между прочим, подобные зверства весьма одобряют и современные антисемиты. Они подчёркивают доблесть и даже героизм царя, заявляя, что "жиды представляли к тому времени в Европе огромную тайную силу, основывавшуюся на власти денег и ритуальных убийствах".

Нельзя обойти молчанием тот факт, что некоторые современные почвенники объявляют еврейские погромы XVI века "благодетельными" и чуть ли не судьбоносными событиями в истории России. Они объясняют деяния Ивана Васильевича "как средства борьбы с вмешательством жидов и жидовствующих в мистическое бытие Руси". А один из публицистов утверждает, что якобы "именно после суда и казни над полоцкими жидами в 1563 году Грозный царь учинил опричнину", хотя на самом деле, случилось это только два года спустя. Известно, что основная задача опричников, по мысли самого царя, заключалась в том, чтобы «грызть» всех изменников и «выметать» измену из государства: "Опричь прожидовленных попов и бояр нашлись воины Христовы, которые за Веру, Царя и Отечество пошли на брань против извергов рода человеческого". Словом, опричники наделяются "непререкаемым нравственным авторитетом", хотя впоследствии Грозный физически устранил опричную верхушку при

помощи казней и пыток. Антисемиты не устают восхвалять царя, объявляют его бескомпромиссным борцом, совершившим "первый открытый шаг в борьбе России с жидовством". Одна тоталитарная секта не так давно учредила даже специальный орден Ивана Грозного.

Примечательно, что, пожалуй, самым популярным и одновременно самым загадочным человеком той эпохи слыл сильный и непобедимый легендарный покоритель Сибири Ермак Тимофеевич, который начал по приказу царя Ивана IV войну с сибирским ханом Кучумом. "Был роду безвестного, но душою великий", - писал о нём историограф Николай Карамзин. Впрочем, существует мифологическая (и прямо скажем, маловероятная) версия о том, что этот полководец пришёл из Тавриды и был происхождения еврейского. Он называл себя "Евсей Каломбо", или "Евсей Коломбо", причём в Кафу (Керчь) – генуэзскую колонию в Крыму, переселился его предок, который якобы был родственником самого Христофора Колумба. Эту альтернативную историю озвучил известный публицист Александр Левинтов, который приводит некую запись, хранящуюся, по его словам, в отделе раритетов Госархива и могшую иметь отношение к Ермаку: "В лето 7073 года, во второй день июля месяца на допросе оный беглый именем Евсей Тимофеев показал на себя, что от роду ему полных сорок два года, вероисповедания крещёный еврей из католиков". Левинтов отметил, что в доступных архивах никаких биографических следов о Ермаке не находится, и это, с его точки зрения, едва ли случайно. Он объясняет это тем, что из-за устойчивой "неприязни и подозрений на жидов и жидовствующих" все сведения о нём были уничтожены не только в царских архивах, но и в материалах бояр Строгановых, не желавших связывать своё имя с христородавцем, к тому же с католическим выкрестом.

Нелишне заметить, что расправу над евреями чинил не только Иван Васильевич с присными, но и его заклятые враги-бояре. Так, "первый российский диссидент", предавшийся Сигизмунду II, князь Андрей Курбский за двадцать с лишним лет проведённых в Польше перессорился с соседями-магнатами, горожанами и, прежде всего, с местной еврейской общиной, от коей вознамерился получить солидный куш. Летописи свидетельствуют, что 9 июля 1569 года, в субботу, когда у евреев был шаббат (что особо кощунственно), урядник Курбского ворвался с вооружённым отрядом в еврейское местечко. Были схвачены десятки иудеев, а принадлежавшие им лавки и дома запечатали. Их отвели во двор к Курбскому и посадили в яму с водой, предварительно напустив туда пивок, так что вопли несчастных были далеко слышны окрест. И лишь вмешательство самого короля усмирило князя, положив конец мучениям иудеев, присидевших в яме около полутора месяцев.

Посол Священно-Римской империи Даниил Принц свидетельствовал, что во время Ливонской войны евреи и из других польских городов и крепостей, завоеванных русскими войсками, сполна испытали на себе гнев и ярость Грозного царя. Отказавшихся креститься вместе с детьми сжигали живьем или же вешали и топили.

Вовсе не удивительно, что евреи видели в Грозном первостатейного злодея, врага еврейского народа. Сохранились свидетельства о том, что евреи Брест-Литовска в 1577 году на праздник Пурим вместо чучела легендарного персидского антисемита Амана, сжигали на импровизированной виселице и куклу Ивана Грозного. В сознании народа он прочно занимает место среди извечных врагов еврейства - Филиппа Красивого, Фердинанда и Изабеллы испанских, Богдана Хмельницкого, Симона Петлюры, Адольфа Гитлера и др. Так, оставивший по себе преимущественно добрую память в русском фольклоре, Иван Васильевич стал для евреев символом ненависти и свирепости. Правда и то, что антиеврейская истерия, именно благодаря Грозному, достигла тогда в России решительной кульминации. Примечательно, что сразу же после смерти тирана запрет на приезд евреев стал соблюдаться не столь строго: в 1584 году Москву посетили несколько иудеев, среди них некие Свидор и Кадыш, прибывшие в составе литовского посольства.

На следующий день, 4 декабря, проститься с ним пришли сотни людей, его любили и уважали за нрав, за щедрость, за то, что был хорошим человеком. И вдруг - так неожиданно, так рано... Игра сыграна. Не надо больше искать приключений, не надо думать о новых маршрутах... И сюжетах... Он лежал, накрытый флагом Великобритании, некогда владычицы морей. Друзья подняли его и на плечах доставили к тому месту, которое он выбрал заранее для своего последнего пристанища. Оно не очень далеко от дома. Оттуда хорошо виден океан...

... Шли годы. Конечно, Луис и предположить не мог, что здесь, на Самоа, будет его музей. И еще разные музеи в городах, где он бывал. И будет всемирная слава. Школы его имени. Десятки фильмов по его книгам. Переводы на огромное количество языков. И что его портрет появится даже на деньгах. Сто лет спустя после его кончины, в 1994-м, Королевский банк Шотландии выпустил два миллиона купюр достоинством в один фунт стерлингов. На каждой - портрет Роберта Луиса Стивенсона, а ее серийный номер начинается с RLS.

Элеонора Мандалян

Лос-Анджелес, США

Царицыно вчера и сегодня

Подмосковный дворцово-парковый ансамбль Царицыно, ныне музей-заповедник, включенный в состав Москвы, играл в свое время очень большую роль в жизни моих предков, и мне захотелось узнать побольше об этом проблемном историческом объекте. А узнав – поделиться с читателем. Хочу надеяться, что интересно будет не только мне.

Черная Грязь

Места те именовались по-разному. И хозяева у них были разные. Поначалу – бояре Годуновы, при Иване Грозном. По приказу Бориса Годунова (1552-1605) были построены плотины на здешних речках, образовавшие цепочку каскадных прудов, протяженностью в 5 км. Один из них, самый большой в Московской области, по сей день зовется Борисовским. (А все вместе они теперь Цареборисовские.)

После того, как были обнаружены целебные грязи и «Живоносный источник», отмеченные часовенкой в честь Богородицы, обширная безлюдная пустошь с несколькими избами получила название село Богородское. Позже его переименовали в Черную грязь, переданную в пользование Евдокии Стрешневой (1626-1645), ставшей русской царицей и родоначальницей династии Романовых.

Отец царицы, Семен Стрешнев, подошел к полученным землям хозяйски и занялся их благоустройством – построил боярские хоромы, погреба, амбары, мельницу, заложил фруктовые сады и огороды. В строительстве помогали ему несколько сотен белорусских пленных.

Следующий владелец князь В. Голицын, фактический глава государства русского при царевне Софье Алексеевне (1682-1689), обустроивался с княжеским размахом, много чего добавив и

модернизировав на французский манер, включая ландшафтный парк. Его усадьба вполне себе могла сойти за дворец. Но после того, как Петр I отправил Голицына в ссылку, все его черногрязенское хозяйство было конфисковано и отошло к казне.

Позднее Пётр I подарил Чёрную Грязь молдавскому господарю Дмитрию Кантемиру (бежавшему от турок в Россию), который с удовольствием там обосновался и над дальнейшим расширением своего нового поместья хорошо потрудился. И Голицын, и Кантемир особенно заботились о поддержании прудов в надлежащем состоянии, возводя новые плотины и обновляя старые, украшая их водяными мельницами и искусственными островками.

Царицыно дворцовое

Строительство царицынской резиденции Екатерина поручила придворному зодчему Василию Баженову. Свой архитектурный подход Баженов окрестил «нежной готикой», хотя по существу это была все та же, присущая российскому стилю, эклектика. Им впервые было использовано сочетание красного кирпича и белого камня (а не штукатурки).

По проекту Баженова царицынский ансамбль должен был состоять из двух дворцов (один – для императрицы, другой – для ее сына, цесаревича Павла) в окружении нескольких корпусов (хозяйственных, для придворной знати), с павильонами, ротондами и мостами. Плюс разбросанные по парку имитации древних развалин, модные в те времена.

На протяжении десяти лет (с 1775 по 1785) Баженов вкладывал в свой проект не только душу, талант и время, но и собственные средства, когда денег из казны не хватало. За все эти годы императрица ни разу в Царицыне не появилась. Чтобы реализовать свой замысел, он влез в долги, продал свое имение и дом в Москве, разорился - и вместе с женой во время строительства жил в Царицыне. Увы. Все его жертвы и рвение закончились для него личной трагедией.

Архитектор больше концентрировал внимание не на внутреннем облике своих творений, а на внешнем, украшая их белокаменными орнаментами, как праздничные торты – кремом. Императрице результаты его многолетних трудов не понравились. Внутри дворца ей было тесно, темно и неудобно, «как в гробу» – потолки низкие, окна узкие, и ни одного туалета. А посему Екатерина повелела разрушить до основания практически законченное, покрытое кровлей дворцовое здание – случай беспрецедентный в истории архитектуры.

И разобрали, на что ушло еще несколько лет. Следом пошли на снос Большой Кавалерский и Камер-юнгфарский корпуса, но это позднее.

Большой царицынский мост

Есть весьма любопытная версия, что гнев императрицы был вызван дошедшими до нее сведениями о тайном вступлении ее придворного архитектора в масонскую ложу и о том, что он является связующим звеном между масонами и цесаревичем Павлом, что для нее было равносильно заговору.

Считается даже, что в дворцовых постройках Царицына зодчий-масон закодировал иконографическую программу масонской символики. Из его построек до наших дней сохранилось несколько деталей ансамбля. В частности – необычайно красивый Большой мост над глубоким оврагом со стрельчатыми арками в стиле готических соборов. Зигзагообразный орнамент моста и воспроизводит, якобы, ту самую масонскую символику. Так или иначе, Баженов был отстранен от работ и навсегда попал в немилость. Перестраивать дворцовый комплекс поручили его ученику, Матвею Казакову, что больно ударило его по самолюбию.

Строительство (а это еще 10 лет – с 1786 по 1796) несколько раз прерывалось из-за государственных финансовых проблем. И окончательно остановилось на стадии внутренней отделки семнадцатикомнатного двухэтажного дворца – заказчица, Екатерина II, приказала долго жить. Ненавидевший ее наследник престола, император Павел I, все последующие работы в Царицыне отменил.

Казачков успел перестроить только Большой дворец, все остальные детали комплекса остались баженовские.

Руины дворца

С годами так и не законченный дворец, в котором никто никогда не жил, начал ветшать и разрушаться (особенно после того, как обвалилась его кровля, а потом и внутренние перекрытия). От дворца оставались практически только наружные стены. Прекрасные здания зарастали травой, и даже деревьями, умудрявшимися пристроиться на верхних поверхностях. Теперь дворцовый комплекс величали не иначе, как «руиной» или «мрачной развалиной». Хотя мрачным он вовсе не был, скорее – сказочно-открыточным.

Прогулки среди «старины глубокой» доставляли массу эстетического удовольствия. А уж для влюбленной парочки лучшего места и не сыскать. Романтика заросших диким лесом руин, безмятежные бескрайние просторы, сочная зелень трав, холмы и овраги, сверкающая гладь озер – вот что представляло из себя Царицыно тех лет.

Оживление наметилось с появлением главноначальствующего Кремлёвской экспедицией (ЭКС) Петра Валуева (1801), человека мало приятного, но отдавшего много сил возрождению Царицына. По его инициативе, реконструировали и благоустроили оранжереи, приносившие неплохой доход царицынскому хозяйству, отремонтировали плотины, разбили английский парк с беседками и павильонами. И разумеется, позаботился сей энтузиаст о собственном проживании. Построенная им усадьба, вошедшая в историю Царицына, как «Валуевский дом», имела на редкость выгодное

расположение – на высоком пригорке над прудами с панорамным видом на дворцовые постройки и парк. Увы, «валуевский расцвет» был недолог – в 1814 году главноначальствующий умер. Но история его дома имела длинное и «веселое» продолжение. (Об этом пониже.)

Император Александр II, побывавший в Царицыне (1856), решил, что тратить деньги казны на поддержание бесполезных руин прабабки – непростительное расточительство, и наказал перевести нефункциональное поместье из дворцового ведомства в удельное. Вот этот императорский указ и решил неожиданным образом судьбу райского уголка, так долго не находившего себе применения.

Из дворцовой постройки на содержании казны Царицыно превратилось в выставленное на продажу «бесхозное хозяйство», которое отныне обязано было само себя содержать, да еще и приносить доход казне. Продавали его за 82 тысячи рублей, как «склад кирпича». А ведь ансамбль обещал быть уникальным. Каждая его деталь – произведение искусства. Чего стоят одни только баженовские Фигурные ворота и галерея-ограда с помпезной, высоко вознесенной аркой, отмечающие символическую границу между дворцом и парком, Малый дворец, Хлебный дом и Кавалерские корпуса. К счастью, желающих заняться разборкой дворцовых руин по кирпичику не нашлось.

Царицыно дачное

Тогда-то и возникла идея сдавать участки в аренду (сроком почти на сто лет) под дачное строительство, благо дачный бум стремительно набирал в Москве обороты. Стимулировала данную затею открывшаяся в 1866 году станция Царицыно на Южной железной дороге – первая от Москвы. В дачный сезон один маршрут поездов начинался Москвой и кончался Царицыном – этакий шатл на рельсах.

Позднее, в начале XX века, железнодорожное сообщение с Москвой в летние месяцы стало еще удобнее. За каких-нибудь 18 минут скоростные поезда «Молния» доставляли дачников и их гостей в Царицыно с интервалами в четверть часа. А утром и вечером (для дачников, работавших в Москве) интервалы сокращались до пяти минут.

Среди состоятельной московской интеллигенции стало престижным строить дачу в Царицыне. Здесь жили философ Владимир Соловьев, поэты Федор Тютчев и Алексей Плещеев, писатели Леонид Андреев, Иван Бунин и Андрей Белый, композитор Петр Чайковский, певец Леонид Собинов и многие-многие другие видные деятели культуры и искусства. Формировался свой, царицынский мирок со

своим эксклюзивным обществом и своим образом жизни, настроенным на отдых, общение, развлечения и удовольствия.

Помимо домовладельцев были, как везде, и сезонные арендаторы. Двое из них – знаменитый археолог и нумизмат А.Орешников и не менее знаменитый историк-московед И.Забелин, директор Исторического музея, занялись вдруг в Царицыне археологическими раскопками. Они первыми заметили, что заросшая лесом земля вокруг них дыбится одинаковой, полусферной формы холмиками, и предположили, что это могут быть рукотворные курганы. Их предположение вылилось в открытие. То были могильные курганы славян-вятичей XI–XII веков, из которых они извлекали уникальные предметы обихода, украшения, статуэтки. (К этой таинственной страничке истории Царицына я еще вернусь.)

В долгосрочную аренду отдавали все, пригодные для дачного строительства участки, и даже Кавалерские корпуса дворца. В баженовских Третьем Кавалерском и Хлебном доме (самых достроенных) открыли трактиры с номерами. Дачные поселки возникали один за другим – Старое Царицыно, Центральный, Воздушный Сад, Поповка, Покровская Сторона, Новое Царицыно, Воробьевка. Старое Царицыно – в непосредственной близости от останков дворца, а Новое – на левом берегу Царицынских прудов, на самом высоком, наиболее сухом месте, среди вековых сосен.

Дачное освоение шло полным ходом, к началу 1890-х Царицыно приобрело статус современной «Рублевки», весьма популярной и престижной среди зажиточных москвичей. Один за другим открывались магазины, места бытового обслуживания, керосиновая и скобяная лавки, продовольственный магазин, столовая, буфеты, пекарня, аптека, парикмахерская, мастерские ремесленников и т.д. Появилось и своё почтово-телеграфное отделение с телефонной связью (но это уже попозже). В «Путеводителе по Царицыну» упоминается, что из Москвы «ежедневно приезжали разносчики со всевозможными товарами».

Имелась, разумеется, и своя церковь – не церковь, а целый храм, с колокольной и трапезной. Самая первая, деревянная, была построена еще боярами Стрешневыми в 1682 году над источником целебных грязей, и именовалась Храмом иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Ее кирпичный аналог, в стиле елизаветинского барокко, доживший до наших дней, был возведен в 1765 году князем Кантемиром. При церкви, уже стараниями царицынских дачников, учредили церковно-приходское попечительство с бесплатной амбулаторией для крестьян, прислуги и рабочих.

Центром дачной жизни, ее козырем и главной достопримечательностью конечно же оставался Царицынский парк с

его живописными руинами и каскадными прудами. На Нижнем Царицынском и Борисовском прудах, помимо базы Московского общества любителей рыболовства (со своими гостиничными номерами), построили купальни, лодочные и спасательные станции, солярии. Пруды содержались в идеальном порядке.

Состоятельные москвичи приезжали сюда на летние месяцы семьями, с полным штатом прислуги – от дворников до поваров. В альбоме моего дедушки есть фотографии, на которых запечатлен их дворник – с женой и тремя детьми. То есть прислуга тоже завозилась целыми семьями.

Мои предки в Царицыно

Мой прадед, российский немец Эдгар Эрихович Виллер, купил здесь, в поселке Новое Царицыно, огромный участок леса и построил для своей семьи просторную усадьбу из трех домов (один – для прислуги). Человек он был далеко не простой. Позволю себе привести целиком его биографию, опубликованную в 1913 году в шикарнейшем юбилейном издании «Трехсотлетие царствования державного Дома Романовых»:

«Художественно–Бронзо–Цинко–Литейный Завод Э.Э.Виллера в гор. Москве.

Виллер – Эрих Эдуардович, почетный потомственный гражданин. Родился в 1851-ом году в г. Юрьеве (Лифл.губ.) и образование получил частью в г. Юрьеве, частью в г. Петербурге. В 1870-ом году Э.Э. поступил на службу в один из крупнейших С.-Петербургских механических заводов, где изучил на практике механическое и литейное дело. В 1875-ом году Э.Э. основал собственную мастерскую, имевшую очень скромные размеры. В этой мастерской Э.Э. работал сам с 1-м мальчиком-рабочим. Благодаря энергии и упорному труду владельца, спустя 5 лет мастерская Э.Э. преобразилась в небольшой слесарный завод, на котором работало 30-40 чел. рабочих.

В настоящее же время завод Э.Э. достиг грандиозных размеров, причем на нем изготавливаются всевозможная художественно-бронзо-цинко-литейная и слесарно-строительная работы, сооружаются памятники, как светские, так и церковные и т.д... Э.Э на собственные средства выстроил в гор. СПбурге часовню в память павших воинов, которую пожертвовал городу; затем Э.Э. участвовал в постройке памятника Н.В. Гоголю в гор. Москве, а в 1911 году, в память 50-летия освобождения крестьян, Э.Э. соорудил памятник Александру II в гор. Саратове. Вообще Э.Э. сооружено более 500 памятников Императору Александру II в России. Оборот завода в настоящее время достигает 200 000 р. в год. И за доброкачественность выполнения заказов Э.Э.

удостоен многих высших наград на всевозможных заграничных и русских выставках.

Э.Э.Виллер состоял присяжным попечителем при Московском Коммерческом суде, состоит членом Коммерческого о-ва Взаимного Кредита, членом Московского ремесленно-кредитного т-ва, почетным членом о-ны «Утоли моя печали», членом Российского о-ва Красного Креста, членом Императорского человеколюбиваго о-ва, членом Евангелического Миссионернаго о-ва, членом Императорского сельско-хоз. о-ва птицеводства и т.д. и т.д., в то же время жертвует крупные суммы на благотворительные и просветительные дела...

В 1894 году Э.Э. Высочайшим указом Правительствующему Сенату возведен в звание почетнаго потомственнаго гражданина. Э.Э. – кавалер орденов св. Анны и св. Станислава II и III степ., медалей – большой (на шею) золотой на Андреевской ленте и серебряной за охрану при короновании Николая II-го; помимо этих знаков отличия Э.Э. имеет много различных медалей и знаков от разных учреждений.

Москва. Гороховский пер. собств. дом №21. Тел. 67-34. Магазин: Москва. Маросейка, 2. Тел. 28-57.»

(При желании можно просмотреть содержание этого уникального пятикилограммового фолианта – все страницы читаемы – на сайте НЭБ: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004875294/viewer/?page=432)

У прадеда было пять сыновей и две дочери. (Мой дедушка, Бернард Виллер, самый младший, был скульптором и литейщиком, с юности работавшим рука об руку со своим отцом.) Его дети заводили свои семьи и своих детей, но продолжали держаться все вместе. Вот этим огромным кланом, человек в двадцать, плюс полный состав прислуги, они и проводили весенне-летне-осенние месяцы на даче в Царицыно, начиная с 1890-х годов. Главный дом выглядел очень даже симпатично – с просторными, богато украшенными резьбой верандами на первом и втором этажах, с мезонином под высоко поднятой крышей. (Где-то вычитала, что «в 1899 году страховая стоимость царицынского имущества Виллеров превышала 9,5 тыс. руб.)

Можно без натяжки сказать, что в Царицыно вся семья жила в свое удовольствие. Они играли в теннис, в крокет, катались на велосипедах, на роликах (деревянных), на лодках, увлекались верховой ездой, отдыхали в тенистых уголках большого сада с фонтаном и ухоженными аллеями, гуляли в лесу или вдоль живописных прудов дворцового парка с тогда еще полуразрушенными руинами замка, ротондами, мостами.

И только глава семьи не позволял себе (или не мог позволить) расслабиться даже на отдыхе. Вернее сказать, отдыхом для него были его хобби – в дачный период прадед увлекался садоводством и

разведением редких пород мясных и яйценосных кур, которых демонстрировал на сельскохозяйственных выставках. Птицу он разводил конечно же не на дачном участке, для этого у него было что-то вроде сельской фермы.

Но особой его страстью были сенбернары. Он их обожал и держал целую псарню. Занимался селекцией, совершенствуя породу, выбирал себе одного – любимчика, и практически с ним не расставался. Сенбернары в ту пору были для России редкостью, их первые экземпляры появились где-то в 1880-х годах. И выведенные прадедом питомцы часто брали на российских и международных выставках первые призы.

Это, так сказать, внутренняя жизнь одной большой семьи. Но была еще и многогранная жизнь «внешняя», объединявшая всех дачников и развивавшаяся по двум направлениям. Культурно-развлекательная ее составляющая концентрировалась в том самом «Доме Валуева». А общественно-полезным трудом состоятельные активисты занимались, основав в 1908-м «Общество благоустройства дачной местности Царицыно», в котором Эрих Виллер, попав в первую волну становления дачного хозяйства, принимал самое деятельное участие.

Благодаря их энтузиазму и их финансовым вложениям Царицыно действительно год от года становилось все более благоустроенным – на улицах поселков появилось уличное освещение, таксофоны, заработали система охраны, пожарные службы – в основном из самих домовладельцев. (Дома-то все были деревянные, пожары случались довольно часто, и тушили их, что называется всем миром. А инвентарь предоставляло «Общество».)

На детских площадках устраивались праздники для детей, играли спектакли, в которых участвовала местная молодежь. Неизменно являясь членом царицынского комитета, прадед с энтузиазмом посвящал поселку все свое свободное время. Занятие было не из легких и к тому же требовало вложения личных средств.

Научный сотрудник Царицынского музея О. Габуева в 28-страничной статье: «Семья Э.Э.Виллера и дачное Царицыно в начале XX века» (в журнале «Научный царицынский вестник», выпуск 9, 2008 год) пишет: «Вступление в «Общество» не было ни обязательным, ни формальным актом. Это было свободное объединение людей, постоянно занимавшихся огромной, многообразной и трудоемкой деятельностью по благоустройству быта большого царицынского поселения, попечительскими заботами, организацией досуга всей царицынской общины. Учитывая количество постоянно возникающих проблем, затратных к тому же, в комитет выбирались наиболее деятельные и внушающие доверие люди. Годовые балансы Комитета отличались скрупулезностью подсчетов и сводились до копеек... Э.Э. Виллер деятельно участвовал в чрезвычайно интенсивной жизни

Царицына и, безусловно, оставил свой след в его истории... Новые сведения о нем, его семействе и окружении, его участии в работе «Общества» расширяют наши познания о царицынском дачном укладе».

Сад Диппмана

Что же касается «Дома Валуева», то ему суждено было стать таким центром культурной жизни Царицына дачного. Московская Удельная контора начала сдавать его в аренду – сначала помещанину Щеглову, который приспособил его под гостиницу и пристроил летний театр. Ему было позволено «нанимать музыку, устраивать спектакли, фейерверки на пруде и в саду».

От Щеглова дом на тех же условиях перешел к Орлову. «Рядом с рестораном есть летний театр, хотя небольших размеров, но по Царицыну весьма достаточный; лож нет, только один партер, т. е. стулья и скамейки, освещение – стеклянные фонарики. Оркестр, состоящий из 14 человек приезжает из Москвы. После спектакля стулья убирали, и до двух часов ночи продолжались танцы», – так описывала газета «Московский листок» в 1882 году царицынское развлекательное заведение. Да видно сглазила. Не долго музыка играла – для Орлова, бедняга преждевременно скончался.

С 1883-го и на целых три десятка лет хозяином «Валуевского дома», уже изрядно обветшавшего, стал саксонец Балтазар Диппман, германский подданный. Несмотря на то, что развлечения и при нем продолжались, дачники снисходительно величали местную достопримечательность «царицынским сарайчиком». Но саксонец не лыком был шит. Энергичный, деятельный и дотошный, через несколько лет он добился разрешения на снос старого и постройку нового «дома культуры» – с колоннами и балюстрадой. И теперь уже его заведение называлось «Садом Диппмана».

Трудно было бы найти место более удачное для «царицынского дома культуры» – он, как и Дом Валуева, возвышался на пригорке, с которого открывался великолепный вид на парк и дворцовые постройки. Находился совсем близко от станции, и к тому же – на перекрестке основных дорог. Пройти мимо «Сада Диппмана» и не заметить его было невозможно. Тем более, что его знал, любил и посещал каждый дачник.

Все утопало в зелени густых кустарников, вьющихся растений, цветников, под сенью вековых сосен. Вокруг фонтана столы под электрическими фонариками. Если посетителям не с кем было оставить своих детей, в усадьбе на этот случай имелась детская площадка с воспитателем-развлекателем. Позаботился Диппман и о коммуникациях: приглашенные немецкие специалисты оснастили

усадьбу собственной электростанцией, канализацией, отопительной системой и водоснабжением. Его хозяйство больше было похоже на такую коммерческую империю, включавшую в себя гостиницу и несколько дач, сдававшихся в наем.

Диппман держал на своем участке ресторан, театр, летнюю музыкальную эстраду, бильярдную, в которой играли в лото и бильярд исключительно «на интерес». Его кегельбан и теннисные корты знала вся Москва.

В обновленном театре регулярно показывали небольшие спектакли-комедии, такие как «Лолотта» Мельяка и Галеви, «Веселый месяц май» Л.Иванова, «Медведь» Чехова. Труппы артистов приезжали из Художественного, Малого, Интернационального театров. На его сцене давали концерты Шаляпин, Лемешев, Рихтер, выступали приглашенные танцоры, артисты балета и цирка (дрессировщик В.Дуров, в частности).

А для танцевальных вечеров, случалось, нанимали оркестр военной музыки 36-й артиллерийской бригады или 3-го гренадерского Перновского полка под управлением Г. Миллера. Устраивались маскарады, летние балы с иллюминацией и фейерверками. Танцевали допоздна, благо последний поезд на Москву уходил во втором часу ночи. Позднее Диппман приобрел синематограф и организовал у себя первые киносеансы. Благодаря ему культурная жизнь Царицына процветала.

В 1911-м царицынский энтузиаст умер. Ресторанную часть его «развлекательной империи» наследовала его вдова, а театрально-спортивная перешла в пользование «Общества благоустройства», пожелавшего сохранить созданные Диппманом традиции.

Но близился конец счастливой жизни царицынских дачников, как и всей имперской интеллигенции России в целом. Грянула Октябрьская революция, и вся их упорядоченная благоустроенная жизнь пошла прахом. Дачи национализировали. Многие из них сгорели. Поговаривали, что иные домовладельцы просто не пожелали отдавать свои насиженные места в чужие руки.

Что касается царицынской судьбы моих предков, то, по сведениям, добытым научными сотрудниками местного краеведческого музея, усадьба Виллера в 1920 году была передана Трудовой сельскохозяйственной железнодорожной артели «под культурные нужды». А потом таинственным образом сгорела.

В «Хлебном доме» (одной из самых интересных и самых больших построек Баженова) устроили коммуналки – туалеты во дворе, вода из колонки. Недостроенный комплекс все больше приходил в упадок, превращаясь в «зону с неблагополучной криминальной обстановкой», с 1930-х по 90-е став излюбленным местом всех окрестных скалолазов. Поначалу любители-экстремалы освоили парковые имитации развалин

и мосты, а потом, войдя во вкус, начали взбираться и по стенам Большого дворца, благо выпуклостей во всех постройках хватает и есть за что ухватиться. «Тут вся Москва лазала, – усмехается ветеран спортивного скалолазания Леонид Мач. – Сударыня-императрица недаром вложила большие деньги, получился хороший скалодром, которым пользовались многие поколения московских и вообще советских альпинистов.»

Скалолазов было так много и фотографий, запечатлевших их героизма, сохранилось такое количество, что нынешние зрители музея подумывают даже посвятить им отдельную экспозицию.

Царицыно переименовали в поселок Ленино и сделали центром Ленинского района. Станцию метро рядом с Царицыно, открывшуюся много позже – под новый, 1984 год, поначалу тоже назвали «Ленино». Второй Кавалерский корпус был разобран на кирпич, а в достроенном под советские нужды Первом Кавалерском (за счет кирпича Второго) расположился Ленинский райисполком, со статуей Ленина перед фасадом.

Стал «Ленинским» и «Сад Диппмана», причем он не закрылся, а продолжал функционировать, как сельский театр и кинозал. Более того – деревянную усадьбу Диппмана снесли и на ее месте построили каменный Дом культуры, со временем переродившийся в Театр юного зрителя.

Прощай, печальная руина!

В 1960 году, находясь в пределах Московской кольцевой дороги, Царицыно-Ленино было включено в состав Москвы, после чего начало меняться буквально на глазах. Интенсивно разраставшаяся столица подступила к нему вплотную, обложив хрущевскими многоэтажками микрорайоны Ленино, Бирюлёво Восточное, Орехово-Борисово Южное и Орехово-Борисово Северное.

«По живому» прокладывали транспортные магистрали. В 1980 году высокая дамба автотрассы Новоцарицынского шоссе перерезала Нижний дворцовый пруд, образовав пруд Средний, что, как минимум, нарушило целостность всего ансамбля. От прежней пасторальной благодати не оставалось и следа.

Но Царицыно от застроек уберегли, увеличив охранную зону вокруг дворцового комплекса и каскада прудов до 1000 гектаров. Уцелевший таким образом зеленый оазис превращался в любимое место отдыха москвичей, как скажем, Парк культуры и отдыха им. Горького, благо туда теперь можно было легко добираться на метро. Приезжали коллективами на массовки, шли колоннами с песнями под оркестр.

Периодически, в разные годы предпринимались попытки отреставрировать царицынские развалины. А потом неожиданно-негаданно Судьба, развернувшись совсем уж неожиданной гранью, уготовила им возрождение. В Правительстве России долго не могли решить, что с ними делать. Чья-то умная голова предложила нереализованный замысел давно почившей Екатерины реализовать. Назвали эту странную затею реконструкцией. Хотя как можно реконструировать то, чего никогда не было? В частности – внутренние покои дворца со всей его несостоявшейся начинкой и предполагаемым убранством.

Восстановленный дворцовый комплекс (на фоне московских новостроек)

Многие специалисты пытались протестовать, доказывая, что комплекс не нужно трогать, что его руины романтичны, живописны и привлекательны сами по себе, являясь истинным историческим наследием, тогда как в воссозданном виде это будет уже совсем другой объект. Победили те, кто ратовал за его воссоздание. Думается, немаловажную роль тут сыграла некая духовная ущербность столицы, не имевшей, в отличие от Петербурга, своих пышных царско-императорских хором. «А вот нате вам, теперь и у нас будут!»

Решение принято. Средства выделены – аж 14 миллиардов рублей. Архитекторы и проектировщики взялись за дело, надо отдать им должное – досконально изучив чертежи и проекты Баженова и Казакова, парковую планировку, а заодно – обычаи, вкусы и стили екатерининской эпохи. Дворцовый комплекс поднимался из руин, как

птица феникс. К началу XXI века были отреставрированы все не снесенные Екатериной постройки Баженова. Полномасштабную реконструкцию Большого дворца завершили к 2007 году – ко Дню города Москвы, с торжественным открытием в присутствии президента страны.

«Прощай, печальная руина! Здравствуй, возрожденное Царицыно!» – провозгласил тогдашний мэр Москвы, Юрий Лужков, объявив Царицынский ансамбль «крупнейшим историко-культурным, музейно-выставочным, природоохранным, досугово-рекреационным и туристическим комплексом». (Язык сломать можно!) А попроще – ГМЗ (Государственным музеем-заповедником).

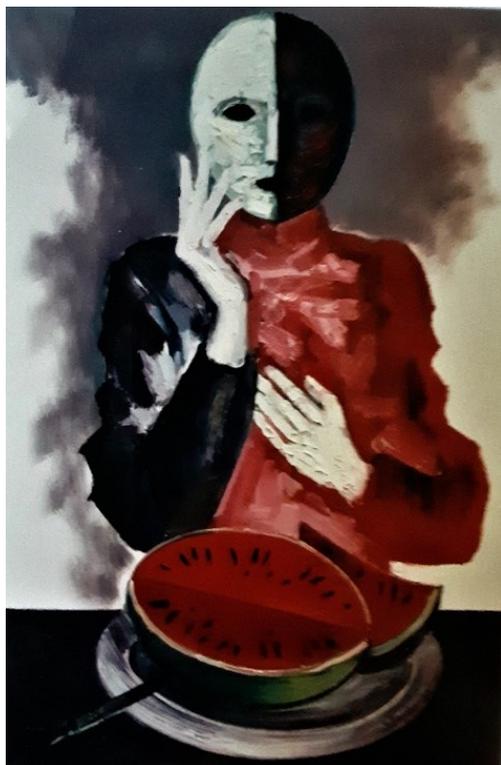
Перед дворцом установили скульптурную композицию – памятник двум великим русским зодчим Баженову и Казакову, отдавая им дань уважения. (На мой взгляд, не особо удачный.) Не забыли и молдавского господаря Дмитрия Кантемира – еще один бронзовый памятник (2014).

Весь ансамбль, отстроенный практически заново, являет собой сегодня творение уже не XVIII, а XXI века. Этот самый дорогостоящий объект острословы окрестили «главной архитектурной драмой последних лет», «фантазийной реставрацией», «постмодернистской пародией». Что впрочем не мешает туристам с удовольствием его посещать.

Английский пейзажный парк со всеми его украшениями восстанавливали по литературным источникам и архивным документам. Искусственные парковые руины (созданные Баженовым как дань культуре руин, существовавшему в эпоху романтизма) и сами-то по себе выглядели довольно спорно. А после того, как парк привели в порядок, расчистив и посыпав гравием дорожки вокруг них, смотрятся даже нелепо. Руинам ведь положено зарастать травой, кустарником, а то и деревьями (как, собственно и было до реконструкции). А эти лоснятся от чистоты.

Полностью статью можно прочесть в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/10540>

Часть 9. Театр и Кино

Павел Тайбер. Сладкая жизнь

Борис Голубицкий

Санкт-Петербург

Гамлет в Ленком

Тверской бульвар, быть может, самое сильное театральное место Москвы, здесь сосредоточились легенды. И он полон призраков. Сюда выходил на прогулку Станиславский из своего заточения в Леонтьевском. Вот на этой, возможно, скамейке он беседовал с Михоэлсом. А здесь бродил безумный Таиров, ища афиши уже закрытого Камерного. С высоты вот этой квартиры раздался голос Алисы Коонен, проклиная театр под нею.

Вот дом Ермоловой. Вот мрачное здание нового МХАТа, его называли Дантесом, напротив - театр имени Пушкина. Здесь МХАТ разделился на мужской и женский, тени Ефремова, Смоктуновского, Евстигнеева. А отсюда ушёл в последний свой поход Эфрос...

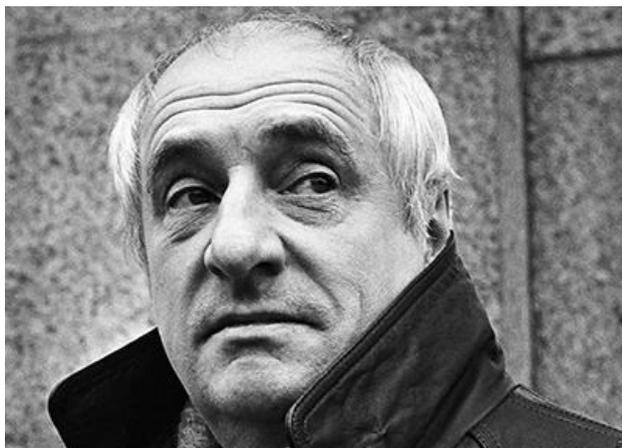
Дорога от Малой Бронной до Малой Дмитровки, тогда улицы Чехова, где в бывшем Купеческом собрании расположился театр имени Ленинского комсомола, Ленком, недалёкая - несколько минут пешком по бульварному кольцу. Иду, а в голове вертится: "С такой горы пойти в таком болоте искать свой корм!" Это Гамлет говорит матери-королеве.

С уходом Анатолия Васильевича Эфроса на Таганку, где ему запретили стажеров, меня направили к Марку Анатольевичу Захарову. Предложили выбирать. Можно было перейти на другую сторону бульвара - к Ефремову. Уехать в Ленинград, где я учился, - к Товстоногову. Выбрал - Захарова. Видел его ранние спектакли : "Разгром", "Иванов", "Проснись и пой". Они были очень разными, яркими, сильными, молодыми, притягательными, но... Я сомневался - мой ли это театр? С Эфросом не сомневался - это мой идеал режиссёра!

Время, проведённое рядом с ним, - счастье, хоть и горькое. А тут?.. "Автоград", "Оптимистическая трагедия"... Хорошо помнил Эфросовский "Ленком" - самое сильное театральное переживание юности. А ведь было с чем сравнивать - блистательный БДТ, виртуозный Акимов, "Король Лир" Питера Брука, "Ромео и Джульетта"

Дзефирелли. И, конечно, "Современник", Таганка. Эфрос был ближе всех. Как-то при мне его спросили - где ставить ударение в фамилии : на первом или на втором слоге? Он ответил, смеясь: "На первом, конечно. А то получается вроде барбос!" Для меня ударение стояло на всем его имени. И до сих пор этим именем ничего не названо. А ведь он был - эпоха...

Прохожу то место, где раньше стоял бронзовый Пушкин - как же прекрасно оно было выбрано: вышел с прогулки по бульвару и снял шляпу перед Страстным монастырем. Теперь он на другой стороне, монастырь снесен, позади "Россия"...

Захожу в кабинет Захарова - знакомиться. Это ещё его старый кабинет, он как раз перебирается в новый, в том здании, которое недавно отдали театру - Дом политического просвещения. Маленькая, показалось, комнатка под лестницей. Марка Анатольевича не видно из-за стола - наклонился, вынимает какие-то бумаги, рвёт их. " Да-да, я в курсе. Приходите завтра на репетицию."

Прихожу. Репетируется пьеса Черных "Проводим эксперимент", на тему "о рабочем классе" объявлен московский конкурс. Ну вот, тоскливо подумал, началось! - с конъюнктуры...

Конечно, "чаша сия" не миновала в советском театре никого: и Ефремов, и Товстоногов, и Гончаров ставили "датские" спектакли - к юбилеям, к съездам, так сказать, подарки. Иначе было не удержаться. При увольнении отсюда Эфроса главным обвинением был репертуар, не соответствующий названию театра, - мало о героических делах молодёжи. Захаров учёл эти ошибки. Он торговался с властями: я вам "Эксперимент", а вы мне разрешаете "Трёх девушек в голубом" Петрушевской. Закрытые показы этого запрещённого спектакля время

от времени происходили, на них ломилась вся Москва. Но так и не разрешили, пока не пришла перестройка...

Каждый вечер смотрю репертуар, открываю этот театр для себя.

На "Юнону и Авось" места в зале не нашлось - хит времени! Сажу в осветительской ложе. Спектакль ошеломляет, оглушает, ослепляет. Первый полноценный отечественный мюзикл! Всё свое - сюжет, музыка, декорации, пластика, свет, дым, вокал. И прекрасные драматические артисты - Караченцев, Абдулов, Шанина. Играют на пределе эмоционального напряжения. Да, такого нет ни у кого. Впоследствии, через несколько лет, в Америке, насмотревшись лучших мюзиклов, я понял, откуда тогда прилетела эта Юнона. И встала достойно в ряд. А может, и впереди...

Уникальным оказался "Вор" В. Мысливского, полная противоположность "Юноне". Тихий, какой-то психологически-истязающий, потрясающе атмосферный. От Евгения Леонова невозможно глаз оторвать. А присутствие на сцене его любимого сына Андрея делало высказывание артиста глубоко личным. И - запрет на аплодисменты и поклоны в финале! Такого не было ни у кого. Этот спектакль перевернул мои представления о Захарове-режиссёре. Он выступал как будто на "чужом поле" психологического театра и демонстрировал чудеса владения профессией...

"Оптимистическая трагедия" - вот уж действительно самое советское произведение. И после величественных, вошедших в историю театра постановок Таирова и Товстоногова вряд ли кому придёт в голову снова обратиться к этому материалу. Правда, в начале 80-х сам Товстоногов стал отрекаться от давнего триумфа в Александринке и решил "перепоставить" пьесу у себя в БДТ, но затея не удалась - время ушло.

Захаров захотел опровергнуть это, но, кажется впервые, наткнулся на серьёзное сопротивление своих звёзд - они выступили против агитки в театре. Тогда несдающийся режиссёр написал что-то вроде киносценария, где подробно изложил видение каждой сцены, прочел актёрам и - убедил их взяться за работу! Поступок героический. Заняты все "первые сюжеты": Чурикова, Леонов, Караченцев, Абдулов, даже в небольших ролях - Янковский, Збруев, недавно пришедший Козаков. Ансамбль получился изумительный, и играли отлично.

Тон задавали Леонов и Абдулов - Вожак и Сиплый. Сцены их "партийных собраний" вызывали смех и омерзение, поражали узнаваемостью, актуальностью. Пафос был снят полностью, вся интонация какая-то "домашняя", очень современная. Хрупкая, интеллигентная Чурикова, с зонтиком и связкой книг, нисколько не походила на большевистскую женщину-монстра в кожанке, она всерьёз вела любовную игру с Алексеем, в одной сцене даже давала ему звонкую пощечину.

На этот момент за кулисами собирались все: Караченцева в театре недолюбливали, а Инна Михайловна была по-настоящему. Захаров перевернул всю идеологию пьесы и добился впечатляющего результата - революция не выглядела здесь привлекательно. В середине 80-х это ещё было смело.

Я стал поклонником спектакля, приводил посмотреть друзей и родных. Давая контрамарку, администраторы грустно шутили: "Вы у нас один такой!" - привычного зрительского ажиотажа не наблюдалось...

А на репетициях "Эксперимента" я неожиданно для себя обнаружил у Захарова-постановщика редкие свойства режиссёра-педагога. Да он и был педагогом, вёл курс в ГИТИСе, там гремел его "Ревизор". Юные студенты демонстрировали полную сценическую раскрепощенность и поражали органической импровизационностью при очень строго заданном рисунке. И над всем царил смех - главное оружие мастера. Это был Гоголь - смешной, молодой, озорной и близкий нам. Странно, что в своём театре не поставил...

Постепенно вырисовывалась картина "театра Захарова." Он следовал завету Мейерхольда: каждый спектакль должен быть другим, новым открытием, с новой для самого себя задачей, может быть, даже с другой эстетикой. При этом нужно оставаться самим собой, "ни единой долькой не отступаться от лица". Казалось бы, очевидные вещи, но многим ли они удаются? Марку Захарову это удалось.

Не имея режиссерского образования, он стал выдвигаться в лидеры режиссуры. В это время конфликт Юрия Любимова с властью достиг критической отметки и Ленком начал замещать Таганку на театральной карте Москвы. Это достигалось звёздным составом труппы, режиссурой Захарова, сценографией Олега Шейнциса и неповторимой атмосферой радостного творчества, которая сразу ощущалась на репетициях.

Через некоторое время мне сообщили: "Вы будете работать с Панфиловым над «Гамлетом». Скоро первая встреча."

На неё пришёл весь театр - и занятые, и свободные. Коротко представили Глеба Анатольевича, его и так все знали - выдающийся кинорежиссёр, супруг Инны Чуриковой. Это его первый опыт в театре.

Он привёл другого кинорежиссера, Александра Орлова, которому и дали слово - о Гамлете. Говорил много и сбивчиво, запомнилось только, что Hamlet - перевернутое имя сына Одиссея: Телемах. Несколько слов сказал Панфилов. Главная мысль: они все - одна команда, вместе играли в футбол, все - ровесники. Гамлет - один из них. Он хотел быть королём, а ему не дали. И он стал бороться. Борьба за власть всех погубила. Политическая пьеса. На этом встреча и закончилась, оставив осадок сильного недоумения. Правда, стало понятно, почему на роль Офелии вместо предполагавшейся Елены

Шаниной назначили начинающую Александру Захарову - для политических интриг любовная линия значения не имела.

Мои сомнения были связаны с образом Гамлета, с такой трактовкой. Наверное, у каждого режиссёра есть свой Гамлет, был и у меня, ещё с юности. В институт поступал с монологом "Быть или не быть", а на первом курсе сделал экспозицию всего спектакля. Мой Гамлет был очень молод и один выступал против "моря бед", влюбленный и талантливый. Я воспринимал его как "принца духа", что гвоздём вбит в благополучное, респектабельное общество. Точно, как в стихотворении Пастернака, которого тогда не знал: "Я один, всё тонет в фарисействе."

Конечно, Олег Янковский не молод, 40 лет, спектакль ставился на него, в театре, в отличие от кино, значительной работы не имел, нужна другая трактовка. Но если он - один из всех, то образ сильно снижается, думал я. Примерно такие же мысли, но громко высказывал Михаил Козаков, бывший Гамлет, а теперь Полоний. Его шутка: "Следующей будет роль могильщика, а потом - череп Йорика."

Именно он уговорил Панфилова играть в переводе М. Лозинского, а не Б. Пастернака, как тот хотел раньше.

Разумеется, мои сомнения и видения остались при мне, да и безразличны были режиссёру любые сомнения. Из многочисленных заданий, которые я получил от него, стало ясно: все детали будущей постановки уже придуманы. Например, я отправился в Новый цирк к Валентину Гнеушеву, автору многих аттракционов, чтобы разработать момент убийства Гамлетом короля.

По замыслу отравленная шпага должна перелететь через всю сцену и поразить Клавдия. Этот трюк мы нашли. Замечательного танцовщика и балетмейстера Владимира Васильева пригласили для постановки танцев, их было не много, но рисунок предлагался очень острый - мне предстояло работать с ним. Регулярно после репетиций я наведывался в мастерскую Олега Шейнциса, осуществляя связь происходящего у нас с рождением макета декораций.

Художник очень живо интересовался нашими делами. Его должность в театре вообще была уникальной - режиссёр-сценограф. И он разворачивал собственный спектакль, где главным действующим лицом становилось пространство. А к композитору Алексею Рыбникову в студию мы ездили уже вместе с Панфиловым. Правда, многого добиться не удалось - он дал фанфары и обещал ещё один номер, с этим пришлось смириться.

Но главной точкой приложения всех усилий стали, конечно, репетиции. Нам отдали новый репетиционный зал, прозванный Эльсинором. Шейнцис сам его любовно оборудовал, никого больше туда не пускали. Вскоре выяснилось - ежедневные репетиции не доставляли Панфилову особого удовольствия. Как кинорежиссёр он

уже видел все будущие кадры, а возиться с актёрами над их построением ему не очень интересно, и он предпочитал отсутствовать, иногда подолгу - многочисленные зарубежные командировки отнимали время, Чурикова часто ездила с ним. Давал общие указания по содержанию сцены и - исчезал. Вот здесь начиналась моя территория - работать с актёрами всегда очень любил, да и немалый уже режиссёрский опыт был за плечами.

С Олегом Янковским мы ровесники, так сказать, одно поколение, оба знаем провинциальный театр. У него волчье чутье на фальшь, на людей. Сразу понял, что помощи от Панфилова в его актёрской работе не будет, а он в ней очень нуждался. Может быть, поэтому наши отношения вскоре сделались доверительными. Его тоже одолевали сомнения: хороша ли тракторка, как быть с возрастом, со стихами? Об этом и о многом другом беседовали. Иногда после репетиции он предлагал: "Давайте съездим на выставку на Малой Грузинской!"

Садись в его машину и ехали смотреть художников. Или в больницу - навестить племянника Игоря, тоже актёра. Или к нему домой - познакомиться с совсем ещё юным сыном Филиппом. Среди сезона театр отправлялся на десятидневные гастроли в Ленинград, репетиции прерывались. Он пошёл в дирекцию и настоял, чтобы меня взяли на гастроли - продолжать работу.

В пятницу часто просил: "Можно не назначать моих сцен на субботу и воскресенье?" И делал характерный жест у горла: "Суровая рука голода!" Это означало - поездка по стране с концертами. Остановил все съёмки на время работы над Гамлетом, но на концерты ездил, ничего там не играл, только отвечал на вопросы, разговаривал с публикой, играли Абдулов с Ярмольником.

Работал над ролью трудно и упорно. Главная проблема - стихи. Его сверхправдивая природа не принимала эту условность. Нужно было

находить путь - как оправдать стих, не перейти на прозу, сохранить размер и остаться в границах сегодняшней человеческой речи. Это давалось мучительно. Часто делал смешные оговорки. Например, о портрете отца: "Взгляд, как у Марса, кудри Апполона!" - неизменно говорил: "Взгляд, как у Маркса..." /Может, потому что театр в Саратове был имени Карла Маркса? / Или - о матери, вместо "почтенная матрона..." получалось "почтенная матрёна..."

Над этим потешался Михаил Козаков, у которого со стихами всё было в порядке. Однажды Панфилов предложил, чтобы Гамлет сочинял стихи. Решили взять сонет Шекспира. Я нашёл подходящий сонет, его утвердили. Олег скрипел: "Что, покорооче сонета не нашлось? "

Как-то на репетицию, через полчаса после начала, буквально врывается Козаков и падает на колени :

- Ребята, простите меня, я опоздал - не мог поймать такси!

- Миша, ты сегодня не вызывался, у нас другие сцены, ты свободен.

- Боже мой, простите меня, я всё перепутал!

- Уходи, пожалуйста, не мешай!

- Ну, можно, я хоть стихи вам почитаю! И вопль Олега: "Нет! Нет! Только не это! Уходи!» Поднявшись с колен, Миша покорно ретировался, но в дверях всё же беззлобно наградил нас : " Пэ-тэ-ушники! " - его любимое словечко.

Вообще же дисциплина и творческая атмосфера поддерживались свято - важнейшее завоевание театра Захарова. За почти двухлетнее пребывание я видел крутые публичные разборки с нарушителями. Но и послабления иногда делались, например, всеобщему любимцу Александру Абдулову, нашему Лаэрту.

Он частенько опаздывал, влетал как угорелый и с порога атаковал потоком предложений: "Я сейчас несся по Москве на репетицию и понял, как сделать появление Лаэрта во дворце. Значит, так: я с дружками сваливаюсь с неба, буквально, будто парашютный десант. Мы захватываем дворец и власть, и король обязан выполнить наши требования. Я знаю как технически это сделать!" Понемногу укрощал свое буйное воображение, начинал репетировать сцену, но градуса не снижал, роль ему очень нравилась.

Один раз попал в серьёзную передрыгу - стоял вопрос об увольнении. Мы собирались втроём - Олег, Саша и я - чтобы выработать тактику поведения. На сборе труппы особенно усердствовали Караченцев и ещё один актёр, член профкома. Спасла положение "баушка" - Татьяна Ивановна Пельтцер. Она сказала только одну фразу, ответила члену профкома: "А ходить-то на кого будут, на тебя, что ли?" Дело закончилось строгим выговором и лишением премии...

Память о постановке Тарковского жила в театре, Олег тогда хотел сыграть Гамлета, но режиссёр пригласил Солоницына. Закончилась та история неудачей, спектакль быстро сошёл со сцены. Опасения по поводу нынешней трактовки очень тревожили, мы это обсуждали. "Один из них, такой же, как все" - не устраивало Янковского, он старался выстроить внутри себя сопротивление этому, не ломая по возможности общего замысла режиссёра.

Уважение к режиссёру - отличительная черта Ленкома той поры. Александр Збруев, например, любимый актёр Эфроса, не признавал опыты Захарова, называл его "инженером, архитектором". Культ Эфроса жил в нём, и противоречие с нынешним направлением ввергало в длительную депрессию. Зная, что я пришёл от Эфроса, часто звонил вечерами по телефону, расспрашивал про Малую Бронную, делился серьёзными сомнениями.

Но на репетициях - предельно собран, немногословен, готов пробовать и выполнять предложения режиссуры, роль короля Клавдия его вдохновляла. Михаил Козаков - вечный спорщик, тотально со всем несогласный, громогласный и эгоцентричный, умный и образованный - немедленно смолкал перед режиссёром и становился послушным исполнителем. Сыграв свою сцену, часто - блестяще, мог забиться в дальний уголок и там тихонько бурчать что-то себе под нос. Панфилов стоически терпел, старался не обижаться на его иногда очень резкие высказывания.

После одной удачной репетиции спросил меня: "Куда сейчас идёшь?" А я шёл на заседание по Шекспиру в кабинете драматургии ВТО, куда был приглашён. "А можно мне туда?" Пришли вместе. Минут 10-15 он слушал выступления, потом взял слово, и - всё, заседание разлетелось в пух и прах. Устроители пеняли мне потом - зачем привёл его? Темперамент разрушителя бушевал в нём. Кончилось тем, что после премьеры он ушёл из спектакля, потом из театра, потом уехал из страны...

Инна Чурикова без Панфилова на репетиции приезжала редко - режиссерское управление согласовывало каждый раз. Машину она не водила, а жили далеко, но рядом с Николаем Караченцевым, он и привозил, если по пути - бывший Лаэрт занят у нас не был. Когда появлялась, сияла лучезарной улыбкой и интересовалась: "А какая сцена будет?" - как бы не знала.

Но роль свою, да и всю пьесу, знала прекрасно, включалась сразу. Мы становились свидетелями работы её сверхъестественной интуиции. У Тарковского она играла Офелию, которая мечтает стать королевой. А вот теперь - королева! В любой своей сцене оказывалась хозяйкой положения. Ради неё захватывал власть Клавдий. Сверхчувственность, сверхвозбудимость - ключевые определения её состояния.

И все вокруг немедленно попадали в поле воздействия и подчинялись этой сильнейшей магии. Особенно интересно было, когда ей противостоял Янковский, обладатель не менее сильного поля. Их поединок импровизировался - оба любили такое взаимодействие и были отличными партнёрами. Эта королева не ведала стыда, ни в чём не раскаивалась, казалось, она сама помогала безвольному Клавдию в убийстве старого мужа. И наступило её время - она расцвела. Могла убить и сына, если тот будет покушаться на её счастье. Гамлет это понимал и являлся в её покои с охраной. Напряжение их диалога не ослабевало ни на секунду, и он, безусловно, принадлежал к лучшим мгновениям, созданным талантом этих великолепных актеров...

В таком мощном окружении Офелия Александры Захаровой могла потеряться - первая большая роль будущей "принцессы Ленкома". Она остро нуждалась в помощи - и все радостно помогали. Панфилов обставлял её появления эффектными мизансценами и всевозможными придумками.

Например, он придумал, что Офелия беременна. И в сцене безумия ей казалось, что она рождает - из-под юбки должен выбежать и убежать маленький человечек в костюме шута. С этой целью пригласили лилипута Витю. Он был опытным актёром и с удовольствием принимал участие в репетициях. Но Саша его страшно боялась и зажималась, приучить их друг к другу не удавалось. Не раз она просила меня уговорить Панфилова отказаться от этой затеи, сама не решалась. Но Глеб Анатольевич находку не отдавал. После какой-то очередной неудачной попытки объявили перерыв и все, вместе с Витей, отправились в буфет пить кофе.

Буфет в Ленкоме больше, чем буфет - любимое место актёров, превосходно обставленное, уютно освещённое. Сюда приходят отдохнуть, назначают встречи. Занятым в репетиции привилегия - можно подходить без очереди. И ещё одна чудесная традиция: если репетировали хорошо и режиссёр оказывался на высоте, кто-нибудь из участников ставил перед ним чашечку кофе.

Обычно это делали Олег Янковский и Александр Абдулов, и я горжусь, что не раз удостоивался такой чести. На этот раз настроение у всех, кроме Вити, не весёлое. Он шутит, курит большую сигарету, заигрывает с дамами. Перерыв заканчивается, наша команда уныло плетется назад в Эльсинор. На выходе из буфета Витя оказывается рядом с Инной Михайловной.

А навстречу им в тускло освещённом коридоре несётся Людмила Поргина, жена Караченцева. Она целуется с Инной и, показывая на Витю, говорит: "И Ванечка здесь, как вырос!" Нужно было видеть реакцию Чуриковой! Ванечка - это их с Глебом маленький сыночек. Для бедного Вити нечаянная встреча оказалась роковой - больше его на репетиции не вызывали. Официальная версия - запой, он и правда

был пьющий. Саша - на седьмом небе. Но от затеи с родами не отказались. Вместо Вити изготовили мягкую куклу в костюме Йорика, её вытаскивала из-под юбки безумная Офелия и швыряла через всю сцену.

Линия Офелии не стала удачей спектакля, хотя трудилась дебютантка самоотверженно. Не было обаяния, не было контакта с Гамлетом, не было любви. Она выглядела несчастной жертвой, которую терзали в разных целях разные силы. Может, для концепции Панфилова это и подходило. Но на репутацию Гамлета беременность девушки бросала сомнительную тень...

Происходящее в Эльсиноре живо интересовало театр, нередко к нам заглядывали не занятые артисты, при встречах расспрашивали с пристрастием. Ещё бы - так много сошлось необычного: второй дебют кинорежиссёра с этой пьесой, звёздный состав, первая роль дочери худрука, современная трактовка... Мы были открыты для общения, ничего не прятали.

Панфилов, кстати, переживал в кино тяжёлый период - закончил работу над "Темой" с Чуриковой и Ульяновым в главных ролях, а ленту положили на полку, запрещали прокат. Время от времени он устраивал закрытые просмотры в театре для нескольких человек, на один из них пригласил меня. Фильм очень понравился, он точно воспроизводил гнетущую атмосферу нашей жизни. После показа мы остались вдвоём, долго сидели молча. Потом он заговорил, горько и неожиданно откровенно. Сказал, что не надеется на лучшее, что фильм не выпустят, он в отчаянии, не знает, как и что делать дальше, перспективы нет. Я высказал смелое предположение, что фильм скоро выйдет. И привёл цитату из Талмуда: "Когда очень тяжело, держись за свою ношу." Он восторженно - не знал этого текста, даже записал, чуть повеселел. Фильм через некоторое время действительно выпустили на экран...

На утреннюю репетицию были вызваны двое - король и Гамлет, сцена "в домашней церкви". Вдруг прибегает молодой администратор Сергей Даниельян и слёзно умоляет пустить к нам его приехавших армянских родственников, обещает контрамарки на любые спектакли.

Актёры не возражают, я тоже, вереница армянских женщин тихо проникает в Эльсинор и благоговейно рассаживается вдалеке...

Клавдий пытается молиться, исповедуется небу в содеянном. Это очень важный момент роли - человек наедине с Богом. Мы сегодня видим многих политиков со свечкой в руке, их искренность доверия не вызывает. Александр Збруев, которому свойственны рефлексия и самоанализ, хотел выразить подлинную борьбу в душе преступного правителя и - тщетность попытки раскаяния. Именно это видит "случайно" оказавшийся в церкви Гамлет, мы считали, что он тоже пришёл на исповедь перед началом важных дел. И он уже готов к

действию, то есть - готов убивать. Если по трактовке он "один из них", "увиджу в церкви - перережу горло", то лучшего момента для свершения мести не найти: король один и беззащитен. Гамлет заносит кинжал. Здесь актёров ожидал сюрприз. Незаметно для них я пошептался с армянскими гостями, попросил спеть что-нибудь нежное, они переглянулись и по сигналу запели какую-то чарующую национальную мелодию без слов. Пели чудесно, это выглядело так, будто голоса ангелов раздались с неба.

Рука с кинжалом застыла, Гамлет растерянно оглянулся, а Клавдий, услышав "глас божий", понимает безнадёжность своих терзаний. Финал сцены наградили аплодисментами, причём - с обеих сторон. А Сергей Даниелян, в будущем известный кинопродюсер, даже был счастлив...

Одна из отлучек Панфилова сильно затянулась. Мы с Олегом посоветовались и решили взять в работу сцену, по которой указаний не давалось - первая встреча Гамлета с друзьями Гильденстерном и Розенкранцем.

Во вступительном слове режиссёр упомянул, что они все - одна футбольная команда, и это воспринималось как образ. А что если сделать буквально - на радостях от встречи молодые люди вспоминают своё увлечение футболом. Это предлагает Гамлет, друзья подхватывают, и вот уже витенбергские студенты азартно, как мальчишки, гоняют мяч по импровизированному полю. Сложить реплики с физическими действиями оказалось не так легко, но мы работали увлечённо и скрупулезно. Футбольный сценарий выстраивался разнообразно : то Гамлет становился в ворота, то сам бросался в атаку и забивал. Текст в этой ситуации возникал очень органично. Найти

окончательный рисунок, зафиксировать его - сюда направлены были наши дружные усилия, работа нравилась всем. Друзей Гамлета играли очень крепкие профессиональные артисты, но, конечно, не уровня Янковского. А он был лидером - по всем статьям. И хотелось выразить, что Гамлет, хоть и играет с ними в одной команде, но вовсе "не их поля ягода ." Кажется, это отчётливо вырисовывалось в сцене.

Приехал Панфилов, показываем ему и Инне сцену, подтянулись другие участники. Вроде как экзамен сдаём. Глеб сидит мрачный, почему-то в перчатках, долго молчит, возникает напряжение. Инна, которая очень живо и непосредственно реагировала, не выдерживает: "Глеб, ну скажи что-нибудь!" Он объявляет: "Спасибо! Все свободны."

И спрашивает меня: "Вы куда сейчас?" - "Не знаю, - говорю, - домой, наверное." - " Я Вас подвезу."

Инна садится сзади, я - рядом. Разговариваем. "Я принимаю сцену полностью, не надо её больше репетировать, она войдёт в спектакль в таком виде. Хорошо поработали. Хочу поговорить о другом. У Вас

какие планы после стажировки?" - "Трудно сказать. Обычно министерство решает." - "Я сейчас возглавляю кинообъединение "Дебют", мы даём деньги на первую постановку. Выбирайте любой сценарий, актёров, оператора и приступайте, я договорюсь с Бондарчуком, он решит с министерством." Пауза. Неожиданное предложение! "Спасибо, - говорю, - Глеб Анатольевич, я должен отказаться." - "Почему?" - "Лучше я буду стараться хорошо делать своё дело, чем плохо - чужое." Молчание. Инна, сзади: "Подумайте, Боря, это интересное предложение." Как раз доехали до станции метро около моего дома, он остановился. "Спасибо, что подвезли. Можно передать артистам ваше мнение о сцене?" - "Да, можно." Расстаёмся. Когда они уехали, понимаю, что мой ответ, наверное, невольно задел его - в чей огород камень? Впрочем, скорее всего, ошибаюсь. Во всяком случае, это был, что называется, "судьбоносный момент", но уходить в кино я точно не хотел. А сцена с футболом действительно вошла в спектакль без изменений...

Подошло время переходить из репетиционного зала на сцену - готовы замечательные декорации Олега Шейнца, сшиты костюмы, написана музыка Алексея Рыбникова. В первый день вызван весь актёрский состав - сцена "коронации", её ни разу до этого не трогали. У всех участников какое-то праздничное, приподнятое настроение. Костюмы Валентины Комоловой великолепны. Под звуки фанфар торжественно выходят король с королевой, двор их шумно и радостно приветствует, король произносит тронную речь, двор аплодирует, опять фанфары.

Получается очень эффектно. Панфилов просит всё повторить - повтор так же неотразим. Артисты ждут дальнейших указаний. Но Глеб почему-то молчит. Повисает странная пауза. Человек тридцать на сцене тоже уважительно молчат, смотрят в зал. Дисциплина в Ленкоме отменная - ни шороха, ни шепота. Я сижу у режисёрского столика рядом и краем глаза наблюдаю Панфилова, он напряжен и неподвижен. Со сцены голос Чуриковой: "Глеб, скажи, пожалуйста, что нам дальше делать?" И неожиданно резкий ответ: "Прошу мне не указывать!" И снова - тягостная пауза.

Затем короткое объявление: "Перерыв!" После неумолимого труда все отправляются в буфет. Панфилов тоже уходит, на ходу бросает мне: "Продолжайте репетицию." И уезжает из театра. Мне кажется, я нашёл тогда объяснение его состоянию. Это чисто профессиональное: ведь его глаз заточен под кинокамеру, а она выхватывает из круга жизни только то, что ему нужно. И тогда он видит то крупный план, то общий. А здесь, в театре, все стоят на сцене, и зритель куда хочет смотреть, туда и смотрит. И с таким взглядом его глаз-кинокамера смириться не мог.

Он увидел и понял объём необходимой работы с массовой, в кино сам давно уже этого, скорее всего, не делал, это работа второго режиссёра. И - ушёл от неё. После перерыва мне не очень трудно было разделить участников сцены по группам и объяснить им: вы - приближенные короля, а вы тайно симпатизируете Гамлету, вы - шпионите за теми и другими и т. д.

И артисты быстро сориентировались, нашли свои мотивировки и реакции на происходящее, стали появляться признаки жизни. Ведущие персонажи возглавили это движение, обращались к сторонникам, вдохновляли их. За два часа дружной работы костяк сцены определился и индивидуализировался, возникали и шутки, и юмор, мы солидно продвинулись.

Рассказывая это, я вовсе не хочу как-то противопоставлять или выпячивать свою долю работы, она была скромной, да сегодня это совсем и не важно. Просто здесь наглядно явлен разный подход к делу у театрального и кинорежиссёра, это же принципиально разные профессии. Панфилов выступал как начинающий театральный режиссёр, многому на ходу учился, и уже его следующие опыты в Ленкоме демонстрировали иное качество.

А мне было приятно, когда после репетиции подошёл Козаков и, пожимая руку, сказал: "Я за тебя волновался. Рад!" А в буфете около меня оказалась чашечка кофе...

Приближалась премьера, работа шла полным ходом, а мне сообщили из министерства, что срок стажировки заканчивается и надо определяться с трудоустройством. Пришлось заняться этим, получил предложения, но для беспартийного с пятым пунктом всё оказывалось непросто. После многих мытарств согласился принять театр в далёком сибирском городе.

Но там настаивали на приезде безотлагательно - сезон следовало открыть с новым главным режиссёром. А премьера в Ленкоме раньше января не выйдёт. Выбор не велик - надо прерывать своё участие в репетициях. Сообщаю об этом Захарову, чьим стажёром я официально являлся, Панфилову и актёрам. Все отнеслись к моим проблемам с пониманием. На нашей последней встрече Олег Янковский сказал: "Как же вы будете после нас работать с другими актёрами?!" Саша Абдулов поддержал друга: "Будет трудно - зовите, сразу приедем!" Михаил Козаков кстати прочёл : "Быть знаменитым некрасиво..." А Олег Шейнцис подарил оригинальный вечный календарь из кубиков - до сих пор каждый день складываю эти кубики и думаю с благодарностью о моих замечательных товарищах по Гамлету...

Ирина Чайковская

Б. Вашингтон, США

Дело было в Новочеркасске

Вчера поздно вечером нашла наконец в интернете фильм Андрея Михалкова-Кончаловского «Дорогие товарищи» (очень плохую копию) – и посмотрела.

Что сказать? Фильм, снятый в 2019 году, очень современен. Не согласна с аннотацией, представляющей его как «исторический», и не согласна с критиками, пишущими, что он «антисоветский». Он не антисоветский - он антитоталитарный. Он обо всех режимах, где власть противостоит народу и где она имеет все возможности этот народ подавить.

Андрей Михалков-Кончаловский

События в Новочеркасске 1962 года. Время так называемой «хрущевской оттепели». Почему мы ничего не слышали о случившемся стихийном народном бунте жителей Новочеркаска? Бунте голодных людей, заводчан, которым сократили зарплату, повысив при этом цены

на молоко и масло? Потому и не слышали, что правители не хотели, чтобы известие о народных волнениях прошло по стране и, чего доброго, вышло за ее рубежи. Не хотели они и того, чтобы люди услышали, что бунт был подавлен силой оружия[1].

Лет 15 назад в Бостоне, в доме кинорежиссера Сергея Линкова, мы с мужем видели его документальный фильм о событиях в Новочеркасске. Режиссер собрал в нем кадры страшной, впечатляющей хроники.

Фильм Михалкова-Кончаловского не документальный, но его черно-белые кадры, весь его антураж – обшарпанное жилье, неприятная одежда и прически в стиле времени, сцены горкомовских заседаний и народного волнения - все снято настолько достоверно, что трудно избавиться от ощущения документальности.

Юлия Высоцкая в роли Людмилы

Главная героиня - работник горкома партии Людмила - сыграна Юлией Высоцкой, случайно или нет, родившейся в этом самом Новочеркасске через 11 лет после «событий». Интересно, слышала ли она о них в детстве? Асфальт, с несмываемыми следами крови, в тот же день покрыли еще одним слоем. Со всех свидетелей и участников события взяли подписку о неразглашении под угрозой расстрела, а в тот вечер, когда военные стреляли по мирным людям (прямая аналогия с Кровавым Воскресением), власть для «прикрытия» устроила на площади перед горкомом «комсомольские танцы».

Теперь я задам вам, дорогие читатели, несколько вопросов, продиктованных фильмом.

Первый. Удивит ли вас, если власть, не сумев успокоить народ формулами о том, что скоро все наладится и будет еще лучше, ждет приказа «сверху»?

Кадр из фильма "Дорогие товарищи"

Второй. Удивит ли вас, что приказ будет «дать жесткий отпор» бунтовщикам? И на место народного бунта будут стягивать регулярную армию и отряды КГБ?

Третий. Удивит ли вас, если основную работу по расстрелу мирного восстания будут делать снайперы из органов госбезопасности, засевшие на чердаках?

Четвертый. Удивит ли вас, что впоследствии вся вина за расстрел будет переложена на армию, а партийные боссы и руководители КГБ окажутся ни при чем?

И, наконец, Пятый вопрос. Удивит ли вас неспособность к руководству и трусость партийной верхушки, которую гэбисты подземными коридорами выводят из поля зрения восставшего народа?

Новочеркасск, 1962 год

Однако фильм не только об этом. В его центре Людмила Семина, бывшая фронтовичка, медсестра, заимевшая на фронте в 1944 году ребенка и посему отправленная в тыл. Отец девочки убит, да и был женат, Людмила одна воспитывает свою Светку, которой к моменту событий 18 лет. Людмила - коммунистка и сталинистка, ей не нравится Хрущев, который молчал при жизни Сталина, а после стал его во всем обвинять.

Работая в горкоме, она имеет «дополнительный паек» для привилегированных аппаратчиков - с заднего входа в магазин, в который выстроилась огромная очередь за хлебом и молоком, кладовщица выдает ей не бог весть какие деликатесы – колбасу, шпроты, пакетик «Мишек на Севере» и импортный ликер.

Господи, как это все знакомо! К бунтовщикам эта типичная женщина-работник партаппарата[2] непримирима (Юлии Высоцкой очень удалось перевоплощение в эту худую стержовзную коммунистку, которую только личное горе делает похожей на человека). По ее мнению, высказанному на экстренном собрании, бунт нужно подавить, а зачинщиков расстрелять. При этом она не сомневается, что стрелять в народ военные не будут. Это же Советская власть, власть народа, а не «капиталистов».

Юлия Высоцкая в роли Людмилы

Главная коллизия фильма – судьба Светки, отправившейся, против воли матери, вместе с забастовщиками. Людмила ищет свою дочь под обстрелом, ищет в морге среди убитых, ищет в больнице среди раненых, ищет на кладбище, где убитые были захоронены, безымянные, по двое, в чужих могилах.

В поисках ей помогает гэбист, которому она приглянулась[3]. Светки нигде нет. Но на кладбище ей кажется, что в одной из могил, которую она начинает раскапывать руками, похоронена именно

Светка. У Светки, как и у похороненной девочки, были синие носки с дырочкой. Мне кажется, лучше бы эта версия и осталась главной. Появление Светки в конце картины показалось мне ходом придуманным и фальшивым, как греческий «Бог из машины».

Но главное угадано очень точно. Людмила, чью трагедию с такой подлинностью играет Юлия Высоцкая, не «прозревает» в конце фильма, не начинает ненавидеть ту власть, которая может ТАКОЕ проделать со своим народом.

Отнюдь. Она, как и в начале картины, сожалеет, что нет больше Сталина, при котором в стране был порядок.

Последний кадр фильма: Людмила, утешая плачущую дочь, спрашивающую, как так можно? отвечает: «Ничего, дочь, ничего... мы станем лучше».

Не эта ли надежда, что «мы станем лучше», до сих пор живет в русском народе?

И тогда я задам вам свой последний, Шестой вопрос: «Удивляет ли вас пассивность народа перед лицом распоясавшейся власти?»

Ответ очевиден.

[1] Слышала, что один из офицеров, которому было приказано расстреливать народ, покончил с собой. Сегодня власти как России, так и Беларуси, уже не стыдятся, совершая преступления. Власть стала «бесстыдной», что прекрасно видно по делу Алексея Навального, которого после попытки отравления, санкционированной сверху, на глазах у «города и мира», всеми способами, не хотят пустить в страну.

[2] Сдается мне, что недалеко ушли от подобного типажа сегодняшние функционерки Единой России...

[3] Из художественных достоинств фильма нельзя не упомянуть сцену совместного пения Людмилы и гэбиста Виктора песни на музыку Исаака Дунаевского из фильма «Весна» («Товарищ, товарищ, /в труде и в бою,/ Храни беззаветно/Отчизну свою).

10. Музыка и Изобразительное искусство

Павел Тайбер. Полнолуние

Светлана Бендикова

Иерусалим, Израиль

Без музыки жизнь была бы ошибкой

Процесс музыкального творчества устроен так, что сначала в руки к нам попадают ноты. Обычные значки, черным по белому. Когда-то нотного стана не существовало. Черные точки, как по воздуху парили на чистом листе бумаги. Музыка существует во времени и пространстве. Как можно понять высоту и длительность звука, от чего оттолкнуться? Где та точка отсчета, которая станет нулевой в музыкальной системе координат?

Все гениальное просто. В один прекрасный день, ни много, ни мало - десять веков назад, гениальный монах Гвидо д'Ареццо, взяв за основу молитву на латинском языке, расчертил на листе бумаги несколько линеек и дал нотам имена. До – Dominus - Господь, Ре – Rerum - материя, Ми – Miraculum - чудо, Фа -Familias planetarium – семья планет, солнечная система, Соль - Solis – солнце, Ля - Lactea via – Млечный путь, Си – Siderae – небеса.

Это изобретение произвело переворот в мире музыки. Теперь многое стало понятно! Появился музыкальный язык, который рисует картину мира и души не кистью, а эмоциями, зашифрованными в нотах. Можно записывать мелодии, которые воспроизведёт исполнитель в точности, как задумал композитор. А через сотни лет смогут сыграть и спеть новые поколения музыкантов. Благодаря нотной записи, мы можем прочитать, понять и передать привет из прошлых веков нашим современникам. Разве это не чудо?

Музыка – это духовный язык материального мира. Композитор в нотах делится своими чувствами и эмоциями, которые он хочет передать слушателям. Композитор – исполнитель – слушатель – вот любовный треугольник всех времен и народов. Не зря музыку называют языком международного общения, она объединяет людей всего мира. Исполнитель пропускает через себя эмоциональный заряд композитора и, как некий энергетический поток, несет его

слушателям. Если какое-то звено выпадает из цепи, то и чудо рождения музыкального шедевра не состоится.

Мгновенье, которое стоит тысячи жизней

Недавно на глаза попало высказывание известного американского актера Давида Экерта, который настолько правдиво раскрывает всю сермяжную правду о жизни артиста, что это достало меня до глубины души. Я благодарна автору за то, что он вслух выразил мысли и чувства многих людей искусства. Поэтому привожу высказывание целиком:

«Музыканты, художники и актеры – одни из самых сильных и смелых людей на земле. Ежедневно они не позволяют себе того, ради чего остальные живут всю свою жизнь. Они постоянно сталкиваются с финансовыми проблемами, с собственным страхом отсутствия работы в скором будущем, с неуважением тех, кто не считает их работу чем-то серьезным.

Каждый день заставляет их разувериться в себе и убеждает в том, что они посвятили свою жизнь несбыточной мечте. Каждой нотой, каждой картиной или выступлением они выставляют себя эмоционально и физически, рискуя критикой в свой адрес и надменными суждениями. Годы проходят, и многие из них смотрят на то, как сверстники достигают целей нормальной жизни – семьи, дома, автомобиля, детишек, сбережений...Почему?

Потому, что люди искусства готовы отдать всю свою жизнь одному лишь моменту, именно этой мелодии или фразе, именно этому взмаху кисти, именно этому выступлению, которое затронет душу публики.

Потому что они попробовали сок жизни в тот удивительный момент, когда раскрыли свой творческий дух и тронули чье-то сердце. В тот момент они были ближе к магии, Богу и совершенству, чем кто-либо другой. И в своих сердцах они знают, что это мгновенье стоит тысячи жизней».

Лучше и не скажешь!

Как не ошибиться в выборе жизненного пути?

«Каждый выбирает себе сам: женщину, профессию, дорогу...»

Мой выбор профессии и решение стать музыкантом произошел не благодаря, а скорее вопреки. В Советском Союзе была традиция обучать детей музыке и в каждом приличном доме стояло фортепиано «Украина», «Красный Октябрь» - неважно, как оно называлось. Пианино стоило довольно дорого – 700 рублей. И если учитывать, что средняя зарплата была 140 - 160, то цена кусалась.

В музыкальную школу я поступила в шесть лет легко, играючи: весело спела песенку, простучала заданный ритм и получила положительный ответ комиссии. Музыкальная школа была на другом

конце города, возить было некому. И поэтому решено было отдать меня к учительнице по фортепиано, которая на мое «счастье» жила в соседнем подъезде. Вместо любви к музыке, она прививала мне страх и отвращение к клавиатуре: за любой неправильный звук била по рукам.

Я была послушным ребенком, маме не жаловалась. Просто не понимала, что происходит, и терпела эти издевательства. До тех пор, пока не попала на несколько уроков к другому педагогу – Таисии Львовне. Какие у нее были красивые руки, с голубыми прожилочками вен. Они, как птицы, порхали над клавиатурой и извлекали волшебные звуки! Учиться у нее было одно удовольствие. Все познается в сравнении. Больше к моей домомучительнице я возвращаться не хотела и сказала маме, что музыкой у этой тети заниматься не хочу!

Потом были переезды, города и городки, - папа у меня был военным. В одном из них – военном городке Группы Советских войск в Германии, я не выдержала - и сама записалась «на музыку» в Доме офицеров. Говорят, что у детей не бывает ностальгии. Но я отчетливо помню это щемящее чувство, которое поселилось у меня в душе вдалеке от Родины. На радиостанции «Волга» часто звучала песня «Надежда», которую душевно до слез исполняла Анна Герман. Эта песня стала моей любимой и она же внушила мне надежду и вернула меня в музыку.

Родители купили старинное фортепиано с подсвечниками. Какая это была романтика – играть при свечах! Мы сами подстроили инструмент гаечным ключом, потому что в военном городке не было профессионального настройщика. Первой песней, которую я научилась петь под собственный аккомпанемент, была «Аве Мария» Шуберта. Папа зачарованно слушал меня и подпевал: «Баба Мария», - так звали мою бабушку. Вот она - магия Музыки!

В старших классах я любила математику и с удовольствием решала задачи, которые не получались у других. Увлекалась биологией и химией, участвовала в олимпиадах. Заканчивала музыкальную школу довольно поздно, - в десятом классе. Сколько себя помню – пою. Сначала, подпевая маминым колыбельным, потом, - стоя на табуретке, перед гостями, а затем и в детском хоре. О профессии певицы не мечтала, хотела быть врачом. Серьезно вокалом начала заниматься в 16 лет - и с легкой руки своего первого педагога по вокалу решила стать профессиональным музыкантом.

В выборе жизненного пути важно услышать свое внутреннее «Я». В выборе творческой профессии очень важно влияние Мастера. Книги, интернет, любой источник информации не может дать того заряда энергии, который дает влюбленный в свое дело педагог. Мне повезло, я встретила мудрого, талантливого педагога и певицу – Надежду Ивановну Новодережкину. Она была необыкновенно интеллигентной

и особенной женщиной. Мудрой и светлой личностью, духовным человеком. В свое время была знакома с Исааком Дунаевским. Она разглядела во мне талант и благословила быть певицей.

Надежда Ивановна почти сразу дала мне разучивать арию Джильды «Caro nome» из «Риголетто» Джузеппе Верди. Очень сложный репертуар даже для профессиональной певицы. Но об этом я тогда не догадывалась; что сказали, то и выучила. Тогда же я получила комплимент, который не могла долго осознать. «Ты гениальная певица», - сказала мне она. Для начинающей вокалистки - это был кредит доверия. Гениальная – Мария Каллас, Монсеррат Кабалье. А я кто такая? Но, видимо, она – мой первый педагог и мастер - разглядела во мне искру Божью.

Я безмерно благодарна ей за то, что она научила меня сдержанно и мудро вести себя с учениками, находить слова и образы, чтобы раскрыть голос. Говорят, что глаза – это зеркало души. Перефразируя, скажу, что голос – зеркало души. Как его увидеть, настроить и почувствовать в душе другого человека? Попадет туда лучик света, отразится и запрыгает от счастья, как солнечный зайчик. Проснется голос и польется звук, озаряя все вокруг светом искусства и преображая окружающий мир.

Сколько стоит голос ?

Хороший рояль в Израиле стоит около 50 тысяч шекелей. А как оценить инструмент под названием «голос», который достался от Бога?

«Даром только птички поют», - говорил Федор Шаляпин. Но по-прежнему в народе существует расхожее мнение, что настоящий артист поет и без денег. Кто придумал и внушил людям эту мысль? Вы пробовали зайти в магазин или аптеку и попросить бесплатно булку хлеба или лекарство? А артист, который постоянно работает над собой: учит новый репертуар, работает над образом и техникой, выставляет себя на суд публики, сгорая эмоционально. Каждый раз, поднимаясь на сцену, идет как на экзамен: «Ну, чем сегодня будем удивлять публику?»

Бывало соглашаешься поехать на концерт за копейки на край географии. Это только на карте страна Израиль такая маленькая. А как коснется поскакать по автобусам с костюмами и пересадками, то туда и обратно, плюс концерт, можно 12 часов колесить. Оплата 60 или 90+. Пока сдашь документы, пройдет по бухгалтерии. Вот тебе и заплатят после дождичка в четверг: этак месяца через два-три. А может быть, и через полгода А кушать хочется сегодня. Мы на своей первой машинке накрутили ни много, ни мало 500 тысяч км. А вокруг Земли примерно 40.075. Значит в 10 раз больше.

Людам творческой профессии всегда нелегко зарабатывать на хлеб. Особенно тяжело, когда ты приехал в новую страну. Здесь другая ментальность, другая культура, другие вкусы. Сколько раз я слышала от сабров (коренные израильтяне): «Зря ты сюда приехала! Здесь оперу не любят. Поезжай лучше в Европу». Как будто в Европе нас ждут!? Один мой знакомый рассказал историю о том, как в далекие 90-е в одной европейской газете возле объявления о прослушивании на вакантные места музыкантов в оркестре была приписка: «Просьба выходцев из Советского Союза биографию не присылать».

Вполне себе демократично!

Чем сегодня будем удивлять?

В Израиле есть поговорка: если ты не сидел на одном горшке в садике или не служил в армии с кем-то «наверху», то пробиться очень не легко. Мы получили музыкальное образование в Советском Союзе, поэтому связей в Израиле у нас, увы, не было. Но нам всегда везло на хороших людей: свет притягивает свет. Мы каким-то чудом попали в русскоязычную программу «Калейдоскоп» на израильском телевидении. Это произошло ровно через месяц нашего пребывания в стране, в августе 2000. Как всегда красиво оделись, взяли фонограмму – минусовку и поехали покорять просторы израильского эфира.

Передача длилась всего полчаса, поэтому мы могли рассчитывать на 2-3 минуты эфирного времени. Как говорится: поторговать лицом. «Что будете петь?», - спросил меня ведущий. «Весенние голоса Штрауса», - ответила я, не моргнув глазом. Дубли не предполагались. Поэтому, практически сразу после интервью мне пришлось стать под софиты и спеть без какой-либо пробы. На мое счастье, день был солнечным, настроение – приподнятым. На душе было радостно, поэтому голос звучал легко и звонко. Обычно на телевидение приносят готовую, записанную в студии «плюсовую» фонограмму, чтобы избежать каких-либо накладок. Но у нас тогда не было такой возможности. Пришлось петь, как говорится, «живьем». Для меня это был довольно рискованный шаг. «Это что, был плюс?», - удивленно спросил оператор. «Нет, минус!», - ответила я. А про себя подумала: «Отлично. Значит, номер удался!»

Нужно просто настроиться на правильную волну

Отгадайте загадку: какой музыкальный инструмент невозможно увидеть глазами и потрогать руками? Многих этот вопрос ставит в тупик. Но ответ прост – это голос. Есть еще один инструмент, который очень похож на человеческий голос и так же без клавиш и струн извлекает звуки фактически из воздуха.

Терменвокс – загадочный для многих инструмент, который создал в 1919 году Лев Сергеевич Термен. Электромагнитные колебания и

руки человека, порхающие, как бабочки по воздуху, – вот и все, что нужно для извлечения звука. Этот инструмент, на первый взгляд, совсем не похож на музыкальный: простая деревянная коробочка и антенна. Все вокруг нас заполнено световыми и звуковыми волнами, вибрациями и колебаниями воздуха. Но человеческая природа такова, что мы в силах уловить только часть того, что происходит вокруг нас.

Когда-то на одном из концертов, за кулисами, ко мне подошла известная израильская певица Женя Фаерман, которая и в 90 лет выглядит прекрасно и поет молодым на зависть. Она сказала: «Ты поешь так, как будто у тебя из темечка торчит антенна». Никогда об этом не задумывалась и удивилась: как точно она заметила. В вокальной педагогике, действительно, существует выражение: пой в голову. Теперь я думаю, что, возможно, не голосовые связки являются источником звука. А человеческое тело, как антенна терменвокса, улавливает электромагнитные колебания из пространства и через голос воспроизводит звуки. Нужно только настроиться на правильную волну.

Полна чудесами Святая Земля

Одним из главных мест Иерусалима и всего мира является Храм гроба. Туристы со всего мира мечтают приехать и помолиться в этом святом месте. Но не многие знают, что под храмом есть подземное озеро. Оно осталось с тех времен, когда не было водопровода. И единственным источником питьевой воды для жителей города были подземные источники и специальные подземные цистерны, которые сохранились до сегодняшнего дня.

Когда мои друзья приезжают в Иерусалим, я обязательно веду их в места, где редко бывают туристы и где можно в полной мере ощутить уникальность и первозданность святого города. «Ты что заканчивала курсы экскурсоводов?», – спросил меня однажды мой знакомый, которого я водила по улочкам старого города. Он знал меня по «прошлой» жизни и очень удивлялся, откуда я все это знаю. Мой ответ был банально прост: «Я здесь живу и люблю Иерусалим».

В один из жарких сентябрьских дней перед Рош а-шана (еврейским Новым годом) к нам в гости приехали друзья из Украины. Иерусалим уникален тем, что история здесь на каждом шагу. Сколько бы раз вы ни ходили его улицами, – всегда будете открывать для себя что-то новое.

Моя творческая профессия любит удивлять и удивляться. Поэтому я повела моих гостей не только в Храм гроба, но и к подземному озеру. Все вызвало интерес: ступеньки, ведущие вниз, приглушенный свет, загадочная обстановка подземелья. Акустика в пещере изумительная, любой звук отражается от древних стен и, как лодочка, плывет по

воде. Как тут не спеть? Самое лучшее, что подходит для этого уникального места, - это «Аве Мария» Франца Шуберта.

Мы расстались ненадолго: на завтра была назначена встреча в центре страны. Мои друзья рассказали о впечатлениях об Иерусалиме своим друзьям и дали послушать любительскую запись из Храма гроба продюсеру из Германии. Он как раз был в Тель-Авиве, впечатлился и решил пригласить меня на лазерное шоу в Черновцы в честь 107-летия известной еврейской певицы Сиди Таль. Сборы были недолгими: через неделю я уже пела «Аве Мария» в Украине.

Израиль - Германия - Украина. Какой большой и одновременно маленькой стала наша планета Земля! Как неожиданно иногда закручивается сюжет нашей жизни. За два дня я не только познакомилась с удивительными людьми, но и получила приглашение выступить в концерте, о котором даже не мечтала.

Воистину: полна чудесами Святая земля.

Через музыку с нами говорит Всевышний

Звуковая энергия голоса очень мала. Как говорят исследователи: если человек непрерывно будет говорить, то лишь за 100 лет произведет количество тепловой энергии, необходимое для того, чтобы сварить чашку кофе. Однако, вокальный голос, окрашенный вибрациями тембра, обладает эмоциональной энергетикой, заставляет плакать и смеяться. Невидимыми глазу магнитными волнами передается в пространство и мурашками пробегает по коже слушателя.

Не так давно ушел в мир иной выдающийся композитор современности Эннио Морриконе. Его музыка трогает струны души и заставляет удивляться: откуда в нашем сумасшедшем мире и антимзыкальной современной музыке такие красивые мелодии? Под впечатлением ухода великого человека я начала запоем слушать его музыку.

Хорошее пение заразно. Не зря после прослушивания красивого произведения в исполнении хорошего певца, душа поет и хочется самому запеть. Мелодия из фильма «Once upon a time in the West» попала в меня стрелой Амура. Что-то защемило в глубине сердца, музыка затронула струны моей души и зазвучала с ней в резонанс. Я часами слушала разные варианты этой мелодии в исполнении певцов, инструменталистов и оркестров, в разных прочтениях и аранжировках. Я не могла насладиться и напиться этой красотой. Нужных нот в интернете я не нашла, поэтому записала любимую мелодию на нотном листе сама.

У меня в голове пульсировала одна мысль, которая не давала мне покоя: «Это музыка Вселенной! Как гениально просто и душевно он написал эту мелодию!» Депрессию, которая накопилась во время

корона-изоляции, нужно было чем-то лечить. Музыка Морриконе, как нельзя к стати прилась - и вдохновила меня своей красотой. В ней есть бездна эмоций: глубина океана и высь небес, наполненность жизни и пустое пространство, ураган и штиль, день и ночь, свет и тень, печаль и радость, разочарование и вера в светлое будущее.

Эта мелодия преследовала меня и крутилась у меня в голове, пока я не выучила ее и не запела. Она вызвала бурю эмоций, которых я давно не испытывала. Меня не оставляло желание поделиться с другими людьми, и я отправила им свою запись. Она «заразила» моих друзей и знакомых, и у всех вызвала подобные чувства: через музыку Морриконе с нами говорит Всевышний.

Творческий человек - это только медиум, который может почувствовать красоту Вселенной и донести ее до людей. Голос является мощнейшим орудием, изменяющим окружающий мир. Пропуская через себя божественную энергетику, певец несет красоту в этот мир и очищает души людей.

Настоящее большое искусство исцеляет душу, уводит от будничной суеты и настраивает на позитивные преобразования в собственной жизни. Музыка Эннио Морриконе, наполненная Божественной энергией, помогла мне вернуться к себе и поверить, что выход из тупика есть. Пусть даже мы живем во времена Большой Неопределенности.

Борис Казинец
Б. Вашингтон, США

О скульпторе Петре Шапиро

"Дальше — тишина ..." – Вильям Шекспир

Скульптор Петр Шапиро во время работы над бюстом академика
Сахарова

Пока я ещё вижу "свет в конце туннеля", появилась потребность увидеть в этом свете людей, с которыми меня жизнь свела, в тех или иных ситуациях и, которые, в той или иной степени, воздействовали на моё отношение к миру и окружающим, хотя возраст уже такой, что многое стало почти законом.

Вот и решил сделать небольшие зарисовки о встречах с такими людьми - друзьями, приятелями или мимолётными собеседниками.

Память —любопытная штука. Иной раз возникают лица из далёкого прошлого по причине, которая, вроде бы, по логике не имеет отношения к тому или иному портрету.

В декабре месяце первый канал ТВ каждый день рекламировал выход на экраны нового фильма о декабристах...

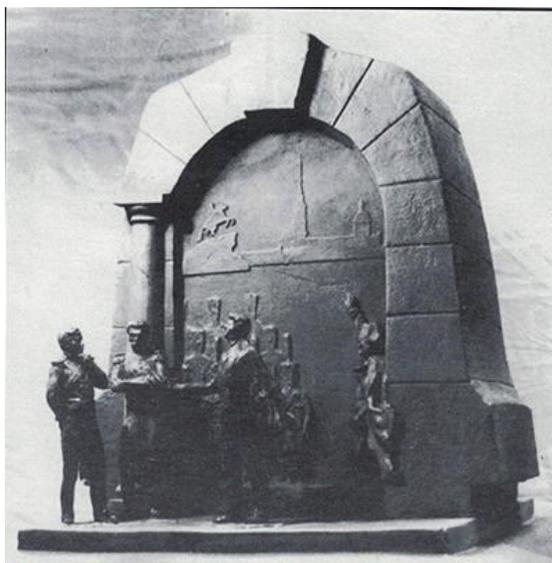
И вдруг неожиданно возникает в памяти разговор о декабристах с моим другом, уже в "американский период" моей жизни, – выдающимся скульптором, создателем более пятисот самых разных портретов людей нашей эпохи - Петре Ефимовиче Шапиро (17 января 1933 - 16 октября 2004).

Почему декабристы?

В одном из разговоров о нашей эмигрантской судьбе я поинтересовался у Петра: почему уехал? Вроде бы, там было всё – мастерская, друзья, выдающийся круг позирующих личностей, заказы, да вероятно, и деньги! Так вот, оказалось, что одной из причин отъезда были декабристы...

Власти того времени объявили конкурс на проект памятника декабристам в Иркутске. Конкурс был анонимным. Проект Петра Шапиро был одобрен безоговорочно, он получил первую премию, но...

Это была двусторонняя композиция, изображающая разделённый пополам Герценовский Колокол. С одной стороны колокола – декабристы на Сенатской площади, с другой стороны - они же на каторге.

Проект памятника декабристам

Макет этого замечательного создания стоял в "американской" квартире Петра – я его видел! Это был шедевр скульпторской мысли. Теперь это самое "но". Когда вскрыли конверт, за который проголосовало большинство членов комиссии и прочли - Пётр Ефимович Шапиро, председатель комиссии, писатель Валентин Распутин, выдал "судьбоносную" оценку: "Памятник гениальный, но Шапиро его делать не будет". Распутин был патологическим антисемитом.

Тогда же в журнале "Огонёк" поэт Андрей Дементьев опубликовал об этом творении Петра Ефимовича Шапиро статью "Памятник, которого нет".

Достойного памятника декабристам в Иркутске так до сих пор и нет. А Петра Ефимовича эта история подтолкнула к решению эмигрировать. В 1993 году консульский отдел посольства США в СССР выдал Пете американский паспорт - как сыну американки...

Ну, кто об этом судьбоносном эпизоде знает здесь в Америке?

Небольшая группа ещё живых людей, которых когда-то Пётр и его "боевая подруга" Анджела «приворожили» в свой полуподвальчик.

А в памяти возникают ещё и ещё эпизоды, ведущие к удивительно невероятным совпадениям в жизни двух людей, вроде бы проживающих сугубо локальную свою жизнь.

Когда я бывал в Москве, главным моим маршрутом был Арбат с его "улочками—переулочками". Приближаясь к одному из лучших театров Союза, я восхищался барельефом на боковом цоколе здания — профиль создателя этого театра, чьё имя он теперь носит, - Евгения Багратионовича Вахтангова.

И совсем рядом начиналась улочка Веснина, на которой стоит старинный особняк, с прикрепленной на нём мемориальной доской с портретом Вахтангова: в этом доме долгие годы жил великий реформатор театра. Так вот, создателем этих барельефов был Пётр Ефимович. И случайно ли, что через многие годы мне на сцене этого театра вручили премию "Звезда театра"? Мистика?

Я иду дальше по Арбату. И вот я у старинного здания, что рядом с рестораном "Прага". Это роддом № 1 имени Грауэрмана. Там появились на свет – О. Ефремов, А. Ширвинд, А. Збруев, Великий Булат.

Ну, можно ли было представить, что там родились Петя и я?

А потом я бывал в Большом театре и в Бетховенском зале восхищался скульптурой гения, работы того же Петра Шапиро. Уменьшенной копией этой работы, которая стоит на моём письменном столе, я восхищаюсь до сих пор.

А потом в "Ясной Поляне" я восхищался небольшим скульптурным портретом пишущего что-то Льва Толстого.

И вот с этим человеком я знаколюсь в редакции журнала "Вестник", уже в Америке, в районе Большого Вашингтона!

Когда я в первый раз пришёл в его "берлогу"- квартиру в полуподвальчике, я обалдел от увиденных мною фотографий его скульптурных работ, наклеенных на стены жилища. Какие имена, какие личности, какие таланты, какие характеры! И эта галерея — наши гениальные современники, с которыми скульптор проводил многие часы "один на один"!

Можно только фантазировать, сколько же интересного, самобытного, неизвестного впитал в себя автор, общаясь с героями своих скульптур.

Существуют видеозаписи некоторых сеансов работы Мастера — может быть, когда-нибудь их расшифруют и мы увидим, — как это было.

Дух захватывает от одного лишь перечня личностей, побывавших в мастерской скульптора! А. Сахаров, Д. Шостакович, П. Антокольский, А. Вознесенский, маршал Г. Жуков, И. Глазунов, космонавт В. Лебедев, И. Козловский, А. Яковлев, И. Роднина, Джуна, А. Карпов, Н. Дурова.

И уже в США Петр Шапиро работал над скульптурными портретами — Шолом-Алейхема, Альберта Гора, Конни Марелла, Майкла Дебейка, Картера, Макнамары, С. Кисина...

Список нескончаем, но завершу его словами академика А. Яковлева: "Ваше искусство, мой дорогой ваятель, служит великому делу — бессмертию человека и человечества."

Пётр Ефимович был Академиком Всемирной Академии Искусства и Науки, членом Национального Общества Скульптуры.

А кто знает, что у Пети не было специального образования? Он был скульптор-самоучка. Это был талант, которому не нужны были догмы обучения. Да его, этого обучения, и не могло быть для мальчика — сына "врага народа".

Мама - Нина Халендер, была американкой, которая в 1932 году по собственной воле приехала в СССР поучаствовать в строительстве социализма. Отец — Ефим Шапиро, в то время уже известный инженер-химик.

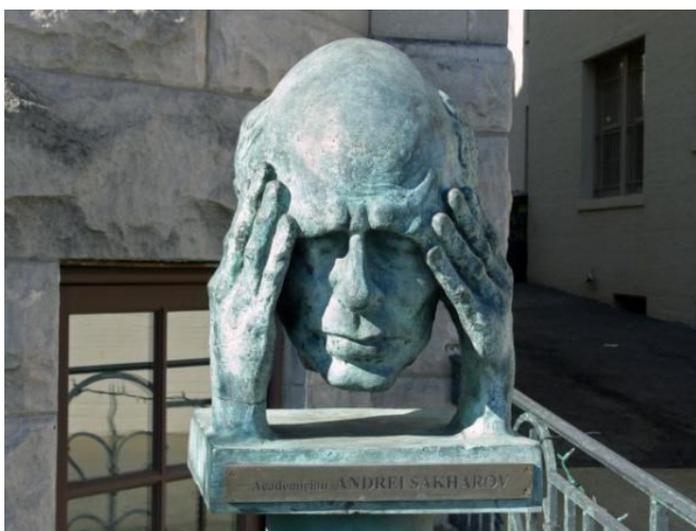
В 1933 году появился на свет Петя, ещё через несколько лет родителей арестовали. Мальчик рос в детдоме, испытал все лишения сына "врага народа". Его не принимали ни в одну советскую школу искусств. Коммуналка, в которой проживал Петя, прославлена его соседом кинорежиссёром Саввой Кулишем в фильме "Железный занавес". И сам молодой скульптор стал одним из героев фильма. Все эти перипетии детства и юности не помешали выбору профессии и честному, талантливому служению искусству скульптуры.

В дни одного из юбилеев он сказал: "Вся моя жизнь связана со скульптурой. Я прожил с ней, теперь уже можно смело сказать,

долгую, трудную, порой по-сумашедшему бурную, но очень счастливую жизнь... Вот и наступила наша с ней "Золотая свадьба".

Общение Пети с людьми вне работы - могло бы быть отдельным разговором.

Вот несколько воспоминаний: Наталия Фатеева, народная артистка России, "...таких родных, сердечных и милосердных, как Петя и Анджела, в моей жизни больше не встречалось... Теперь Петя там, куда позвонить невозможно. Но я считаю, что все наши любимые живут с нами до тех пор, пока мы сами живы. И потому Петя будет всегда рядом с нами. Ну, а если кто забудет, то скульптуры его напомнят нам. Великий талант Пети, выраженный в камне, бронзе, гипсе останется потомкам навсегда."

Скульптурный портрет Андрея Сахарова в Вашингтоне. 2002

Урмас Отт, телеведущий: "Петя для меня космический человек... Я вспоминаю мою передачу с ним и ясно вижу выразительнейшие глаза, глубокий вдумчивый взгляд... Я уверен, Петя был послан какими-то высшими силами разума на землю и неспроста... Наша встреча с ним была судьбоносной."

Академик А. Яковлев: "У Пети была удивительная способность так оживать камень, гипс, цемент, что со вновь родившимися хотелось поздороваться и поговорить. В скорбных и задумчивых лицах своих современников я вижу как бы разлом миров, разделяющих живых и ушедших от нас."

И все они - человечество - счастливое, мудрое и печальное.

Пётр Ефимович был другом нашего театрального коллектива.

И не случайно нашу премьеру – "Поминальная молитва," по Шолому Алейхему, мы посвятили великому скульптору. В зале присутствовал и сам Шолом-Алейхем в виде барельефа, выполненного Петром, бронзовая копия которого украшает одно из зданий в Нью-Йорке в Манхеттене на Solom Aleichem Place.

Одна из последних работ Мастера – скульптурный портрет великой Анны Ахматовой. Мне посчастливилось быть свидетелем творческих мук и размышлений ваятеля. Есть фото - Пётр в работе над скульптурой поэтессы – это надо увидеть, лучше не расскажешь.

Борис Казинец / барельеф работы Петра Шапиро

Вот что написала редакция газеты "Континент" в дни скорби: "Можно бесконечно долго рассказывать о творчестве скульптора, гостеприимном доме, чутком и добром сердце, необыкновенном дружелюбии и блестящем остроумии. Общение с ним было истинной радостью и глотком свежего воздуха в атмосфере прагматики и экономии времени на всё, что связано с бизнесом".

Да! Как его не хватает всем нам, как грустно без его хохм, его "кликух" близким людям!

И когда мне взгрузнётся и я сажусь хлебнуть моего борща, я улыбаюсь, потому что вспоминаю, как Петенька, отведав моего борща, сделал заявление: "Теперь я буду именовать тебя не Борчик, а Борщик!"

Я улыбаюсь и благодарю судьбу, что она свела меня с Петром Шапиро - Великим Скульптором!

Людмила Лукомская
Санта Клара, США

Памяти художника Павла Тайбера (1940 – 2017)

Павел Тайбер (1940-2017) родился, выучился, стал мастером и заслужил признание в Украине. В 1992 году правительство независимой Украины присвоило Павлу Тайберу почетное звание Заслуженный художник, его имя включено в Энциклопедический справочник деятелей культуры Украины.

Работы Тайбера экспонировались на многих выставках, они хранятся в частных собраниях России, Украины, США, Великобритании, Германии, Швеции, Израиля, Канады, Испании, а также в музеях Москвы, Киева, Харькова и других городов Украины, России, США.

В 1995 году Тайбер переехал в Калифорнию, где прожил последние двадцать два года. Он ушел из жизни в мае 2017 года, а в феврале 2020 художнику исполнилось бы 80 лет. К его юбилею мы публикуем отрывки из статей теоретика искусства, профессора Б.М. Бернштейна, посвященных анализу работ Павла Тайбера и охватывающих тридцатилетний период его творчества. Материалы подобраны и любезно предоставлены журналу вдовой художника Людмилой Лукомской-Тайбер.

Автопортрет. 2000 г.

Борис Бернштейн (отрывки из рецензий)

I. Вселенная детства

Главное, что Тайбер создавал на родине и чем стал известен – персонализированный, каждый раз наново переживаемый мир детства. Но психоаналитику здесь делать нечего. Никаких комплексов. В контексте «украинского советского искусства» того времени это была открытая декларация независимости, не скажу героическая, но требовавшая мужества, уклонение от сотрудничества с властью, которая предписывала стилистику и требовала бесстыдной и лакейской лжи...

Вселенная детства, какой ее изображал Тайбер, имела мало общего с бытовым «детским жанром»... Вспоминаемая и воображаемая одновременно, она выстраивалась вокруг немногих ситуаций, исполнить которые было поручено похожим друг на друга персонажам, - похожим иногда до неразличимости.

Индивидуальный характер, портретность, психологизм – качества в общем чуждые этому ряду картин, не потому, что художник не умеет, но лишь потому что они находятся за пределами его живописной концепции. В сущности один мальчик, круглолицый и круглоглазый, с румянцем на щеках, в бумажной треуголке, остается постоянным героем цикла.

Детство, каким его представлял Тайбер, это мир воображения, которое полнее всего реализует себя в игре, а квинтэссенция игры – театр... Весь детский цикл Тайбера насквозь театрален, это театр в

квадрате. Дети «внутри картины» непрерывно переодеваются, перевоплощаются, играют в театр, смотрят театр, не зная того, что знаем мы, а именно: что сами они – актеры, бибабо, марионетки в театре Павла Тайбера. Любимый актер на роль мальчика, лучшая кукла из коллекции, всегда обаятельная в своей экспрессии, затеях, движениях, в своей задумчивости, грусти, мечтах, в своей неразгаданности.

Представление. 2000, холст, масло

Павел Тайбер уже в то время не был озабочен монолитностью стилистики; кажется, что единство принципа было для него дороже однородной живописной манеры. Приемы наложения краски менялись не только от картины к картине, но состязались, контрастируя и дополняя друг друга, в пределах одного полотна.

Ритмы красочного рельефа, увлекательные сами по себе, включались в колористическую партитуру, которая, в сущности, определяла общий смысл картины. Один и тот же мальчуган, написанный в иной манере и погруженный в иную цветовую среду, становился другим мальчуганом, живущим невиданной прежде жизнью. Мастер распорядился своим медиумом в широком диапазоне, свободно и уверенно.

Санта Крус.1999, холст, масло.

II. Калифорния

В 1995 году художник перебрался в Калифорнию. Смена среды далась ему трудно. Все было иначе – другой свет, другие краски, другая звучность цвета непреложно требовали другого письма. Наконец, самое главное – здесь у искусства живописи была другая история, которая здесь, в Америке, была реально прожита и пережита, тогда как там поколение Тайбера получало о ней лишь искаженные и отрывочные известия. Это знание «со слов» надо было сделать своим, фактом собственной духовной биографии, хотя бы в качестве квазибиографии, проделанной интеллектом и запоздалым опытом.

Сильнейший кризис, вызванный переездом, обернулся, однако, мощным творческим импульсом. Освобожденные – или порожденные – психологическим шоком творческие энергии проявили себя во взрывоподобной смене не только стилистических форм, но в смене идей, концепций, принципов живописного выражения.

Тайбер работал очень продуктивно. Каждые год-два можно было бы описать как новую главу его творческой биографии... Нахлынувшая пластическая идея словно бы не вмещалась в одну картину и требовала для своей реализации нескольких свободных вариантов – серия «с луной», серия с контурными женскими торсами, «донкихотская» серия, серия «цветущих масок»... Для каждой из них выбран свой живописный язык или комбинация языков – тайберовские живописные «билингвы» и «трилингвы» - выбран не произвольно, но

в силу непреложной внутренней необходимости, какую она заявила о себе в данную минуту.

III. Маски

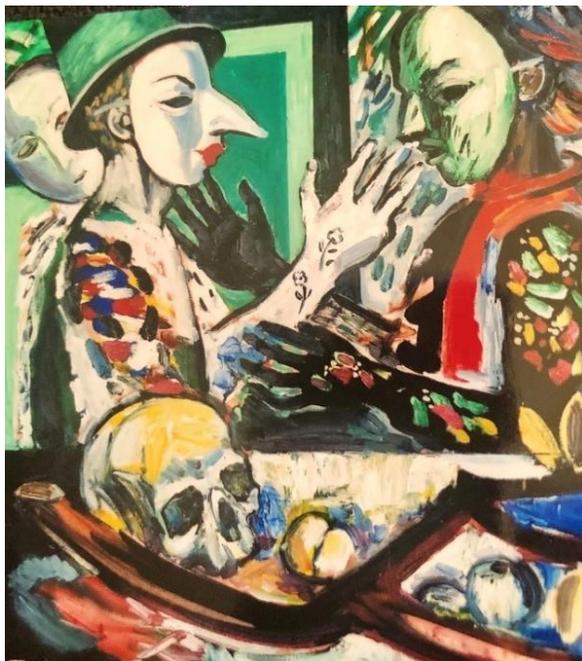
Три маски. 2001, смеш. техн.

Маски проникли в живопись Тайбера как бы ненароком, тайком, едва заметно – в качестве одного из атрибутов театральной игры. Затем мотив повел себя агрессивно и занял на время всю авансцену. Привычная для нас функция маски – устройство тайны посредством сокрытия лица, будь то лицо прекрасной дамы или лицо убийцы. Но первоначальное назначение маски было другое: маска не скрывала, а трансформировала человека. Изменяя вид, она меняла сущность: шаман, одевший маску, магическим образом отождествлялся с обитающим в маске духом и обретал сверхнатуральную силу.

Маски греческого театра приводили разнообразие лиц к единому знаменателю всеобщего типа – трагического или комического персонажа как мировой константы. В обоих случаях мы имеем дело с властью видимости, которая способна менять реальность или возводить ее к идеальным принципам. Вот этим-то свойством маски и воспользовался живописец – творец видимостей по профессии и по призванию.

Картины этой серии – предложения без подлежащего: они состоят из сказуемых, скупых дополнений, еще более скупых обстоятельств.

Пьет кофе. Любуется цветком. Пьет вино. Целуются. Любуется цветущей веткой. Но ситуация его (или ее) абсурдна: в маске нельзя не выпить вина или кофе, не поцеловаться, а главное – не высказать себя. В маске невозможно жить. Нельзя сказать, что в этих микропьесах из одной сцены вы чувствуете себя уютно.

«О чем ты говоришь?» 2002, холст, масло

Эта власть маски заключала в себе соблазны автономии – и самовольное воображение Тайбера не замедлило реализовать эту возможность. Маска, подобно носу майора Ковалева или, лучше, тени из сказки Андерсена, покидает лицо и начинает жить на свой страх и риск: будучи тенью лица, его бесплотным и нейтральным подобием, она успешно симулирует его жизнь.

Она глядит на луну или на грушу пустотой глазниц, ее раз и навсегда открытый рот покушается съесть яблоко. Ветка, продетая через дыру глаза, воспринимается как пытка. Лежащая (хочется сказать - на спине, но у маски нет спины) маска, на которую сыплются сухие листья, напоминает об умирании.

Эпилог «поэмы масок» мы можем увидеть в картине «После спектакля». Тут маски окончательно вернулись к своему назначению, на этот раз уже исполненному, спектакль окончен, инвентарь брошен, окружают его языки красочного пламени. Если хотите, можете вообразить, что это эхо отзвучавших только что сценических бурь.

IV. Vanitas

Другая серия картин – от маски, которая перед лицом, к тому безликому, что «за лицом». Там лица еще нет, тут – уже нет. Родословная этих картин Тайбера восходит к двум знатным предкам.

Полнолуние. 1999, холст, акрил.

Один из них – позднесредневековые «пляски смерти», где наглый скелет исполняет смертельные танцы с людьми всех классов и положений – от императора и папы и до последнего бедняка; смерть величайший из демократов, перед нею все равны. У Тайбера играющий скелет появился как бы не всерьез: в историческом карнавале, разыгранном марионетками. Смерть, одевшись невинной пастушкой, напоминает о своем присутствии в этом неподлинном мире... В другой картине коронованная смерть наигрывает на скрипке в самом центре вселенского хоровода вещей и образов.

Другой предок этого ряда картин – особый жанр натюрморта, где посреди плодов земли и творений человеческих рук непременно присутствует череп, напоминающий о бренности всего земного; такой натюрморт получил некогда латинское название «vanitas» -

видимость, обман, «суета». Тут Тайбер точно следует драматической завязке жанра: роскошь и изобилие чувственной жизни каждый раз сталкиваются с жестким напоминанием о конечности земного бытия. Но, как всегда в подлинной живописи, смысл больше сюжета. Мотивы яркого цветения чувственной жизни в общем преобладают.

V. Полнота жизни

...Особенно интересны картины, где сочным живописным натюрмортам сопоставлены графически намеченные женские торсы. Они присутствуют здесь как божество-покровитель. Тайбер отсылает нашу память к бесчисленным женским божествам... и через них – к женскому порождающему и плодоносящему началу, источнику жизни, цветения, изобилия. Цветы и плоды земли составляют самую светлую и жизнеутверждающую сторону живописи Тайбера. Тайбер относится к живописи с абсолютной, можно сказать – классической серьезностью. Его картины притягивают красотой, свободой и точностью высокого ремесла, уверенным живописным мастерством.

Карнавал жизни. 1998. Холст, акрил.

VI. Собственно живопись

В конце 2002 года случилось то, чего следовало ожидать: Тайбер написал целую серию абстрактных картин. Абстрактные мазки,

фактуры, цветовые пятна, рельефы давно уже были существенной составной, хотя и подчиненной частью его картин, но нередко прорывались на волю – как протуберанцы его живописного темперамента. Теперь они дождались своего часа.

У этого рода картин есть два названия – живопись абстрактная или живопись беспредметная. Художник серьезно возражает против того, чтобы называть его картины беспредметными, и он прав. То, что он делает, сохраняет зависимость от предметного мира. Его формы и краски абстрагированы из реальности, т.е. обобщены до возможного и нужного художнику в каждом случае предела. Тогда можно в буквальном смысле слова увидеть идеи вещей: не удаляющаяся дорога, но удаление, не ветви, а ветвление, не растения, а рост, не меланхолический паяц, а сама меланхолия... Трепещущие, движущиеся мазки, колористические созвучия, магическая полифония цвета делают каждую из этих картин эстетическим событием.

VII. Картины с цитатами

Трудно не вспомнить известное объяснение, данное постмодернизму Умберто Эко. Он очень наглядно описал ситуацию, в которую мы попали.

Вообразите себе двух интеллигентных людей, мужчину и женщину. Ему хочется сказать ей простую вещь: «Я вас люблю безумно». Но он знает, что эти слова множество раз сказаны и затерты; и она знает, и он знает, что она это знает...

«И нет ничего нового под солнцем...» 2000, холст, акрил

Это знание поражает немотой обоих, а объясниться необходимо. Остается единственный выход – повторить то же, иронически отделив

себя от говоривших это ранее: «Как сказал бы такой-то персонаж у такого-то романиста, я вас люблю безумно...». В объяснение введен момент игры с необъятной и заполненной до краев памятью культуры, но это не значит, что чувство осталось не высказанным.

В целой серии картин Тайбер откровенно обнажал принцип «как сказал бы...», вводя в картину чужие фрагменты, сталкивая их друг с другом, перемежая их собственными видениями, коллажными включениями, вписанными от руки стихами и творя таким образом новые смыслы. Это преднамеренная реорганизация образных структур, высокая игра. К тому же, затейливое использование не своих текстов отвечало и другому условию постмодернизма, а именно: использовано двойного кода, одного, эзотерического, для посвященных, и другого, общепонятного – для остальных.

Фридрих Шлегель с его пониманием иронии как «красоты в сфере логического» говорил о поэтических созданиях, проникнутых дыханием иронии, где «живет дух подлинно трансцендентальной буффонады».

Павел Тайбер в мастерской с картиной «Голубой мост». 2010.

Трансцендентальная буффонада, парадоксальным образом преобразованная в зрительные образы играет в картинах этого периода. Если, как писал тот же Шлегель, «все во всём», то возможно разорвать на полосы сцену распятия, взятую у Паоло Веронезе, и соединить ее с фрагментарными образами и символами нашего времени, чтобы напомнить о печальной повторяемости вещей «под солнцем». Можно пригласить на живописный завтрак Мону Лизу, можно задуматься рядом с рембрандовской Версавией, которая, будучи вырвана из контекста, освобожденная из плена библейской

ситуации, получила здесь другой смысл, став истинным воплощением печального раздумия.

Эти, равно как и многие другие глубокие вещи сумел выговорить Тайбер в цикле «картин с цитатами».

В картинах Тайбера интеллектуальное начало парадоксально проявляет себя через спонтанный творческий импульс. Поэтому, при всем разнообразии сюжетов, подходов, стилистических особенностей его картин, объединяющим их качеством остается скрытый, очищенный от фактической, событийной скорлупы автобиографизм или, если угодно, скрытая исповедальность.

Фрагменты, приведенные в данной статье, взяты из Альбома «Павел Тайбер. Прощай XX век», Таллинн, 2003г., и из Альбома «Pavel Tayber. California». Palo-Alto-Tallinn, 2004.

Часть 11. Путешествия

Павел Тайбер. Санта-Крус

Сергей Голлербах (1923-2021)
Нью-Йорк США

Путевые заметки. Сицилия

О том, что в Италии существует остров Сицилия, я знал еще в детстве. У нас был старый журнал НИВА, где я видел фотографии сицилианских разбойников, бородатых мужчин с громадными ружьями. Почему они стали разбойниками, меня не интересовало. Много десятков лет спустя, живя уже в Нью-Йорке, я встречал американцев с итальянскими фамилиями. На мой вопрос. Из какой части Италии, они родом, многие с гордостью отвечали: «Мы сицилианцы». А многие с усмешкой добавляли: «Мы кушаем в Сицилии, а по другим нуждам ходим в Италию».

Поразительно, что у всех народов существует антагонизм не только между востоком и западом, но в еще большей степени между югом и севером, южане сицильянцы ненавидят северных итальянцев, а Германии баварцы - пруссаков, во Франции марсельцы – парижан и так далее...

Думаю, что просто из любопытства мы с женой решили повидать Сицилию.

Признаюсь тут в одной своей слабости: будучи художником, я люблю первые зрительные впечатления от мест, мною посещаемых, и только потом читаю о том, что там происходило в древности. Сначала тайна, потом ее разгадка. Узнав, что мы собираемся в Сицилию, наши друзья сразу же предупредили нас, что лететь в Палермо, столицу Сицилии, не рекомендуется, потому что посадочные дорожки на местном аэродроме очень короткие и пилоты не любят туда летать.

Лучше через провинцию Калабрия приплыть туда на пароме.

Следуя этому совету, мы так и поступили. Путешествие не оставило каких-либо ярких впечатлений, кроме одного общего - об

итальянских железных дорогах. В те далекие семидесятые годы поезда в Италии делились на три категории – местные, скорые и прямые, но скорость у всех трех была одинаковая. Кроме того, на всех станциях поезд встречала большая галдящая группа пассажиров с чемоданами. Чемоданы эти, по-итальянски «валиджи», мне хорошо запомнились. Потертые, разных цветов и размеров, иногда перевязанные веревкой, они служили свидетелями сурового трудового быта местного населения. Будь я итальянским художником-реалистом, я написал бы картину под названием «Посадка на поезд», в духе наших передвижников.

В Палермо мы прибыли под вечер, и на следующий день пошли осматривать город. Опять ограничусь одним общим впечатлением – в городе оказалось множество фонтанов со скульптурными группами. Мои познания в греческой и римской мифологии не были достаточны для того, чтобы определить содержание этих скульптур. Полуобнаженные фигуры мускулистых мужчин кого-то сжимали, давили и тянули, сплошное насилие! Понятно стало, почему в Сицилии появилось так много разбойников.

Туристическая брошюра рекомендовала посетить городок Монтереале, где в местном соборе находится замечательная мозаика Творца-Пантократора.

И действительно, лик Творца производил большое впечатление своей суровостью, граничащей с угрозой. Мне кажется, что религиозные образы первых веков христианства должны были внушать страх Божий, а не любовь к людям.

Чефалу, Сицилия

Добрый Боженька, который всех любит и всех прощает после их раскаяния, - явление позднего, буржуазного христианства. Нам

предстояли еще три туристические экскурсии и следующая по программе – поездка в городок Чефалу. Название это заставило вспомнить рыбу кефаль, «шаланды, полные кефали» из песни о Косте-моряке. Мы знаем, что в доисторические времена Черное и Средиземное моря были единым водным пространством и там водилась рыба кефаль. Однако достопримечательностью города был не порт, а старинный особняк, принадлежащий сицилийскому аристократу, карлику ростом. Вся его прислуга были тоже карлики, как и мраморные скульптуры в саду. Царство карликов, отделенное от остального мира.

Детей у этого аристократа не было, род его прекратился, а особняк явно нуждался в ремонте, на который денег не было. Путешествие оставило грустное впечатление, то был уходящий в прошлое мир.

Вторая экскурсия в городок Таормина оказалась более удачной. Городок этот расположен на плоскогорье, откуда на лифте можно спуститься на небольшой пляж. Там буквально как сардинки в консервной банке рядами загорали на солнце шведские девушки. Мы остановились на частной вилле Сан-Панкратио, принадлежавшей супружеской паре англичан. Мужа уже не стало, но вдова, милая старушка, продолжала сдавать комнаты. По вечерам она играла на рояле Шуберта, создавая этим какое-то романтическое и даже ностальгическое настроение. Чем-то похожим на старую русскую помещицью усадьбу чеховских времен веяло от виллы Сан-Панкратио, с ее запущенным садом. Но главное – вдали виднелся вулкан Этна, слегка дымящийся и напоминающий людям о своей скрытой силе.

Наша третья и самая короткая экскурсия была в город Сиракузы. Приехав туда на поезде в послеобеденные часы, мы с удивлением увидели набитые людьми грузовики, разъезжающие по городу. У многих людей в руках были красные флаги и люди что-то громко выкрикивали. Я понял только одно слово «лавораи», то есть рабочие. То была явно коммунистическая демонстрация по случаю предстоящих выборов. Чем-то знакомым повеяло. Красные флаги, грузовики, крики «Вся власть Советам!»

Другой неожиданностью оказались двухэтажные английские автобусы с управлением с правой стороны, в то время как правила движения в Сицилии были европейские, не английские.

Осмотрев достопримечательности города, включая грот со сталактитами, мы вернулись в Палермо, откуда уже на самолете прилетели в Рим и через неделю обратно в Нью-Йорк.

Меня могут все же спросить, почему я ни словом не упомянул о богатом историческом прошлом Сицилии. Отвечу так: пишу о том, что видел, а не о том, что написано в книгах и что можно прочесть. Это право художника, любящего все, что носит на себе следы прожитого

времени. Так и наши русские живописцы изображали заросшие пруды, омуты, погосты с покосившимися крестами, старые избышки.

Что осталось у меня в памяти от Сицилии? Мраморные карлики, дымящаяся Этна, музыка Шуберта и коммунистическая демонстрация. Все это - под ярким солнцем Средиземноморья и суровым взглядом Творца-Пантократора.

Лейла Александер-Гарретт

Лондон, Англия

Земля стихий, земля богинь...

Вулканический остров в Атлантическом океане потряхивает каждые полчаса: он еще слишком молод, ему всего лишь двадцать миллионов лет - малютка по сравнению с остальным дряхлым миром, потому он и находится в постоянном движении. Едва осязаемые толчки способны ощутить современные сейсмографы, седые тролли и прочие мифические существа, населяющие "ледяную страну" - Исландию, а мощные землетрясения не заметить невозможно, так как они разрывают землю, в трещинах которой, согласно исландским сагам, таится смерть. В Исландии существуют даже трещинные вулканы: самый известный из них - Гекла. Всего на острове, похожем на гадкого утенка или на дракончика (исландцам ближе драконы), более сотни активных вулканов.

В детстве я пережила сильное землетрясение и видела глубокие разрывы в земле, из нутра которых исходил странный, пугающий гул. Ранним утром из шкафов вдруг посыпались книги, посуда; из аквариума выпрыгивали рыбки, следом за ними грохнулся на пол аквариум, исчезло электричество. Дабы не поранить скользкие тельца рыбок, подскакивавших по растекшейся луже, пришлось ловить их ртом (руками их не поймать). Многие из них долго еще потом плавали в трехлитровой банке с водой. Наш пятиэтажный дом выстоял, только на потолке появилась длинная, молниеобразная трещина. Его после войны строили пленные немцы, а все ветхие глинобитные строения

старого города Ташкента лежали в руинах. Несколько ночей мы спали на улице из боязни новых толчков, но для детворы - это романтика!

Говоря об Исландии, нельзя не упомянуть о сказочных существах: о дремлющих великанах и великаншах, как почтительно величают исландцы свои вулканы, о зловредных гномах, крылатых крошках-эльфах и об огнедышащих драконах. Согласно поверьям, все они весьма своенравны и даже враждебны к людям, когда те лезут не в свои дела. В старину исландцы строили для бородатых гномов маленькие домики и даже крошечные церкви, чтобы обратить их в христианство. Ежегодные опросы показывают, что число верящих в троллей и эльфов исландцев гораздо выше тех, кто сомневается в их существовании. Исландцы, а их на свете немногим больше трехсот пятидесяти тысяч, научились уживаться со своими невидимыми соседями.

В этой стране проектировщики дорог и жилых домов консультируются со специалистами по гномам и троллям, когда на их пути встречаются крупные валуны, под которыми обитает этот зловредный народец. Самый почитаемый "парламентер" в этом вопросе - ворожея Эрдла. Когда моя дочь была маленькой, нас познакомила с Эрдлой моя подруга Асдид. Как-то мы сидели за столом в доме Асдис и пили чай. Вдруг Эрдла спросила у моей дочки: "Лена, а ты видишь гномиков на столе рядом с твоей чашкой? Они просят у тебя кусочек сахара. Придется дать". Леночка покраснела, закивала и положила на край блюдца кусочек сахара. Позже она призналась, что не видела никаких гномиков, просто ей не хотелось обидеть незнакомую тетю. Исландия - одна из главных потребителей сахара в мире, а кока-кола - любимый напиток как исландцев, так и их троллей, о чем сообщила нам Эрдла.

Через несколько дней мы отправились с Эрдлой к молодой исландской паре, живущей неподалеку от вулкана Гекла. На макушке конуса самого знаменитого и активного вулкана (его называют "вратами в ад") видны кровавые, огненные подтеки. Для исландцев Гекла - национальный символ, как для японцев - Фудзияма. Рядом с домом дымились горячие источники, и земля вокруг была с подогревом. По совету Эрдлы, Лена сбросила с себя туфли и побежала по теплой траве за пасущимися во дворе овечками. Проблема хозяина состояла в следующем: заработав много денег в Америке, он решил открыть первый в Исландии центр йоги, но у него ничего не получалось: деньги утекали как вода, и все валилось из рук. Вытащив из сумки биолокационные рамки для поиска воды, Эрдла вышла с хозяином во двор на "переговоры" с троллями. Когда они вернулись, Эрдла объяснила причину утечки денег: под их домом протекал ручей, уносивший с собой и деньги, и силу, и удачу, но теперь они устроили запруду из валуна и все будет в порядке. В знак благодарности

сияющий хозяин пригласил почетную гостью вместе с нами к столу. Хозяйка запекла для Эрдлы молодого барашка, к счастью, без традиционных бараньих тестикулов, что является исландским деликатесом, наравне с бараньей головой, полуразложившейся сельдью и сухим мясом акулы. Мясо акулы исландцы оставляют на несколько месяцев тухнуть под землей, после чего оно еще несколько месяцев сушится на воздухе. В скандинавских странах распространены блюда из протухшей рыбы. Живя в Швеции, я нанюхалась сельдью "сюрстремминг", но привыкнуть к этому "благоуханию" так и смогла. Хозяева подняли тост за Эрдлу и за троллей. Пили современные викинги исландский самогон "Black death" ("Черная смерть"). Исландцы пьют не меньше других, а живут дольше всех. Перед отъездом в Рейкьявик, Эрдла велела нам всем взяться за руки и поклониться великанше Гекле. "Исландия - это женщина, - пояснила она. - Как женщина - она разрушительна. Наши вулканы - это женские груди, из которых выплескивается огненное молоко. В каждой исландской женщине живет вулкан".

Когда машина проезжала мимо вышек с проводами высоковольтного напряжения, Эрдла съезжалась и закрывала руками голову; по ее словам, они вызывали у нее головокружение. Перед нашим отъездом в Лондон, Эрдла нарисовала цветными карандашами ауру Лены и сказала, что в будущем у нее появятся способности видеть невидимое и общаться с гномами.

Богиня энтузиазма

Страна ледников и вулканов не сравнима ни с чем: суровая, опасная, непредсказуемая и прекрасная. В "Письмах из Исландии" Уистен Хью Оден говорил, что в этом месте можно еще найти настоящее чудо природы, потому что "Европы здесь нет. Это остров, и оттого он нереальный".

Исландия - родина доблестных воинов и непреклонных богинь. Я расскажу об одной из них - об Асдис; это имя переводится как богиня. Однажды Асдис подарила мне альбом в бархатистом переплете кобальтового цвета (любимый цвет фараонов и жрецов Древнего Египта). Придя в номер я обнаружила там главу под названием "Богиня энтузиазма", посвященную моей подруге. С фотографий на меня смотрела хохочущая, искрящаяся Асдис с венком на голове из дикого фиолетового люпина и душистого купыря. Ее энтузиазм сочетался с безудержным стремлением создавать вокруг себя красоту. Я познакомилась с Асдис в Лондоне, когда снимала короткометражный фильм "Зевающий". Она работала на фильме дизайнером, но съемки затянулись, и ей пришлось уйти на другой проект. Одевалась эта высокая, синеглазая исландка как женщина из африканского племени - с яркими тюрбанами на голове, огромными бусами и экзотическими

украшениями. Где-то в Африке жила ее духовная семья. Волосы у нее были то платиновые с торчащими в разные стороны афрокосичками, то розовые, а то и вовсе исчезли. Неизменным оставался громкий, звонкий голос. Асдис обожала Лондон, а Лондон - по закону притяжения и отражения - платил ей взаимностью. Родилась она в маленькой деревушке на восточном побережье Исландии. Родители ее расстались, когда ей исполнился годик. Мать перебралась жить в Лондон, а дочку оставила на воспитание своим родителям. Дедушка Асдис, как и большинство населения Исландии, занимался рыбным промыслом. Экономика Исландии зависит от рыбной ловли. В незамерзающих водах Гольфстрима, окружающих остров, водится несметное количество рыбы. Говорят, что местные рыбаки зарабатывают не меньше университетских преподавателей! На монетах в одну исландскую крону изображена треска, на десяти кронах - селедка, на пятидесяти - краб, на ста - морской окунь.

Когда Асдис исполнилось семь лет, она приехала к маме на каникулы и осталась в Лондоне на двадцать пять лет. Получив образование в Колледже искусства и дизайна, она работала в театре, кино и на телевидении. В Исландию Асдис вернулась, благодаря блокбастеру "Беовульф и Грендель", когда ее пригласили участвовать в качестве художника в создании этой картины. В поисках природы Асдис пришлось "обшарить" все уголки своей "ледяной страны": взбираться на действующие и дремлющие вулканы, спускаться в полые кратеры, заглядывать в спрятанные под ледниковым саваном пещеры, преодолевать километры вулканических пустынь, плыть по быстротечным ледниковым рекам. Изучив остров вдоль и поперек, она влюбилась в свою страну и решила никогда больше ее не покидать.

Подобно Эрдле, Асдис тоже свободно общается с драконами, живущими у подножья священной горы Эсья, где у нее стоит дом прямо на берегу Атлантического океана. Окаменевшая великанша Эсья, извергавшаяся последний раз пару миллионов лет назад, возвышается над Рейкьявиком подобно грозному ангелу-хранителю. Согласно Асдис, местные драконы в последнее время выползают из недр горы в предвкушении очередного извержения. Исландские вулканы бедокурят с систематической точностью: каждые четыре-пять лет.

Когда Асдис заходила ко мне в гостиницу, все постояльцы таранились на неотразимую, веселую красавицу в традиционном исландском свитере. Все население страны носит колючие свитера из овечьей шерсти с круговым орнаментом вокруг горла. Однажды Андрей Тарковский появился на съёмочной площадке в Стокгольме в исландском свитере после поездки в Рейкьявик, где исландцы организовали для него комитет по восстановлению семьи Тарковских (в то время его сына не выпускали из Москвы). Исполнитель главной роли Эрланд Юзефсон ахнул, увидев рисунок на свитере режиссера,

отображавший схватку двух голых викингов с мечами и возбужденными членами!

Из окна своего рабочего кабинета Асдис наблюдает за “дымящейся бухтой”, как переводится название столицы Исландии. До начала XIX века в будущей столице насчитывалось не более трехсот человек; люди жили в небольших поселениях и страдали от вечного голода и холода. В наши дни исландская столица вошла в число самых экологически чистых, самых богатых и самых счастливых городов в мире.

На территории своего дома (старой фермы с амбарами и коровником), Асдис открыла центр йоги и медитации, а также необычный отель из нескольких списанных на пенсию “икарус-автобусов”. В “икарусных” номерах - идеальная чистота и очень тепло, так как отопление в Исландии “альтернативное” - из горячих геотермальных источников. По утрам в окна заглядывают любопытные, низкорослые, лохматые, доверчивые исландские лошади. Исландцы обижаются, когда их лошадей называют пони. В летние месяцы они отправляются на вольные хлеба, а осенью хозяева их собирают.

Каждый предмет в “икарусных” номерах сделан руками Асдис: топчаны, столы для еды и для шахмат, диваны, вешалки и даже крошечные кухни. Она умеет шить, вышивать, кроить, красить, пилить, рубить, варить, печь, строгать, строить. В самых отдаленных уголках страны Асдис благоустроивает детские площадки, на которых интересно не только детям, но и взрослым. Когда моя Лена пошла в школу, Асдис соорудила для нее письменный стол, раскрасив его в цвета африканских животных - жирафов, тигров, слонов и зебр. На нем прыгали все Ленины подружки, изображая дикие африканские племена. Для местных подростков Асдис придумала подвижные кровати, превращающиеся то в обеденный стол, то в платформу для танцев и сольных выступлений (каждому подростку хочется играть на гитаре как Джимми Хендрикс!). Асдис использует исключительно “recyclable material” - повторно используемый материал. Ее девиз: для создания нового - не уничтожай старого, придумай из старья что-то такое, что превратится в новое.

Страна великанов и великанш

В некоторых древних источниках страну у Полярного круга называли загадочным островом Туле, “где нет ночей в середине лета”, где не существовало ни суши, ни моря, лишь некая “консистенция сравнимая с желе, в которой нельзя ни идти, ни плыть” (подобие океана “Соляриса”). Жюль Верн в своем романе “Путешествие к центру земли” выбрал Исландию для подземного путешествия своих героев. Немецкий профессор минералогии Отто Лиденброк случайно находит

старинную рукопись с зашифрованным текстом. Со своим племянником, прочитавшим тайный манускрипт, он отправляется в Исландию, где через кратер вулкана Снайфедльс собираются достигнуть центра Земли. Я тоже забралась на этот ледник, но кратера вулкана не обнаружила из-за толщи снега и льда. Пройдя под землей через всю Европу, путешественники возвратились на поверхность Земли чрез кратер вулкана Стромболи на острове Сицилия, так и не достигнув своей цели. Фантастический роман основан на гипотезе "о поллой земле", о некоем существовании внутри нашей планеты огромной полости, размеры которой сопоставимы с размерами самой планеты. У древних греков это был Аид, у скандинавских народов - Свартальвхейм, у христиан - ад, в буддийских верованиях - подземный мир Агарты, где обитали духовные учителя Шамбалы. До сих пор витают слухи, что после Второй мировой войны Гитлер бежал в подземный мир поллой земли через тайный вход в Антарктике, где моряки якобы до сих пор наблюдают появление "летающих тарелок", которые вылетают прямо из-под воды.

14 апреля 2010 года произошло извержение дремавшего более двухсот лет вулкана с труднопроизносимым названием Эйяфьядлайекюдль ("остров", "гора", "ледник"). Небо над Европой заволочило стеклянным пеплом; на неделю все авиасообщения были закрыты, хотя воздушное пространство самой Исландии оставалось открытым. Уж не ворожба ли это исландских богинь?

Исландия - огромная лаборатория, изучающая любой звук, любой шорох, исходящий из земли. Вулканологи, подобно врачам-кардиологам, прослушивают сердцебиение вулканов. В Музее вулканов на протяжении нескольких часов, давась слезами, я смотрела документальные фильмы о всевозможных извержениях и думала: "Исландцы - самоубийцы! Они же погибли на этом острове!" Жители "ледяной страны" - заложники капризов своих непредсказуемых великанов. Рано или поздно их постигнет участь древнеримских городов, погребенных в лаве и пепле извержения вулкана Везувия. Азартные поклонники огненных зрелищ обожают вулканические спектакли - это у исландцев одно из самых популярных развлечений. При первой возможности они мчатся на своих джипах, чтобы заснять на фото и видео нереальную реальность своего острова. Они лезут в самое пекло кратеров, откуда вытекают реки раскаленной магмы; облака ядовитого пепла вздымаются выше небоскребов, из жерла вулкана вылетают камни, размером с их джипы, а от адского грохота лопаются барабанные перепонки. Загадочная исландская душа: они, скорее, погибли, чем оставят свой остров! "Мы знаем, что противостоять огненной стихии невозможно, - не раз с улыбкой говорила мне Асдис. - Остается одно: дружить со своими соседями. Что будет завтра, неизвестно никому. Мы живем сегодняшним днем".

В 1783 году в Исландии произошло извержение вулкана Лаки, которое длилось более полугода. Пепел накрыл большую часть страны. Погибли треть населения и почти все животные. Многие вулканы прячутся под ледниками, покрывающими большую часть территории острова. Извержения вулканов происходят не только на суше, но и на дне океана. В середине прошлого века в результате извержения подводного вулкана на южном побережье страны возник совершенно новый остров Суртсей. В исландской мифологии "Сурт" ("Черный") - повелитель огненных великанов и огненной земли. Поначалу ученые-вулканологи полагали, что новорожденный остров смоят волны, но, благодаря новым извержениям (а их было около ста), он разросся до трех километров. У ученых появилась уникальная возможность наблюдать за возрождением жизни, по сути дела, с нуля. Спустя несколько лет, на острове выросли лишайники, мхи, кустарники, полярные цветы, семена которых были занесены сюда ветром и птицами. На Суртсей зачастили тюлени, но простым смертным сюда не попасть, лишь горстке ученых разрешено посещать остров, да, и их при посещении тщательно досматривают, чтобы не завезли чего-нибудь лишнего. Когда-то в Исландии не было ни змей, ни волков, ни зайцев, ни лис (арктических лис занесло сюда на льдине еще во времена викингов). Собак в столице тоже запрещалось иметь, а теперь они разгуливают с хозяевами по улицам Рейкьявика, но только на поводке.

Извержение вулкана Эльдфедль ("огненная гора") на архипелаге Вестманнаэйяр началось с безвинных подземных толчков в 1973 году. Вестманнаэйяр означает "острова западных людей". Первыми поселенцами этих мест были ирландские монахи, пока их не потеснили викинги. Никто не мог предположить, что заурядное землетрясение приведет к появлению на карте Исландии нового вулкана и новой земли. Жизнь маленького острова Хеймаэй с населением чуть больше четырех тысяч человек вращалась вокруг тихой бухты. В считанные часы рядом с центром города образовался разлом в несколько километров и из него забили стометровые огненные фонтаны. Лава стекала в гавань, весь город засыпало многометровым слоем черного пепла. Все население города эвакуировали на рыболовецких судах, и ни один человек не погиб! Через полгода вулкан утих, и жители вернулись в свои дома, обнаружив, что площадь их острова увеличилась на треть. Местные жители окрестили свой остров "Северными Помпеями".

Через лет семь после извержения вулкана я приехала в Вестманнаэйяр посмотреть на образовавшуюся чудо-землю. Тогда жители города все еще расчищали свои жилища и улицы. В памяти застыла одна картина: городское кладбище, похороненное под слоем

пепла, и возвышающийся на кресте ангел, горестно смотрящий на происходящее.

Поверхность земли здесь будто дышала: из нее шел горячий пар. Водитель автобуса сказал, что местные женщины до сих пор варят яйца и кипятят в чайниках воду в небольших дымящихся лунках - фумаролах. Он попросил нас ничего не поднимать с земли, но я не послушала и рискнула... а потом долго ходила с перевязанной рукой. Камень внутри оказался раскаленно-красным и шипел на меня за непослушание. Это зафиксировал фотоаппарат.

Помимо вулканов, земля, где сошлись "лед и пламень", испещрена многочисленными гейзерами, кипящими источниками, бурными реками и водопадами. "Стоккур" ("великий гейзер") называют матерью всех исландских гейзеров. Столб с кипящей водой взмывает в небо под шестьдесят метров и застывает на мгновение в воздухе, прежде, чем обрушиться вниз. Впечатление невыразимое в словах! Асдис в шутку назвала извержение "Строккура" - исландским оргазмом. До извержения вулкана с труднопроизносимым названием гейзер "Строккур" захандрил и перестал доставлять удовольствие любопытным туристам. Тогда находчивые исландцы стали подсыпать в него пачки стирального порошка. Я не раз оказывалась свидетелем столь диковинного зрелища, когда гид сыпал внутрь гейзера стиральный порошок, а гейзер злился и выплевывал его: кому понравится такое обращение, когда в тебя закидывают какую-то мыльную дрянь?

Энергия горячих источников используется для обогрева домов, бассейнов и теплиц, в которых круглогодично выращивают овощи и фрукты, тюльпаны и даже бананы. "Горячая вода - наша нефть", - с гордостью говорят исландцы. Но и цены здесь безумные: три банана стоят столько же, сколько в Англии их же три килограмма.

Первооткрыватели

“Корабль - жилище викингов”, - со знанием дела говорили скандинавы, чьи морские традиции уходят в глубокую древность. Знатный норвежец Ингольф Арнарсон пристал к берегам Исландии в 874 году, назвав место своего поселения “дымной бухтой” (Рейкьявик переводится как “дым” и “бухта”). По одной из версий - само провидение забросило его в эти неведомые края, а по другой - кровная вражда с норвежским ярлом и колдуном, владевшим тайной магии древних рун, послужила причиной его бегства. Ландшафт с вонючими серными испарениями, огненными столбами, вырывающимися из недр земли, небесами, на которых по ночам вспыхивало заколдованное свечение - все это приводило в ужас первопоселенцев и воспринималось ими как проклятия черного мага. Но уже через полвека на тектоническом разломе двух материковых плит - Северо-Американской и Евразийской - викинги учредили “Альтинг” (“всеобщее собрание”) - первый в мире парламент. Стоя спиной к народу, жрец-оратор обращал свое послание к скале, служившей мощным резонатором. Жрецов, принимавших законы, называли “goðar” (“боги”). Собрания проводились в летнее время, чтобы каждый житель мог в них участвовать. Некоторые законы, принятые в те далекие времена, существуют и поныне. К примеру, исландская лошадь, привезенная на остров викингами, не может покинуть его. Нельзя завозить сюда и лошадей другой породы. В 1000 году “северные варвары” викинги приняли христианство, сохранив при этом многие языческие обряды. Исландский парламент распустили лишь однажды, в 1931 году, когда в страну приехал знаменитый русский шахматист Алексей Алехин. Шахматы - любимый досуг исландцев.

Исландцы уверены, что их предки открыли Америку за пятьсот лет до Христофора Колумба. Среди немногочисленной команды Лейфа Эрикссона, приплывшей к берегам Северной Америки в 1000 году (за что Лейф был назван “счастливым”), оказался немец по имени Тюркир. В один прекрасный день немец не вернулся на стоянку, но вскоре был найден в невменяемом состоянии. Придя в себя, он рассказал, что заблудился и обнаружил гроздь винограда, а вырос он в Германии, где видел настоящие виноградники. Счастливый Лейф назвал эту плодородную землю “Винланд” (“страна винограда”). Но открытая им земля, не принесла ему счастья. Колония просуществовала всего несколько лет, после чего начались кровавые распри с туземцами и “Винланд” пришлось оставить. В 1477 году в Исландию наведался молодой испанский мореплаватель итальянского происхождения. Узнав о “Винланде”, он решил отыскать эту сказочную, “виноградную” страну. Через четверть века генуэзец Христофор Колумб открыл Америку. Замечу, что отец Лейфа Счастливого - буйный Эрик Рыжий открыл Гренландию (“Зеленую страну”).

Статуя Лейфа Счастливого возвышается перед главной достопримечательностью Рейкьявика - лютеранской церковью Хадльгримскиркья. На постаменте выгравировано: "Открывателю Америки". Сама неоготическая церковь похожа на отрывающуюся от земли ракету или острие копья. В полдень я обычно заходила туда послушать органную музыку. На создание церкви архитектора Гудьоуна Самуэльссона вдохновили базальтовые колонны водопада "Свартифосс" ("Черный водопад"), похожие на орган.

Лютеранская церковь Хадльгримскиркья

На одной из улиц, в центре столицы почему-то стоит статуя медведя с указателем: до Берлина 2380 км. Нацисты называли Исландию арийским раем. По мнению идеологов Третьего рейха здесь проживали арийцы без примесей "низших, второсортных рас". Я помню разразившийся в исландской прессе в восьмидесятые годы прошлого века скандал из-за появления в столице малышей-мулатов. На американскую базу НАТО прибыли чернокожие военнослужащие, которые в увольнение посещали местные дискотеки. В ту пору в Рейкьявике открылись две самые большие дискотеки в Европе. Исландские девицы сходили с ума от темнокожих парней. К тому же рождение ребенка для исландцев - всеобщий праздник, ведь их так мало на Земле! Но из-за давления местных идеологов, увольнение прекратилось, как и служба на американской базе чернокожих ребят. Сегодня этнический состав Исландии не так однороден - это многонациональная страна. В свое время Нобелевский лауреат по литературе Халлдор Лакснесс клеймил местных политиков, продавших за деньги свою страну американцам, которые установили здесь

военную базу НАТО. Одна из моих любимых книг Лакснесса "Христианство под ледником", которую я часто перечитываю.

Язык богов и богинь

Халлдор Лакснесс считал, что сказители древних саг "создали не только один из самых красивых и образных языков, но и оригинальный литературный жанр". Исландский язык - старейший, живой язык в Европе. Сотни лет Исландия находилась под датским господством, которое притесняло местное население и уничтожало их древние рукописи. Но стойким исландцам удалось сохранить и свой язык, и свое великое литературное наследие. Страсть к сочинительству - национальный досуг исландцев, где каждый второй - поэт или писатель. "Если в жизни есть смысл, то в ней должны быть книги", - утверждают они. В Исландии существует специальная комиссия, защищающая их древний язык от тлетворного влияния иностранных слов и всевозможных заимствований. Когда в обиходе появляется какое-нибудь новое иностранное слово, комиссия тут же находит ему исландский эквивалент.

Приезжая в какую-либо страну, я стараюсь выучить хотя бы несколько полезных фраз на том или ином языке. В исландском самоучителе я нашла обычные вопросы: "Где находится вокзал? Когда прибывает ваш поезд?" Но не успела я их произнести, как мои собеседники захохотали! Оказывается, в Исландии нет ни вокзалов, ни поездов! Теперь я говорю с ними только на английском, тем более, что все без исключения исландцы владеют английским, датским или шведским.

Впервые приехав в Исландию, я не могла понять, почему у членов одной семьи разные фамилии. Предположим: у отца семейства Лейфа Эрикссона (сына Эрика) есть сын, но фамилия сына не Эрикссон, а Лейфссон, то есть, он - сын ("son") отца, а если у Лейфа Эрикссона есть дочь ("dottir"), то ее фамилия будет Лейфдоттир. В исландской семье - мамы, папы, дети, дедушки, бабушки, не говоря уже о других родственниках, записаны под разными фамилиями. Для иноземцев - это настоящая головоломка!

Каждый житель Исландии имеет доступ к генеалогической базе данных, что дает ему возможность определить свою родословную, начиная с эпохи викингов. В мобильном приложении влюбленные могут удостовериться, не приходится ли они друг другу родственниками, а у них даже вулканы - сестры и братья. В Исландии существовал закон, по которому иностранец, желавший стать исландским гражданином, обязан был принять исландское имя. Исключением стал советский пианист Владимир Ашкенази, эмигрировавший в Исландию в конце 60-х годов прошлого века.

Музеи "дымящейся бухты"

В коллекции Национальной галереи кроме классиков исландской живописи - Асgrimура Йонссона, завещавшего все свои работы исландскому народу, и Йоханнеса Кьярвала (его псевдоним, переводится как "милый кит"), есть работы Мунка и Пикассо. Оба исландских художника известны своими картинами на мифологические темы с великанами-вулканами, эльфами, троллями, исландскими косматыми лошадками и местными пейзажами. Скульптуру из железа "Жаклин Пикассо" подарила президенту Исландии последняя жена и муза художника, полагавшего, что в мире "существует лишь два типа женщин - богини и тряпки для вытирания ног". Наследники Пикассо категорически отказывались дарить скульптуру какой-то Исландии, но Жаклин настояла, прислав исландскому президенту телеграмму: "Jacqueline Picasso est a vous" ("Жаклин Пикассо ваша"). Вскоре после этого она застрелилась из пистолета, подаренного ей мужем.

Из подвального этажа музея доносилась знакомая мелодия Джимми Хендрикса: "Will the wind ever remember? The name it has blown in the past... And the wind cries Mary..." ("Вспомнит ли когда-нибудь ветер имена тех, кого он унес в прошлое... А ветер зовет: Мери...") В молодости мы сходили с ума от плачущих, шепчущих, стонущих звуков гитары Хендрикса.

В Музее современного искусства в старом городе я была единственной посетительницей. Инсталляции на первом этаже принадлежали исландскому мастеру перформанса Рагнару Кьяртанссону. Первая представляла "дюймовочку" - высоченную, стриженную под мальчишку блондинку в золотистом платье, которую обрамляла бахрома серпантина. Как вишенка на торте, она стояла на пьедестале на высоченных каблуках и брэнчала на электрогитаре один-единственный аккорд ми-минор. Звук раздавался по всему музею и создавал довольно гипнотический эффект. Следующий экспонат представлял собой останки гитлеровского рейха: палки, балки, доски, бархатный красный занавес, куски старых обоев и прочий мусор, сваленный в одну кучу. Весь этот мусор был доставлен из Германии.

Потом я заглянула в Музей фотографии. Снимки 20-х, 30-х годов того места, где ныне расположен музей: валуны, лишайники и никакой растительности. А теперь здесь выросли дома. Для меня самый лучший в мире Музей фотографии находится в Стокгольме. Он расположен прямо на воде, где после посещения выставки, можно посидеть в кафе и понаблюдать в окно за корабликами, лодочками, яхтами, паромами-небоскребами, проплывавшими мимо. По другую сторону залива расположены два острова, связанные некогда с военно-морским флотом: Корабельный и Крепостной. На Корабельном острове расположен Музей Современного искусства с весьма

необычным памятником Ленину - небольшой кусок рельса, лежащий прямо на земле, о который вождь революции якобы споткнулся перед отъездом в семнадцатом году из Швеции в Россию.

В Музее колдовства и магии на обозрение выставлены "некроштаны", изготовленные из содранной кожи нижней части тела мертвеца. Колдун должен был заручиться согласием человека еще при жизни, а после его смерти он выкапывал тело из могилы и сдирал с него кожу одним куском. Ношение таких штанов позволяло ему обрести невиданную силу и богатство.

В Музее фаллосов можно "полюбоваться" на более чем двести видов половых органов от землероек, китов, белых медведей, тюленей, кашалотов до каменных пенисов троллей. Самый маленький фаллос принадлежит хомяку - всего два миллиметра, и рассмотреть его можно только с помощью увеличительного стекла. Самый большой экспонат в коллекции музея - верхняя часть пениса синего кита весом в семьдесят килограммов и длиной в два метра. Если бы удалось выставить весь орган, он растянулся бы на пять метров и весил полтонны. Основал музей в конце 90-х годов учитель, вышедший на пенсию. Интерес к пенисам у него появился в детстве, когда ему подарили хлыст из члена быка.

К сексу исландцы относятся без комплексов. Во время летнего солнцестояния, по традиции, каждый исландец должен поваляться в полночной росе для поддержания здоровья и красоты. После дискотечных плясок вспотевшие, подвыпившие исландцы раздеваются догола и прыгают в горячую воду бьющего со дна океана источника. А ветер рвет на части весь остров и уносит с собой имена купальщиков, их восторг и счастье! Ветер здесь поистине могуч: на нем можно даже полежать, что я не раз испытывала.

Ботанический сад

Однажды в бассейне я заметила летающий в воздухе тополиный пух. Откуда ему тут взяться? Когда я впервые приехала в Исландию в восьмидесятых годах прошлого века, здесь, вообще, не было деревьев, встречались лишь небольшие кустарники и искусственно высаженные карликовые деревья, до макушек которых можно было дотянуться рукой. Виноваты в этом викинги: из-за нехватки древесины они вырубали леса, что привело к их полному исчезновению. Зато теперь на исландских авиалиниях бортпроводницы просят пассажиров пожертвовать карманную мелочь на возделывание лесных массивов. Британские авиалинии собирают мелочь в помощь детям Африки.

Выбравшись из бассейна, я решила поискать источник происхождения невиданного доселе тополиного пуха. Пройдя несколько спортивных площадок, я вышла к аллее с высоченными тополями, которая привела меня к воротам самого северного в мире

арктического ботанического сада. Я заглянула в огородик со всевозможными целебными травами. С пришествием христианства местных целителей окрестили ведьмами и колдунами и топили в ледниковых реках в завязанных мешках, где они погибали за минуты. После осмотра всевозможных лужаек с морозоустойчивыми тундровыми березами, полярными ивами, клумбами с розами, кустами рододендронов, васильками я зашла в кафе "Флора", расположенное прямо в оранжерее. Рядом с моим столиком под низкорослой тропической пальмой с веерообразными листьями, в пруду будто парили кувшинки, или, как их еще называют, нимфеи - в честь прекрасной нимфы, оказавшейся в подводном царстве из-за неразделенной любви; между ними неспешно проплывали пузатые, золотые рыбки. Всего в коллекции ботанического сада более пяти тысяч сортов растений, о чем я прочитала в брошюре, за чашкой "латте" с сердечком из пены.

Рядом с ботаническим садом некогда располагались старинные бани. На стендах с фотографиями тех времен написано, что многие прачки и их дети, погибали от несчастных случаев, падая в кипящую воду. Позже на этом месте учредили купальни для богатой публики. Расположение ботанического сада вблизи бань не случайно: земля подогревается теплом подземных термальных вод и растения не погибают.

"Арфа"

Возвращаясь из Ботанического сада в гостиницу, я немного заблудилась и вышла к Атлантическому океану, где передо мной выросло многоэтажное стеклянное здание в стиле хай-тек, панели которого напоминали разноцветные пчелиные соты, а в них преломлялись и отражались лучи закатного солнца, создавая калейдоскоп красочных узоров. Двери культурного центра "Арфа" были открыты, вокруг - ни души. На лифте я поднялась на пятый этаж, где из окна увидела пришвартованную к причалу гигантскую, тоже пятиэтажную, яхту Романа Абрамовича под названием "Eclipse" ("Затмение"), некогда гостившую у берегов Стокгольма. Яхта российского олигарха как-то не вязалась с суровой природой Исландии.

Набродившись по пустынным этажам с пустынными концертными залами, я спустилась к океану полюбоваться чудом пылающего заката. На следующий день я встретила в "Арфе" своего давнего приятеля Арне. Когда-то он работал в книжном магазине "Bókabúð Máls & Menningar" и был счастливо женат. Сейчас он счастливый гей, открывший первую в стране гостиницу для геев. Арне спросил меня: "Неужели ты приехала в Исландию одна? Тебе не страшно?" Я вытаращила на него глаза. Исландия - самая безопасная страна в

мире, если, конечно, не нырять в кратер вулкана или, если тебя не унесет ветер на какой-нибудь ледник. “А если извержение? - испытывал меня дотошный Арне. - Тогда останешься тут с нами? Ты же любишь Исландию!” Он вспомнил, как в первый мой приезд в Исландию, в Рейкьявике было всего два или три ресторана и на меня - вегетарианку смотрели как на сумасшедшую. Сейчас здесь десятки ресторанов и кафе. Общее число туристов в последние годы подкатывает к трем миллионам! Скоро настоящих туземцев здесь днем с фонарем не сыщешь. Арне пригласил меня к себе на дачу отдохнуть от столичной суеты (в Рейкьявике проживает чуть больше ста тысяч!), честно предупредив, что в его старом доме бродят духи умерших от голода моряков. Даже его избранник боится к нему ездить...

В тот вечер Арне собирался на благотворительный концерт итальянского пианиста и композитора Людовико Эйнауди, известного своей “Арктической элегией”, которую он исполнил на льдине в открытом море у берегов архипелага Шпицберген. Все сборы от концерта предназначались исландцу, который, работая на ферме, нечаянно дотронулся до провода высоко напряжения и лишился обеих рук. Узнав о случившемся, итальянский музыкант организовал благотворительный концерт, дабы оплатить дорогостоящую операцию по трансплантации рук.

Полностью статью читайте в журнале
ЧАЙКА: <https://www.chayka.org/node/11547>

Юрий Бриль

Екатеринбург, Россия

Путешествие без границ. Умру - я обещала...

Я выглянул из палатки – всё было мрак и вихорь... Не всё, если приглядеться... Пригляделся – и не узнал места. Где горы, где громадина Кар Кара? Где ледник Балбан? Поглотили те самые мрак и вихорь. Кругом вода; сколько видно, остался единственный островок на перевале, где мы так удачно поставили палатку. Если ливень не

прекратится, образовавшаяся болотина соединиться с озером, что разливается выше, под горой, – мы подходили к нему, когда искали потерявшуюся тропу. Облачная мгла сокрыла речку и небольшой водопадик, но гремело так, что я живо представил Ниагару.

Можно было еще сколько-то пройти, но тяжелый и продолжительный курумник основательно вымотал нас, и мы почтительно остановились перед Кар Каром, чтобы наутро, набравшись сил, продолжить путь. В горах сложно найти площадку для палатки, а тут место ровное – моренные песочек с мелким щебнем – и обжитое, по кругу выложена камнями стенка, правда, невысокая, не более полуметра. Накануне сеялся мелкий пробный дождичек, но мы не придали ему значения. Довольные собой, что снова нащупали тропу, представляли дальнейший путь понятным и простым. Поднимемся до озера Бублик, это примерно полдня ходьбы и там, сбросив рюкзаки, забежим на гору. Но мы предполагаем, а Господь – или кто там отвечает за погоду в небесной канцелярии – располагает. Ураган бесчинствует уже три дня. Нас двое, я и Оксана.

Я выбрался с котелком набрать воды для чая, свирепо лупил дождь. Ух ты, капли, как свинцом отлитые – больно! И поделом, стоило выпороть нас, чтоб неповадно было таскаться по горам. Воды по щиколотку. Можно было прямо у палатки и зачерпнуть, но я добрался до речки; опасаясь как бы не сдуло в бешено несущийся поток, выждал, когда напор ветра ослабнет, нагнулся, срезал малость котелком от его пенистой гривы. У самого входа в палатку запнулся о веревку и плеснул на свой еще недостаточно мокрый спальник.

Полежал, набираясь сил и решимости, снова расстегнул палатку и - как на амбразуру... Наладил спицы, выскочившие из соединяющих их разъемов, в который уже раз вбил колышки, натянул веревки. Напрасные старания, со следующим штормовым ударом палатка забила крыльями, как насмерть раненная птица, что пытается еще взлететь в последнем порыве; колья выскочили, вся хлипкая конструкция распалась на элементы, хотя я и старался удержать ее изнутри. Все же каменная стенка сдерживала натиск урагана, а так бы... Представил: ветер перекаати-полем гонит нашу мешок-палатку по тундре, по болотам, и мы весело кувыркаемся внутри.

Чуть стихло, я занялся чаем. Продул газовую горелку – и туда проникла вода, зажег. Перебрал запасец: китайский улун, индийский масала, наша травка чабрец... Хотя бы в чае я могу себе не отказывать. На сей раз заварил непальский. По сути, это смесь перцев и джинжа (имбирь). Этот чай хорошо согрел меня в Гималаях. На рюкзаке у Оксаны болтался кругленький гаджет со стрелкой термометра – все те же семь градусов.

Пили чай, садясь по-индейски спина к спине. Заодно принимали освежающий душ – мокрая тряпка, обозначавшая крышу, лежала на головах, текло сверху, сочилось снизу, струилось сбоку.

Надо же было взять в горы этот марлевый мешок! Заверила, у меня хорошая палатка, «когда покупала, сказали, двухместная и надежность – четыре капли». Четыре ведра, я бы еще поверил. Хочешь или нет, нас прижимало друг к другу.

- Я вся насквозь промокла.
- Так уж и насквозь... И трусы мокрые?
- И трусы...
- Не верю.
- Можешь проверить.

Не поверить на слово этой благопристойной женщине было бы не этично с моей стороны... Впрочем, что это со мной? Наверно, постарел. Вдруг я заметил за собой, что к некоторым особам женского пола я отношусь исключительно как к товарищам. Раньше такого не было, в каждой открывал что-то неожиданно привлекательное. И дело даже не в количестве выпитой водки – для каждой находил свой ракурс, с которого даже дурнушка выглядела неотразимо.

Сколько возможно, отодвинулся от Оксаны, что было в высшей степени неразумно. С точки зрения эргономичности, надо было немедленно обняться, тогда бы тепло наших физических тел, согласно открытому мной закону термодинамики, соединилось бы и удвоилось. Я задремал и – о ужас! – почувствовал сквозь сон, как ледяная лягушачья лапка трогает мою еще теплую грудь – плотнее вдавился в сочащуюся дождевой водой стенку палатки.

Очнувшись от кошмара, я огляделся: где я? Почему мне так холодно и сыро? И на каком основании эта женщина рядом со мной?

Вообще-то мы собирались ехать вчетвером, но двое, имея на то веские причины, сдали билеты перед самым поездом. У меня было в плане подняться на Народную и завершить тем самым тему Уральских гор. Я ходил на Иремель, Нушгур, Уван и другие горушки – Приполярье все-таки далековато, но забредал и сюда, только с другой стороны, северо-восточной. Путь мой пролегал от Салехарда до поселка Мужы, далее я продвигался на лошади, на оленях, на своих двоих по реке Сыне. До Народной не дошел, не было такой цели. Путешествовал один, это было зимой, но я был молод, полон нерастратченных сил и одержим жаждой приключений.

Оксана сказала, что с трудом уговорила начальника отпустить ее на две недели, и портить отпуск из-за двух «предателей» не намерена. Ладно, решил я, поедем вдвоем. А что особенного?..

С Оксаной я познакомился в одном из групповых походов. Ходили недалеко, на Соколиный камень. У нас в городе довольно много туристических групп. Оксана – из тех, кто примыкает то к одной, то к

другой. Ну, было дело, и я примкнул. Желтая мембранная курточка, белые штаны – она выделялась среди пенсов, любителей пошляться. Да что скрывать, эта женщина в моем вкусе. О, какие ноги!.. Она может пройти в день 30 километров и тащить рюкзак в 20, а то и в 25 кг.

На вокзал пришла вовремя, как договаривались.

– Уважаю точных людей. Увы, нас так мало!

– Я держу свое слово, не то что некоторые.

– Бывают обстоятельства... Но это плохой знак.

– Нет уж, если я пообещаю...

Чуть отъехали от Инты – у нашего «Урала» отвалилось колесо. Водитель опытный, вез с собой кучу запчастей – иначе и выезжать не имело смысла, – но стоило больших трудов заменить подшипник ступицы, никак не хотел вставать на место.

– Еще один знак, – отметила Оксана.

С нами в вахтовке ехала группа из Сыктывкара, меня удивило, что с детьми. Нет чтобы позагорать на югах, так они погнали еще дальше на Север. Да ведь я сам поступил в высшей степени легкомысленно. Так всегда: нет времени нормально подготовиться. Не взял сапоги, думал, обойдусь галошиками, в которых щеголяю на даче. Короче говоря, собрался на прогулку. Что мне Народная после заоблачных гималайских треков?! – так, приполярный холмик высотой всего-то в 1895 метров...

За два погожих дня мы далеко продвинулись, карликовые березки кончились, начались альпийские луга. Улыбнулось солнышко, и мы устроили большой привал. Оксана паслась, собирая зеленоватую еще морошку, я ползал с камерой, составляя свой цифровой гербарий.

Это только в интернете снятые с близкого расстояния цветы Приполярья впечатляют своей пышностью. На самом деле, они крохотны и скромны, хотя и не лишены трогательного обаяния. Сухоцветки, манжетки, ветреницы, много золотого корня... Надо же, куда занесло купальницу, так далеко продвинулась на Север и так высоко поднялась! Распустила напоказ желтые розанчики, благоденствует у ручья.

Здесь, в хранимой горами чистоте, воздух по-особому свеж и мелодичен. Каждое растение источало свой аромат, каждая травка исполняла свою партию, образуя единую и нескончаемую симфонию сыгранного за тысячи лет оркестра природы. Вот прилетел снизу, от верховых болот, повел тему дух пьянящего багульника, и отдающая горчинкой амбра норвежской полыни, поддавшись влекущей и сильной мелодии, вторила ему...

Хорошо просто так сидеть и дышать. Обернулся, проследил тропу, по которой шли, – за нами по пятам ползло темное в полнеба облако,

его тяжелое, набухшее дождем брюхо волочилось по горам, оставалась только узкая щелочка просвета над ущельем.

Мы ускорили шаг, переправились еще через несколько речек, поднялись по тропе вверх и остановились на привал перед каром, что здесь называют Цирком. Скалистое кольцо вершины терялось в тумане, языки ледника спускались прямо с неба по крутым вогнутым склонам каменной чаши, припадали к озеру, лакали его светлую воду. Задняя стенка, как это обычно бывает у каров, почти отвесная.

Вдоль нее, над ущельем, где шумела река, вилась узкая тропа. Преодолев опасное место, мы угодили в курумник, чудовищное нагромождение скальных обломков, и надолго в нем застряли. Когда же вышли на просторное плато, потеряли немало времени, чтобы найти потерявшуюся тропу. Поставили палатку – тут нас и накрыло!

– Мне холодно, – опять пожаловалась Оксана, – я умру от переохлаждения.

– А знаешь, мне тепло.

– Правда?.. Почему тогда дрожишь?

– И ты дрожи, рр-рекомендую. Защитная реакция организма. Если голова ничего предложить не может, тогда начинает думать тело. Стоит иногда к нему прислушиваться. У тела тоже есть память. Дрожи – так согревались наши доисторические предки в холодную ночь у погасшего костра. Дергайся, трясись... Ну!..

– Давай, трясись, а я вызываю МЧС.

– Давай, вызывай. Высунься из палатки и ори: МЧС! МЧС!

– У меня, между прочим, телефон еще не разрядился.

Набрала 112 – связи, разумеется, не было.

– У нас вообще-то была цель: забраться на гору. Погода наладится, обсудимся...

- Не наладится, я умру...
- Потерпи еще маленько.
- Я терплю уже целую вечность.

Я тоже стал путаться во времени. В начале августа в Приполярье еще светлые ночи. Но тут все смешалось: придавленные плотными облаками дни и сумеречные ночи. К тому же мы не спали трое суток – тоже какое-то сумеречное состояние.

– Почему нас не ищут? – возмущалась Оксана, – мы оформили заявку, заплатили деньги – обязаны искать! И почему нас выпустили на тропу? Они что, не знали прогноза погоды? Назвались парком, так исполняйте!

- Зато полная свобода: иди, куда хочешь, и делай, что хочешь.
- Попал в беду – рассчитывай только на себя, – нагнетала Оксана.
- Не парк – одно название!
- Одно название... Зато какое!

Оксана продолжала нагнетать, а я думал о названиях.

Из путешествий я всякий раз в качестве сувениров привожу несколько понравившихся мне словечек. Привычка со студенческих лет, когда я участвовал в лингвистических экспедициях профессора А.К. Матвеева. Это был настоящий доктор наук, создатель школы топонимики и неутомимый путешественник. В охоте за лакомыми словечками-топонимами мы немало походили по Северам, забирались в самые глухие районы. И еще тогда Матвеев обратил внимание на слова с основой балбан и отразил их в своем словаре. Балбан, Балбанью, Балманты... Идол, река идолов, озеро идолов...

Вы спросите, где же тогда сами идолы? Да вот они: Народная, Манарага, Старуха, Пик Карпинского...

Как образовались 600 миллионов лет назад, застыли в камне, так и стоят... Мама родная, мы попали в самые что ни на есть сакральные места! Что нам остается? Бухнуться к подножию этим идолам и молиться. Ну не покорять же, в самом деле!.. В сущности, за названиями стоит глубокий смысл, по ним можно воссоздать всю историю переселения древних племен...

Вот и Югыд Ва – перевести с коми – Светлая вода. Ва (va) – вода. Морфема v берет начало в глубокой древности, в протобашенных временах, когда язык был единым для всех народов. Важное слово, как папа и мама. Его и сейчас легко узнать в разных языках: va, vater, wasser, vesí, асуа...

Попробовал на вкус, облюбовал еще одно словцо – Васа. У коми-зырян – хранящий чистоту великий дух-хозяин воды... Спрашивается, какого лешего этот дух разбушевался? Чем мы ему не угодили?..

Вообще-то в этот раз я не готовился узнавать что-либо новое о воде. Собирался погулять по горам, а тут – вода! Если бы я подумал о

названии парка накануне, наверняка и оделся бы иначе, во всяком случае, взял бы сапоги.

– Нас найдут, – попытался я успокоить Оксану, – наверняка уже ищут.

– Никто и никогда! – с жаром возразила она.

– Почему это?

– Потому что не ищут. Никого нет. Все умерли. Только ты и я!..

В нашем положении не надо было обладать изощренным воображением, чтобы представить эту апокалиптическую картину: мы чудом выжили, вцепившись в этот, еще оставшийся клочок земной тверди, – и теперь в целом мире только двое ненормальных: я и Оксана.

– Звучит романтично... Однако в таком случае на нас возлагается большая ответственность за продолжение человеческого рода. Будь готова.

– Так-то да, но родить не смогу, – ни на секунду не задумалась она.

– Как это не сможешь?! Да ты просто обязана!.. Тебе предлагается очень важная для человечества миссия, сравнимая разве что с ролью Евы или Ноя.

И она, святая простота, начала объяснять, почему не сможет. Вспомнила сколько-то своих мужей, неудачные роды, откровенно, как с близкой подругой, давай перетирать свои женские физиологические особенности.

– Палатку починю, – дернул за молнию, вывалился в шторм, чтобы только не слушать ее откровения. В следующий раз, если я пойду в поход с женщиной, то это обязательно будет глухонемая.

Скоро и вернулся, снова зажег газовую горелку – сразу стало теплее. Попили чаю.

– Пусть горит, не выключай.

– У нас не так много газа.

– Хочешь, чтобы я умерла от переохлаждения?

– Ладно, хрен с тобой! Живи куда! – и я не стал гасить горелку.

В тепле мы тотчас задремали, но не на долго, газ кончился – опять те же семь градусов.

– Поменяй баллон.

– Это последний. Мы даже не сможем вскипятить чай...

– Зажигай! – требовала Оксана, – это мое последнее желание!

– Так уж и последнее... Наверняка еще попросишь чаю. А как я его тебе вскипячу?..

– Разожжешь костер.

– Что будем жечь?.. Камни?

На этой высоте уже и трава не росла.

На какое-то время успокоилась, дала мне передышку, и я сосредоточился на выработке тепла. Все-таки дрожать – это довольно рутинный способ...

– Вставай, трясучка! – вдруг осенило Оксану, – надо мотать отсюда!

– Мы, если помнишь, хотели забраться на гору. Завтра погода наладится, обсушимся на ветерке...

– Поднимайся, если тебе дорога жизнь!..

– Подождем до утра – там посмотрим.

– Этот шторм никогда не кончится.

– Всё когда-нибудь кончается...

– У меня это «всё» кончилось: и силы, и терпение... Умру!..

– Умрешь, разумеется, – не стал я с ней спорить на этот раз. – Все когда-нибудь умрем. И скажу тебе даже более определенно: за время шторма, а он длится уже три дня, мы на три дня неотвратно приблизились к смерти. Мы с тобой принадлежим к смертной человеческой расе, и с этим ничего не поделаешь.

Видимо, эта информация оказалась для Оксаны неожиданно новой, она, оказалось, была совершенно не готова к ней.

– Умру! Умру! Умру! – билась она в истерике.

Схватив за грудки, я тряс ее, хлестал по щекам... Наконец она обессилела и затихла. Тогда я вытер пену на уголках ее губ, укрыл получше, поверх тряпок и шалёшки, которую она таскала с собой во все походы, взгромоздил еще свой отяжелевший от воды спальник. Не мой, конечно, спальник, а истерика согрела ее. Тоже, как и дрожь, – это естественный бунт организма против неразумных и опасных для жизни решений головы.

Когда она успокоилась, я все-таки попытался воздействовать на ее голову, уверенный в том, что истерика, как и алкоголь, дает на краткое время прилив энергии, но в конечном итоге забирает больше, чем дала, что приводит к печальному итогу.

Я рассказывал ей о великих путешественниках. Особенно меня вдохновлял Аллен Бомбар. Свой подвиг выживания он совершил не из тщеславия, а ради людей. Изучив статистику несчастных случаев, происшедших на море, он пришел к выводу, что девяносто процентов потерпевших гибнут из-за охватившей их паники. Аллен сел в шлюпку и переплыл в одиночку океан, доказав личным примером, что если не впадать в истерику, как некоторые, то можно выжить в самой неблагоприятной ситуации. Подобных историй я знал немало. Оксана внимательно слушала, мне даже показалось, делает выводы.

– Уже утро – надо идти, – оборвала она мое красноречие. Зря старался – моя всеобщая проповедь ничего не стоила.

– Подождем, шторм еще не кончился...

– Он никогда!.. Слышишь, никогда!.. – ее опять начинало штормить изнутри.

– Не надо, только не это, – испугался я, – послушай меня: выдвигаться в такую погоду – значит, решиться на самоубийство. Причем дважды. Первый раз, – разбить башку в курумнике, второй, – соскользнуть в пропасть. Допустим, нам дважды повезет. Спустимся на семьсот метров ниже – дальше что? Речки уже не те, что были, нам не переправиться через них.

– У меня колет сердце. Я умру!..

С таким аргументом не поспоришь – ее истерика вполне закономерно могла закончиться инфарктом.

– Даже не знаю, что лучше: ломиться навстречу опасности или все же подождать ее здесь?

– Он еще думает!..

– Ладно, собирай рюкзаки.

– Какие еще рюкзаки?!.. Пойдем налегке, возьмем только документы и газовую горелку.

Хорошо же я буду выглядеть, когда явлюсь домой: помятый, мокрый, побитый штормом, без рюкзака, с газовой горелкой в руке... Да еще друзья спросят: «На гору зашел?»

– За день, и даже за два, нам до базы не добраться, так что придется устраиваться на ночевку. Спору нет, твоя палатка – полное дерьмо. Но все же это лучше, чем ничего. К тому же, ты, наверно, заметила, мокрый спальник тоже немного греет.

С этими доводами Оксана согласилась; спешно, не разбирая куда что, собрала рюкзаки, в мой умяла свои мокрые тряпки, вперемешку с продуктами. В свой – почему-то мои вещи. Я свернул палатку. Мокрые рюкзаки существенно потяжелели.

– Ну и куда нам идти? – с пристрастием спросил я.

Оксана указала в противоположную сторону.

– Эта ошибка могла бы стоить нам жизни. Но что успокаивает, МЧС на трупы вылетает без задержки... Иди за мной, не отставай.

Пошли по ровному моренному полю – извечному полю битвы камня и воды. Спускаясь с гор, ледник перетирает горную породу, обращая ее в песок и мелкий щебень, и всякий раз его останавливает непреодолимая полоса препятствий – этот курумник. Я слышал легенду, будто здешний сказочный великан Гундыр набросал беспорядочно эти остроугольные обломки скал, чтобы защитить живые, теплые земли от ледникового нашествия.

Какой-то определенной тропы здесь быть не могло, и я решил держаться ближе к речке, там, мне казалось, скальные нагромождения не такие высокие. Поглощенные облаком, мы шаршились в его утробе; мокро, вязко, видимость – чуть дальше моего носа. Поблескивающие острыми гранями, местами узорно расцвеченные белесым, зеленым и глино-коричневым лишайником глыбы призрачно являлись из непроглядного морока. Какие-то обходили, через какие-то перелезали. У меня нет привычки ходить с палками. Несподручно – под руками всегда камера. Но сейчас не помешало бы иметь еще хотя бы одну страхующую точку опоры. Камни скользкие, случается, встанешь на неустойчивый... Вот угодил на такой, качнулся, штормовая волна ветра и воды подтолкнула – и я повалился на спину. Рюкзак смягчил падение. Подняться с ним не под силу, кое-как выпутался из лямок... Может и правда, бросить к чертовой матери?!..

Ориентировался на реку, она шумела справа... Так и должно быть. Но чем дальше я шел, тем меньше в том было уверенности. Шумела справа, но как будто и слева тоже. В туман не следует соваться в горы, однако я нарушил золотое правило... Круто забрал влево, полагая, что иду по кругу. Казалось, этим камням не будет конца, но вот в сырой облачной мгле проявилась речка. Бурлила слева под горой, где кончался курумник. Это место я помнил – речки не было. Не было, а теперь вот есть, образовалась. Похоже, дал немного кругая, но ничего страшного, теперь я отчетливо представлял, куда идти. Присел отдохнуть, обернулся... Оксана?!

– Эй, ты где? Э-эй!.. Оксана! – покричал я. Как в вату... Мой хрип, едва сорвавшись с губ, тонул и глох в шуме дождя и свисте ветра.

Отстала... Поплелся назад. Не хватало еще потеряться. Шел, кричал, падал, поднимался... И уже не обращал внимания на боль и кровоточащие ссадины. О, Господи!.. Я чуть не наступил на нее – распластанную на камнях.

– Как ты?.. Ушиблась?

Молчала. Дождь молотил по лицу. Белое... Губы синие, глаза в небо, пустые, ссадина от брови до виска, дождевая вода смешивалась с кровью, лилась на камень.

– Что с тобой?!.. Ты это брось!.. – тормозил я ее.

Я представил весь этот неотвратимый ужас, что меня ожидает: вертолет МЧС, груз-200, выматывающие душу беседы со следователем. В любом случае попаду под статью. В заявлении на посещение парка я подписался как руководитель группы, потому отвечал за все неправильные решения. Но я же говорил, говорил!.. Говорил – не говорил, как пережить этот кошмар?..

– А-а-а?!.. – повернула она голову набок, – отстань! Дай мне спокойно умереть! – Она еще лежала минут пять, потом на удивление легко встала, потянулась за рюкзаком.

– Ну, ты... сука! – прохрипел я, хватаясь за сердце, – впервые в жизни закололо, – ты меня здорово напугала.

– Извини, разочаровала – было бы лучше, если бы я умерла. Ты этого хотел?.. Этого?!..

Курумник, слава богу, кончился. Метров на семьсот мы спустились вниз, облака в свою очередь приподнялись над долиной, стало заметно светлее, будто кто-то наверху щелкнул переключателем. И словно бы приподнялся занавес: я разглядел едва различимые – бутафорские, еще не прописанные, а лишь эскизно намеченные – скалы Цирка и ущелье. Между ними, как я помнил, и проходила тропа. Туда и нацелился.

Путь преградила еще одна новоявленная река, входить в кипящий поток было страшновато; стояли в нерешительности, и вдруг эта река, словно бы поняв наши страхи и считаясь с ними, распустилась на три рукава. Два мы перешли, задержались перед третьим, который, сделав лихой вираж перед нами, загрохотал водопадом. Под напорами ливня и штормового ветра лик земли менялся прямо на глазах. Меня так и пронзило: нам доверено, мы присутствуем при великом акте сотворения мира. Древние коми-зырянские боги-демиурги Ен и Омоль очнулись от вековой спячки, засучили рукава для привычной творческой работы. Новый, светлый, чистый, искристый Югид Ва являлся из первичного хаоса, из сумеречного брожения, где еще отстаивалась ночь и не выделился день. Подвластные богам стихии воды и воздуха создавали новые, не залапанные цивилизацией земли светлой планеты. Величайший восторг охватил меня.

– Достань камеру, сними. – Хлестал ливень, ветер рвал одежду, но глаза Оксаны восторженно сияли.

К тому времени мой Сапон уже порядком хлебнул воды, его печатные схемы безнадежно ржавели. Да и нет такой камеры, которая смогла бы хоть в какой-то мере отразить то, что так зримо впечаталось в мою душу.

И мы поперлись напрямик, не разбирая пути, по косогору через бурлящие речки и ручьи к намеченной точке.

Вот и тропа. Узкая и скользкая она тянулась вдоль ущелья – справа, где-то внизу, бушевал поток, слева – отвесная стенка. Ветер просто играл с нами, забавлялся: то слабел, прикидывался дохловатым, то рвал и метал, демонстрируя свою силу и прерывистую способность дуть и хлестать на разные лады. Заворачивался вихрем, давил упорно и непреодолимо, затихал, подкрадываясь, чтобы выстрелить залпом. Если бы догадался изменить направление и дунуть в сторону ущелья, смахнул бы нас, как пылинки... По скальной стенке струилась вода, мы цеплялись за неровности испещренного трещинами камня; бочком, шаг за шагом, пробирались по тропе, стараясь не глядеть вниз, останавливались, вжимаясь в скалу, при особо сильном порыве. Надо было пройти какие-то 100 метров...

Но вот тропа расширилась, и мы, почувствовав себя в безопасности, быстро скатывались вниз.

– Люди! – остановилась Оксана, – Люди!!! – заорала она так, будто бы мы год скитались по океану в спасательной шлюпке – и вот увидели землю. Действительно, у развилки, где тропа раздваивалась (одна шла на Манарагу, другая на Народную) мы увидели людей. Это оказалась группа из Перми.

– Ребята, помогите нам! – бросилась она к ним.

Но чем они могли помочь? Сами пережили шторм, палатки вклучь. Оглядев их лагерь, я отметил, что даже хваленая немецкая Lekі не выдержала. Другого выхода, как двигаться к базе, они не видели. Я отвел Оксану в сторону.

– «Ни о чем никогда не проси у сильных мира сего», – процитировал я сакральную булгаковскую фразу и добавил, – они в таком же положении, как и мы.

Свой запал я истратил и уже высматривал, куда упасть, чтобы отлежаться. В Оксане же напротив кипела сумасшедшая энергия. Я был не прав, говоря, что в истерике ничего позитивного нет. Есть и еще больше, чем в алкоголе! Оксана не слушала меня, положила на пермяков. Бежать! Прочь из этого ада!.. Примкнул, ничего не оставалось.

Группа сильная, это было видно по продуманной экипировке. Крепкие, спортивные. Особенно парни. А руководитель группы Яша напомнил мне Хью Джекмана, играющего Росомаху в фантастических боевиках. Не просто Яша, а СуперЯша – так я его окрестил. Женщины не роптали, приказы не обсуждали – единая команда. Сходу форсировали небольшую речку, и дальше по раскисшему, вязкому суглинку короткими перебежками. Во время очередного штормового удара становились в единый круг, крепко сцепившись руками и пригнувшись к земле – так было легче устоять на ногах. В какой-то из

ударов Оксана не успела схватиться за мою руку, отлетела метров на пять, покатила по кособогу, рядом кувыркнулся ее рюкзак. Воздушным змеем взмыл над горами спальный коврик, пенка. Моя пенка. Не понимаю, какого черта она пристегнула мою дорожную мне пенку фирмы Exped к своему рюкзаку. От рюкзаков отлетало все пристегнутое. СуперЯша догнал Оксану у самого обрыва, помог подняться. Повесил на нее рюкзак, задержавшийся у куста горной ивы. Метался черной молнией от одного к другому, поднимал павшего. И в мгновение ока возник передо мной, когда я свалился и завяз в глине. Вытащил меня, правда уже без галош... Дальше я уже бежал босиком.

Как-то нереально быстро мы добрались до Балбанью. Бурлит, грохочет, пенится другая, незнакомая река. Камни скрылись под водой, лишь немногие, самые большие валуны виднелись на поверхности. Так сходу, подхватив под руку одну из женщин, СуперЯша уверенно повел народ через переправу. Одной из первых ринулась за ним Оксана, я, как был босиком, хотя у меня в рюкзаке лежали кроссовки, подался следом, чтобы быть ближе к ней. С первых же нетвердых шагов я усомнился в том, что нам удастся перейти эту бесноватую реку. И точно, только-только отошли от берега – противоположный – едва виден – и этот душераздирающий визг. Так могла визжать только Оксана. Бултыхнулись сразу двое: пермячка Лена молча – ее подхватил СуперЯша. Оксану понесло течением. Синий поплавок рюкзака то поднимался, то опускался, поддерживал ее на плаву, однако довольно скоро должен был напитаться водой и из поплавка превратиться в грузило... Не знаю, как уж она его завязывала, – выпавшие из него моя маечка из Бангладеша, мои носочки фирмы WigWam и мои треники от Fjallraven плыли впереди. А ведь я не просил ее складывать мои вещи в свой рюкзак.

– Отбой! Все назад!.. Назад! – скомандовал СуперЯша.

Лишь один человек мог переправиться через Балбанью в тот день и час – это он сам – СуперЯша.

Я ринулся было спасать... не дорогие мне вещишки, хотя они, быть может, были дороже этой дурищи, а ее – и только потому, что подписался быть ответственным за нашу малочисленную группу, то есть за нее. Однако был так неуклюж, что сам провалился по пояс, черпанул рюкзаком. Ближе к Оксане были два парня, они и ринулись ее отлавливать. Я же проскользнул мимо них, отправившись в свободное плавание. Дальше река становилась глубже, вода темнее, течение стремительней. Навстречу огромный валун. Летит прямо на меня... Отчаянно греб, обреченно сознавая – столкновение неизбежно. Ударился вскользь, пробороzdило бок – жив, легко отделался, но дальше еще глыбища, еще... В горячке не чувствовал боли. Избитый камнями, окровавленный я выбрался из реки ниже метров на

пятьдесят. И выволоч рюкзак, ставший уже совершенно неподъемным. Так и волок его по камням и грязи до места переправы.

К тому времени пермяки отловили наглотавшуюся воды Оксану. Она лежала на животе, и парни колотили ее по спине, потом трясли, держа за ноги вниз головой, пока из нее не вылилось достаточно на их взгляд. Сидя на берегу, она еще долго и мучительно прокашливалась.

Пермяки покинули нас, решив вернуться к месту своей прежней стоянки.

В полном виде статью читайте в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/11848>

Семен Белкин

Роквилл, США

Таинственный остров Питкэрн в марках и наяву

Есть на земле особое племя людей, которые носят гордое имя «коллекционеры». Одни собирают ордена и медали, другие марки, третьи - монеты, четвертые – картины, пятые – спичечные этикетки, самовары, глиняные горшки, моя абсолютно взрослая дочь - лягушек и так до бесконечности.

Объекты собирательства – самые разные, но общие правила и характеристики коллекционеров практически одинаковы: во-первых, коллекция должна постоянно пополняться, во-вторых, коллекционер стремится стать обладателем самых редких, а, следовательно, особо ценных предметов своего увлечения, таких как монета античных времен, уникальная почтовая марка, картина выдающегося художника, и в-третьих, коллекционер всегда соперничает со своими

собратьями по хобби, стараясь доказать, что именно его коллекция полнее и ценнее.

Эти мысли пришли ко мне в голову в разгар вирусной эпидемии, когда никуда нельзя было ни ходить, ни ездить. От скуки я начал просматривать фейсбук и неожиданно наткнулся на одного очень хорошо известного мне человека, который выложил следующую информацию: «Мне еще нет сорока лет, а я уже побывал в 50 странах». И немедленно на это заявление появились десятки откликов типа: «А мне еще нет 30, а я побывал уже в 65 странах», «А я совершил круиз на Северный полюс», «А я наблюдал китов у берегов Антарктиды» и так далее.

Капитан Уильям Блай

Да, такова жизнь: после устранения в России железного занавеса масса людей хлынула за границу и появился новый вид коллекционеров– путешественников, которые стремятся посетить как можно больше стран и обогнать своих путешествующих конкурентов, а потом хвастаться перед ними, во-первых, количеством этих стран, а, во-вторых, посещением таких уголков нашей планеты и таких зрелищных мероприятий, на которых побывал только он, но не его соперник: это может быть карнавал в Рио-де-Жанейро, сафари в Кении, охота на тунцов на Мальдивах.

Откровенно говоря, я испытал даже постыдное чувство зависти к этим молодым хвастунам, поскольку я впервые побывал за границей в возрасте 35 лет, и теперь уже при всем желании мне не догнать сегодняшних лихих путешественников, и, тем не менее, я могу с гордостью заявить, что уже в 10-летнем возрасте посетил более сотни государств.

Правда, мои путешествия были чисто виртуальными благодаря альбому и каталогу марок, которые мне купила мама в эвакуации, в далеком городе Чкалове (ныне Оренбург) в книжном магазине с непонятным названием КОГИЗ (совсем недавно я узнал, что эта аббревиатура расшифровывается как Книготорговое объединение государственных издательств). Тогда в этом магазине можно было купить не только книги, но и фотоаппарат, радиоприемник, бинокль и прочие вещи, которые эвакуированные (или как их называли местные жители, «выковыренные»), выставляли на комиссию, чтобы пополнить свой полугодный бюджет. Альбом и каталог мама купила мне за 100 рублей, тогда как буханка хлеба на базаре стоила 600 рублей, так что эти сокровища достались нам почти даром.

Мятежники оставляют капитана Блая и его сторонников на утлом челне посреди океана

С той поры жизнь моя круто изменилась. Сидя в сыром подвале, в котором мы жили с мамой, я мысленно отправлялся в далекие странствия по экзотическим странам, где растут пальмы, резвятся обезьяны и выпрыгивают из воды огромные киты. При свете керосиновой лампы я жадно читал книги о тех странах, которые были представлены на этих марках и, поверьте, в очень юном возрасте узнал о них гораздо больше, чем нынешние туристы.

Я был переполнен информацией по истории и географии разных стран, об отважных мореплавателях, которые открывали новые земли. Тогда же, при попытках разобрать надписи на этих марках, во мне пробудился неистребимый интерес к иностранным языкам. Вначале

мне пыталась помочь мама, которая когда-то в гимназии учила французский и немецкий языки, потом я сам взялся за учебники и словари – словом, марки мне дали очень и очень много и даже в значительной степени определили направления моего образования: сначала я окончил институт, связанный с иностранными языками, а потом институт, связанный с кораблями и дальними странствиями.

Остров Питкэрн

Впоследствии, когда я после войны вернулся в родной Ленинград, интерес к маркам как-то угас, но память сохранила многое, в том числе информацию о некоторых особо ценных марках, о которых я мог только мечтать, но которые были изображены в моем каталоге. И, пожалуй, самый большой интерес у меня вызвала серия марок страны под названием Остров Питкэрн. Меня поразило, что крохотный остров с населением в то время около ста человек выпускает свои почтовые марки, которые, естественно, пользовались огромным спросом у коллекционеров, реализовывались по заоблачным ценам, и много лет население острова жило в основном на средства от реализации этих марок.

Уже в зрелом возрасте, когда я начал писать книги, я более глубоко познакомился с историей острова Питкэрн, которая потрясла меня больше самых занимательных творений великого Жюль Верна. И сегодня мне пришла в голову шальная мысль подразнить вас, новоявленных коллекционеров, собирателей стран, которые вы посетили, и бросить вам лакомую косточку, заразить вас трудно осуществимой мечтой.

Короче, я решил обратиться к вам, честолюбивым открывателям новых земель, с вопросом: а что вы знаете об острове Питкэрн и почему он окутан ореолом морской романтики? Лично мне так и не

удалось там побывать, но зато в моей жизни был один великий человек, капитан дальнего плавания Арам Михайлович Оганов, Герой Социалистического труда (см. очерк «Жил отважный капитан...» в журнале «Чайка 19 марта 2020 г), который не просто посетил этот остров, но и привел туда огромный пассажирский лайнер «Михаил Лермонтов» с 600 туристами на борту и описал этот визит в своей книге «Капитанский час».

Арам Михайлович долго рассказывал мне об этом удивительном острове и даже показал мне те самые марки острова Питкэрн, о которых в детстве я мог только мечтать. Именно от капитана Оганова я услышал совершенно неправдоподобную, но подлинную историю, начало которой восходит к концу XVIII века.

Случилось так, что английские переселенцы в Вест-Индии обратились к своей королеве с жалобой, что они жестоко страдают из-за отсутствия хлеба. Королева Англии, которая всячески поощряла колонизацию новых земель, немедленно отреагировала на обращение своих подданных и приказала снарядить экспедицию по доставке в Вест-Индию саженцев хлебного дерева.

Нелегкую миссию поручили опытному морскому волку Уильяму Блау, капитану шлюпа «Баунти». Это был отличный моряк, имевший за своими плечами изрядный опыт плаваний в самых труднодоступных районах. В частности, он был участником одного из плаваний Джемса Кука. Но вместе с тем, Блай отличался чрезмерной жестокостью. За малейшую провинность он немилосердно наказывал матросов, а что касается офицеров, то за любые упущения он всячески унижал их, оскорблял их человеческое достоинство.

В декабре 1787 г шлюп «Баунти» отошел от берегов Англии и взял курс на Таити. За 10 месяцев плавания моряки в полной мере хлебнули все прелести флотской жизни того времени: тяжелый и опасный труд, плохое питание, а главное – жестокость капитана, которую испытали на себе не только матросы, но и офицеры. Тем не менее, плавание прошло благополучно и в октябре 1788 г судно бросило якорь у берегов Таити – острова с благословенным климатом, природой и населенного исключительно доброжелательными людьми.

За те пять месяцев, что шла заготовка и погрузка саженцев хлебного дерева, моряки тесно сблизились с местными жителями, причем некоторые моряки заключили с местными красавицами незамысловатые туземные браки.

Но вот настал скорбный день 4 апреля 1789 г, когда судно подняло якоря и отправилось со своим грузом в Вест-Индию. Кончилась райская жизнь на дивном острове, и снова – суровые морские будни, жестокие наказания и оскорбления капитана. Это продолжалось несколько недель, но утром 28 апреля Уильям Блай проснулся от того, что крепкие руки моряков сжимали его руки и грудь.

Так произошел беспрецедентный за всю историю мореплавания мятеж под руководством 23 -летнего лейтенанта Флетчера Кристиана, который больше всех из офицеров страдал от несправедливых нападков своего капитана. Тем не менее, он убедил мятежников не пачкать свои руки кровью, а отпустить Блая и его сторонников живыми, предоставив им небольшую шестиметровую лодку и запас пищи и воды примерно на пять суток, что, в общем-то, было равносильно смерти, поскольку до ближайшей цивилизованной земли было более 3000 миль, а у Блая не было ни навигационных карт, ни исправных приборов – только компас и поломанный секстан.

Но капитан Блай был не из тех, кто безучастно покоряется своей судьбе. Сразу после отхода от борта «Баунти» Уильям Блай установил жесточайший контроль над расходом припасов. Капитан раньше плавал в этих водах и знал, что практически на всех островах живут каннибалы, поэтому он категорически запретил подходить к какому-либо из островов, как бы плохо ни было с пресной водой и провизией.

На протяжении всего путешествия на грани жизни и смерти Блай вел кропотливую работу по составлению карты островов, которые они проходили, и по возвращении в Англию он опубликовал эту карту. Поэтому длинную цепь архипелага, которую в те времена называли островами Принца Уильяма, стали называть островами Блая – в честь первого европейца, который более или менее подробно изучил эти острова. Сегодня этот удивительный архипелаг носит название Фиджи.

Отважный капитан победил: ему удалось добраться до острова Тимор, преодолев на своем утлом челне 3618 миль и не потеряв ни одного человека. Оттуда он на большом корабле дошел до берегов туманного Альбиона, сразу же организовал карательную экспедицию, которая прибыла на Таити, быстро отловила всех мятежников, доставила их в кандалах в Англию, где состоялся суд и троих членов экипажа «Баунти» повесили.

Впоследствии о капитане Блае и о мятеже на его корабле были написаны десятки книг и научных, подчас противоречивых исследований, а также в разные годы вышли три художественных фильма, в одном из которых роль Кристиана Флетчера сыграл великий актер Марлон Брандо.

Отправив Блая и 18 спутников навстречу гибели, мятежники развернули шлюп и вернулись на Таити. Люди снова окунулись в счастливую безмятежную жизнь, однако на душе Кристиана было неспокойно – а что если Блаю удастся добраться до земли обетованной, тогда немедленно на Таити пошлют карательную экспедицию и всех мятежников будет ожидать казнь.

Большинство моряков предпочло остаться, но сам Кристиан и семь матросов устроили на «Баунти» пир, пригласив на него 20 местных

жителей – мужчин и женщин и, когда все в достаточной степени опьянели, приказал поднимать якоря и шлюп снова отправился в плавание. Задачей Кристиана было найти в безбрежном Тихом океане неприметный необитаемый остров, где мятежники могли бы надежно укрыться от возможных преследователей.

После долгих поисков такой островок под названием Питкэрн был обнаружен. С огромным трудом, преодолевая сильный прибой, судно вошло в тихую бухту, и колонисты начали свою новую жизнь. А корабль они немедленно сожгли по двум причинам: во-первых, чтобы его не увидели с проходящих мимо судов, а во-вторых, чтобы ни у кого не возникло соблазна сбежать с этого острова.

Так началась новая жизнь колонистов на необитаемом острове. Флетчер, ставший главой колонии, всех наделил земельными участками, общими усилиями построили жилища, высадили хлебные деревья и кокосовые пальмы, предназначавшиеся для переселенцев в Вести-Индии, высадили также крупы, бобы, батат и другие овощи, которые имелись в продовольственных запасах корабля, так что вскоре они начали получать богатые урожаи, пользуясь благоприятным климатом острова. Занялись беглецы также рыболовством и сбором съедобных корней.

Но мирная жизнь длилась недолго. Согласно легенде, туземная жена одного из белых моряков вскарабкалась на высокий утес, чтобы собрать птичьи яйца, сорвалась и погибла. Тогда новоявленный вдовец решил отобрать у туземцев другую женщину. В общем, как говорят французы, шерше ла фамм (ищите женщину). Началась бескомпромиссная война, в которой погибли все мужчины, кроме одного – матроса Адамса, который тяжело раненный укрылся в лесу. Там его отыскали женщины, выходили, и он стал их общим супругом.

Таким образом, все последующие поколения островитян – это потомки Адамса. Джон Адамс считался патриархом, решал споры, наказывал провинившихся, регистрировал браки и т. д. Адамс основал школу, в которой он обучал детей грамоте, приобщал к христианской вере, много рассказывал об Англии.

В 1808 г с американского китобойного судна, проходившего мимо неприметного, считавшегося необитаемым островка Питкэрн увидели огонь костра. Так моряки узнали, что на острове есть жизнь, но только в 1825 г туда пришел британский корабль. За давностью преступления Адамса уже не стали наказывать и он оставался на своем посту главного человека острова до смерти в 1829 г.

До сих пор островитяне боготворят своего прародителя, и в честь его назвали столицу Адамстаун. По существу, это крошечный поселок, где стоят несколько жилых домов, школа, клуб, почта, а также церковь адвентистов седьмого дня. В центре единственной площади Адамстауна установлен якорь с «Баунти», а чуть в стороне висит

корабельный колокол, который используется для оповещения населения в каких-то экстренных случаях (смерть одного из жителей, приход корабля и т. д.). Неподалеку установлена корабельная пушка.

В самой высокой точке острова врыт столб с указателями: до Южного полюса 15 291 км, до Лондона 14 821 км, до Нью-Йорка 9322 км, до Парижа 15 127 км. Регулярно на Питкэрн приходят суда, доставляющие почту и снабжение из Новой Зеландии и Австралии.

Сегодня население острова составляет порядка 50 человек. Все они проживают в своей столице Адамстаун. И, естественно, Питкэрн является весьма привлекательным объектом для морских романтиков, любителей экзотического туризма.

Зимой 1983 г в программу круиза пассажирского лайнера «Михаил Лермонтов», которым командовал капитан А.М. Оганов, было включено посещение острова Питкэрн. До этого рейса туристы здесь бывали крайне редко – на острове нет удобных бухт для захода судов и высадки пассажиров. Более того, для такой высадки не годились даже катера и шлюпки самого лайнера – можно было пользоваться только примитивными лодками местных жителей, которые они сами строят своими силами и называют их long boat, так что предприятие, связанное с посещением Питкэрна, было весьма рискованным.

Разумеется, визит огромного, роскошного лайнера, был для островитян великим праздником. Все жители до единого побывали на этом судне. На своем неповторимом англо-туземном языке они взахлеб рассказывали нашему экипажу и туристам о необычной истории острова, явно гордясь своим происхождением. Между тем, в одном из салонов обсуждался вопрос об организации высадки туристов на берег.

Дело в том, что за многие годы на острове сложилась определенная технология захода в бухту, поэтому тут можно было использовать только «лонг-боуты» под управлением местных мореходов. Как заявили островитяне, лодка должна быть строго определенной длины, чтобы она могла проскочить мель на гребне волны. Несмотря на опыт многих поколений местных мореплавателей, риск опрокидывания лодок был очень велик, тем более что, как правило, туристы, участвующие в морских круизах, – это пожилые люди и многих из них приходилось переносить в лодки буквально на руках.

К счастью, эта уникальная транспортная операция прошла благополучно благодаря отменной погоде и мастерству местных «штурманов». К сожалению, лодок было явно недостаточно для высадки на берег всех людей, поэтому остров посетили только пассажиры, да и то не все – часть туристов преклонного возраста отказалась от излишнего риска -, а из экипажа только считанному количеству людей посчастливилось побывать на берегу.

Во время затянувшейся беседы Арам Михайлович достал из шкафа удивительный свиток, обернутый в пальмовый лист и перевязанный желтой ленточкой. Осторожно развернув свиток, я увидел, что это план города Адамстауна, который в обязательном порядке вручают всем туристам, побывавшим на острове Питкэрн. Чёрные точки на плане - это жилые дома.

Надписи рядом - либо имена домовладельцев, либо функциональное назначение здания (Store/Generator/Doctor). Красным цветом обозначена единственная заасфальтированная дорога, ведущая от пристани до единственной в городе площади, которая без затей так и называется the Square. Звёздочками обозначены общественные туалеты, а красными крестами — аптечки.

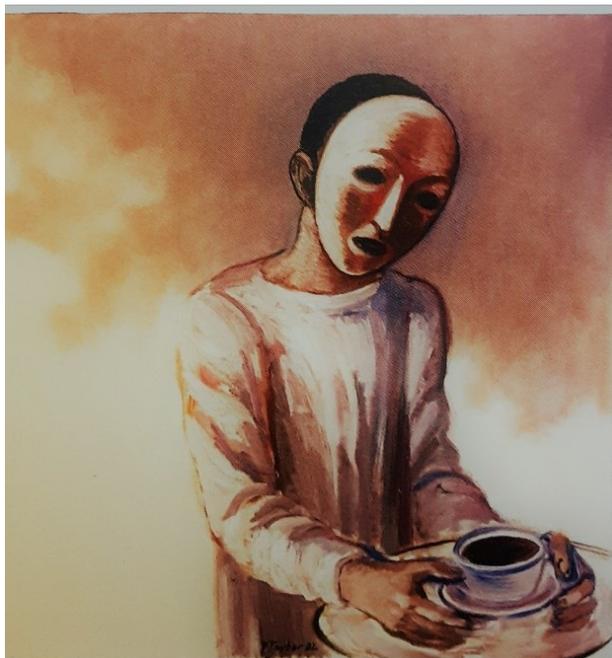
Уже прощаясь, Оганов задумчиво сказал: «Я, как говорил Маяковский, земной шар чуть ни весь обошел, но более удивительного уголка планеты, чем остров Питкэрн, я не видел, и мне очень грустно от сознания, что больше никогда там не буду».

И сегодня я с полной ответственностью могу обратиться к вам, уважаемые покорители новых земель, стран и континентов: если вы хотите совершить самое незабываемое и труднодоступное путешествие своей жизни — отправляйтесь на остров Питкэрн.

В настоящее время есть туристские фирмы, которые организуют туры по Океании с заходом на Питкэрн, ну а если вы хотите добраться туда в индивидуальном порядке, — нет ничего проще: из Москвы можно долететь до острова Таити с посадками в Дубаи, Брисбене и Окленде (это примерно 30 часов в воздухе), а из Таити на пароходе до Питкэрна — это еще полтора дня.

А если лететь из Нью-Йорка, то нужно на перекладных, с несколькими пересадками и остановками, добраться до Новой Зеландии, а оттуда четыре раза в месяц на Питкэрн ходит маленький парходик, рассчитанный всего на 12 пассажиров, так что достать на него билеты практически невозможно. Во всяком случае, вернувшись, вы можете смело доложить своим соперникам-путешественникам, что не только побывали на самом удивительном, самом таинственном острове, но и проделали труднейший путь к этой земле, затерянной на обочине безбрежного Тихого океана.

Часть 12. Проза

Павел Тайбер. Чашка кофе

Яков Ратманский

Кливленд, США

Три рассказа

Мы познакомились, когда она была совсем маленькой. Вечером мы все пошли ужинать в ближайший ресторанчик, которых в Нью-Йорке полным-полно на каждом шагу. По дороге я пытался вести с ней светскую беседу. Она не пряталась за мамину спину, спокойно давала мне ручку и даже отвечала на мои глупые вопросы. В конце вечера она посмотрела в мои глаза и спросила:

- А почему ты меня не целуешь? И вот уже при первом знакомстве я должен был искать правильный ответ.

Вскоре я вновь приехал в Нью-Йорк. Мы сидели на диване, и она издевалась над остатком волос на моей голове. Потом принесла маленькое зеркальце. В нем отражался не я. Увидев ее ироничный взгляд, я миролюбиво произнес:

- I know, you are the best hair maker in the city. Она ответила по-русски:

- Это неправда! - Я понял, что она не воспринимает лесть, что обычно детям не свойственно. Она просто маленькая взрослая. Хотя лесть любят все, даже взрослые.

Однажды все вместе мы отправились в Мексику. Развлечений было много и одно из них – подводная река. В полном плавательном снаряжении мы ринулись ее покорять. Я, взрослый тренированный дядя, на конечном отрезке покорения почувствовал усталость. Всеплыли впереди, а мы с маленькой леди барахтались сзади и уже перестали надеяться на свои силы, чтобы добраться к конечной точке, а надеялись лишь на течение реки. Я подплыл сзади и приставил свои ладони к пяткам девочки. Потом еще раз и еще. Наконец-то долгожданный берег. Мы переоделись и пошли по дорожке. Она держалась за мамину руку и была счастлива, что путешествие закончилось. Вдруг она освобождает руку и идет ко мне. И этот ребенок произносит:

- Спасибо тебе.

Я спросил:

- За что?

- За то, что ты мне помог. - Она сказала это так, что сразу защемило сердце, настолько это было трогательно и искренне. До сих пор помню это непередаваемое чувство.

Я вглядываюсь в ее фотографию. Какая она красивая! И знаю, что и внутри тоже.

Я очень ее люблю.

Женщина

Она сидела у фортепьяно и аккомпанировала певице. Такой рабочий момент мы застали. Меня затащил в этот клуб её родственник, который хорошо меня знал и почему-то вдруг решил нас осчастливить. Я вжимался в свою тень, пытаюсь скрыть потертости и пятна машинного масла на своих брюках и четко осознавал, как был нелеп в этой ситуации. Съездить домой, чтобы сменить одежду, времени не было. У неё репетиция и моя работа заканчивались почти одновременно.

На ней была очень красивая одежда, я потом понял, что обычная, но точно соответствовала облику. На лице легкий макияж, приятная улыбка и пронизывающий взгляд огромных глаз. Отступать было поздно. Пианистка и слесарь-механик пожимали друг другу руки. Я ощущал в своей ладони тонкие нежные пальчики, которые только что извлекали музыку из деревянного чудовища в углу комнаты. Раньше я видел такие руки далеко, на сцене, за специально купленные билеты, а сейчас держал их в своих ладонях. Я медленно таял как жир на сковороде, а она смотрела на меня как Северный Полюс на Папанина.

Чтобы разгадать друг друга, мы поженились.

Вставал я рано. Она уже готовила завтрак. На лице макияж и легкая улыбка. Ради этих нескольких черточек вокруг глаз, она вставала чуть свет. Без этого я не имел права в них смотреть. Так она считала. Мне было всё равно. Ей нет.

Каждый вечер она принимала ванну и удаляла с лица весь пейзаж. Я ждал её в постели. Она ныряла туда в темноте и там уже было не до макияжа.

Когда мы счастливо дожили до среднего возраста, она прилюдно призналась, что чем больше меня узнаёт, тем больше положительного во мне открывает. Я тоже прилюдно ответил, что она как была для меня загадкой, так ею и осталась.

Годы делали своё дело. Мы только что возвратились из отпуска. В свои 70 лет она была так же прекрасна, как и в 20, кроме каких-то невидимых элементов внутри, не совместимых с жизнью, как оказалось. Я вез её в госпиталь с нехорошими предчувствиями. Она

собиралась медленно. Потом попросила свою сумочку. Я дал. Она вынула оттуда помаду и начала подкрашивать губы.

-Что ты делаешь? У тебя даже разговаривать сил нет!

- Ты меня не понимаешь, - спокойно сказала она.

Мы не опоздали. «В гости к Богу не бывает опозданий». Домой она не вернулась. Почти сутки без сознания. Ресницы и губы аккуратно подкрашены.

Ушла тихо, забрав с собой и мою жизнь.

Я так и не увидел её без макияжа. Такая она на портрете у моей постели.

Санька

Приближалась последняя сессия перед защитой диплома. Мы кучковались небольшими группами и зубрили всё, что можно вызубрить. В один из таких дней у нас дома собралось человек пять или шесть. Помню, что зубрили физику, орали громко, до сих пор не понимаю зачем. Под ногами крутился Санька, бегал по комнате, иногда останавливался, рассматривал нас, ненормальных, своими умными глазенками, внимательно слушал и убежал, напевая песенку на непонятном языке. Ему было тогда чуть больше трёх лет. Феноменальная память собирала кучу ненужной информации, и, когда появлялась возможность, он, как знаменитый попугай Кеша, выдавал всё что слышал по телевизору или копировал нас. Мог, например, слово в слово пересказать репортаж футбольного матча, проходившего неделю назад.

Помню, пришла какая-то родственница, пощипала его, аппетитного, и спросила, тербя за щеки:

- Отчего ты такой умненький?

Санька постучал кулачком по своему темечку и уверенно произнёс:

- Тухес!

Перепутал малость. Мы все захлебнулись от смеха.

В перерыве между зубрёжкой я, пытаюсь разобрать хоть слово из его песни, спросил:

- Что ты непонятное поёшь?

- Ты разве не знаешь? Это же Мамурлану пинч уна гин.

- Что? – оторопели мы все. – Где ты это слышал?

Санька побежал к магнитофону, привычно вставил большую бобину и нажал кнопку. Магнитофон запел: «Мамурлану пинч уна гин». Какие-то иностранцы, подыгрывая себе на банджо, четко выговаривали эти слова. Мы умирали со смеху, когда Санька пропел всю эту чушь до конца. Не знаю, кто принес нам эту бобину, но Санька знал её всю наизусть.

- Не понимаю, как ты запоминаешь? Там ведь есть записи на французском, английском, итальянском.

Санька смотрел на меня, явно не понимая вопроса. Для него существовал всего один язык, только слова у песен разные. Нам бы такую память, хотя бы на время экзаменов!

Мы тогда даже представить не могли, что ребенок не только бегал по комнате с этой дурацкой песенкой, но еще и подслушивал наши разговоры.

В воскресенье мы всей семьёй отправились на пляж. Пешеходного моста ещё не было, и на левый берег Днепра ходил паром. Его называли «Лапоть» из-за абсолютного сходства с домашней тапкой. Огромная палуба со скамейками по бортам походила на подошву, а невысокая рубка, откуда капитан управлял судном, – на место для пальцев ноги. Мы купили билеты и уселись на скамейке. Санька устроился на корме.

Кораблик задрожал, матрос сбросил швартовые с кнехта, как говорят матросы, «отдал концы». Вода забурлила, и мы отчалили от пирса. Вдруг Санька закричал:

- Папа, папа!

Я испугался и бросился к нему. Все пассажиры повернули головы в его сторону.

- Что случилось? Ты ударился?

- Посмотри, какая турбулентность! – сказал он, показывая пальцем на бурлящую воду за кормой.

Все, кто это слышал, раскрыли рты и уставились на ребёнка. Я тоже, потому что не мог вспомнить, произносил ли когда-нибудь что-то подобное. Санька оглядел всех, пожал плечами и спросил:

- Вы что, никогда не видели, как ламинарное течение переходит в турбулентное?

Инженерный диплом, в итоге, выдали мне, что совершенно несправедливо.

Игорь Кощев

Магадан, Россия

Трамвай Желание 2020 (дебют)

Моей доче

Она ненавидела его. Она ненавидела себя. Она ненавидела два последних года, которые встречалась с ним. Как в тумане, она сбежала по ступенькам лестничных маршей. Лифт вызывать не стала. Десятый этаж, девятый, восьмой...

Незастёгнутое стильное лёгкое пальто, небрежно накинутый кашемировый шарф, немного растрёпанные длинные волосы - её сборы на выход были поспешны и недолги.

Сегодня исполнилось два года, как они познакомились. Два года назад, 29 декабря, она встретила Андрея. В канун своего самого любимого праздника. И вот только что она осталась без него и, судя по всему, уже и без любимого праздника. По крайней мере, на ближайший год.

С силой распахнув дверь подъезда, она остановилась на крыльце.

Поздний зимний вечер был на своём пике. Людей на тротуарах уже нет, залитая светом уличных фонарей, проезжая часть так же пуста, а на небольшой парковке вдоль дома, машины прижаты друг к дружке, как плиты в пирамиде Хеопса: лезвие бритвы не просунешь между.

Осмотревшись, она поёжилась от мороза, и, запахнув пальто, достала из висящей на плече сумки телефон. Телефон включился и, предварительно предупредив, что заряд батареи слишком мал, сразу погас. Пауэрбанк, конечно же, забыла на работе. Убрав телефон, она достала кошелёк: в нём сторублёвая купюра, какая-то мелочь и двухдолларовая банкнота, подаренная когда-то кем-то «на счастье».

Такси не вызвать - банковские карты уже год как в смартфоне и вся оплата проходила через него, ловить «бордюрщика» - сто пятьдесят рублей минимум до ближайшей станции метро. А в метро на что? Попрошайничать возле кассы в пальто от GUCCI? Да, копила она на него почти год, но кто знает об этом?

Маршрутки ходили по какой-то соседней улице. Какой – она не знала, в какую сторону до неё идти – тоже не представляла. Приезжая к нему в гости, от метро она всегда добиралась на такси, которых было в избытке на парковке рядом со станцией. Обратно – вызывала машину через inDriver.

Одно она знала точно - по этой улице ходит трамвай. Она его даже видела пару-тройку раз. Остановка находилась недалеко от подъезда и, подъезжая на такси, она порой наблюдала картину, как пассажиры, в основном – школьники и пенсионеры, формируют броуновское движение городских общественных перевозок.

Но сейчас остановка была совершенно пуста и это ничего хорошего не предвещало. Безлюдность остановки практически всегда означает только одно – твой трамвай только что ушёл. А с её везением на сегодня – скорее всего он был ещё и последним.

На фонарном столбе на высоте метров трёх висело расписание. Местные Робин Гуды постарались на славу, и весь центр расписания оказался залеплен следами от выстрелов снежками метких малолетних сорванцов. Так что разглядеть интервал движения и время прибытия последнего трамвая было невозможно. Хорошо, хоть видны номера маршрутов и названия конечных остановок. Всего два маршрута: «пятёрка» и «девятка». Не густо. Ага, у «пятёрки» конечная – это как раз станция метро. А «девятка» поворачивает через квартал и идёт совсем в другую сторону. Будем ждать «пятёрки».

Метрах в пятидесяти из-за поворота неожиданно появилось такси. Торопливо шагнув на дорогу, она вытянула руку. До станции метро водителю объявляет ценник в 200 рублей.

- Подождите секунду, - она, не захлопывая дверь авто, торопливо достала из сумки кошелек, вытащила бумажную «сотку» и начала пересчитывать мелочь.

Где-то недалеко от них по ходу движения такси на дрогу под фонари вынырнула пара: парень и девушка. Завидев такси, парень начал активно махать руками и свистеть, стараясь привлечь к себе внимание. Водитель, не дожидаясь, пока она закончит подсчёт своих «медяков», медленно тронулся прямо с открытой дверью в сторону парня с девушкой.

- Да ладно, - словно не веря глазам, почти прошептала она, зажав отсчитанную мелочь в кулачке, и обречённо заключила. – Это фиаско, братан!

Сегодня 29 декабря, до Нового года два дня, она только что разругалась и рассталась с Андреем, телефон сел, денег наличных нет, она в незнакомом районе, транспорт уже не ходит, вот-вот закроется метро, до которого ещё надо умудриться как-то добраться. И только что уехало, наверное, последнее такси на этой улице в ближайшие часы восемь.

- Давно стоите?

Она и не заметила, как сзади подошла бабуля. Выглядела та, как сотни других бабуль, которых можно встретить в маршрутках. Ни «здрасьте» тебе, ни «простите, что отвлекаю». Этакие завсегда и постоянные тусовщицы, как остановок общественного транспорта, так и самого оного. И если их убрать, то остановки без них как-то сразу обезлюдят и обеднеют на события. Ей иногда казалось, что они разъезжают на всех этих трамваях, троллейбусах, маршрутках, не по причине какой-то надобности, а от безмерного наличия свободного времени. Как девицы насыщают ночные клубы, в которых проход до 23-00 для девушек бесплатный, так бабули насыщают линии общественного транспорта. Проход бесплатный.

- Минут пять, - буркнула она в ответ.

- А «девятый» проходил? – бабуле явно требовалась дополнительная информация.

- Нет.

- А вам какой нужен? – видимо, для комфортного времяпрепровождения на остановке бабуле требовался ещё и собеседник.

- Пятый.

- И мне тоже.

Бабуля, да ты огонь.

Из тёмных недр ближайшего двора вынырнул дядечка, возрастом ближе к полтиннику, в кожаном пальто с меховым отворотом и нелепой для декабря красной фетровой шляпе. Осмотрелся по сторонам, видимо, был не здешним и, сверившись со своим внутренним навигатором, расположенным где-то под красной шляпой, уверенным шагом направился к остановке. Ни на кого не обращая внимания, он прошагал мимо них к столбу с расписанием, задрал голову, придерживая одной рукой шляпу, чтобы не свалилась, уставился в него, силясь что-то рассмотреть на таблице. Но меткий выстрел оболтуса из окрестного Шервудского леса, полностью исключил положительный исход этой затеи. Всё ещё силясь что-то разобрать и не отрывая взгляда от расписания, он, не обращая ни к кому конкретно, спросил:

- «Пятёрка» была?

Она никогда не принимала подобные вопросы в свой адрес и не считала нужным реагировать на них, считая, что коли хотят услышать что-то от неё лично, пусть и обращаются к ней. Тем более, рядом находилась охочая поточить лясы бабуля. Вот пусть теперь отдувается за двоих.

К её удивлению, бабулька тоже по-партизански молчала.

- Была «пятёрка», спрашиваю? – дядечка, видимо понял всю безнадёжность попытки разглядеть хоть что-то на таблице со следом от снежка в самой «десятке» и повернулся к дамам.

- А ты у кого спрашиваешь, Красная Шапочка?

Бабуля, да ты реально огонь. Она восхитилась смекалистости бабульки. Ей такое сравнение в голову даже не пришло.

Но дядечка, видимо, уже не первый раз сталкивался с подобным троллингом, поэтому среагировал совершенно спокойно:

- У кого, у кого. У вас.

- А-ааа, а я уж думала, ты со столбом разговариваешь, милый человек. Зомбоящик, знаешь, как последнее время на людей влияет...

- то ли утвердительно, то ли вопросительно сокрушалась бабуля, и было непонятно, то ли совершенно серьёзно, то ли прикидывается и просто стебёт пассажира в смешной красной шляпе. - Не, не было «пятёрки». Сами ждём.

Из темноты сквера, расположенного на противоположной стороне улицы материализовалась мужская фигура. За неимением других движущихся объектов, глаз зацепился, и девушка стала наблюдать за её передвижением. Мужчина споро, но без излишней торопливости, направился в их сторону. Держа руки в карманах короткого, явно дорогого шерстяного пальто, он уверенно двигался именно к ним. Когда он попал в зону лучшего освещения, она идентифицировала фигуру как молодого человека лет около тридцати. Пальто не застёгнуто, под пальто - серого цвета свитер «с горлом». Без шапки, но со стильным длинным шарфом, который несколько раз окутывал его шею и один конец которого висел спереди, второй немного пижонски закинут за спину. И пальто было GUCCI. Она не шибко разбиралась в брендах, особо за ними никогда не следила, но эту модель хорошо знала и могла отличить от сотен других, даже увидев на человеке, который находился ночью на противоположной стороне улицы. Именно эту модель она выбрала в качестве подарка Андрею на сегодняшнюю годовщину знакомства. Вместе со своим, она купила такую модель ему в подарок. Не смогла удержаться, увидев на рекламной фотографии парня и девушку, стоящих в таких пальто где-то на узких пустынных улочках итальянского города. Ей так захотелось, чтобы она с Андреем так же смотрелись вместе, когда будут гулять на Рождество. Но подарок остался лежать в коридоре его квартиры в пакете, оставленном на входе. Она не успела его даже вручить, а забирать с собой посчитала ниже своего достоинства.

Молодой человек, видимо, где-то поблизости жил, и после выхода из сквера осматриваться на местности ему не требовалось. Он целенаправленно двигался в сторону остановки, на которой уже собралась небольшая компания.

- Здравствуйте, Юля, - сказал он, подойдя к остановке, и улыбнулся.

Юля открыто и с интересом посмотрела на незнакомца. Похоже, он только вышел из помещения - уши ещё не успели покраснеть. Только кончик носа немного розовел. Он не ёжился от декабрьского морозца, лишь руки держал в карманах пальто. Она внимательно, но не навязчиво стала разглядывать его лицо. Так разглядывают, пытаясь выловить из памяти информацию о человеке. Показывая собеседнику, которого ты, вроде бы никогда раньше не встречал, что подожди, я вот-вот узнаю тебя. А тем временем бешено тасуешь мысли в голове: кто это? где могли пересекаться? учились вместе? работали в одной конторе? познакомились в Турции? были соседями по универсской общаге?

Но сейчас у неё не было настроя долго напрягать свою память. Максимум через десять секунд плотного рентгена, она сделала для себя вывод, что совершенно не помнит, откуда она может знать этого человека.

- Мы знакомы? - она спросила напрямую.

- Нет, - совершенно спокойно и не отводя взгляда, ответил молодой человек.

- Тогда откуда вы знаете, как меня зовут? - она попыталась привнести в голос нотки металла, но из вежливости, пока не самого твёрдого и закалённого.

- Это моё любимое имя. И... - он заговорщицки прищурил глаза и кивнул в сторону сумки, что висела на сгибе её локтя.

Юля наклонила голову.

Большой, украшенный стразами, брелок в виде буквы «Ю» был прицеплен к ручке и предательски переливался в лучах уличных фонарей всеми своими стеклянными гранями.

- Вряд ли вы Юнона и уж тем более, Юрий.

Как она забыла про него? И ведь не первый раз её имя вычисляли по этому брелоку, она даже привыкла, когда на улице слышала что-нибудь типа «девушка, а вас Юля зовут?». Она уже знала, что эта информация получена от брелока. А вот сейчас оказалась не готова.

Наклонив голову, Юля смотрела на сияющий любимый брелок и не сразу заметила, что улыбается.

- Могу я для вас что-нибудь сделать? - неожиданно спросил молодой человек.

Станный вопрос от незнакомца. Вопрос стёр улыбку с лица и заставил её несколько напрячься.

- Нет, - холодно, но в то же время тактично ответила Юля.

Она оторвала взгляд от брелока и стала смотреть в другую сторону от молодого человека. Вопрос про «что-нибудь сделать» Юле не понравился, но демонстративно поворачиваться спиной к нему не

хотелось, она посчитала, что тот должен и так понять: продолжать разговор она больше не настроена.

На их стороне остановки повисло молчание. Оно не было ни ловким, ни неловким. Просто молчание. Юля заставляла себя не думать об этом немного странном незнакомце. Её мысли постепенно стали снова наполняться недавно происшедшей размолвкой с Андреем.

На другой половине остановки, где-то позади них, бабушка с дядечкой уже нашли общую тему и, негромко перебивая, что-то усердно доказывали друг другу.

- Юль, – неожиданно произнёс незнакомец таким голосом, будто провёл в казино всю ночь, а под утро решил все оставшиеся фишки поставить на 13 чёрное. – Я должен признаться вам. Только, пожалуйста, не проболтайтесь никому, - незнакомец картинно поднёс указательный палец к губам. – Я – самый всамделишный волшебник. Точнее, должен им стать через два дня. А сейчас у меня экзамен.

- И в чём он заключается? – поворот для флирта был несколько неожиданный, и Юля решила поддержать беседу, потому как мысли о размолвке с Андреем давили и сковывали её.

- Сделать вас счастливой, - как-то по-будничному сказал незнакомец. Словно действительно, сплошь и рядом подобные задания попадают в экзаменационных билетах.

Не сказать, чтоб она опешила, но было достаточно неожиданно.

Юля посмотрела на незнакомца и вдруг начала понимать, что его глаза начинают затягивать её.

- Это такие задания нынче в экзаменационных билетах волшебников?

- Да.

- Почему меня? Я вполне счастлива. Сделайте счастливой лучше вон ту бабушку, - Юля поворотом головы показала в её сторону. - Я думаю, ей нужнее.

- Нет, - незнакомец слегка пожал плечами. - Задание – сделать именно вас. Никого другого.

- Интересно, а как вы собираетесь это осуществить? – Юля решила включиться в игру. - Если мне, например, для счастья требуется, чтобы сосед снизу свой перфоратор, которым обожает работать по утрам каждую субботу, себе вставил в ..., ну вы понимаете о чём я. То вы это, трах-тибидох и готово? Вернусь я домой, а там – «скорая» возле подъезда? Ржущие санитары с носилками и причитающая на весь двор жёнушка?

- Ну, Юля, - снисходительно улыбнулся молодой человек. – Это же пошло, - он слегка пожал плечами. - Нет, увечья людям не наносу. Членовредительство – это не ко мне. «Тёлок» не увожу и не возвращаю, на «этих козлов» никаких болезней не насылаю...

Незнакомец явно собирался продолжать подобные примеры, но Юля его прервала:

- Всё-всё-всё, я поняла, - она выдержала для проформы совсем коротенькую паузу. - Тогда можете наколдовать миллион долларов, яхту, квартиру на Манхэттене и сделать меня первой леди, ну, или, на худой конец, королевой Англии?

- Нет, Юля, не могу, - вздохнул незнакомец. - Как я объясню ваше появление на троне принцу Чарльзу? Он уже лет пятьдесят каждое Рождество упорно шлёт письма Санте с одним единственным желанием - стать королём. Верит же, бедолага, до сих пор. Окочурится, если узнает, что вы влезли в порядок наследования британского престола. Вам двадцать шесть, а ему уж за семьдесят. И счастливой на аглицком троне вы, смею вас уверить, не будете. Да желание должно быть желанием, а не мечтой.

Возраст он её назвал точно. Ей было двадцать шесть и она находилась на равном расстоянии от того дня, когда ей исполнилось двадцать шесть и до того, когда наступит двадцать семь. Но Юля не заметила или сделала вид, что не заметила такого точного попадания. Беседа с молодым человеком становилась занятной и отвлекала от ожидания трамвая и мыслей о размолвке.

- Дайте тогда подумать, - она посмотрела немного вверх, куда-то в район оранжевых фонарей на другой стороне улицы. - Может что-нибудь из разряда «воду в вино»? – с немалой долей подначки через несколько секунд хитро спросила Юля.

- Нет, конечно. Ну, вы же понимаете, - ответил незнакомец, и как показалось Юле, даже с некой укоризной. - Это же совсем иной уровень. Уловами сети рыбаков наполнять, зрение возвращать, пятью хлебами толпу накормить - я не в состоянии. Да и рыбалку, признаюсь, как-то с детства не люблю. Разве что, зимнюю. С этого уровня изредка могу, разве что, по воде погонять. Но это так, ради баловства. Это совсем не сложно. Каждый может. Даже ребёнок. Просто надо знать технику и законы физики. Могу, если что, научить.

- А-аа м-мм, - Юля вдруг уловила, что она хочет спросить, - возможно ли это?..

Именно спросить, потому что не знала, хочет ли она исполнения такого желания. Но в голове всё никак не получалось правильно сформулировать этот вопрос.

Незнакомец смотрел на Юлю в ожидании. Он перестал улыбаться и, не дожидаясь, грустно ответил на так и не сформулированный и не заданный Юлей вопрос:

- А ещё я не могу мальчика Андрея заставить полюбить девочку.

Имени девочки он не назвал, но этого было и не нужно. Было достаточно Андрея.

Юля пристально посмотрела на незнакомца. Кто же ты?

- Я придумала, - неожиданно даже для себя, вдруг выдала она. - Наколдуйте, чтобы сейчас из-за угла появился трамвай. Хоть это вы можете?

- Это могу. И вы будете счастливы?

- Да, даже очень.

- Хорошо. Досчитайте до десяти - и он обязательно появится.

- Что, так просто?

- Ну да, - незнакомец опять слегка пожал плечами. – Чудо должно быть простым.

Считала она медленно, вслух, специально давая шанс то ли молодому человеку, то ли трамваю, прекрасно понимая, что никакой трамвай ни откуда сейчас не появится. На цифре «восемь» где-то за углом протрезвонил трамвай и через несколько секунд выкатился из-за поворота, осветив улицу тёплым жёлто-оранжевым светом. Трамвай был какой-то старой модели, ей казалось, что их давно уже сняли с линии. Она уже и забыла, когда такой видела в последний раз. Нет, он, конечно, не был из тех, на подножках которого в старых фильмах катаются безбилетники, но лет пятнадцать ей такие точно в городе не попадались.

Не веря глазам, Юля заворожено наблюдала, как к ним приближалось только что загаданное ею желание.

Но тут на картонке с номером маршрута, выставленной со стороны лобового стекла, она увидела нарисованную с помощью трафарета цифру 9.

- Вы, наверное, в своём Хогвардсе двоечником были. Это не мой. Мой «пятый», а это «девятка».

Незнакомец как будто на мгновение даже смутился, но улыбаться не перестал. На секунду оглянулся посмотреть на приближающийся трамвай и снова повернулся к Юле. Всё та же самая милая, едва заметная улыбка. И глаза. Глаза, которые хочется спрятать в маленькую коробочку и носить с собой где-то за пазухой в каком-то потайном кармашке. А вечерами, когда никого рядом нет, забравшись с ногами на диван, доставать её, медленно открывать крышку и...

От этого взгляда Юля на какое-то мгновение решила, что цифра на табличке прямо на её глазах сейчас изменится.

Она снова посмотрела на трамвай. Этого не может быть: на табличке цифра 9 медленно превращалась в 5.

Но слегка встряхнув головой, Юля усмехнулась своей наивности, конечно же, никакого превращения не произошло, и девятка так и осталась девяткой. Но голову посетила другая мысль. Может быть, если сейчас моргнуть, то за это время номер на табличке волшебным образом изменится. Она моргнула. Специально растягивая процесс моргания, как минуту назад во время счёта, она держала глаза закрытыми подольше, чтобы дать цифрам время на незаметную для

неё трансформацию, и за это время номер волшебным образом должен измениться.

Открыв глаза, Юля увидела всё ту же самую приближающуюся девятку.

Она смеялась над собой. Ну, ты реально дура. Ну, появился трамвай во время счёта. Так его просто давно не было. Мог появиться в любой момент. Совпадение. Случайность. А ты уже приготовилась к чудесам. Дурочка наивная.

- Провалили вы свой экзамен, молодой человек, - заключила весело, но с каким-то едва уловим расстройством, Юля. – Садитесь, два!

При этих её словах трамвай со скрежетом начал тормозить, пытаясь остановиться. Со скрипом и стоном он замер таким образом, что передние двери оказались напротив Юли и незнакомца. С лязгом тюремных запоров они резко распахнулись и выпустили из салона немного тёплого и домашнего света, который мгновенно окутал молодых людей.

Водитель, пожилой мужчина с седой окладистой бородой, явно пенсионного возраста, повернулся, внимательно осмотрел лукавым взглядом всех ожидающих на остановке. После «мхатовской» паузы он вдруг улыбнулся «до ушей» и громко произнёс:

- Идём по «пятому» маршруту!

И как-то скромно, почти извиняясь, добавил:

- У меня просто таблички с пятёркой нет.

Бабуля и дядечка, бубня себе что-то под нос, подорвались с места в карьер, стараясь наперегонки заскочить в открытые двери.

Юля не хотела уходить, она чувствовала, что этот тёплый свет из салона создаёт ауру, внутри которой было так комфортно стоять, смотреть в глаза незнакомцу и ощущать себя частью маленькой предновогодней сказки про исполнение желаний и волшебный полуночный трамвай.

Водитель что-то понажимал, подёргал вокруг себя какие-то рычаги, раздался громкий дребезжащий звук, после которого он снова повернулся к дверному проёму:

- Девушка, мы сейчас тронемся. Вы тронетесь с нами или пешком?

- Как тебя зовут? – не надеясь на ответ, спросила Юля.

Он в ответ снова лишь слегка улыбнулся:

- Тебе надо ехать. Скоро метро закроют. А у тебя ещё две пересадки.

Две пересадки. Да, именно две. Но откуда он знает про это, ей уже и не хотелось спрашивать. И ещё она только сейчас заметила, что у него не идёт пар изо рта. У неё идёт, она даже для контрольной проверки тихонечко незаметно выдохнула. А у него нет.

Напоследок ещё раз нырнув в его глаза, она отвернулась и молча, не оглядываясь, прошла в салон трамвая. Достала из сумки кошелек, отсчитала без сдачи мелочь за проезд, расплатилась и устроилась у окошка на ближайшее место от входа. В салоне было очень тепло, и она моментально согрелась.

Водитель как будто никуда уже и не торопится, он то ли пересчитывает деньги, то ли раскладывает их по каким-то отделениям в коробке. Она посмотрела на улицу. Молодой человек стоял на том же месте и смотрел на неё.

Оконное стекло трамвая в её воображении превратилось в экран смартфона, на котором появился «рабочий стол» с множеством иконок различных приложений. В поисках нужного, она стала перелистывать пальцем страницы прямо по окошку. Нашла приложение фоторедактора, пальцем активировала его иконку и открыла меню. Из предлагаемых картинок выбрала изображение красного колпака и длинной белой бороды. Пальцем вывела их из каталога и начала примерять бороду с колпаком к улыбающемуся с той стороны стекла лицу незнакомца, как девочки примеряют тигриные ушки и кошачий носик к своим селфи.

Молодой человек стал выглядеть очень забавно, и она улыбнулась.

- Ну что там, скоро поедет? – недовольный голос Красной Шапочки словно разорвал эту волшебную ауру.

Тут же трамвай немного натужно дёрнулся, ещё раз протрезвонил, и все, как и обещал водитель, тронулись.

Борода и колпак «заплясали» на лице незнакомца и начали съезжать влево.

Ей было тепло и уютно в этом стареньком скрипучем трамвае, и она почувствовала - следующий год будет самым лучшим в её жизни. Она вдруг поняла, что счастлива.

- Пока, молодой дед. Экзамен сдал. До встречи через два дня.

Елена Литинская

Нью-Йорк, США

Искушение

В то доковидное, золотое время я руководила Бруклинским клубом русской поэзии. Проводила сольные и коллективные литературно-музыкальные программы в районных библиотеках и делала это с любовью и даже энтузиазмом. Приглашала местных и приезжих поэтов, прозаиков, музыкантов, певцов и бардов. Собиралась интеллигентная русскоязычная публика, в основном, среднего и старшего возраста. Желающих выступить в моём клубе было много. Я старалась выбирать лучших, чтобы не подпортить репутацию наших литературных «сборищ». Принимала заявки далеко не от всех пишущих.

В нашем клубе среди публики были в основном завсегдатаи. Иногда появлялись новые лица.

Однажды я получила емейл от незнакомой женщины, которая, назвавшись Тамарой Х., сообщила мне, что пишет стихи и хотела бы выступить у меня в клубе. Она также добавила, что хорошо знакома с компьютерной графикой и может быть мне полезна при составлении афиш и листовок. Тон её письма был далеко не навязчивым, скорее, скромным. Я поблагодарила Тамару и не замедлила попросить о помощи в дизайне афиши для очередной программы, так как была загружена другими делами, да и не очень любила возиться с компьютерной графикой. (Компьютерная графика – не моё призвание. И, хотя я делала ежемесячные афиши и листовки, они были просты, чтобы не сказать примитивны.) Тамара охотно согласилась мне помочь и прислала афишу прекрасного дизайна для запланированной программы. Я обрадовалась и пригласила её в наш клуб – для начала в качестве зрителя. А там посмотрим...

Не помню, кто выступал в тот день. Да это и не столь важно. Я оглядела зал и как-то сразу интуитивно определила, что худенькая женщина (в последнем ряду) с бледным лицом и длинными каштановыми с проседью волосами и есть Тамара. На вид ей было лет сорок пять-пятьдесят. Рядом с Тамарой сидел довольно симпатичный

молодой человек. Они о чём-то тихо говорили, повернувшись вполоборота друг к другу, почти соприкасаясь лбами. Сразу подумалось: Кто он ей? Друг, возлюбленный, родственник, просто знакомый, никто? Впрочем, какое это имеет значение? Да и не моё дело вникать в суть отношений между мужчинами и женщинами нашей иммигрантской литературной тусовки.

Я подошла к ним, представилась, спросила шутя:

– Вы Тамара Х.? Если да, то вы мне писали, не отпирайтесь! Я прочла...

– Да! Это я. Не отпираюсь, я вам писала, – подхватила шутку Тамара. – Познакомьтесь. Это мой муж Андрей, – сразу добавила она, прояснив ситуацию, и распахнула свои тревожные бирюзовые глаза. В её взгляде был явный вызов. Видимо, ей было не привыкать сразу раскрывать карты, предупреждая бестактные вопросы любопытных.

– Очень приятно! – вежливо ответила я, про себя автоматически отметив, что муж моложе Тамары и отнюдь не на пару лет, а значительно больше! Лет так на пятнадцать – двадцать. – Посидите, послушайте, а после программы подойдите ко мне, и мы поговорим о наших дальнейших планах. Вы принесли мне свои стихи?

– Да, принесла! – С готовностью отозвалась Тамара и протянула мне со вкусом оформленную тоненькую книжечку. Вызов в её глазах сразу сменился доброжелательностью.

– Я могу взять книжку домой, чтобы внимательно прочитать, не торопясь?

– Конечно, берите. Я вам её хочу подарить. Уже и подписала на первой странице.

– Спасибо, Тамара! – Я взяла книжку и грешным делом подумала, что вот ещё один поэтический сборник будет собирать пыль в моём книжном шкафу. А потом, заглянув в Тамарины прекрасно-печальные глаза, устыдилась этой своей подлой мыслишки. В её взгляде и во всём облике было что-то необъяснимое, некая затаённая незащищённость, которая притягивала и вызывала желание ей помочь.

После программы мы, как обычно, пошли небольшой группкой «избранных» потусоваться в гостеприимном доме поэтессы Галины Р. Я, с разрешения Гали, пригласила и Тамару с мужем, но та, поблагодарив за приглашение и ссылаясь на занятость, поехать отказалась. Может, она действительно была занята, а может, просто устала, исчерпав весь запас энергии, сидя на нашей презентации.

Обычно, когда мне поэт дарит свою книжку стихов, я не сразу приступаю к чтению. Проходит какое-то время: день, неделя, а то и месяц, прежде чем я раскрываю подарок, пролистываю или внимательно прочитываю стихи, в зависимости от их качества. А тут

случилась странная вещь. Тамарина маленькая книжечка буквально звала меня: «Открой, прочитай, не откладывай в долгий ящик, потом пожалеешь!» Я хоть и не понимала, зачем должна так спешить с чтением Тамариной книжки и почему я потом пожалею, если вовремя не прочитаю, однако всё же после такого отчаянного предупреждения свыше сразу же начала читать Тамарины стихи.

Они обрушились на меня обилием сложных, красивых, порой непонятных, туманных образов и абсолютной свободой формы, не признающей никакие поэтические каноны. Моя новая знакомая писала стихи - как слышала и видела свой внутренний и окружающий мир. Спрятанные за всей этой неправильно (не по правилам стихосложения) скроенной поэтической завесой, бурлили чувства высокого накала. Будь то любовь до преклонения и обожествления, счастье до безумства, жалость, сострадание, неповиновение до душевного бунта, грусть до полного отчаяния и грозного предчувствия... болезни, смерти.

Эх, слегка причесать бы эти стихи – цены бы им не было, – подумала я, но ни сказать такое поэтессе по телефону, ни написать в емейле я не решилась. Ещё не так поймёт и обидится, чего доброго. А обижать такого хорошего, далеко не ординарного человека (я как-то сразу после первой встречи и чтения её стихов поняла, что она – человек добрый и безусловно талантливый) не хотела. Просто отобрала несколько наиболее гладко скроенных по форме и эмоционально сильных стихотворений и написала Тамаре, что хотела бы включить в следующую коллективную литературную программу её выступление с чтением именно этих вещей. Она поблагодарила меня в ответном письме и согласилась выступить.

Настал день нашей очередной программы. Тамара пришла строго одетая в белую блузку и черную юбку. На шее – бирюзовые бусы под цвет её глаз. И всё: ни колец, ни серёжек – никаких дополнительных украшений. Она читала стихи одной из последних (так как её фамилия начиналась с буквы, стоящей в конце алфавита) тихим голосом, торопливо, непрофессионально, не как актриса, расставляя логические акценты, и не завывая, как читают поэты. Тамара проглатывала некоторые слова, словно боялась куда-то не успеть... Словно предчувствовала, что другой возможности выступить у неё может и не быть. Тем не менее, вопреки торопливой манере чтения, её выступление эмоционально зацепило присутствующих в зале. Никто не шелестел страницами книг, не шептал что-то соседу, не просматривал сообщения в своём айфоне, не зевал, как это часто случается в конце литературно-музыкальных вечеров нашего (да и любого) клуба, когда усталость берёт своё и хочется домой – вздремнуть, поесть или просто переключиться на другой вид деятельности. Зал замер, внимая Тамариному голосу. А она, высокая и

тоненькая, с распущенной по плечам гривой слегка спутанных волос, смотрела куда-то вдаль и ввысь (поверх зрительских голов) огромными бирюзовыми глазами и взмахивала в такт мелодии стихов руками, словно птица крыльями перед полетом. Тамарины печальные стихи, вкупе с драматическим обликом поэтессы, даже вызвали слёзы на глазах у некоторых слушательниц. У меня в том числе, хотя я не отличаюсь сентиментальностью.

После литературных чтений я, как обычно, поблагодарила выступивших поэтов и слушателей, сделала объявление о теме и дате следующей презентации и уже было собралась на выход, как ко мне подошла Тамара и скромно, запинаясь, пригласила на обед к себе домой.

– Пожалуйста, не отказывайтесь! Мы с мужем приглашаем вас на ланч (или обед). Нет, не в ресторан! К нам домой. Это здесь недалеко. Я... я хорошо готовлю. Ей Богу! Без лишней скромности. Вы не пожалеете!

– Спасибо! Это так неожиданно, – пробормотала я и самокритично добавила. – А я, знаете ли, готовлю просто, без увлечения и фантазии. Словом, приготовление вкусной и здоровой пищи – не моё призвание. И охотно приму ваше приглашение. Не только испробую ваши блюда, но, может, чему-нибудь и научусь.

Тамара обрадовалась, улыбнулась, и мы втроём (вместе с её мужем Андреем) сели в мою машину и поехали к ним домой.

Жили Тамара с Андреем действительно не так далеко от библиотеки, в районе Seagate. Они снимали односпальную квартиру на втором этаже ветхого частного дома, построенного, возможно, в середине прошлого века, а то и ранее. Как его построили, так он и стоял, и, похоже, никто его не пытался ремонтировать. На первом этаже жили хозяйева дома, такие же ветхие, как и сам дом. Они сидели на крыльчке, греясь в лучах мягкого октябрьского солнца. Две маленькие, согбенные фигурки.

Мы поднялись по шаткой, скрипучей лестнице наверх. Я держалась за перила: боялась упасть. Андрей открыл дверь в квартиру, и перед моими глазами предстала картина откровенной бедности, которую Тамара и Андрей пытались как-то прикрыть, обустроив помещение видавшей виды мебелью (возможно, найденной на улице или подаренной кем-то за ненадобностью). Мебель состояла из продавленного дивана, подобных ему двух кресел, колченогого обеденного стола с хромыми стульями и некогда весёленькими (ныне вылинявшими) оконными занавесками. Единственным достоянием семьи была огромная библиотека и картины (в основном, пейзажи в импрессионистском стиле). Книги на русском, английском и французском языках были повсюду: в стенном шкафу, на полках, на столе и даже лежали аккуратными стопками на полу. Несколько картин

в простеньких, дешёвых рамках были развешаны по стенам. Остальные стояли в углу, прикрытые покрывалом.

– Проходите, раздевайтесь, давайте я повешу вашу куртку! Обувь снимать не надо, достаточно просто вытереть ноги о половик. Ковров нет. Садитесь! Как видите, у нас далеко не дворец, так как мы, что называется, новосёлы. Недавно приехали с западного побережья и ещё не успели наладить нормальную жизнь в Бруклине. Зато у нас абсолютная чистота. Ни пылинки. У меня астма, и дышать пылью мне противопоказано, – ввела меня в курс дела Тамара. – Располагайтесь, хотите посмотреть книги? Кого у нас только нет! Русские книги – от Аркадия Аверченко до Гузель Яхиной, о которой теперь не в меру много говорят и пишут. А я тем временем накрою на стол. Андрюша покажет вам нашу библиотеку. Я собирала её долгие годы, ещё в Москве. Вот переезжаю бродяжкой из города в город и вожу книги с собой. Понимаю, что это не современно да и накладно, что теперь все можно прочитать в Интернете, но расстаться со своими бумажными сокровищами не могу. Вот такая я старомодная женщина.

– Я такая же, как вы, старомодная. Но у меня нет такого количества книг, так как я брала и беру книги в нашей Бруклинской библиотеке. Не могу долго читать с экрана. Глаза сохнут и болят, – объяснила я.

Тамара сочувственно посмотрела на меня: «Я вас так понимаю! У меня тоже болят глаза от чрезмерного сиденья за компьютером. Но это моя работа. Ничего не поделаешь!»

Она пошла на кухню, а Андрей стал показывать мне книги:

– Вас что больше интересует, поэзия или проза?

– Я люблю читать всё талантливое: поэзию и прозу, от классики до современной литературы... Но больше всего, как писателя, меня интересуют реальные, живые люди, их характеры и судьбы. Может, расскажете что-то о себе?

– Особо нечего рассказывать... Родился и вырос под Москвой в многодетной семье православного священника. Я – старший из семерых братьев и сестёр. Отец служил в местном небольшом приходе, хотел, чтобы я пошёл по его стопам и поступил в духовную семинарию. А я отца послушался и выбрал свой путь. Верю в Бога, но не хочу тратить свою жизнь служению Ему. Надеюсь, Всевышний на меня не в обиде! Я с детства увлекался рисованием и живописью. Поступил в МГАХИ (Московский государственный академический художественный институт имени Сурикова), проучился там два года... Надоело, бросил учёбу. Словом, я – художник-недоучка. Один раз всё же выставлялся... в России. Это было давно, десять лет назад... в Измайлове, на выставке-продаже работ молодых художников. Вот и весь мой, как говорится, творческий путь, все мои достижения.

– Не слушайте его, Люся! Андрей чрезвычайно талантлив. Совсем необязательно окончить Суриковский институт, чтобы стать

прекрасным художником. Между прочим, Ван Гог при жизни не продал ни одной своей картины. (Нет, я конечно, не сравниваю Андрея с гениальным Ван Гогом! Просто привожу пример.) Взгляните на пейзажи Андрея! У него своё, уникальное видение природы, свой яркий почерк. И мастерство, само собой. Но... очень трудно пробиться, как в литературе, так и в живописи. Вы же знаете... Я уверена: Андрей ещё покажет себя миру. Его заметят. О нём будут говорить и писать, – раздался неожиданно громкий, с надрывом голос обычно тихой Тамары. Она воистину вещала.

Тамара, словно любящая, заботливая птица, оберегает своего птенца, – подумала я. Она вошла в гостиную-столовую с двумя блюдами в обеих руках. На одном блюде лежали аппетитно посыпанные и украшенные укропом куски фаршированной рыбы, «со слезой». На другом – столь же аппетитно с пылу, с жару – горячие пирожки. Не жареные, а печёные, как я люблю.

– Андрюша, пойдём, помоги мне принести из кухни остальное... и, пожалуйста, поставь на стол тарелки, рюмки и приборы, – сказала Тамара несколько повелительным тоном. И мне сразу стало ясно, who is the boss in this family(1). – А Людмила пусть отдыхает, – добавила она уже более тихим, ласковым голосом.

– Тamarочка, давайте я тоже вам помогу, внесу хоть какую-то лепту в нашу э-э-э... трапезу, – предложила я, с опозданием, но с готовностью.

– Что вы, что вы! Вы уже сделали огромное дело: организовали и провели прекрасный поэтический вечер. Это такое напряжение. Представляю, как вы устали. И вообще, вы – наша гостья! Гостям положено отдыхать и расслабляться.

– Ну, что ж! Слушаюсь и повинуюсь, – сказала я и принялась пристально разглядывать картины Андрея.

Пейзажи, отображавшие среднюю полосу России, скорее всего, Подмосковье – лес, речка, озеро, ржаное поле с васильками, пруд, покрытый тиной, земляничная поляна – были выполнены в раздражительной импрессионистской манере. Да, безусловно профессионально! Но я не заметила в них ничего уникального, никакого «своего яркого почерка», по определению Тамары. Может, у меня был слишком маленький выбор (всего-то несколько картин) для определения таланта художника. Повесила бы я одну из его картин у себя в квартире? Да, несомненно! Купила бы хотя бы вот эту картину, где ржаное поле и васильки или ту, где земляничная поляна. Они наиболее радужные, солнечные. Остальные пейзажи вызывали грустное настроение, отображали сумерки, приближение ночи, предгрозовое небо. А моя гостиная была и без того тёмная, так как окна выходили на северо-восток, и мне хотелось оживить комнату, впустить в это «тёмное царство луч света». Надо будет спросить,

сколько Андрей хочет за свою «Земляничную поляну». И вообще, продаются ли эти картины или они здесь исключительно для украшения гостиной?

Тамара и Андрей подали на стол ещё несколько аппетитных блюд: классический русский винегрет, салат из свежих овощей, селёдку в кольцах репчатого лука, изо рта которой, как водится, торчала зелень петрушки, тарелки с брынзой и кусочками постной ветчины, корзиночку с аккуратно нарезанным чёрным (моим любимым «Бородинским») и белым хлебом. Довершила накрытый стол бутылка сухого итальянского вина Chianti. Стол был ярок, красив и выглядел, как искусно выполненный натюрморт. Видно, хозяева постарались.

Господи, но все эти продукты вместе с вином стоят немалых денег! А Тамара с Андреем, похоже, совсем на мели. Я даже не знаю, есть ли у них какой-либо доход. Не думаю, чтобы непризнанный гений Андрей где-то вкалывал. А Тамара... Кажется, она подрабатывает оформлением книг русскоязычных авторов. Но ведь это копейки! Если б я знала, что введу Тамару и Андрея в такие расходы, непременно купила бы по дороге что-нибудь вкусненькое. Ах, как нехорошо получилось! – расстроилась я.

Мы сели за стол. Поедая Тамарины кулинарные изыски, завели разговор о жизни в Америке.

– Я здесь уже сорок лет, можно сказать, больше здесь, чем там, в Москве, – сказала я не то чтобы с гордостью старожилы, скорее, с грустью. Ведь большая часть жизни промчалась, промелькнула... А сколько её, той жизни осталось, один Господь знает. – А вы давно в Америке?

– А я приехала в Штаты в девяносто пятом. Из Москвы, как и вы. С мужем и двумя маленькими детьми, – ответила Тамара.

– С первым мужем, не со мной! – добавил Андрей и замолчал, с опаской покосившись на жену. Не сболтнул ли ненароком чего лишнего.

– Приехали мы, стало быть, на западное побережье. Поселились у родственников мужа в Сан-Франциско, – продолжала рассказывать Тамара, не обращая внимания на ремарку Андрея. – Со временем сняли свою квартиру. Я работала продавщицей в русском книжном магазине. В Сан-Франциско – большая русскоязычная община. Муж, инженер по профессии, стал таксистом. Прошли годы. Дочери мои выросли. Обе замужем. Я – уже трижды бабушка...

– А почему вы переехали в Нью-Йорк? В Сан-Франциско так красиво, и климат там приятный, летом не такой душливо-влажный, как в Нью-Йорке. Ой, простите меня, пожалуйста! Я, наверное, задаю слишком личные, бестактные вопросы, – спохватилась я.

– Отчего же бестактные вопросы? Совсе нет! Я расскажу. Не сложилась у нас с мужем жизнь. Он от расстройств, что не смог

работать по специальности, стал выпивать и играть в карты. В итоге, растратил наши сбережения и потерял работу в такси. Мы стали ссориться. Обычная эмигрантская история, – обобщила свою американскую жизнь Тамара.

– И тут вдруг на горизонте появился я. Приехал в гости к своему старому другу, который оказался приятелем мужа Тамариной старшей дочери. Вот такое точное попадание в цель. Так мы с Тамарочкой и познакомились, – дополнил рассказ Андрей и с показной (как мне показалось) нежностью обнял жену.

А он не только художник, но и неплохой актёр, – подумала я. Не любила я показуху. – Обнимайтесь на здоровье! Но зачем же это делать демонстративно прилюдно?

– В общем, в конце концов я развелась с мужем, вышла замуж за Андрея, бросила дочерей и внуков и уехала на восточное побережье. Чтобы не мозолить им всем глаза и начать новую жизнь на новом месте. Осуждаете меня, Люся?

– Осуждаю ли я вас? Ни в коей мере. Кто я такая, чтобы вас осуждать? Как говорится, не судите да не судимы будете! Кстати, ваша фаршированная рыба просто деликатес! А пирожки с капустой прямо тают во рту, – я сменила тему.

– Погодите, это ещё не всё. У нас ещё и десерт имеется – чай или кофе и настоящий торт «Наполеон», не магазинного происхождения, а Тамарочкиной выпечки. Моя жена классно готовит! – с гордостью произнёс Андрей и чмокнул Тамару в щёчку.

И снова повеяло показухой. Какой спектакль они тут для меня разыгрывают? Хотят доказать, что молодой муж любит жену, которая на много лет старше его?

– Ой, после такого обеда я точно поправлюсь на пару фунтов, уже и брюки давят в поясе, – запыхтела я, раскрасневшись.

Тамарин «Наполеон» действительно таял во рту. Давно я так вкусно и обильно не обедала. Вечно фигуру берегла, а тут не смогла удержаться.

Хозяева так радушно и щедро (по российскому обычаю, совсем не по-американски) меня приняли! И мне ещё больше захотелось сделать для них что-то приятное. Я спросила:

– Андрей, а ваши картины продаются? Я бы хотела купить вот эту, где земляничная поляна. Она просто великолепна, к тому же радует глаз и оживила бы мою тёмную гостиную.

– Вообще-то, эта картина не продаётся. Я её очень люблю. Но для вас мы сделаем исключение. Правда, Андрюша? – Тамара улыбнулась и вопросительно посмотрела на мужа.

– Как скажешь, милая! – с готовностью поддакнул Андрей.

И я снова подумала: он действительно её так любит или просто играет роль покорного и горячо любящего мужа? Почему-то вспомнилось грибоедовское «...муж-мальчик, муж-слуга...».

– Андрей, сколько вы хотите за «Земляничную поляну»? – я перешла к делу.

– Триста долларов. Исключительно для вас! – выпалил Андрей.

– Какие глупости! Какие триста долларов? Мы просто подарим вам эту картину. Андрей... напишет другую, с натуры. Мы поедем в Rosono Mountains(2). Говорят, в тамошних лесах тоже есть земляничные поляны. Правда, Андрюша? – решительно заявила Тамара.

– Как скажешь, дорогая, ты же мой менеджер, – буркнул Андрей.

– Нет, я не могу принять такой ценный подарок! Сначала вкуснейший обед, как в первом классе ресторана, потом дорожный подарок... – я растерялась и взглянула на Андрея. Его лицо застыло непроницаемой маской.

– Ну, хорошо! Не хотите бесплатно. Пусть будет, скажем..., пятьдесят долларов. Ни долларом больше. Вы столько делаете для нашей русскоязычной литературной общины! – поставила точку Тамара. Я поняла, что мне её не переспорить и согласилась. Андрей хранил молчание.

Тамара абсолютно не права. Картина прекрасная, пожалуй, лучшая в этой комнате. Труд художника должен быть по достоинству оплачен, тем более, что художник явно бедствует, и триста долларов – не так уж много, – подумала я, но изменить Тамарино решение не могла. Наличных у меня с собой было мало. Я взяла чековую книжку и выписала Андрею чек на смехотворную сумму в пятьдесят долларов. Андрей проглотил обиду, молча, тут же беспрекословно снял картину со стены, завернул в обёрточную бумагу, перевязал бечёвкой и положил в огромный пластиковый пакет. Судьба картины была решена.

Стало смеркаться. Солнечные лучи слабо освещали утомлённые лица Тамары и Андрея. Верхнего света в комнате не было, впрочем, как во многих американских квартирах. Тамара зажгла торшер. Мягкое освещение придало уюту уныло и бедно обставленной комнате. Мы ещё немного посидели, и я, поблагодарив радушных хозяев, заторопилась домой: пора и честь знать. Кроме того я не люблю водить машину в темноте. Мы договорились увидеться на следующем литературном вечере нашего клуба.

По дороге домой я всё думала о моих новых знакомых, анализировала их союз. Что связывает этих талантливых и таких разных по возрасту, да и по характеру, людей? Любовь? Тамара явно любит Андрея собственнической любовью стареющей женщины. Он –

её мужчина, любовник, младший брат, любимая игрушка... К Андрею в душу не залезешь. Он смотрит на жену то с нежностью, то с недовольством, как сын смотрел бы на властную мать, которая своим удушающим обожанием и волей принимает за него решения и попросту перекрывает ему кислород и инициативу. И делает это всё, само собой разумеется, с благими намерениями. Но, как известно, благими намерениями устлана дорога в ад...

Я приехала домой и сразу же занялась картиной Андрея. Надо было её так повесить, чтобы земляничная поляна была освещена струящимся из окна солнечным светом. Сделала ревизию своих картин. Одну совсем убрала и на её место справа у окна повесила «Земляничную поляну». Это был правильный выбор. На следующее утро картина Андрея заиграла на солнце. Красные, сочные ягоды соблазнительно переливались на свету, так что даже хотелось их сорвать и отправить в рот.

Всё-таки Андрей – молодец, хоть и пишет в раздражительной импрессионистской манере. «Земляничная поляна» явно оживила мою тёмную гостиную. Как жаль, что по воле Тамары я заплатила ему так мало. Надо будет как-то по-другому его отблагодарить. Например, устроить его выставку в Бруклинской Центральной Библиотеке. На худой конец, в местной, там, где я проводила литературно-музыкальные вечера.

На нашу следующую программу Тамара явилась одна, без Андрея. На мой вопрос, почему он не пришёл, она ответила, что, мол, заболел. Ответила как-то кисло и неуверенно. Явно, что-то скрывала. Я поняла, что больше вопросов задавать не стоит и замолчала. Вместо вопросов предложила ей выбрать месяц для выставки-продажи картин Андрея в нашей библиотеке. Тамара обрадовалась, прямо, просияла:

– Спасибо Люся! Давайте устроим его выставку в январе. Новый год – новая выставка, новая жизнь. Может, это как-то поднимет его настроение. А то он совсем упал духом. Ничего не пишет, по дому тоже ничего не делает, никуда не ходит, со мной говорить не хочет, что-то бурчит мне в ответ. Целый день спит или просто лежит, в потолок смотрит. Почти ничего не ест. Похудел. Я хочу повести его к терапевту, психиатру или хотя бы к психологу. Он отказывается. Не знаю, что и делать.

– Это называется ситуативная депрессия. Положительные эмоции – лучшее лекарство. Но к терапевту, психиатру или психологу повести его всё равно нужно... Непременно! А то как бы чего с собой не натворил, – сказала я. Всё сразу стало ясно: Тамарин печальный вид и кислая улыбка. – У него раньше такое бывало?

– Плохое настроение, конечно, бывало частенько. Как у всех, кому не очень по жизни везёт. Но чтобы так долго. Нет! Это с ним, на моей памяти, впервые.

– Так! Не будем ждать января. Сделаем выставку в следующем месяце. С первого ноября. Остальных художников передвинем. Я их уведомяю. Ничего никому объяснять не будем. Просто скажем, что у нас изменились обстоятельства. Пусть понимают, как хотят. Вашего Андрея надо спасать! Приедете домой, сразу ему и скажите, чтобы готовился к выставке и отбирал картины. И ещё скажите, что его «Земляничная поляна» принесла радость и свет в мою мрачную гостиную. Да, да! Я не преувеличиваю. Все, кто ко мне приходят, сразу обращают на неё внимание. Я до сих пор переживаю, что купила её у вас за бесценок.

– Зря вы переживаете, Люся! Вы столько делаете для нас с Андреем. Я не люблю оставаться в долгу. Это был подарок от души. Когда вы ушли, Андрей подумав сказал мне, что я правильно поступила. А сейчас, простите меня! Не могу больше сидеть в библиотеке. Поеду скорее домой. Не терпится обрадовать Андрея предстоящей выставкой.

Тамара уехала к себе, а я никак не могла сосредоточиться на ведении программы. Почему-то было беспокойно на душе. Мысли об Андрее и Тамаре не покидали меня. Действительно ли Андрей находится в состоянии депрессии или он просто хочет больше внимания от жены? То, что Тамара любит Андрея, я в этом не сомневалась. Но отвечает ли Андрей ей тем же чувством, или он просто – обычный альфонс, «прислонился» к сильной, волевой женщине и капризничает, использует её? Как долго будет продолжаться этот союз? То, что их союз обречён, я не сомневалась. Слишком они были разные и слишком велика была разница в возрасте! – Тут я вспомнила Сергея Есенина и Айседору Дункан, их безумную любовь и чем она закончилась.

Но Тамара отнюдь не Айседора и Андрей уж точно не Есенин. Однако что бы ни случилось потом, сейчас надо моих новых знакомых поддержать.

Вечером того же дня мне позвонила Тамара и радостным голосом сообщила, что Андрей благодарит меня и уже начал отбирать картины для выставки. А через неделю я заехала к ним на своей машине и мы перевезли его картины в библиотеку. Андрей их развесил согласно времени создания, как говорится, по нарастающей. Я осмотрела выставку, помогла ему с наклейками названий картин. Выставка получилась превосходная. И я решительно поменяла своё мнение об Андрее-художнике. Да, это был импрессионизм, но в картинах Андрея

явно прослеживался индивидуальный почерк, манера. Картины излучали мягкий, таинственный свет, притягивали зрителя, звали за собой: в лес, на поляну, к речке, в озёрную глубину, в небо...

– Вы – замечательный художник, Андрей! Поздравляю! Я думаю, что эта выставка будет иметь положительный резонанс в местной прессе. Приглашу нескольких журналистов, – сказала я и пожала Андрею руку.

– Спасибо вам, Людмила! Если бы не вы, никакой выставки бы не было. Правда, мамуля? – обратился он к жене.

– Да, конечно, милый! – подтвердила она, смутилась, как-то дёрнулась и покраснела.

Мамуля! Как он смеет так называть, свою жену, которая значительно старше его! Это же бестактно и даже унизительно по отношению к ней! – подумала я, но вслух, разумеется, ничего не сказала. – Какая, к черту, она ему мамуля? Мужья иногда так называют своих жен, если у них есть общие дети, но у Тамары с Андреем нет и, по логике вещей, не может быть общих детей.

Я отошла от Людмилы и Андрея на пару шагов, но чётко услышала, как она упрекнула мужа:

– Зачем ты это сказал?

– Прости! Я не хотел. Само как-то вырвалось, – пытался оправдаться Андрей.

Тамара сделала афишу и листовки для выставки. Сотрудники библиотеки распространили их по другим районным библиотекам и бруклинским общественным организациям. Я, как обещала, пригласила журналистов из местных газет и русского радио. В итоге, на открытие выставки пришло много народу. Это был настоящий триумф. К художнику подходили люди, что-то спрашивали, поздравляли. Я заметила, что около Андрея крутится хорошенькая, модно одетая молодая девушка. – Кто такая? Подруга, знакомая, неужели любовница? – пронеслось в голове. Андрей обнял девушку за плечи и, спохватившись, тут же одернул руку. Я вопросительно посмотрела на Тамару.

– Люся, эта девушка – дочь моих калифорнийских друзей. Она учится в Нью-Йорке и интересуется живописью. Сама немного рисует, – успешно пояснила Тамара.

– Да, конечно! Я понимаю. – На самом деле, я абсолютно ничего не понимала.

Тамара – или наивная дурочка, или влюблённая страдалница. Некоторых хлебом не корми, дай возможность пострадать. Ну и судьбу она себе выбрала! Впрочем, это не моё дело. У меня своих проблем хватает.

Несколько посетителей захотели купить картины Андрея. Подошли к Тамаре, спросили о ценах. Она назвала цены, посоветовала любителям живописи прийти в конце месяца, когда время выставки подойдёт к концу. Тогда, мол, и купите.

Официальное открытие выставки продолжалась около двух часов. Народ приходил и уходил. Бесцеремонная дочь Тамариных калифорнийских друзей буквально не отлипала от Андрея: то за руку его возьмёт, то руку на плечо положит. Мне хотелось подойти к этой беспардонной девице и как следует её встряхнуть, чтобы соблюдала приличия. Странно, что Тамара реагировала на всё это весьма спокойно, а я не могла больше смотреть на эту откровенную демонстрацию нежных чувств, попрощалась с Тамарой и Андреем и уехала домой.

По дороге я чуть не попала в аварию, так как, раздраженная вызывающим поведением Андрея и его девицы, невнимательно вела машину. Но, как говорится, Бог миловал.

Через неделю я решила заехать в библиотеку, посмотреть, как проходит выставка, сколько комментариев оставили посетители в книге отзывов. Каково же было моё удивление и негодование, когда в предбаннике библиотеки я увидела целующуюся знакомую парочку. Андрей с подружкой так увлеклись поцелуями, что не сразу заметили моё присутствие. Я стояла, словно в оцепенении, и не могла сдвинуться с места. Андрей всё же наконец отлип от подружки и, заметив меня, улыбнулся виноватой улыбкой нашкодившего подростка и приложил палец к губам, что означало: молчите! Я кивнула ему, ничего не сказала, развела руками и отвернулась.

После инцидента с подружкой Андрея я долго не звонила Тамаре, так как не знала, как с ней говорить, чтобы избежать скользкой темы. Потом я закрутилась и на время забыла о выставке и странной парочке. Но где-то через месяц, когда выставка закрылась, Тамара сама позвонила мне и предложила встретиться в кафе около библиотеки.

– Люся, выставка закончилась. Мы отвезли картины домой. Нам удалось продать несколько Андрюшиных работ за хорошую цену. И это всё благодаря вам. Огромное спасибо от меня и Андрея! Он сейчас усиленно работает над новыми картинами, прямо возродился, воспарил. Я приглашаю вас в кафе на ланч. Придёте? Есть о чём поговорить.

– Я очень рада за вас и Андрея. Лиха беда начало. Надеюсь, что следующая выставка будет в более престижном месте. Хорошо! Давайте встретимся в кафе, только платить за свой ланч я буду сама.

Шёл мелкий то ли дождь, то ли снег. Типичная зимняя, промозглая погода в Нью-Йорке. Маленькое кафе на Nostrand Avenue было полупустым. Мы сели за столик у окна, выбрали меню.

– Люся, вы, наверное, догадываетесь, о чём я хочу с вами поговорить. Андрей рассказал мне, что вы Их видели в фойе библиотеки... Надо расставить все точки над «i», чтобы между нами не было недомолвок... И чтобы у вас не сложилось превратного мнения обо мне и Андрее. Только прошу вас! Всё, что я сейчас расскажу, сохраните в тайне. – Тамара нервничала, открыла сумочку, достала какие-то капли. Запахло валокордином.

– Что с вами? Вам плохо? Может, не нужно ничего рассказывать? – обеспокоенно спросила я.

– Нужно, нужно! А со мной ничего такого... Просто сердце шалит иногда.

– Ну, как хотите. Когда я работала заведующей библиотекой, мне многие сотрудники доверяли свои секреты. Я к этому привыкла. Смело можете доверить мне вашу... тайну. Я не из болтливых.

– В общем, Андрей – юридически мой муж. Но в действительности, у нас совершенно другие родственные отношения... Когда мне было 17 лет, я влюбилась в одноклассника, забеременела. Наш роман прервался, так как моего возлюбленного через год забрали в армию. На расстоянии чувства угасли. Так вот... Андрей – плод нашей любви, мой сын. По настоянию родителей, я отказалась от ребёнка и отдала его в Дом малютки. Потом узнала, что ребёнка усыновила какая-то семья. Кто были эти люди, мне не сказали. Тайна усыновления. Долгие годы я старалась забыть о сыне и о его отце. Вышла замуж за другого, родила девочек. Я вам об этом уже рассказывала. Не хочу повторяться. Мы уехали с семьёй в Америку. В последние годы мы с мужем жили плохо. Вечно ссорились. Он пил и оскорблял меня. – Тамара умолкла на минуту, перевела дух. – Мне больно это вспоминать! Несколько лет назад Андрей разыскал меня по московским каналам, приехал в Штаты по гостевой визе, захотел здесь остаться. Единственным способом зацепиться за Америку была женитьба на американской гражданке. (Никто не знал, кто мы друг другу в действительности. По документам у него были другие родители, которые его усыновили.) Я чувствовала глубокую вину перед сыном. Хотела как-то помочь. Наш брак с мужем всё равно разваливался. Я с ним развелась и вышла замуж за Андрея... У Андрюши уже есть грин-карта. Пройдёт несколько лет, и он получит американское гражданство. Мы сразу же разведёмся. У моего сына здесь появилась невеста. Вы её видели в библиотеке. Она – замечательная девушка, любит его и будет ждать. Это всё. Вам моя история, наверное, покажется аморальной. Но у нас с Андреем не было другого выхода. Я хотела таким образом загладить вину перед ним.

Я пыталась что-то сказать Тамаре, но слова одобрения, сочувствия, поддержки... не шли на ум. Я только кивала головой и думала: как безгранична в проявлениях может быть материнская любовь, отягощённая чувством вины.

Прошло несколько лет. С Тамарой и Андреем мы виделись редко. От общих знакомых я узнала, что они в конце концов развелись. Значит, он всё-таки получил американское гражданство. Очень скоро после развода Андрей женился на своей любимой девушке, и молодые вернулись в Калифорнию. А Тамара осталась в Бруклине совсем одна. Не хотела им мешать. Андрей посылал матери емейлы, звонил редко. А когда звонил, просил денег, которых Тамаре самой не хватало на жизнь. Заказов на компьютерную графику было смехотворно мало. Пришлось подрабатывать бэбиситтером. В итоге астма и больное сердце дали о себе знать. У Тамары случился инфаркт, и её положили в больницу. Андрей позвонил мне из Калифорнии, сказал, что прилететь в Нью-Йорк не может. Нет денег на билет. Попросил навестить мать в больнице. Я поехала в Coney Island госпиталь.

Тамара заметно осунулась, и её бледность пугающе сливалась с цветом наволочки и простыней.

– Как хорошо, что вы пришли, Люся! Спасибо! Вам Андрюша позвонил? Да?

– Да! Но давайте не будем говорить об Андрее. Хорошо? Как вы себя чувствуете?

– Уже лучше. Надеюсь, скоро выпишут. Я понимаю. Моя болезнь – расплата за вину перед сыном. Все последние годы я старалась искупить эту страшную вину. Но, видно, ещё не до конца искупила.

– Не говорите так, Тамара! Вы уже сполна искупили свою вину.

– Вы, правда, так считаете или просто хотите меня успокоить?

– И, правда, так считаю, и хочу вас успокоить. Выздоровливайте и начинайте новую жизнь, не оглядываясь назад!

– Снова новая жизнь... Уже в третий раз. Звучит заманчиво, но не реально. Смогу ли я её начать? И вообще, сто́ит ли строить заново эту проклятую жизнь? Я уже давно устала от постоянного усилия выжить. Существовала... так, по инерции. Иногда мне кажется, что меня кто-то проклял.

– Никто вас не проклял! Просто так сложилось. Мы все делаем ошибки, которые потом трудно или невозможно исправить. Вам удалось исправить ошибки молодости. Считайте, что повезло. Вы ещё, по американским стандартам, – молодая женщина. Красивая, талантливая, умная. Отпустите прошлое. *Let bygones be bygones*(3).

Тамара посмотрела на меня, слабо улыбнулась, сказала: «Люся, вы чудесная! Вы умеете успокаивать. Я попробую...»

- (1) Кто глава семьи (англ.).
- (2) Горы Поконос в Пенсильвании (англ.).
- (3) Пусть прошлое останется в прошлом (англ.).

Григорий Писаревский

Нью-Джерси, США

Времена...

Исаак, держа в руках сапоги и пригнувшись, хотел выскользнуть наружу, но дверь тонко и противно скрипнула. Конечно, отец услышал, выскочил в сени и цепко схватил мальчика за костлявое плечо.

- Не выходи, - прошептал он - Я же сказал - они хотят громить евреев.

- Что значит громить? - спросил Исаак.

- Бить, - сказал отец - А может и хуже. Никуда не ходи, ты должен быть дома. Мы все должны быть дома.

- А Зяма? - спросил мальчик.

Зима, старший брат и кумир Исаака, весь последний год где-то пропадал по вечерам. А теперь перестал приходить и на ночь.

- Зама взрослый дурак. Ему девятнадцать. Он думает, что эта жалкая еврейская самооборона спасёт нас. Дурак! Нам надо сидеть тихо, тогда, может быть, пронесёт.

- Я хочу посмотреть.

- Нет! - крикнул отец и опять схватил Исаака за плечо жесткими пальцами.

- Пусти, - дернулся мальчик и выскочил на улицу.

- Вернись, Ицик, - негромко крикнул отец без всякой надежды а голосе.

Знакомая улица выглядела мрачной и пустынной. Исаак сел на землю и одел сапоги. Холодный ветер гнал мусор: коричневые сморщенные листья, яичную скорлупу, картофельные очистки, грязные тряпки, обрывки бумаги. Кусок газеты зацепился за узловатый

корень дерева, взбухший из-под земли, и замер. Одиннадцатилетний Исаак, грамотный как и положено еврейскому мальчику, наклонив голову к плечу, прочитал: "...октября 1905 г. Владимир Митрофанович Пуришкевич обратился с яростным призывом убивать бунтовщиков и евре...". Послышались тяжелые шаги, пьяные возгласы, грубый продолжительный смех. Из-за угла вывалилась группа парней с красными, перекошенными лицами, один держал в руках початую бутылку водки.

- Гляди, робя, - ткнул коротким пальцем невысокий широкоплечий крепыш, остриженный в кружок, - кажись, жидёнок. Эй ты, Абраша, а ну иди сюда!

Исаак хотел повернуться и убежать, да ноги не послушались. Он молча, исподлобья глядел на небольшую толпу полупьяных парней. Они не спеша приблизились, окружили его полукругом.

- А ну пе-ре-крестись, - икнув, заплетающимся от водки языком выговорил один, с кучей бородёнкой на несвежем прыщеватом лице.

- Я еврей, - тихо сказал Исаак - Мы не крестимся.

- Вона как, - протянул прыщавый. - Еврей! А жить хочется? Давай крестись!

Тут Исаак почувствовал что ноги опять слушаются его и рванулся было в сторону, но кто-то сбил с него шапку и сгрёб за волосы. Сильный удар в спину, пониже шеи, бросил его на стриженного крепыша. Тот резко ударил мальчика в грудь. Исаак задохнулся от боли и упал. Несколько минут его с уханьем били ногами.

- Хорош, братва, - сказал стриженный, откашлялся и харкнул слезью. - Вроде загнулся, христопродавец.

Плюгавый с бородёнкой, по имени Петька Скачков, утерев пот со скуластого прыщавого лица, для верности ещё раз пнул ногой лежащего мальчика. По кругу пошла бутылка. Парни, не спеша и переваливаясь на нетвердых ногах, скрылись за углом. Тогда показался отец Исаака, подбежал к мальчику, присел на корточки, приподнял голову сына от земли. Лицо Исаака, сплошь залитое кровью, было безжизненно. Вдруг слегка приоткрылся левый глаз.

- Папа, - прошептали исковерканные губы.

- Барух Ата Адонай, - шепнул отец.

Из дома напротив, причитая, выскочила прачка Дарья, русская соседка, с мокрой тряпкой в руках. Присев рядом, легонько отодвинула плечом отца, взяла голову мальчика к себе на колени, осторожно стала обтирать платком окровавленное лицо.

- Ироды проклятушие, - с сердцем выговорила она и сплюнула в сторону улицы, куда ушли парни. - Чтоб им всем живьём попроваливаться...

"Дорогой сынок Мирон" - послунявив карандаш, написал Исаак и задумался.

- Слышь, комиссар! - в комнату штабной избы влетел, словно черт на колесе, красноармеец Шутов, годоводок и правая рука Исаака, - там ребята четверых беляков захватили. Их в расход или как?

Исаак молча взглянул, положил карандаш и поднявшись из-за стола, большими пальцами рук расправил ремень. Линялая кожанка плотно охватила неширокие, слегка сутулые плечи.

- Пошли поглядим, - сказал он, направляясь к двери. Наган в кобуре слегка похлопывал по ягодице. Шутов деловито двинулся за комиссаром.

Четверо мужчин, без фуражек, с погонами на побелевших гимнастёрках, сгрудились поодаль крыльца, окруженные красноармейцами. Исаак, слегка прихрамывая, подошёл вплотную, оглядел пленных. Небритые лица, в крови, грязи и ссадинах, выглядели по-разному: один, кряжистый мужик в годах, волком сверкал злыми глазами, двое молодых скроили плаксивую гримасу, ещё один смотрел в сторону отсутствующим взглядом.

- Кто такой? - спросил Исаак кряжистого.

Тот, пожав плечами, сплюнул через разбитую губу и отвернулся. На погонах встопорщились лычки.

- Вахмистр наш, Степан Кузьмич, - торопливо доложил плюгавый солдатик, крайний слева.

- Молчи, гнида, - прохрипел вахмистр.

- Доброволец? - спросил Исаак.

- Он Сашку Кожина подранил, вражина! - выкрикнул Дронов, худощавый ладный красноармеец в лихо заломленной фуражке, с близко поставленными, жёсткими глазами. - В меня стрелил да промазал - тут я его в рыло...

- Шутов, патроны есть? - коротко взглянув через плечо, бросил Исаак.

- Имеются, - кивнул Шутов.

Плюгавый солдатик рухнул на колени:

- Помилуйте, братцы! Не по своей воле стрелял!

- Дронов, ты тоже с нами, - приказал Исаак, доставая наган из кобуры. Три изуродованных пальца привычно обхватили рукоятку.

- Братцы, помилосердствуйте! Четверо деточек дома, - захныкал плюгавый.

Ещё один солдат молча упал на колени рядом с ним.

- Фамилия? - спросил Исаак плюгавого.

- Скачков Пётр Силыч, - выговорил тот, размазывая сопли, слёзы и кровь по скуластому лицу. - Четверо деточек дома, помилуй батюшка...

Вахмистр, не сходя с места, молча харкнул плюгавому в лицо.

Красноармейцы не спеша отошли от пленных в сторону. Где-то неподалёку дико взвыл пёс. Исаак кивнул стоящим рядом Шутову и Дронову, вскинул наган и выстрелил вахмистру промеж глаз. С короткими интервалами рывкнули ещё три выстрела. Пленные, кто взмахнув руками, кто мешком, попадали на землю, задергались в конвульсиях, один за другим затихли. Дронов передернул затвор и потрогал плюгавого ногой. Тот замычал. Дронов ленивым движением опустил вниз винтовку, выстрелил и погнал ему в лоб.

- Убрать падаль, - негромко сказал Исаак, пряча наган в кобуру, и почти не прихрамывая, направился в избу.

- Суровый с беляками у нас комиссар, - хмыкнул кто-то и вздохнул.
- Особливо после боя...

- Захлопни пасть, - процедил Дронов, метнув в говорившего чугунный взгляд. - Он с ими и в бою суровый. Я с комиссаром второй год воюю. И поиграв желваками, добавил, - У него белые двух сестрёнок замучали. А ну, бери этого за ноги!

Неласковое сибирское солнце показалось из-за темных макушек деревьев. Огромная колонна зеков, выстроившись по пятеро в ряд, молча стояла перед конвоем из восьми солдат. Обжигающий ледяной ветер швырял в лицо жесткие крупички снега.

- Заключенные! - хриплым фальцетом выкрикивал заученные, тысячу раз говоренные слова старший сержант в форменном белом полушубке. - Вы поступаете в распоряжение конвоя. В пути следования к месту работ вы обязаны немедленно выполнять любую команду. Шаг влево, вправо, в сторону считается побег, конвой стреляет без предупреждения.

Сержант помолчал, оглядывая зеков и не встретил ни одного встречного взгляда. Многоголовая колонна угрюмых измученных людей, переминаясь с ноги на ногу, покорно ждала команды. И она прозвучала:

- Шагом марш!

В шестом ряду слева, прихрамывая, шел Исаак Лернер, бывший член ВКП(б) с 1915 года, бывший комиссар, бывший предрайисполкома, бывший правый уклонист, а теперь зека номер М-4799 с двадцатипятилетним сроком. Шагать крайним в ряду было непривычно. Раньше на этом месте, рядом, всегда находился его давний друг Алеха Синицын, мужик надёжный и всё ещё крепкий. Но неделю назад Алеха заболел, несколько дней мучался дикими болями в желудке и вчера был наконец отправлен в лазарет. Исаак задумался

и чуть более короткая левая нога, оступившись, вынесла его вбок из строя.

- Куда, падаль фашистская! - заорал вертухай, вскидывая винтовку.

Исаак дернулся было назад в строй, но больная нога подвела, раскрутила на месте ещё левее. Раздался выстрел и Исаак завалился на спину, пронзенный невыносимой болью в груди. Бесконечно дорогие лица жены Ани и сыновей Мирона и Наума мелькнули перед глазами и тут же растворились в тумане. Снег под ним почернел от крови. Колонна остановилась. Старший сержант подскочил к стрелявшему конвоиру.

- Хотел бежать, гнида, - отрапортовал тот.

- Бежать! - задохнулся сержант - А ну давай контрольный!

Вертухай вскинул винтовку и Исаак в последний раз взглянул на сизое небо, которое, с выстрелом, тут же исчезло.

Вечером начальник службы конвоя старший лейтенант Жеребцов разглядывал стоящего перед ним вертухая.

- Так сразу и выстрелил, ефрейтор?

- Так точно, товарищ старший лейтенант. По уставу!

- Как тебя звать, Скачков?

- Кириллом кличут, товарищ старший...

- А по батюшке?

- Петрович...

- Молодец, Кирилл Петрович! Пресёк умышленный побег врага народа. А это был мате-е-е-рый вражина. К тому же еврей. Ну да об этом молчком, понял?

- Так точно!

- Десять суток отпуска, Скачков. За образцовое несение службы.

- Служу трудовому народу!

Мирон с размаху, ласточкой нырнул в глубокую воронку от снаряда, больно ударился обо что-то грудью, выругался, вжался в стенку. Пули просвистели совсем рядом: вжик, вжик, вжик вжик. Мирон чуть переждал и осторожно, на короткий миг высунулся из своего укрытия. Друг Витька, вроде живой, лежал слегка в стороне за телом убитого солдата, выставив впереди себя ППШ. Кругом валялись убитые. Кто-то, видимо раненый, непрерывно и монотонно кричал "А-а-а-а!". Немцы палили из шмайсеров как бешеные, где-то ухали пушки, не поймёшь наши или немецкие. До их окопов оставалось метров двадцать. Огонь на мгновение стих и в воронку скатился лейтенант, пожилой мужик лет под сорок, бывший бухгалтер из Томска.

- Гранаты есть? - прокричал лейтенант.

Мирон мотнул головой. Обе свои гранаты он истратил ещё раньше на пулемётчика и похоже удачно, пулемёт заткнулся и теперь молчал. Немцы опять усилили стрельбу. Лейтенант что-то кричал, морща замызганное небритое лицо.

- Гранаты! - разобрал Мирон - Гранаты, е... вашу мать!

Кто-то из солдат приподнялся на локте, метнул гранату, задёргался, прошитый очередью и ткнулся лицом в грязь. Еще две гранаты перелетели через опавший бруствер. С той стороны донесся безумный вой. Огонь вновь ослаб. Витька обогнул убитого и быстро пополз в сторону немецкого окопа.

- За мной, - прохрипел лейтенант, выбираясь из воронки и пригнувшись до земли, мелкими шагами побежал вперёд. Мирон, прихлопнув для верности на голове каску, рванулся за ним, стреляя на ходу. Он помнил как перескакивал через убитых, оскальзываясь, но не помнил, как добежал до окопа и спрыгнул вниз, прямо на живот убитого фрица. Окоп был весь в дыму. Откуда-то выскочил немец с автоматом в руках, в очках под низко сидящей каской. Мирон полоснул его короткой очередью, машинально экономя патроны. Ещё один немец возник перед ним непонятно откуда. Мирон дернул спуск, ППШ сухо щелкнул - патроны кончились. Немец хищно ощерился и выстрелил, единственная пуля гулко шмякнулась в стенку окопа. Патроны кончились и у него! Немец резво выхватил запасной магазин. Мирон, выпустив из рук бесполезный автомат, подскочил ближе, лихорадочно выдернул сзади из-за пояса отточенную сапёрную лопатку и молниеносно рубанул гитлеровца справа под каску. Отлетело вбок разрубленное ухо, лезвие лопаты вошло немцу в голову почти наполовину. Кровь тугим фонтаном, жестко хлестнула Мирона по лицу. Немец, задёргав руками, повалился ему под ноги. Мирон вырвал лопату из головы врага и забыв подхватить автомат из-под ног, ринулся за угол. Двое немцев в окровавленных мундирах, высокий и пониже, увидев его, задрали руки вверх.

- Не стреляй, браток, - крикнул высокий, - мы свои, русские!

"Власовцы" - мелькнуло в голове и Мирон, не замедляясь, рубанул высокого лопатой по плечу. Лопата с каким-то хряпнувшим звуком вошла в шею, почти что отделив голову от плечей. Мирон не услышал выстрелов, но успел увидеть ужас, полыхнувший в глазах другого власовца, начавшего сползать по стене окопа. Пар задымился сквозь дыры от пуль на его груди. Сзади выскочил Витька, хлопнул Мирона по плечу.

- Здорово ты его тяпнул лопатой, Мироха, - похвалил Витька, показав крепкие желтоватые зубы в улыбке. - А чо, правда русские?

Стрельба вроде утихла.

- Сейчас посмотрим, - пробурчал Мирон и аккуратно положил лопату на дно окопа. Утёр рукавом глаза от чужой крови, нагнулся и пошарив в нагрудном кармане убитого им солдата, извлёк наружу "аусвайс".

- Кирилл Петрович Скачков, - медленно прочитал он, разбирая немецкие буквы.

- Суки продажные, - сплюнул Витька.

- Эй, давай сюда, кто живой! - командирским баском выкрикнул из-за угла лейтенант.

Мирон Исаакович сидел в первом ряду актового зала, как его попросил председатель собрания. Поневоле слушал выступающих, стараясь не принимать сказанного близко к сердцу. Это давалось ему без особых усилий, всё виделось как в тумане. Пока что выступили шесть сотрудников института. Шесть его коллег. Все говорили то, что от них ожидалось, так сказать, играли по правилам, придуманным не ими. Из зала вяло похлопывали. Все осуждали его, но выползающие из полуоткрытых губ слова не содержали действенных эмоций. А может быть, просто ему так казалось. Люди словно бы произносили заученный без души текст. Мирон Исаакович явственно ощущал, как негромко звучащие слова не несут в себе реального смысла и бесследно растворяются в воздухе. Впрочем, так оно получилось только у пяти выступающих. Басовитый голос шестого, ведущего инженера Ефима Фишбейна, загудел на достаточно накаленной ноте.

- Товарищ Лернер делает вид, будто не понимает, на чью мельницу льет воду его поведение. Приняв самое активное участие в проводах человека, предательски оставляющего нашу родину и уезжающего в Израиль, он ясно показал, что одобряет и поддерживает своего сионистского дружка! Позор!

После Фишбейна выступили еще двое, и опять накал эмоций едва тлел в их непродолжительных речах. В президиуме собрания представитель райкома наклонился к председателю и коротко пошептал ему в заросшее ухо. Тот придвинул поближе микрофон:

- Слово имеет второй секретарь райкома партии товарищ Скачков Антон Кириллович.

Скачков, крупный мужчина лет сорока с одутловатым лицом и мясистыми губами солидно поднялся со стула, не торопясь прошёл к трибуне.

- Товарищи, - начал он, обводя уверенным взглядом вышестоящего работника притихшие ряды простых смертных, собранных в зале по его указанию. - В вашем институте произошло чрезвычайное происшествие, которое следует правильно

охарактеризовать. По-партийному правильно. Тут предлагались разные формулировочки. Проступок. Нарушение. Антиобщественное действие. Еще что-то такое... подобное.

Секретарь райкома покрутил кистью левой руки с растопыренными пальцами и выкатив рачьи глаза, помолчал для нужного ему эффекта. В зале стало тихо. Скачков присосанился и рубанул ладонью воздух:

- Я называю это - измена! Сионистский Израиль, лютый враг всего нашего советского народа, оказался для Лернера ближе, чем мы с вами.

Зал зашумел. Послышались выкрики: "верно", "хватит с ними цацкаться". Выкриков, впрочем, было немного. Мирон Исаакович обернулся, взглянул на лица. Люди отводили глаза.

- Товарищи! - выкрикнул с трибуны Скачков, - предлагаю выразить этому сионистскому подпевале, этому предателю наше политическое недоверие!

Мирон Исаакович ощутил как кровавая пелена заливает ему глаза, а сердце гулким молотом яростно колотится где-то под горлом. Он приподнялся на немеющих ногах:

- Это я предатель? Три ранения, контузия, два ордена - предатель? Ты ещё в детском саду манную кашу по харе мазал, когда я фашистские пули в грудь принимал! Ах ты гнида!

Зал ахнул, кто-то крикнул "Ни фиги себе!". Тут же тревожно прозвучал женский голос "Вызовите скорую!", но Мирон Исаакович этого уже не слышал.

Комиссар полиции Ренэ ДеВо чуть приподнял кверху широкую ладонь и выждал целую минуту, приостановив ураган выкриков от трёх десятков возбужденных корреспондентов газет и телеканалов.

- Дамы и господа, прежде чем я отвечу на несколько вопросов, позвольте кратко просуммировать то, что мне известно к настоящему времени. Приблизительно в 18 часов 40 минут в аэропорту Брюсселя, у стойки регистрации пассажиров на рейс Брюссель - Лиссабон, молодой мужчина вытащил из дорожной сумки пистолет системы Смит и Вессон Сигма 9мм и произвел два выстрела, ранив 36-летнюю женщину и ребенка двенадцати лет, граждан Бельгии. Установлено, что пистолет был заряжен магазином с десятью патронами, так что подозреваемый потенциально мог произвести еще восемь выстрелов. Дальнейшая стрельба была предотвращена героическими действиями двух мужчин. Они сумели обезоружить подозреваемого, сбить его с ног и удержать до появления полиции, которая прибыла на место происшествия через полторы минуты. Подозреваемый задержан. Он

идентифицирован нами как гражданин Сомали Вахаб Али Махди, обратившийся к властям Бельгии за статусом беженца. Начато следствие. Пострадавшие женщина и ребенок находятся в госпитале в тяжелом, но стабильном состоянии.

- Молодые люди слева от вас и есть эти двое мужчин? - быстро задал вопрос корреспондент "Дэйли Мэйл".

- Кто они такие, комиссар? - поинтересовалась юная представительница "Газет Ван Антверпен", вытянув микрофон поближе к комиссару.

- Будете ли вы классифицировать этот инцидент как теракт? - подняв руку с растопыренными пальцами, выкрикнул корреспондент крайне левого интернет-издания.

- Что известно о родственниках господина Махди? - резкий женский голос перекрыл всех остальных. - Есть ли среди них жертвы американских бомбежек?

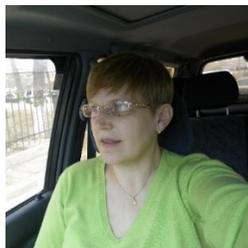
- Как долго подозреваемый находится в стране? - спросил кто-то.

- Дамы и господа, - хладнокровно игнорируя вопросы, продолжал комиссар - я имею честь представить двух мужественных людей, которые пресекли эту трагедию в самом разгаре. Перед вами гражданин России Максим Скачков и гражданин Израиля Вадим Лернер. Хочу проинформировать вас, что комиссариат полиции и мэрия Брюсселя обратились в наградной отдел канцелярии короля Филиппа с ходатайством о награждении господ Скачкова и Лернера орденом Св. Леопольда.

Раздались аплодисменты, от которых воздержались представители левых изданий. Двое крепких спортивного вида парней, светлый шатен и загорелый брюнет, оба в джинсах и футболках под лёгкими дорожными куртками, выступили вперёд, пожали друг другу руки и улыбнулись. Если бы не разный цвет волос и глаз, их легко можно было бы принять за братьев-близнецов.

Александра Дерюгина

Россия

Сорок три укушенных. Дальневосточный этюд (дебют)

Я - иностранка. Do you speak English? - Yes, I do. С нижегородским акцентом. Но не в этом дело. Я - урожденная "девушка (не Прасковья) из Подмосковья", чувствую себя упавшей с Луны, с Британских островов, из пустыни Сахары (откуда там еще?), - полной иностранкой на дальней окраине России. На очень дальней. Дальше для русских - ничего. Только Японское море, перенаселенный Китай или корейские товарищи, стреляющие мало-помалу в своих же, корейских, не-товарищей за то, что они продались американскому империализму. Но в Корею мы не поедем.

Русские с дальней окраины России очень любят Суньку и Чуньку. Это такие китайские города, которые на самом деле Суйфыньхе и Хуньчунь.

Куда ходит народ в Центральной России, чтобы приодеться? Кто побогаче - в бутик. А кто попроще - на рынок за турецкими шмотками. И это нам, центральным россиянам, знакомо и понятно. Люди с дальней восточной окраины для той же цели едут за границу, а именно - в Суньку. Там огромный рынок. Цены - смешные. Юань и рубль - лучшие друзья навеки в пользу рубля. "Пойдем, подлуга, посмотрим", - зазывают валяжные китайки-продавщицы, прилипчиво и нагло вцепляясь в рукав потенциальной жертвы.

А куда мы, граждане Центральной России, ходим лечиться? Естественно, в поликлинику по месту проживания. Граждане с восточной окраины для того, чтобы поправить здоровье, опять же едут за границу, но на этот раз в Чуньку. Там нет назойливых продавцов и рыночной толкотни. Там тихо, прилично, вежливо и недорого. Полное обследование, иглоукальвание из первых, китайских, рук, массаж, все прелести восточной медицины почти даром - да здравствует выгодный союз рубля и юаня.

Если есть средства на санаторий подороже, можно поехать в Далянь. Там воздух чист и тихий звон слышится под хрустальным небом - да-лянь!

Каждый, кто посетит столицу Приморья в теплый яркий день, скажет - курорт! Море, солнце, ветер, парус...

И будет прав - на три месяца в году.

Зимой здесь неуютно. Холодно - не то слово. Градусник за окном показывает минус двадцать. С усилием открываешь дверь подъезда, борясь с буйным шквалом внешнего мира, и вываливаешься в белый свет. Там вой и свист и минус сорок пять с учетом скорости ветра. Если ваш вес меньше шестидесяти килограммов, лучше прицепить на спину тяжелый рюкзак - чтобы не унесло.

На открытой стоянке дрогнут друзья человека - японские автомобили. Других здесь просто нет. "Сенсация! - передали однажды в очередной сводке местной программы "Автопатруль", - Во Владивостоке! Столкнулись два ОТЕЧЕСТВЕННЫХ автомобиля!"

Местные жители презируют отечественный автопром и никогда его не полюбят, потому что отечественный автопром опасен для жизни в здешних нелегких условиях. Он плохо ездит по обледенелым горам и быстро разваливается.

"Японцы", как правило, заводятся в любой мороз, если хозяин побеспокоился об аккумуляторе и свечах заранее. Но подлый российский бензин, главный козырь в защиту отечественного автопрома, может сбить с ног даже надежного японского коня.

О, горе, мое транспортное средство глухо молчит в ответ на страстный призыв зажигания! На три корпуса далее мучается еще одна бедолага возле серой Хонды. Ей помогает мини-вэн, пытаюсь "прикурить" замерзший аккумулятор - а вдруг получится? Не получается.

- Давай мой аккумулятор поставим, - предлагает мини-вэн хозяйке Хонды.

- Давай, может, ему понравится.

- У вас что, мальчик? - вмешиваюсь я.

- Мальчик, - отзывается владелица авто и добавляет певуче-ласково, - Тимо-оша!

Я приглядываюсь к приземистой Хонде с добродушной простецкой физиономией - точно, мальчик!

- А у меня девочка, - как бы между прочим роняю я, - хоть и большая.

Видавший виды белый Прадик упорно молчит на мое замечание.

То, что это девочка, я поняла с первых дней знакомства. Сменив хозяина, машина вела себя как обиженная женщина - целый месяц отказывалась заводиться и тоскливо истерично выла. Замолчала только после того, как к ней нашли особый подход.

"Тимошу" завели, наконец, и он обрадованно помчался за новым аккумулятором. Наша девочка поломалась еще пару дней, выпросила новый "пяттак" для стартера и тоже завелась.

В конце лета во Владике жарко. Все едут на Шамору, или на Тавайзу, или на Чайку, или в Славянку, или в Ливадию, - короче, на море. Здесь не Крым, но есть своя Ливадия. Наверное, крымчаки, приехавшие когда-то по зову сердца и за длинным рублем на Дальний Восток, увидели накат прозрачной волны на пляж в кайме зеленых гор и вздохнули блаженно - Лива-адия!

И все же это не Крым. И не Москва.

Когда в Москве лето, здесь, на побережье Японского моря, глубокая осень. Постоянно морозящая пасмурная плюс девять градусов тепла погода - стандартный Владивостокский июнь-июль. Таким образом, у местных детишек половина летних каникул приходится на осеннюю неприглядность. Попросили Москву однажды сдвинуть здешние каникулы, подарить школьникам теплый сентябрь вместо холодного июня. Напрасно. Если в Москве лето в июне, значит, везде то же самое. Ведь страна кончается за пределами Садового кольца.

А еще здесь водятся тигры или амбы, как их еще часто величают. Зимой они заходят в деревни, и тогда местным собакам полная "амба", - съедят. Хищники помельче, дикие приморские коты, промышляют курами. Тигры чувствуют себя хорошо. Их защищает Красная Книга. Поэтому любой амба может по-хозяйски выйти на трассу и остановить движение под восторженные возгласы задрaihивших люки водителей: "Смотри, кошка! Типа - полосатая!"

Суровый край. Но за женьшенем не обязательно ходить в аптеку. Можно сразу в тайгу.

К женьшеню в тайге в изобилии прилагается энцефалитный клещ. Опасное насекомое водится также и в городе.

- Помню, мальчик у нас был во дворе, - задумчиво рассказывает коллега по работе. - Клещ его укусил. На голове вот такая шишка раздулась, и через два, кажется, месяца помер мальчишечка в жутких судорогах.

Коллега непроизвольно дотрагивается до прически и заключает категорически:

- Я в тайгу ни ногой!

Я тоже мысленно торжественно клянусь обходить стороной лесные насаждения. Но весной, при первом тепле, раньше, чем даже взойдет трава, лесные храмы покрываются ослепительными подснежниками и ярким золотом первоцветов. Вся земля, сколько видит глаз, белая и золотая. От сказочной красоты небесные колокола звенят в душе. И поневоле забираешься в чащу, где можно проехать по избитой дороге, и выходишь под зеленые своды, и спускаешься к чистым таежным

речкам, в первобытную тишину, в первоздание мира, забыв о насекомой смерти, оседлавшей кусты и травы.

В Приморье все так - экстремально, красиво и опасно.

Море летом прогревается в заливах до температуры Черноморского побережья. Ласковые воды и песчаные пляжи манят: "Приди, окунись, освежись!"

Но не только людей привлекает теплая водица. Сюда же приходит размножаться крошечная медузка - "крестовик". Размером медузка с рублевую монетку, но вредности в ней на миллион. Если ошпарит, спасайся в больницу, под капельницу.

В августе по местному телевидению передают предупреждения: "Внимание! Опасность! Жертвы на всех пляжах. Больше всего на Тавайзе - там сорок три укушенных".

- Моего мужа однажды укусил крестовик, - рассказывает все та же коллега.

- И что? - спрашиваю я, затаив дыхание.

- Температура подскочила под сорок и несколько раз сознание терял, пока до больницы доехали.

- Больше не купается?

- Еще как купается!

В августе все во Владивостоке еще как купаются. Вопреки предупреждениям, вопреки сорока трем укушенным на Тавайзе.

Дети вопят от боли. Взрослые теряют сознание. Но все упорно лезут в воду, потому как местные жары, аналогичные сочинским в разгар курортного сезона, иначе вынести невозможно.

Удивительные, прекрасные, грозные места.

Летом клещ и крестовик. Тропические ливни, в которых можно утонуть вместе с машиной в самом центре города.

Зимой лед. Снежные грозы в декабре-январе. С ослепительными вспышками молний, многократно усиленными ливневым снегом. Ледяные дожди.

"Владивосток закован в ледяной панцирь, - предупреждает все то же заботливое местное телевидение в начале зимы. - Аэропорт закрыт из-за обледенения полосы".

Ледяной панцирь останется в городе до весны, пока солнце не удалит его естественным образом. А пока надо учиться ходить по льду по пересеченной местности и не падать. Машины, увы, не скалолазы. Даже всеильные "тойоты" несет по ледяным спускам. "Сегодня в одной улице столкнулось четырнадцать автомобилей, а в другой - шестнадцать", - меланхолично сообщает Автопатруль в конце дня.

Меня это удивляет. Беспокоит. Тревожит. Потому что я - все еще иностранка в здешних местах.

Удивляет, как местные девочки, нежные, красивые и упертые, водят свои крошечные автомобильчики всю зиму по горам, по голому льду и снегу, пользуясь единственным преимуществом - 4 WD.

- Два раза на дороге крутило, пока доехала, - рассказывает будничным голосом обладательница розового праворульного "мини".

- А на горки как въезжаешь? - допытываюсь я. - Неужели въезжаешь?

- Въезжаю, - говорит она невозмутимо. - Только машину куда-то все время несет. То в одну сторону, то в другую.

Я все еще иностранка в здешних местах. Меня все еще пугает, когда машина разъезжается колесами "то в одну, то в другую сторону" как корова на льду, а то и вовсе теряет управление. Я все еще ужасно мерзну при минус сорока пяти. В блаженном, оставшемся в прошлом Подмосковье зимой тепло и безветрено!

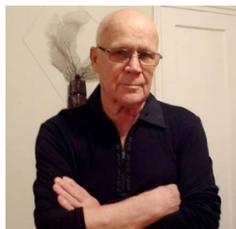
Я все еще не понимаю, как местные жительницы умудряются элегантно выглядеть в такую стужу и ставить ногу, обутую в шпильку, на ледяной панцирь городских высот и не падать при этом.

Может быть, когда-нибудь, не сейчас, и ко мне придет дар эквилибристики. И меня не будут напрягать сообщения о сорока трех укушенных на Тавайзе. И я не буду внутренне дрожать, спускаясь к таежной речке, в ожидании полосатой морды "типа большой кошки" из дремучих кустов по берегам.

И тогда я удостоюсь звания "приморочки", и медленная, созерцательная подмосковная натура преобразится в крепкий дальневосточный характер и полетит, подобно местному махаону, пластаясь иссиня-черными крыльями над штормовой волной. Ведь даже бабочки здесь почти что буревестники.

Вадим Чирков

Нью-Йорк, США

Го-о-ол!

-Это Сеня, - представил мне дядя Миша дядьку, сидящего с ним рядом, - тот самый, из-за которого мы все время проигрываем. Из-за

него нас высаживают, как каких-нибудь салаг, хотя он давно уже играет в очках. Что ты молчишь, Сеня? Ты можешь сказать два слова в свою защиту? Я тогда буду иметь зацепку для дальнейшего разговора.

Дядька, грузный, краснощекий, что-то недовольно буркнул, я в его звуке не разобрался. Разговаривать ему явно не хотелось.

-Сеня, - не отставал дядя Миша, - или ты весь выговорился? Скажи человеку "здрасьте" и поведай, какой ты был знаменитый спортсмен в Одессе!

-А! - членораздельно произнес наконец дядька, встал, махнул рукой и тяжело пошагал к выходу из парка.

-Вот так мы переживаем на старости лет какое-то паршивое домино, - качал головой дядя Миша, провожая приятеля взглядом, - видите, что творится? Прямо Наполеон Бонапарт после поражения под Ватерлоо!

Тяжело шагающий Сеня скрылся из глаз, дядя Миша повернулся ко мне.

-Он был-таки знаменитый человек, хотя в Одессе все чем-нибудь да знамениты. Вы это знаете? Нет? Тогда я вам расскажу. Кто-то был моряком и кошмарно тонул или отбивался голыми руками от пиратов, какой-то грузчик был депутатом Всероссийского съезда, кто-то своими глазами видел Мишку Япончика (он, кстати, не был похож на японца, он был пончик - маленького роста, толстенький). Героев, что живут только на улице Бебеля, хватило бы на весь Советский Союз!

А Сеня - он играл в "Черноморце". Его узнавали на Дерибасовской и в Соборном парке. Его знала вся Пушкинская улица, где он жил. Все с ним здоровались, все его спрашивали о здоровье. А кто-то говорил: "Сеня, а ну Расскажи, как ты влупил англичанам гол прямо с середины поля." Этот гол помнила вся Одесса, как будто это был Тунгусский метеорит! Мальчишки со слов взрослых тоже знали за этот гол, и, когда видели Сеню, что он шел с работы, просили показать знаменитый удар и подносили мяч под его правую ногу.

Вот с этой его славы и началась здесь его беда...

-Понимаете, - объяснял ситуацию дядя Миша, - если вы Герой Советского Союза, так вы носите Золотую Звезду на груди, и все ее видят. И смотрят на вас соответственно: за этим человеком подвиг. Он видел то, чего, может быть, никогда не увижу я. Если у вас нет Золотой Звезды, а что-то героическое вы все-таки сделали - вроде того, что спасли тонущего ребенка на Ланжероне, - над вашей головой имеется как бы петушиный гребень, а на лице - ожидание, что вас вот-вот понесут на руках. И каждому, кто вас видит, хочется у вас спросить, по какой веской причине этот как бы гребень?

Посмотрите на любого одессита на Брайтоне - за каждым вроде бы какой-то подвиг. Тем более, что большинство там с Молдаванки, а на Молдаванке человеку нечего делать, если он не герой.

Ну так вот, - закончил разбираться в сложной психологической ситуации дядя Миша, - этот Сеня в Одессе привык, что его все знают и смотрят на него снизу вверх. Тот гол англичанам с середины поля сделал его жизнь осмысленной, как открытие пенициллина навсегда прославило ученого Флемминга. Там, в Одессе, его старость была обеспечена вниманием от и до. Ему говорили: "Почет и уважение!" все от мала до велика. Если он кому-то уделял минутное внимание, на того падали, как пишут в газетах, отблески славы.

И вот Сеня переехал в Америку...

И вот он идет по улице Бруклина. Кто-то здесь на него смотрит? Кто-то ему кивает? Кто-то его останавливает, чтобы спросить за тот гол англичанам, когда весь стадион так высоко подпрыгнул, что долго не мог опуститься?

Я вам скажу: он оказался здесь как бы в безвоздушном пространстве. Ему остро понадобился прежний кислород, у которого в Одессе, как на все, своя формула.

И здесь, в парке Кольберта, Сеня был всего лишь Сеней, доминошным визави, пожилым дядькой с семеркой костей в здоровенной лапе. Кому дело до его былой славы, когда каждый здесь тоже хоть раз в жизни был героем?

И Сене, я повторяю, в безвоздушном этом пространстве понадобился прежний кислород. Так понадобился, что родные это заметили и повезли его к врачу-психиатру, который зарабатывает деньги на тяжелых вздохах иммигрантов.

Врач стал спрашивать Сеню о причинах его депрессии. Тот сказал обо всем - о ностальгии по родной улице, по родному дому, по знакомым-друзьям-приятелям, по Одессе... не буду перечислять всего, по чем тоскует одессит. Это длинный и прекрасный список. Но Сеня не сказал врачу главного: никто в Америке не знает про его гол, который принес победу "Черноморцу" одним весенним днем в матче с англичанами при счете 2:2! Как можно в этом признаться?! Что за детские штучки?! Это была Сенина глубокая тайна, она скрывалась теперь в самом сокровенном уголке его души, о ней нельзя было говорить чужому человеку, а тот психиатр не смог предстать перед пациентом своим, как обязан был это сделать хороший врач.

Сеня получил какие-то лекарства, но они только ухудшили его состояние. Врач сказал ему на это: таблетки нужно принимать долго, только тогда они дадут результат. Наш Сеня ответил доктору так:

- Какое "долго"! У меня нет "долго"! У меня в запасе только сегодня и завтра, а насчет послезавтра я уже не уверен!

И он разозлился на весь белый свет, и в нем неожиданно зазвучал тот молодой футболист, что заставлял реветь трибуны от его финтов и того поведения на поле, что ставило в тупик противников, принуждая их бессмысленно пробегать по десятку-другому метров.

На этой своей злости, злости, подчеркиваю, он учудил вот что.

Не знаю, где он это купил - должно быть, обошел многие магазины там и сям, но он это купил (в Америке можно купить все, что вам только взбредет на ум), принес домой, подготовил, примерил...

И однажды, стиснув зубы, - вы его видели десять минут назад, так что можете представить его ту физиономию - стиснув зубы, он вышел на улицу... с зеленой лягушкой на носу!

Он после рассказал мне, что она была копией лесной древесной лягушечки-квакши, зеленой, как первый весенний листок, и самой чистой из лягушек. Таких он видел в лесу в Молдавии, куда ездил к родственникам пить хорошее каберне и закусывать фасолицей.

Почему именно лягушка? Это неизвестно даже мне. Разве у всех человеческих чудачеств есть отгадки? Спросите у Сени! Может быть, она ему напоминала тот весенний день в Одессе...

Итак, он вышел на улицу с лягушкой на носу! Квакшинька казалась живой - так она была сделана, и сидела головкой вверх, упиравшись задними трехпальными лапками в крылья Сениного здорового носа, и посверкивала глазками, как дрессированная.

Сеня шел по американской улице, бывшая слава Одессы, привыкший там к тому, что его останавливает каждый встречный, шел стиснув зубы, зная, что его могут принять за сумасшедшего, что, может быть, сейчас рядом с ним затормозит "скорый" амбуланс, шел, лоя на себе людские взгляды...

Ах, товарищ Вадим, какая это была ошибка с его стороны!

Понимаете, здесь у него возникла еще одна сложность. Одно дело - любопытный взгляд в Одессе, совсем другое - в Нью-Йорке. Это два совершенно разных взгляда, и я имею на конец рассказа дупель-шесть, чтобы объявить вам "рыбу".

Глаза встречного в Одессе неприкрыто сообщат вам все, что о вас думает человек, если вы имеете лягушку на носу.

"Этот дядечка-таки съехал с крыши, что он позволяет себе такие обновки!"

"Интересно, где дают таких красивых лягушек?"

"Ты видишь, как другие мужчины относятся к царевнам-лягушкам?"

Знакомые же подойдут и спросят:

-Семен Маркович, идете подышать свежим воздухом? Почему бы вам не взять ее на цепочку?"

- Сеня, если это такой новый компресс, на что его еще можно посадить?

-Дядя Сеня, а она не кусается? Дайте, я тоже поношу!

Короче говоря, в Одессе, городе любопытных людей, человек с лягушкой на носу стал бы центром внимания, ему было бы весело, весело было бы и остальным.

Другое дело в Нью-Йорке, где любопытство разрешено только в музеях.

На нашего Сеню здесь тоже смотрели. Нет, не так я сказал... На него лишь поглядывали. И тут же отводили глаза. И в этих глазах ничего не читалось! Ни-че-го! Только, наверное: не мое дело. И все!

А Сеня шел и шел, все так же стиснув зубы. Он думал: "Не может быть, чтобы никто из этого множества людей не обратил на меня в конце концов внимания! Не указал бы пальцем! Не разинул бы рта! Пусть соберутся возле меня! Пусть спросят! Пусть хотя бы дернут за рукав!.."

-Что вам сказать! - произнес долгожданное дядя Миша. - Что вам сказать!.. Сеню-таки остановили. Его так дернули за рукав. Его так спросили... Знаете о чем?

Его окружили незнакомые люди и стали ему что-то говорить, указывая пальцами на лягушку. Он не понимал, потому что его спрашивали на английском. Нашелся какой-то парень, который понял обстановку и перевел Сене, что ему обеспокоенно говорило сразу человек пять-шесть.

Сеню, нашего знаменитого одессита, спрашивали, знает ли он, что... скорее всего, нарушает права лягушек, сажая одну из них на свой нос? Жива ли еще она? Известно ли ему, что обиталище квакши - древесное дупло, а уж никак не человеческий нос? Они из Общества защиты прав животных и должны бдительно следить за поведением самого хищного существа на земле, человека!

Что было делать нашему Сеню? С помощью того же молодого человека он объяснил ни на шутку взволновавшимся американцам, что лягушка эта - резиновая, пусть проверят, и что купил он ее там-то и там-то. И что о правах резиновых лягушек он нигде еще не слышал, но, если услышит, будет всячески их поддерживать. Потом Сеня добавил несколько слов по-русски, предупредив своего переводчика, чтобы он защитникам природы их не доносил. Те удовлетворились незнакомыми и сочными словами, извинились перед Сеней, пожелали ему удачного дня и разошлись.

О том, почему на его носу оказалась резиновая лягушка, удивительно похожая весенним цветом кожи на квакшу, - почему, зачем, по какой-такой причине? - никто из них так и не поинтересовался!

Сеня снял лягушку с носа, бросил ее в мусорную урну и повернул назад. Он вдруг сник, он вдруг ссутулился... Весь его кураж неожиданно кончился.

Теперь по улице шел просто пожилой и грузный человек, человек, проживший жизнь буднично и незаметно, как проживают ее провинциальные бухгалтеры, и никакого как бы петушиного гребня на его лысой голове никто бы уже не увидел. Он был как все мы здесь, в парке Кольберта...

Что-то в Сене произошло за эти несколько минут, но что - я не знаю. Только шел он так ... будто навешенный когда-то с середины поля мяч не попал в ворота и команда его проиграла англичанам, и он плетется сейчас в раздевалку среди своих футболистов, опустив голову и загребая буцами землю одесского стадиона, а люди на трибунах так же понуро расходятся по домам.

-Чтобы совсем уж закончить, - продолжил дядя Миш после минуты молчания. - Знаете, что сказал бы одесский болельщик с Соборной площади, услышь он историю с лягушкой? Он сказал бы: «Сенин финт на этот раз не вписался в игру. Лягушка – это ж ни в какие ворота!».

Юрий Смирнов

Луга, Ленинградской обл.

Венеция

Попасть в Венецию на автобусе нельзя, и не потому, что там нет дорог, дорогами в Венеции служат водные магистрали. Мы оставили свой автобус на стоянке и направились к причалу катеров. В автобусе нами руководили две дамы – одна администратор, вторая – массовик-затейник, по-иностранному - гид. Если группой людей руководит одна женщина – сдюжить можно, но когда у руля стоят две женщины – жди событий весёлых и разных.

Дамы быстро нашли катер с весёлым итальянцем, совмещавшим в одном лице капитана, рулевого матроса и кассира. Попав под обаяние морехода Венецианской лагуны Адриатического моря и, вероятно, с его подачи, нам предложили сразу оплатить поездку «туда – сюда». В назначенное время «наш» катер с нашим капитаном-бухгалтером будет ждать нас «в том же месте, в тот же час». Я попытался что-то промолвить о неисповедимости путей, ибо будущее на воде вилами писано... На меня одного глянули сразу две дамы, и я увял. Подплывая по широкой водной магистрали, я засомневался, туда ли мы идём, влекомые гребным винтом катера. Впереди показались отдельно стоящие башни Кремля. «У нас содрали», - с гордостью подумал я. Но потом вспомнил, что всё наоборот - московский кремль возводили фрязинцы, как тогда называли итальянских (фряжских) мастеров.

Находясь за границей, человек всегда сравнивает «у них» и «у нас». Редьярд Киплинг говорил: «Что я знаю об Англии, если знаю только Англию?» Эту цитату я привёл при попытке получить визу в английском консульстве в Питере, отвечая на вопрос о цели моего путешествия. Я так и сказал: «Хочу больше узнать о России». Юная переводчица поправила меня: «Об Англии». - Нет, - сказал я, - именно о России. И привёл эту самую цитату Киплинга. Хотел ещё прочесть одно из моих любимых стихотворений Киплинга в переводе Пастернака «Глупец», а потом спеть песенку на слова Киплинга «Пушистый шмель на душистый хмель», а при необходимости, надеть килт и сбачать джигу или страпей. На крайний случай, у меня с собой была книга сэра Роя Редгрейва, командующего гвардией королевы Великобритании Елизаветы Второй, с дарственной надписью. Но чиновник-англичанин остановил меня, сказав: «Этот мистер поедет в Англию». Я получил визу и вышел

напевая ирландскую песню «Those evening Bells» (Вечерний звон) в переводе В. Козлова.

Всё познаётся в сравнении. Всегда хочется, чтобы «у нас» было не хуже чем «у них». Я не беру во внимание поездки первых выпущенных в Забугорье советских граждан с обмороками в колбасных отделах «загнивающего капитализма». Человек всегда хочет быть уважаем, как и его страна. Это начинается с вопроса «Ты меня уважаешь?» в одиночном варианте и с допингового скандала в масштабе государства.

Высадились мы у площади Святого Марка, одного из 26 покровителей Венеции. Прошли весело по мосту Вздохов – (здесь когда-то прощались с осуждёнными) и вышли к двум колоннам, стоявшим у входа на центральную площадь: колонну Святого Марка и колонну Святого Тодора. У Марка на колонне стоит крылатый лев. Львами нас удивить трудно – у нас в Питере, только у одного дворца Безбородко, стоят ровно 29 львов с цепями в зубах. На второй колонне находится крокодил. Сколько я ни пытался вспомнить о каменных или чугунных крокодилах в нашей стране, ничего, кроме крокодила Гены, на ум не приходило.

Но колонны в Венеции появились не сразу. Когда в конце 11 века из Византии привезли три огромных мраморных монолита, весом около 100 тонн каждый, то при выгрузке один монолит утопили в лагуне, да так удачно, что до сих пор найти не могут. Решили обойтись двумя колоннами.

Но поставить колонны никто не брался, и они лежали бесхозными почти 100 лет. Благо – никто украсть их не мог. Потом один инженер-архитектор взялся за дело постановки колонн «на попа». Но дело это непростое.

Даже через шесть веков для установки Александровской колонны на Дворцовой площади в Петербурге, после многочисленных работ по установке лесов, системы блоков и при уже имевшемся опыте установки колонн Исаакиевского собора, в подъёме колонны участвовало 2 000 солдат и 400 рабочих. Но и до сих пор не все петербуржцы знают, почему на колонне Монферрана скульптор Орловский установил ангела с чертами лица императора Александра Первого. Как писал один тогдашний корреспондент «на колонне стоял ангел в натуральную величину». Оказывается, Александр Первый, победитель Наполеона, в народе имел прозвище «Ангел».

В Венеции пошли другим путём, используя пеньковые канаты. Пенька – это вымоченные стебли конопли. Вымачивают их в проточной воде недолго - года три. Потом из них плетут канаты и верёвки (поморскому - концы). Особенностью этих изделий из пеньки является их нечувствительность к морской солёной воде.

Второй особенностью таких канатов является их способность сокращаться в размере (укорачиваться) при намокании. Эту особенность и использовал венецианский архитектор при подъёме колонн. Подтянут пеньковыми канатами колонну, закрепят её, а потом окропят канаты водою. Канаты ещё немного поднимут колонну. Под колонну подставят упоры. И так много раз – времени у венецианцев было предостаточно.

В награду архитектору разрешили поставить между колоннами столы для азартных игр с получением налога в пользу зодчего. На этой же площади впервые появились банкроты. Если занимавшийся ростовщицеством предприниматель в 16 веке «прогорал», то его стол и скамью, на которой он сидел рубили топорами. Называлось это «банкаротта» (сломанная скамья) – банкротство. Главное сооружение площади – дворец Дожей, служивший резиденцией венецианских дождей. Там же заседал Высший совет (не путать с Верховным советом). Во дворце находится самый большой в Европе зал. На верхнем этаже размещалась тюрьма и находившиеся в зале граждане, слыша крики испытуемых узников, ещё больше любили своё руководство и лично гражданина Дожа. Посетил эту тюрьму и небезызвестный уроженец Венеции Джакомо Казанова – поэт, переводчик, дипломат, писатель и т.д., автор книги «История моей жизни», в русском переводе «Мои трудовые блудни». Ему единственному удалось спуститься через крышу в лабиринт зеркальных коридоров и выйти на площадь Святого Марка. Зная иностранные обычаи, он ушёл с площади по-английски – не прощаясь. В другое, более позднее время, венецианских осуждённых перед казнью ставили между этими колоннами, лицом к башне с часами, чтобы преступник понял, как он не дорожил своим временем. Венецианцы между колонн стараются не ходить – плохая примета. Мы в такие приметы не верим. Если бы мы обходили те места, где у нас казнили людей, – нам пришлось бы летать по воздуху. Более того, мы на своей центральной Красной площади устроили кладбище – не хватает мест для всех невинно убиенных. Широка страна моя родная! Особенностью Венеции является и то, что здесь нельзя попасть под автомобиль и даже под лошадь, «отделавшись лёгким испугом», – нет в Венеции ни автомобилей, ни лошадей. Но можно упасть в один из многочисленных каналов, окружающих 121 остров. По каналам величаво плывут гондолы, умело управляемые гондольерами. Гондола – сложное специальное водоплавающее сооружение. Киль гондолы смещён на правый борт. Если бы у гондольера было два весла, то лодка всегда бы плыла вправо. Но у гондольера одно весло, и правый борт, где стоит гондольер, ниже левого на 12 сантиметров, и кормчий успешно управляет гондолой одним веслом. Гондольеров ровно 200 человек со своим профсоюзом. И там нельзя

по благу пристроиться 201-м гондольером. Сиденья в гондолах покрыты цветными коврами, и пассажиры наслаждаются видами Венеции с воды. На гондолах я не катался и не потому, что много лет уютжил морские просторы и мне наскучил вид воды. Причина была простая – я не мог себя представить лежащим в гондоле на ковре, как Стенька Разин в челне, да ещё за каких-то 25 долларов.. С двумя дамами из нашего автобуса мы пошли гулять по узким улочкам Венеции. Любовались изделиями из цветного стекла в витринах. Но сервизов из венецианского стекла не покупали – хрупкий товар, можно не довести до дома. Постояли на мосту Риальто, сфотографировались. Есть в Венеции и много площадей с соборами. На одной из них два музыканта: кларнетист и контрабасист исполняли популярные джазовые мелодии. Можно заказать что пожелаешь, но мы обошлись и без этого. Было очень жарко, и мы зашли в кафе, где было прохладно и из посетителей мы были одни. Я попросил сухого красного вина. Бармен налил в пять бокалов понемногу разных вин и предложил попробовать и определиться с выбором. В молодости я с трудом мог отличить портвейн «Три семёрки» от «Тридцать третьего», но здесь был другой вариант. Я сделал умное лицо и, памятуя, что нельзя сразу осушить все пять бокалов до дна, указал на один из них. Бармен кивнул, принёс бутылку и разлил нам по бокалам. В кафе было приятно расслабиться и не хотелось идти на «свежий» воздух. Через некоторое время мы почувствовали, что жажду ещё не утолили. Бармен с приятелем у выхода из зала играл в карты. Я поднялся, и бармен быстро принёс бутылку и вернулся к картам. Вероятно, ему везло, потому что, когда я снова встал, он поставил нам на стол бутылку и сказал: - Платить не надо. Мы не возражали. Есть в Венеции и большие водные трамваи, курсирующие по Гранд-каналу. Пассажиры весело приветствуют встречающих, так как все люди братья. Вдоль канала с обеих сторон стоят у самой воды дворцы, один краше другого. Есть в Венеции и картинные галереи с полотнами великих мастеров. Иногда Венеция страдает от наводнений и постоянно страдает от наводняющих её туристов. В Венеции менее 300 000 жителей, а туристов в год приезжает 20 миллионов. На всех Венеции может и не хватить. К назначенному часу мы подошли к месту стоянки катеров. Ещё издали мы увидели «наш» катер. Он был полон народу и отчаливал от причала. Лицо капитана было торжественно и сурово. Он выглядел долларом на 200, не меньше.

Наум Белог

Мельбурн, Австралия

Шляпа

Моего начальника звали Георгий Михайлович Воробьёв. Он не был большим начальником. Он был обыкновенным старшим мастером на заводе, а я был просто мастером под его началом. Мне было тогда двадцать лет, я только год назад закончил техникум, и, как вы можете себе представить, был ещё так далёк от мастера, как Одесса далека от Парижа. Георгий Михайлович не только учил меня ремеслу, но и ещё понемногу - как надо жить на белом свете. За это я уважал его, и он стал для меня родным человеком. Очень часто я забывал, что нахожусь на работе, и называл его дядя Жора.

Ему было за сорок. Он был невысокого роста, имел широкий, округлый, как плохо накаченный футбольный мяч, торс. Его правая нога после ранения на фронте была короче левой, и он волочил её при ходьбе, как будто к ней была привязана пудовая гирия.

Его лицо имело красный цвет, который переходил в тёмно-фиолетовый после затяжных выпивок. В такие дни он становился злым, и я старался не приближаться к нему. После того, как алкоголь выветривался из него, он становился доступным для общения. К нему возвращалось хорошее настроение, он шутил и в обед приглашал меня в свой кабинет играть в шахматы.

Иногда, когда он был в очень хорошем настроении, его тянуло поболтать со мной. Он знал моё больное место и, как обычно, начинал с девушек, после чего плавно переходил на своего конька – на “еврейский вопрос”:

-Как, ты ещё не знаком с нашей новой машинисткой? Она очень хорошенькая. Она не еврейка, ну так что же? Посмотри на меня. Моя жена Роза – еврейка, но она даже не может отличить Пурим от Пейсах. Я – русский человек, и то я знаю, что за чем.

Возьми другое. Я в два счёта освоил идиш, а она до сих пор не может сказать правильно блинчики мыт сметаны. Конечно, у неё так забита голова всеми делами, что она белого света не видит...

by Margarita Krivitsky

Потом следовала длинная затяжка сигаретой, и он заключал:

-Как своему человеку скажу тебе по секрету, что они все одинаковые – и еврейки, и нееврейки.

Высказавшись, он долго смеялся и глаза его начинали наливаться слезами.

Однажды утром Георгий Михайлович позвал меня в свой кабинет. Это была небольшая комната в конце цеха, и он, перекрикивая гудение станков, сообщил мне:

-Слушай меня, молодой человек. У меня к тебе будет очень серьёзный, но очень короткий разговор. Пора тебе познакомиться с девушкой. У меня есть одна на примете. Она – двоюродная племянница моей Розы. Она - сладкая, как турецкая тахинная халва, и пахнет она, как жасмин на Большом фонтане в июльский вечер. Таких девушек уже больше нет. Она – последняя осталась. Не думай, что я это делаю ради тебя или твоей мамы. Я это делаю ради себя. Хватит портить мне настроение своим несчастным видом. Другой такой хорошенькой евреечки я ещё не встречал.

Я уже был в таком возрасте, что готов был знакомиться даже с китайкой, хотя понимал, что это бы страшно огорчило моего деда Бенциона. Он бы не выдержал, если бы узнал, что его единственный внук – умница и красавец Лёничка - встречается с гойкой.

Не услышав моего ответа, Георгий Михайлович продолжал:

-Ну как, ты готов встретиться с ней? Конечно – готов! Это видно по твоему носу. Только последний дурак откажется! Ты же не дурак.

Между прочим, её зовут Геня и она будет ждать тебя в субботу утром у себя дома.

Станки, стоящие за тонкими стенами кабинета, продолжали реветь, а Георгий Михайлович продолжал говорить. Он имел громкий начальственный голос, но я уже не слышал его. Он говорил, а я кивал головой и был уже где-то далеко. Я представлял себе, как мой дед, который считался одним из самых больших знатоков талмуда в Одессе, будет доволен мною.

Наконец, ему станет ясно, что он недаром каждую пятницу вечером брал меня – десятилетнего мальчика - в синагогу. Она была на Пушкинской, угол Базарной, и, чтобы попасть туда, мы топали с ним добрых полчаса. Дед не мог идти быстро из-за проклятой одышки, а я не мог идти медленно рядом с ним. Поэтому я убежал вперёд, а затем возвращался к деду, и так продолжалось до самой синагоги.

Когда-то, давно, ещё до революции, это была самая большая и самая шикарная синагога в городе, и там собирались сотни людей - весь цвет одесского еврейства. Теперь, после войны, несколько стариков – жалкий остаток бывшего величия, легко размещались на двух скамейках, стоящих у стены, возле шкафчика, где хранилась, неизвестно как уцелевшая тора. Они усердно молились и просили Бога, чтобы он помог им дожить до следующей субботы.

Мне было холодно и скучно, но я не хотел обидеть деда и терпеливо сидел рядом с ним, ожидая окончания службы.

Каждый раз, возвращаясь домой, дед заходил в подвальчик, где старый грек Панайотис продавал вино на разлив. Он знал, какое вино дед пьёт, и открывал краник на нужной бочке, тонкая струйка янтарной, горячей жидкости медленно наполняла стакан. Дед брал стакан, подносил к лицу и глядел сквозь него на тусклую керосиновую лампу на стене. Только после этого он начинал пить. Он медленно пил и, когда оставалось немного вина на дне, отдавал стакан мне. Я выпивал остатки сладковато-терпкого вина, и мы направлялись домой. Я уже не убежал от деда вперёд, а шёл рядом, слушая непонятные слова, которые он чуть слышно напевал.

Дед хотел сделать из меня настоящего еврея. Не всё получилось так, как он хотел. Советская власть вмешалась и закрыла синагогу, и в ней сделали спортивный зал.

Я возвратился в реальный мир только после того, как Георгий Михайлович похлопал меня по плечу:

-Эй, молодой человек, где ты сейчас? Опять витаешь в облаках?

Он улыбался и, потирая ладони, продолжал:

-Ещё одну вещь я хочу тебе сказать. Ты симпатичный парень, но посмотри на себя. Как ты одет? Ну, ладно, - у тебя нет коверкотового костюма или хромовых штиблет. Это ещё куда ни шло. Но у тебя же

нету шляпы. А это уже ни в какие ворота не лезет. Без неё ты и носа не можешь показать у Гени в доме.

Я стоял перед его столом, опустил грустные еврейские глаза, как у того нищего мальчика, которого Пикассо изобразил рядом с дедом на дороге в далёкой Испании. Я не знал, что сказать в ответ. Действительно, у меня не было шляпы. Большую часть года я ходил без головного убора, и только зимой я напяливал заячью, вытертую до подкладки ушанку.

- Не дрейфь, парень! Я выручу тебя, - успокоил меня Георгий Михайлович.

Он вытащил из ящика стола завернутую в газету старую, коричневого цвета велюровую шляпу.

- Это конечно не высший класс, но на первое свидание сойдёт. Ну, примерь её. Теперь совсем другое дело. Ты выглядишь как настоящий принц! Твой дед и мечтать не мог о такой красоте!

Георгий Михайлович был очень возбуждён. Он вышел на середину комнаты, прихлопывая и потирая ладони, как будто собирался высечь искру ими и разжечь костёр посреди кабинета.

Непонятным образом пританцовывая на покалеченной ноге, он прошелся пару раз вдоль кабинета, любуясь мной. Он считал, что в этой шляпе я буду неотразим. Затем он остановился рядом со мной, подумал минуту и, дыша мне в лицо чем-то не очень приятным, скомандовал:

- А сейчас иди домой. Скажи на проходной, что я тебя отпустил. Только завтра не подведи меня!

- Спасибо, дядя Жора. Я не подведу, - ответил я.

На самом деле, я не был уверен, что так оно и будет, потому что мой прежний опыт знакомства с девушками не сулил ничего хорошего.

Будучи подростком, я знал двух девушек, которых любил тайно.

Одна из них была Фаня. Она не была красавицей, но её добрая улыбка всегда притягивала меня к ней. Она была сестрой моего соседа Ромки, с которым я часто играл в шахматы. Играли мы обычно в их квартире, располагаясь на покрытом персидским ковром диване. Часто наши игры заканчивались жестокими побоищами, потому что Ромка не любил проигрывать и не отпускал меня домой, желая отыграться. Когда драка принимала серьёзный оборот, Фаня разъединяла нас. Она клала руку на моё плечо, пытаясь охладить меня, а мне казалось, что тепло её руки проникало глубоко, глубоко внутрь меня. Так в зимний морозный день тепло от раскалённой печи проникало внутрь меня, когда я прислонялся к ней спиной. Это было очень приятное тепло, и мне хотелось, чтобы её рука оставалась на моём плече вечно.

Несмотря на наши драки с Ромкой, я никогда не отказывался играть с ним, когда он опять приглашал меня к себе домой. Я знал, что

никогда не осмелюсь сказать Фане о своих чувствах, но не мог отказать себе в тайной радости побыть рядом с ней.

С тех пор прошло много лет. Фаня вышла замуж и переехала в другой дом, но, когда она навещала родителей, при встрече с ней моё сердце падало вниз, словно сброшенное с обрыва в глубокую бездну.

Вторую девушку, которая очень нравилась мне, звали Лена. Она переехала в соседний дом, когда мне было шестнадцать и, увидев её, я сразу же потерял голову.

Она была очень изящной. Её длинные ноги не имели конца. Мне виделось, что они начинались у плеч и не заканчивались вообще. Она шла, словно плыла в воздухе, не глядя ни на кого. В её серо-голубых глазах отражались небесные дали. Её брови были подняты высоко, и на её лице было всегда выражение удивления. Особенно высоко её брови поднимались, когда я попадался на её пути. Тогда она смотрела сквозь меня, словно я был стеклом в окне или стеклянной дверью, сквозь которую она могла пройти. Я думал, что Лена была вызывающе надменной ещё потому, что отец её был капитаном на судне, которое плавало за границу, и привозил ей самые модные вещи.

Я наблюдал за ней, когда она приходила на вечера в нашу школу и танцевала с парнями из старших классов. Я ни разу не заговорил с ней. Моё сердце было в плену у неё, но умом я знал, что она никогда не будет моей девушкой...

Всё это было в прошлом. Сейчас я был намного старше, но девушки по-прежнему были далеки и непонятны для меня, как мираж в дюнах Сахары.

Неизвестное будущее было уже недалеко и виделось мне в образе незнакомой девушки Гени. Это будущее тревожно стучалось в мою жизнь...

В десять утра в субботу я уже был в переулке, где жила Геня. Было начало апреля. По голубому небу плыли пушистые и невесомые, как детские сны, облака. Они приходили с моря и разгонялись в сторону погружённого в солнечный свет города, повисая очень низко над еще голыми золотистыми ветками платанов. Ветер, как собака, спущенная с поводка, метался вдоль переулка, принося солёные запахи недалёкого моря.

Я вошёл во двор. Это был типичный одесский "колодец". Утреннее солнце ещё не вползло в него, и густая синева лежала на всём – на земле и на облупленных грязных стенах.

Посередине двора стояло кресло, и в нём, одетая в широченное, с меховым воротником пальто, сидела старуха. Она сидела в тишине и холоде субботнего утра как императрица, на троне убогости и нищеты. Высушенное тело карлицы имело глубоко сидящие, бесцветные глаза. Они с любопытством разглядывали меня.

Я подошёл к ней поближе. Мне показалось, что мой вид не очень понравился ей. Возможно, по её меркам я не был достаточно изысканно одет, несмотря на мою коричневую шляпу, которая, по мнению Георгия Михайловича, должна была сделать меня неотразимым. А может, она заметила скованность и холод внутри меня? Я не знаю. Она продолжала разглядывать меня, и молчание стояло между нами, как Великая Китайская стена.

Старуха прервала молчание:

-Я вижу, вы кого-то выглядываете, молодой человек. Не стесняйтесь, я знаю всех, кто живёт здесь, и даже больше. Я жила здесь ещё при царе. Его – уже нет, а я – ещё здесь. Когда-то давно весь этот дом держал мой покойный муж, а теперь я имею только одну квартиру. Вторая - ждёт меня на небе – ближе к Богу.

Она сделала длинную паузу, а потом вдруг поменяла тему:

-Где моя кошка? Она в последнее время стала очень непослушной. Вы не можете даже представить себе, что наша родная милиха сделала с котами. Мурка, где ты?

Толстомордая рыжая кошка появилась из-под кресла и начала тереться о старухины ноги, втиснутые в войлочные валенки.

-Извините, молодой человек, вы конечно - еврей. С таким лицом вы не можете быть а гой. Я вижу - вы ищите кого-то, и, конечно, вас интересует хорошая идышы мэйдылы. Разве я неправа? И эта мэйдалы должна быть Геня, потому что она у нас одна, чтоб она была здорова.

Кошка начала тереться о мои ноги и замяукала.

-Вы видите, Мурка знает, что вы хороший человек. Она бы не подошла к плохому человеку. Мурка, не мешай! – старуха пыталась левым валенком отодвинуть животное.

В это время почти все двери первого этажа и окна второго были открыты, и оттуда выглядывали любопытные.

-Вы видите, уже все в сборе. Всем интересно, с кем это старая Гроссманша разговаривает.

Одна дверь, как раз та, что была напротив старухи, открылась позже остальных, и на порог вышла девушка. Старуха повернула то, что осталось от её тела, в сторону девушки:

-А вот и Генечка здесь! Деточка, я думаю, что этот молодой человек ищет тебя.

-Вы Лёня - Георгия Михайловича друг? Да, конечно, это вы. Заходите.

Я поблагодарил старуху и переступил порог Гениной квартиры. Узкий коридор вёл в небольшую комнату. Тонкий солнечный луч из окна перерезал все предметы внутри. Мне казалось, что я попал в небольшой кинозал и что я пропустил начало фильма, в котором, кроме Гени, были и другие действующие лица.

Но это не было кино. На самом деле, всё в комнате было реальным. Было тихо и чисто. Потолок висел низко над стоящим посередине, покрытым старой скатертью столом. Две кровати, укрытые одеялами и кучей подушек, стояли у стен по обе стороны стола. Ещё вокруг стола было несколько табуреток. Комната была так мала, что добавить туда ещё какую-нибудь вещь было бы невозможно. Из всех её углов на меня глядела не прикрытая ничем бедность.

Генин голос разрушил тишину. Она как будто читала мои мысли:

-Да, мы живём в очень маленькой квартире, но зато мы – очень близко от моря. Только три минуты – и я уже в совершенно другом мире, где волны и чайки, и ветер, а воздух пропитан солью и свежестью. Вот видите, романтики, оказывается, могут жить даже здесь.

Геня стояла в тёмном углу, но я смог разглядеть её. Она мне показалась очень красивой. На лице, в обрамлении длинных ресниц, сияли большие темные глаза. Потом, как чистый мрамор на темном фоне, высветилась её шея и руки с тонкими, голубыми, как холодные горные ручьи, кровяными сосудиками. Она была невысокого роста и показалась мне чуть полноватой.

-Хотите погулять у моря? – спросила Геня, - сегодня – замечательный день. Настоящая весна.

-Да, конечно. С удовольствием...

- Замечательно! Только один момент, и я буду готова. - и Геня исчезла в проёме стены, завешанной полотном, которое я вначале не заметил.

Она появилась очень скоро, одетая в длинное красное пальто. Каштановые волосы выглядывали из-под зелёного берета. Её глаза были ещё больше, чем мне показались сначала.

Мы вышли за ворота и сразу очутились на залитой ярким солнцем улице. Геня взяла меня под руку, и мы направились в сторону обрыва.

Было все также ветрено, но солнце уже успело подняться выше и тепло постепенно растворялось в воздухе.

Мы медленно шли в стороу моря. Геня по-прежнему держала меня под руку, но даже сквозь рукав моего пиджака я чувствовал тепло её ладони. Волнение и нервозность медленно покидали меня. Я никогда раньше не чувствовал себя так хорошо...

-Лёня, Георгий Михайлович говорил мне, что вы пишете стихи. Почитайте что-нибудь. – Геня остановилась и посмотрела мне в глаза.

Я считал, что мои стихи - очень слабые. Кроме того, я плохо читаю их. Я - очень плохой актёр, всегда волнуюсь, и сердце моё пускается в бег, как лошадь на скачках..

-Геня, – это плохие стихи, и вам будет скучно слушать их.

-Нет, не будет! Я уверена, что они замечательные, – настаивала Геня.

Я понимал, что мне не удастся отвертеться, и думал - с какого стихотворения начать. Вдруг кто-то позвал меня.

-Лёньчик! Вот сюрприз! Какими судьбами? Ты, как профессор, – в модной шляпе! И с такой шикарной дамочкой! Скажите мне, люди, что происходит в этом мире?

Голос был явно знакомый. Я не слышал его уже много лет, но даже во сне я бы не хотел услышать его. Он мог принадлежать только одному человеку. И человек, чьё имя было Витя Степанов, стоял передо мной.

После войны я был в одном классе с ним. Он был на несколько лет старше меня и был отпетым хулиганом. Мой дед говорил о таких ребятах, что они – вус ин дер курт, и он был прав. Витка издевался над многими еврейскими мальчиками, и в том числе надо мной. Не только наш класс, но и вся школа боялась его.

Когда мы были в пятом классе, он уже имел татуировки на обеих руках. Даже учителя не хотели иметь с ним дело, потому, что знали, что он связан с воровской шайкой. В нашем классе не учителя, а он был хозяином. В седьмом классе он исчез. Ходили слухи, что он попал в тюрьму.

Я не ожидал ничего хорошего от нашей встречи с ним. Несмотря на его шуточный тон, в его глазах не было ни грамма тепла. Он имел волчьих глаза.

-Эй, ребята! Вы не встречали Лёню раньше, но я уверен – он понравится вам. А это - его мадам. Очень хорошенькая! – Он повернул голову, и тогда я увидел двух парней, приближавшихся к нам.

Это были здоровенные парни с холодными, как льды Антарктики, глазами, красными лицами и красными руками, такими, какие я видел у мясников на Новом базаре.

-Лёня был первым отличником в нашем классе. Я всегда списывал у него. Так что мы должны относиться к нему с уважением.

Витя был в ударе. Выглядело так, будто он разыгрывает пьесу, в которой уже знал её финал. Я только мог гадать, чем этот театр закончится...

Неожиданно один из парней подал голос:

-Слушай, Витёк, я ещё ни разу не носил шляпу. Может, мне попробовать, а?

Он не ожидал ответа. Просто он сорвал шляпу с моей головы, осмотрел её со всех сторон, а затем швырнул в воздух.

-Ха, ха, ха! Смотрите, как она здорово летает! Наверное – это волшебная шляпа! Ха, ха, ха!

Его смех звучал, как ружейные выстрелы. Они разрывали моё сердце. Трое парней явно наслаждались моим бессилием. И всё это – на виду у Гени. Я не знал, что делать с собой. Мне хотелось исчезнуть куда-то в ту же минуту.

-Ребята, ну потопали! Эта шляпа будет летать вечно. Жаль Лёню, он всё еще надеется, что она вернётся на землю.

Витя и его дружки удалились.

Что-то толкнуло меня в сторону обрыва. Я остановился на краю. Глубоко внизу лежало море. От него веяло безнадежностью и холодом. А надо мной, высоко в небе, над ужасной, изуродованной несправедливостью землёй, как подарок с других галактик, летала старая коричневая шляпа моего начальника.

Высокий обрыв казался мне спасением, выходом в другой - более чистый мир. Не обязательно участвовать в великой трагедии. Даже маленькая драма, которая случилась со мной, способна остановить или изменить жизнь навсегда. Всё моё жалкое голодное детство и юность, где не хватало любви и тепла, в один момент предстали передо мной, как проступают черты в проявляемой перед тобой фотографии.

Я снова посмотрел в небо. Оно не изменилось. Оно по-прежнему было голубым, и облака всё так же неслись в сторону города. Но каким холодом веяло от него...

А что шляпа? Шляпа продолжала свой полёт, вопреки всем законам физики. Я тоже был готов к полёту, когда чья-то рука тронула моё лицо. Рука была мягкой и очень тёплой.

-Лёня, открой глаза! Открой широко глаза, Лёничка! Ты ещё ничего не видел в этом мире, - кричала Геня. - Дай мне руку! Я здесь! Я рядом с тобой!

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

Человек и судьба «по ту сторону слов»

Когда в середине восьмидесятых я познакомился с литовским поэтом Альфонсасом Буконтасом, я не догадывался: та встреча заставит меня многое в жизни переосмыслить...

Наверное, это показалось бы странным и самому Буконтасу. Повлиять на ход чужой жизни? А он избегал даже резких движений, морщился, услышав громкие голоса. Долгие десятилетия существовал, словно не выходя из тени. Конечно, читатели Литвы знали Буконтаса как своеобразного лирика, блистательного переводчика древней и современной поэзии. Но примечательно: он никогда не участвовал в дискуссиях, чурался споров, месяцами не заходил в Союз писателей, а порой вообще исчезал из поля зрения, даже друзья гадали – то ли Альфонсас уехал в родную деревню, то ли не хочет отвечать на звонки...

Я нарисовал портрет типичного чудака? Все, однако, не так просто. С юности Буконтас научился легко отбрасывать суету жизни, потому что привык ежедневно ждать смерть. Она могла прийти в любую минуту.

Серьезная болезнь сердца во многом определила его характер, быт, но – одновременно – обострила восприятие мира... Разумеется, характер остался прежним и после того, как произошло чудо: немецкая журналистка Mariana Butenshon написала об Альфонсасе серию статей, собрала деньги для того, чтобы он смог приехать в Германию, нашла хирурга, который бесплатно сделал операцию... Как-то Буконтас написал мне: «После моей операции прошло десять лет, все эти годы были мне подарком».

Но я, кажется, забежал вперед? Помню, тогда, в восьмидесятые, прекрасная украинская поэтесса София Майданская, с которой мы часто говорили о сочленении космического и национального в творчестве, не уставая, твердила мне:

– Вы обязательно должны познакомиться с Альфонсасом Буконтасом...

Я не понимал причину такой настойчивости. А София не отвечала. Может быть, как большинство поэтов, она просто обладала даром предвидения.

В те годы я все глубже погружался в иудаизм, начал записывать устные рассказы советских евреев. Несколько поколений (миллионы людей), думал я, уйдут в небытие, так и не рассказав горькую правду о себе и своем времени, когда само слово «еврей» было по сути непроизносимым на языках народов СССР... Мне казалось: история «евреев молчания» (так назвал своих соплеменников в СССР нобелевский лауреат Эли Визель) скрывает в себе множество тайн.

Пора уже сказать: с тайны началась жизнь Альфонсаса Буконтаса. Многие годы тайна оставалась неразгаданной.

1.

В иудаизме есть такое понятие – «украденные дети». Это словосочетание сразу отзывается в сознании резкой болью. Суть не меняется оттого, что внутри понятия – метафора: речь – о людях, воспитывавшихся в отрыве от национальной традиции. Увы, большинство евреев, родившихся в СССР, были именно «украденными детьми»...

Так бывает не часто: «случай Буконтаса» типичен и уникален – одновременно. Альфонсас не раз рассказывал мне свою историю, однажды я записал ее на магнитную пленку. История эта вполне может стать сюжетом большого романа, однако попытаюсь передать ее коротко.

В его документах очень долго значилось: родился 11 сентября 1941 года в деревне Дапшяй Мажейкяйского района Литовской Республики в семье Яронимаса и Марии Буконтасов. Скажу сразу: это были святые люди – они спасли ребенку жизнь. Тем не менее документы лгали. Правду Альфонсас начал узнавать подростком – постепенно, мучительно: его настоящими родителями были евреи. Когда в 54-м году он приехал продолжать учебу в соседнее местечко Жидикай, здесь многие помнили его отца-адвоката и мать-зубного врача, его шестилетнего брата (их всех уничтожили в годы войны). Альфонсас уже был влюблен в литературу, почти каждый день приходил в библиотеку: оказалось, там до войны жила его семья.

В этой истории потрясает не только трагический сюжет, заметный всем; поражает то, что казалось людям обычным, само собой разумеющимся. Так естественно для себя местный ксендз Вацловас Мартинкус разрабатывает и осуществляет план спасения еврейского малыша: отправляет его на дальний хутор, там крестит, потом стойко выдерживает допросы в полиции. Литовские фашисты грозят сестрам Марии Буконтене и Елене Лаурайтене расстрелять их семьи, но те, не

колеблясь, отказываются отдать ребенка. Сложную игру несколько лет ведет Яронимас Буконтас: он задабривает немцев и полицейев деньгами, водкой, бесконечными застольями. В конце концов это и становится причиной его гибели: когда в Литву вернулись Советы, Яронимаса арестовали по обвинению «в сотрудничестве с немцами». Из лагеря он не вернулся.

Не забудем однако: тут есть еще один сюжет – «история души» еврейского мальчика. Этот сюжет, в основном, разворачивался уже после войны.

Еврейский мудрец ребе Рашаб сказал когда-то: люди состоят из трех слоев. Есть «внешний человек». Есть «средний человек». Есть «внутренний человек». Сколько бы ни испытывала, сколько бы ни ломала нас среда, лишь первые два слоя могут быть повреждены. Внутренний же человек никогда и ничем не может быть исковеркан. В рассказе, который я записал на магнитофон, Альфонсас на редкость точно реконструирует жизнь своего «внутреннего человека». Вот несколько фрагментов оттуда.

«Реальный мир моего детства – это большой деревенский дом. Я ощущал его почти как живое существо. Хорошо знал все его звуки, помнил запахи. Мне казалось, он был огромным и – при необходимости – мог вместить очень многих людей. Когда в деревню приезжали командированные – ветеринар, трактористы, учителя, инженеры – председатель колхоза всегда направлял их к нам. И чистые, светлые комнаты дома открывались навстречу новым и новым людям... Дом был добрым».

Тепло добра согревало душу:

«Я помню те первые дни, когда с нами жил отец... Игры с ним, прогулки по саду, среди полей... Помню, как сказочно цвел горох... Неподалеку был большой пруд, где водилась рыба».

Однако мир сразу оказался расколотым, в душе жила не только любовь – очень рано поселился страх:

«Я всегда чувствовал, что чего-то должен избежать. Мне было хорошо среди близких, но когда в доме появлялись чужие, знал: нужно уйти, спрятаться».

Дело не только в таящейся – почти всюду – опасности. «Украденный ребенок» безошибочно фиксирует свою чужеродность окружающему миру. Это резко проявляли праздники:

«...В большой комнате собиралось очень много людей, накрывали праздничный стол, пели... Я опять уходил: мне становилось так одиноко, что я плакал. Даже сами песни казались чужими. Я чувствовал, что отделен от всех большой стеной... В дни массовых национальных гуляний все повторялось. Я ощущал, как остаюсь в стороне... И никак не мог себе этого объяснить. Наверное, то было что-

то глубинное, какая-то – совсем другая, чем моя, – эстетическая волна подхватывала всех, кроме меня».

Самонаблюдения «украденного ребенка» погружают нас в глубины человеческой психики:

«Бывали минуты, когда для меня начинали странно звучать литовские слова. А их смысл как бы не совпадал со звучанием. Этот язык, его жемайтский диалект, казался грубым для моего уха».

И еще одно слово царапало слух. Слово, значение которого он долго не понимал:

«В школе, на переменах, дети, пробегая мимо, дразнили меня: жид, жид!

Бывало тоже: играем и кто-то вдруг вымолвит это словцо.

Вроде бы, все выглядело почти невинно. Но я чувствовал: тут – какой-то знак, который понимают все, кроме меня.

А, случалось, ребята окружают меня, выговаривая каждый по одной букве: ж-и-д. Стоят и громко так повторяют. Причем, опять-таки на их лицах я часто не замечал никакой злобы. Но в моих ушах, не переставая, звучал тот беззлобный смех...

Когда я был первоклассником, меня однажды взял на руки мальчик, учившийся в четвертом. Он долго и, я бы сказал, нежно носил меня по коридору. Потом о чем-то вдруг вспомнил и – резко отбросил меня. Я упал, сильно ударившись о скамейку».

Альфонсас подчеркивает: то были своего рода сигналы; они заставляли работать мысль. Но мысли наслаивались, перебивали одна другую:

«Почему я так не похож на родных? У меня лицо смуглое, а у них – светлые. И – волосы, конечно: все мои двоюродные братья и сестры – блондины. Мама, правда, имела темные волосы, но все равно, убеждался я, сравнивая: они – совсем не такие, как у меня...

Все было окутано тайной. В тайну – как конфета в фантик – было завернуто мое детство.

Я часто думал о том, что появился в этой литовской деревне случайно – ненатурально, неестественно, если можно так выразиться.

Тогда кто я? Откуда?

Повторяю, я боялся этой тайны, очень не хотел к ней приближаться».

Он рано стал задавать себе и другой вопрос: кто такие евреи?

«Взрослые (нет, конечно, не мои родные) рассказывали о евреях анекдоты.

Рассказывали также истории, от которых все внутри холодело. Например, говорили: евреи пьют христианскую кровь...

Мне было семь или восемь лет, когда я понял, что имею какое-то отношение к евреям. Стало страшно. Ведь евреи – плохие люди: убийцы, спекулянты... С тех пор это чувство годами не покидало меня.

Чувство страха из-за сопричастности к грязному, нехорошему. И – по той же причине – одиночество».

Он мучительно искал выход, но всюду видел тупик:

«Время от времени все как бы отдалялось от меня – природа, близкие люди... И казалось: никто мне не в силах помочь. Будто я остался один на маленьком-маленьком острове».

Состояние души странным образом перекликалось с жизнью природы:

«Ощущение, что мир враждебен мне, повторялось при смене времен года.

Я вдруг слабел. Тишина начинала звенеть. И мир опять отодвигался от меня все дальше и дальше.

И опять я был на маленьком острове. Совсем один».

А еще он видел сны:

«В снах моих за мной гнались звери, чужие люди... Скакали, скакали кони».

2.

...Совсем по-другому, но так же обнаженно и резко «история души» представала в стихах Буконтаса.

Он уже вырос, уже поступил в Вильнюсский университет – изучал литовский язык и литературу. Мир рядом с ним был чужим и холодным? Однако творчество, как всегда, преодолевало одиночество. Мир сузился до размеров маленького острова, куда его забросила пучина человеческой ненависти? Может быть, потому Альфонсас так упорно раздвигал пределы земного – настойчиво пытался открыть для себя Вселенную:

Хочу соединить
птицу и камень,
темноту и свет,
утрату и надежду...

Берега несоединимые,
начало и конец
хочу соединить.

Раздул
в долине костер
после долгого ливня.

Слышал ли мой голос?
Видел ли, как кружатся
мельницы звезд?

Приходи по мостику,
который я тебе строю,
приходи, потому что я должен уйти.

Горячим углем на воде
напиши мое имя.

(Цитирую переводы с литовского Сергея Карнеева).

Здесь было не просто обращение поэта к современнику, собрату по Вселенной. Здесь была не только творческая программа. Здесь звучал голос «украденного ребенка», который наконец выходил на дорогу духовной свободы. Как и все евреи, начинал свой путь по «пустыне».

Конечно, я легко расслышал у литовского автора переключку с гениальным американцем Уолтом Уитменом. Стихотворение «Мосток» написано в давнюю уже пору юности. Молодой поэт по-уитменовски остро воспринимал вечность, перед ее лицом ощущал себя почти демиургом. Он стремился разглядеть космос в душах людей, а в звездах – человеческое. Отсюда столь органичное для поэзии Буконтаса доверие к каждому встречному:

«Пойду с тобой погулять по дню, в котором уже никто не живет. Неужели тебе чего-то жалко? Неужели хочешь бросить слово на мостовую? Опирайся, опирайся на меня и смотри в пустоту. И вот мы оба свободны от уз, без ветвей, без стволов – семена и звезды. Из наших плеч, из глаз и из губ вылетают птицы рассвета».

Читая эти строки, я опять представлял юношу из обычной литовской деревушки. «Украденного» еврейского ребенка, самостоятельно пытающегося обрести почву и корни. Нашедшего их во Вселенной. Потрясшие его уитменовские «Листья травы» надолго определили направление творческих поисков. Здесь, впрочем, не могу удержаться от одного замечания «по поводу». В то время наша критика нередко вульгарно трактовала проблему традиций в литературе. Помните? Заметив в чьих-то стихах влияние Маяковского, критики говорили об этом, точно награждая автора орденом. Иные традиции считались опасными, вредными для «растущего дарования». А порой «вопрос о традиции» сводился к эпигонству, подражательству. Между тем речь (если перед нами подлинный талант) – о единстве мироощущения, подчеркну: речь о направлении поисков.

Уходя в беспредельность пространства и времени, А. Буконтасу было порой легче, чем его литературным сверстникам, задавать резкие, порой беспощадные вопросы. Вот когда оценишь преимущества подобного, «космического», взгляда! Только в космосе в пору попробовать отодвинуть мысленно в сторону ценности

цивилизации. И задуматься: что есть человек? В чем его сокровенная суть? В чем его неповторимая миссия? Именно об этом были многие стихи Буконтаса, в том числе – «Снежный человек»:

«...Я – голый: возраста нет, фамилии нет. Днем прикрыться стараюсь, но – тщетно: молния между будущим и прошлым – это стыд мой. Как подумаешь: то же самое все теряют, ищут того же. Истина ходит – на белой равнине следы босых ног. Кто ушел, впопыхах не обувшись? Чьи следы на снегу? Чьи – на бесстрашной бумаге?..»

Законы космоса можно постичь по-разному. Можно вычитать их в священных книгах древности. Можно открыть самому, прислушиваясь к ритмам Вселенной. Это и делал лирический герой Буконтаса. Разумеется, он видел равновеликость живой и неживой природы, равнозначность взаимоисключающих, кажется, начал бытия. Понимал (может быть, вспоминая детство), как опасно раз и навсегда давать имена – «перелескам, камню, шмелю, тому человеку из зеркала». Может быть, это и есть главная ошибка на нашем пути, главная ошибка человечества – дробить единый мир, наклеивать повсюду этикетки:

Чувствую, как только вернутся названия,
мы ударимся друг в друга,
и будет небо сплавлять
бесконечная река по бесконечной равнине.

Поэзия Буконтаса многократно фиксирует, что происходит, когда вечные законы нарушаются. В стихотворении «Песня Хорста Весселя» мы встретим солдат, словно ослепших от силы и оружия. Потом «открытыми ртами они продолжают песню уже под корнями». А о чем стихотворение «Памятник»? О защите гибнущей природы? Нет, о самоубийстве человечества, коль все мы есть «природа» – раз превращаемся однажды «в землю, в воздух или в звенящие реки».

Сознание художника не губка: оно вбирает в себя только то, что может и должно вобрать. Только то, что отвечает внутренней логике развития творческой индивидуальности. Я говорю об этом, припоминая, как Буконтас воспринял опыт многих предшественников. Вот Тадеуш Ружевиц: его стихи и рассказы Буконтас открыл литовскому читателю. Ружевиц утверждает: поэзию надо создавать из «ничего», из самых простых слов. Альфонсасу Буконтасу была близка эта творческая установка. Но для него важно и другое – взглядеться: что за словом? Взглядеться даже не в глубь явлений, событий, поступков – в глубь образов, предощущений. Обычный сюжет его стихотворений. Одно так и называется: «По ту сторону слов». Опять перед нами работа поэта, который «из удивлений» тклет «то дерево, то

сон, то жар прикосновений, то тварь живую, то страданий дрожь». Замечу: концовка стихотворения не точно переведена С. Карнеевым.

У Буконтаса:

Твои слова уже не обозначают ничего...
Только пространство и тишина...
Только полет остается...

У переводчика:

Подобна взлетной полосе строка.
Вот взреял. Полетел. А цель так далека...

«Только полет остается...» Вот что прежде всего открывается поэту «по ту сторону слов».

Разумеется, космическая традиция в мировой лирике началась не с «Листьев травы». Это подчеркнул еще Г. Торо, читая книгу Уитмена: «Странно, что он так похож на индийских пророков...» К древнему Востоку, не имея других ориентиров, закономерно пришел в своих исканиях и Буконтас. В семидесятые годы он начал изучать «Упанишады». Тогда же надолго перестал писать собственные стихи. Это с тревогой отметили критики и читатели. А я (конечно, задним числом) не удивился. На Востоке, когда художник или поэт уходил в монастырь, он на десятилетия, если не навсегда, отказывался от творчества, давал своего рода обет молчания. Цель? Прислушаться к своему «я», обрести связь с Богом – может быть, потом обрести и собственный голос.

Правда, в те трудные, но, как оказалось теперь, плодотворные для него годы Альфонсас Буконтас продолжал заниматься переводами. Это была не только серьезная, важная для литовской культуры работа. Тут был и давно замеченный парадокс: путь в чужую культуру иногда тоже приводит художника к самому себе. Переводя философскую лирику Пушкина, он снова задумывался о призвании поэта. Блоковский цикл, посвященный Кармен, привлёк музыкальностью, хотелось попробовать: как это прозвучит по-литовски? Буконтас воссоздал на родном языке стихи многих поэтов, которые когда-то жили в его крае, – поляка К. Галчиньского, немца Ф. Брауна, белоруса М. Танка, караима С. Фирковича... Я мог бы перечислить немало имен и произведений, но упомяну еще сейчас только сонеты и терцины русского философа Льва Карсавина: тот слагал их незадолго до смерти в сталинском лагере, прозорливо не сомневаясь – его голос расслышат. Так и оказалось: А. Буконтас разыскал произведения Карсавина в одном из вильнюсских архивов.

И, конечно, он переводил тех, с кем вел – через десятилетия или века – беспрестанные мысленные диалоги. В этом сокровенном ряду была и поэма Н. Рериха «Наставление ловцу, входящему в лес», и знаменитая «Бхагавадгита». Пожалуй, здесь имелся даже свой символ: с переводом великой Гиты, в которой, как в фокусе, сходятся главные философские идеи Индии, закончился период «молчания» поэта Альфонсаса Буконтаса.

3.

...Не забудем: «украденный ребенок» постепенно возвращался в семью. «Все это время, – рассказывал Альфонсас, – я ощущал себя человеком, идущим по пустыне. Причем мой путь длился не сорок лет – гораздо дольше. Однажды я понял, что не сумею выйти из пустыни, если сам не осознаю: ради чего мне дано такое испытание?»

Еврейской семье несколько тысяч лет, ее родоначальником был наш праотец Авраам. Это звучит выпренок, кажется сказкой? Не сразу, но очевидно Буконтас пришел к пониманию концепции времени в иудаизме. Очень конкретными оказались слова мудреца наших дней, каббалиста Адина Штейнзальца: «События не тонут в реке времени, подобно камням, просто течение относит нас от них».

Из намеков, обмолвок, случайных разговоров, внезапных признаний он воссоздавал для себя историю своего спасения, историю жизни и смерти родителей – приближался к ним.

Опять – неожиданно – помог ксендз Вацловас Мартинкус. В конце войны ему удалось эмигрировать на Запад, теперь он жил в США, иногда писал в Литву. Мартинкус спрашивал о судьбе спасенного им ребенка, потом стал переписываться с самим Альфонсасом (увы, письма читали и в КГБ, затем шантажировали ими Буконтаса и его друзей). Мартинкус присылал подарки, одежду. Рассказал о местечке Жидикай: перед войной там было около 230 евреев; поведал о событиях лета 41-го. Один раз Мартинкус сумел спасти евреев Жидикай от расстрела – он остановил намечающуюся акцию, решительно потребовав от офицеров германской армии предъявить решение суда. Однако несколько месяцев спустя, когда через местечко шла уже другая часть, ксендза никто не стал слушать: ему пригрозили расстрелом – вместе с евреями, которых он так защищал...

(Конечно, Мартинкус рассказывал и о своей сегодняшней жизни – это был для Альфонсаса невольный урок: кроме участия в религиозной и благотворительной деятельности, ксендз пел песни под гитару, много путешествовал, постоянно открывая для себя мир и людей, – в Израиле, например, увлеченно беседовал с Бен-Гурионом. Мартинкус был по-прежнему заботлив: показал стихи Альфонсаса литературному кумиру литовской эмиграции Бернардасу Браздженису, и тот высоко отозвался о поэзии Буконтаса).

Время стало для него живым: прошлое, настоящее и будущее существовали в одном измерении. Об этом говорит Каббала. Но это знал и Рерих. Это великолепно чувствовал Чюрленис; Альфонсас не мог оторваться от его картины «Прошлое»: там изображены ворота, через отверстия в которых ярко светит солнце, точнее – множество солнц.

Лучи прошлого стали согревать «украденного ребенка»:

«Когда я был студентом, я снова пришел к тете Котрине Шульцене, у которой жил когда-то, учась в Жидикай... Мы пошли с ней гулять на луг, она рассказала все, что знала сама. Многое рассказала... Даже открыла мое настоящее имя... Оказывается, до войны она была соседкой родителей, помогала маме по хозяйству. Оказывается, это тетя Котрина отвозила меня по заданию ксендза Мартинкуса в Дапшай...»

Историю Альфонсаса узнал выдающийся еврейский поэт Гирш Ошерович, после войны живший в Вильнюсе:

«Он сам когда-то окончил юридический факультет Каунасского университета. Ошерович отыскал адвокатов – коллег отца, помог найти других людей, помнивших моих родителей. Тогда я узнал и подробности их последних дней: они попали в Каунасское гетто; отца расстреляли в 42-м, маму вывезли в 44-м в Штуттгоф – она погибла в марте 45-го при побеге из лагеря... А братика и сестру отца убили под Мажейкяй, в сосновом бору... Я держал в руках фотографии. Удивлялся: вот это мама (наверное, она так хотела сбежать из Штуттгофа и потому, что, находясь в гетто, узнала: меня удалось спасти), а это отец, учившийся в Сорбонне... это брат... неужели тот младенец – я?»

Тайна была разгадана. Правда оказалась нелегкой:

«Я редко говорю с кем-нибудь о своем прошлом. Бывает, человек сам спросит, а потом пугается: перед ним открывается такая бездна, что хочется быстрее отойти в сторону... Тогда мой собеседник переводит разговор на другую тему. Я понимаю: это инстинкт самосохранения...»

Точно сбросив пелену лет, а на самом деле осознав суть и связь событий, Альфонсас припомнил: в 1947-м к ним приехал из Каунаса «высокий лысоватый человек в кожаном пальто». У него была необычная миссия: найти в литовских селах спасенных еврейских детей. Говорят, потом тех мальчиков и девочек тайно переправляли в Палестину... «Мужчина угостил меня конфетой, подарил какую-то монету. Мама говорила с ним при закрытых дверях. Он переночевал у нас. Утром я видел, как человек уходил через наш сад... Мне было странно и страшно. Я не хотел покидать дом. Я упорно верил в то, что здесь, как в старинном замке, смогу спрятаться от всех опасностей».

То, что «украденному ребенку» очень важно обрести семью, понимали не только еврейские Учителя, об этом заботились не только активисты послевоенного сионистского подполья. О том же думала простая литовская крестьянка Мария Буконтене.

«Ты же все знаешь, ты уже не маленький, – говорила она. И спрашивала: – Может, я неправильно поступила, не дав тогда тебе уйти к людям, близким по крови?» Мне было уже лет девятнадцать. А она все страдала: тебе тяжело жить – ведь ты остался один... Она плакала. Я объяснял, что мне у них очень хорошо, что я им благодарен за все... Впрочем, это был наш единственный подобный разговор. Больше к той теме мы никогда не возвращались. Но мне кажется, мама часто размышляла об этом. Думала: можно ли взять дитя из одной нации и пересадить, как растение, в другую? Она чувствовала: это противоречит каким-то божественным законам...»

Наконец, изломанные линии его жизни сходятся вместе.

22 декабря 1994 года в Вильнюсе состоялся суд, который на основании многочисленных свидетельств (и в присутствии живых свидетелей) установил: Альфонсас Буконтас является Мордехелем Михницким, сыном Нехамы Гурвичайте-Михницкене (1907-1945) и Янкелиса Михницкого (1907-1942).

4.

...Я надеюсь когда-нибудь опубликовать хронику этого возвращения. Здесь – только фрагменты. Все же представлю читателям еще один. Это самое начало исповеди Альфонсаса – по сути небольшая новелла, которую я назвал (для себя) «Мягкое л». Новелла эта насыщена одиночеством, тоской, ожиданием. Смутным еще стремлением разгадать тайну собственной судьбы.

«...Придя в первый класс, я встретил там мальчика из соседнего дома.

Он был повыше меня и покрупнее. Звали его Альфредас.

Я на всю жизнь запомнил, как странно он произносил слова, точнее даже – только один звук: “л”... Мягко, чересчур мягко. Так в деревне не говорил никто. И весь наш класс дружно смеялся над ним!

Домой из школы мы с Альфредасом возвращались вместе. Путь был долгим: узкая, кажется, бесконечная тропа, потом мостик через речку, снова тропа...

Никого вокруг не было.

Постепенно мы сдружились, не могли не подружиться. Даже ходили друг к другу в гости.

Альфредас появился в нашем селе недавно. Попал сюда из Кенигсберга. Этот город в конце войны сильно бомбили. Если не ошибаюсь, во время бомбежки и погибли его родители. Многие дети

спаслись тогда из Кенигсберга бегством: чаще всего забирались на крыши поездов. Ходили потом по деревням, выпрашивая подаяние. Выучивали торопливо по несколько литовских слов: duonas, valgyti... Но все равно их легко было узнать: немцы.

Наш сосед работал адвокатом в райцентре. Однажды он увидел Альфредаса, и тот понравился соседу. Его единственная дочь умерла. Адвокат предложил мальчику остаться в их семье. Потом он отправил Альфредаса в деревню, к своей жене. Вскоре они усыновили мальчика, который стал носить литовскую фамилию.

Альфредас все время рисовал самолеты и танки. Вообще все его игры были связаны с войной. Как-то он рассказал мне: его настоящий отец был летчиком.

Уже спустя полгода Альфредас хорошо говорил по-литовски.

Но странное, чересчур мягкое "л" так навсегда и осталось в его речи.

Мы с Альфредасом проучились вместе семь лет, пока не окончили сельскую школу. И все это время я чувствовал двойственность в отношении к нам окружающих.

Реальность вовсе не была простой, но была такой очевидной. Есть наши близкие, которые нас любят. И есть все остальные, которые нас не принимают.

Да, мы с Альфредасом были чужими здесь. Хотя, наверное, невозможно было сказать, чем именно мы выделялись. И – кстати – мы так не походили друг на друга.

Альфредас был очень сильным. Ощущая неприятие среды, он то и дело затевал драки.

Я же был слабым, в драку никогда не лез...

Когда потасовки кончались, мы с Альфредасом, как ни в чем ни бывало, отправлялись домой. Напряжение, кажется, затухало. Но реальность по-прежнему была разорвана, раздвоена. И, как ни странно, именно это нас объединяло.

Наша учительница говорила назидательно взрослым:

– Вот видите, еврейский и немецкий мальчики дружат между собой, а мы так не умеем.

Но об этих ее словах я узнал совсем недавно. А тогда не знал, что я – еврей. Может быть, инстинктивно, и не хотел узнавать».

...Конечно, я не раз думал: почему Альфонсас начал свою исповедь с воспоминания о друге детства?

В чужой судьбе он однажды, как в зеркале, увидел себя. Но по сути сходство было лишь в одном: Альфредас и Альфонсас были другими в литовской деревне.

У каждого народа и у каждого человека, понял Буконтас потом, – свой путь, свое предназначение. А миссия некоторых людей состоит

как раз в том, чтобы стать своеобразным мостом между народами и культурами.

5.

...Говоря о возвращении «украденного ребенка» в семью, добавлю: возвращение не было идиллическим. Приходя в юности в еврейские компании, Альфонсас порой вздрагивал: «...новые знакомые смеялись над моими рассуждениями, как когда-то дети в деревне». Конечно, он идеализировал евреев, недоумевал: неужели возможны у потомков Авраама национальная апатия, цинизм, равнодушие к чужому горю? Однако, пожалуй, еще драматичнее была ситуация, в которую вдруг попал опытный литератор. «Одно время казалось: я стал чужим в той культуре, что была родной с детства. При этом мне было очень трудно войти в культуру, родную по крови».

Мы с Альфонсасом много говорили об этом. Я вспоминал слова, которые написал в начале восьмидесятых, работая над книгой об основоположнике литовской литературы Кристионасе Донелайтисе: «У разных культур – разные корни, но одно небо». Жизнь, однако, сложнее любых формул. На мой взгляд, Буконтасу помогло то, что он почувствовал сам воздух еврейской истории, смело вошел в ее особое время.

«...Река истории образует кольцо, – писал Адин Штейнзальц. – Она вливается сама в себя, и в ее водах мы не заметим ни необратимых изменений, ни новизны». Но вечное возвращение в иудаизме – это и вечное наше обновление. «Например, исход из Египта... – продолжал рав Штейнзальц. – Его значение выходит за сугубо исторические рамки, ибо он реализуется в духовной биографии каждого человека. Еврей в каждом поколении не просто должен считать, что он сам вышел из Египта. История исхода становится и историей его собственного духовного развития. Рабство и избавление от него, переход через море, война с Амалеком и получение Торы – вот этапы развития человеческой личности».

Путь «украденного ребенка» – это один вариантов вечного нашего возвращения.

Разумеется, Буконтас не перечеркнул свое прошлое: десятилетия жизни нельзя отбросить, точно ненужный черновик. Тем более, что у евреев ушедшее органично сливается с настоящим. Альфонсас признавался: «...мама и папа приходят ко мне из небытия и поддерживают – заполняют пустоту в душе, которую я ощущал так долго». Одновременно он по-прежнему «шепчет, словно молитву, имена приемных родителей – как и имена других своих спасителей».

Буконтас не отказался от собственных литературных поисков – нет, не случайно они были так созвучны его божественной душе: «космическое» начало он потом легко обнаружил в Торе... А то, что он

органично вошел «в культуру, близкую генетически», свидетельствуют, как всегда, переводы Альфонсаса.

С идиша, иврита, русского он перевел на литовский произведения таких ярко не похожих друг на друга еврейских поэтов, как Йошуа Лацман, Гирш Ошерович, Моше Кульбак, Авраам Суцкевер, Шмуель Качергинский, Герман Крук, Иехуда Амихай, Леонид Школьник, Ефрем Баух (стихи и роман «Солнце самоубийц»)... Он опять убеждался в старой истине: для еврейского литератора родина – это наша история. Творец живет в истории, а потом навсегда растворяется в ней.

6.

...Здесь и простимся с ним, оставив за скобками многое: я пишу не очерк «жизни и творчества» поэта Альфонсаса Буконтаса – я вглядываюсь в его «путь по пустыне».

Признаюсь: думая о судьбе моего друга, не раз возвращался к строкам, принципиальным для него (не зря они дали название единственному московскому сборнику поэта: Альфонсас Буконтас. Пока летит стрела. Стихи. Перевел с литовского Сергей Карнеев. М., «Советский писатель», 1990).

Автор ведет не сразу угадываемый спор с известным стихотворением Осипа Мандельштама «Раковина». Спор – опять о человеке. Что и говорить, концепция, которую Мандельштам так пронзительно выразил в 1911 году, получила распространение в искусстве (прежде всего – западном) второй половины двадцатого века. И не раз уже было доказано: человек – только одинокая песчинка на ветру времени, только (по Мандельштаму) «ненужная раковина», вынесенная «из пучины мировой» на брег жизни. Вроде бы, это полностью подтвердил минувший век: судьбы, жизни, любовь, надежды, проявившиеся и не открывшиеся таланты были безжалостно сломаны, искорежены революциями, диктатурами, войнами. Но вот аргументы Альфонсаса Буконтаса:

Нет, не раковина потерянная: плачет она,
прилив умоляет
вернуть в глубину. Бесплодна. Одни песчинки
жужжат в ней. Назад – это все, что осталось, –
назад зовет ее память...

Ты – семья! Ты – пробившая время стрела!
Звон натянутой тетивы бунтует в тебе.

Надо ли что-то добавлять к этим словам? Разве что из Торы: мы все – семья, и каждый ответственен за другого. Разве что из Агни-Йоги: «Удача не покинет стремящихся, ибо трудно попасть в стрелу на полете».

Часть 13. Поэзия

Павел Тайбер. Представление

Галина Ицкович
Нью-Йорк, США

Два перевода из Джонаха Уинтера

Стихи Джонаха Уинтера (Jonah Winter) были опубликованы в многочисленных сборниках, поэт получил премию Козна, Пушкарт и FIELD Poetry Prize в 2003 г. за сборник "Амнезия". Поэт и художник, он живет в Пенсильвании. Переводы - из сборника, получившего премию.

Сон

Как под причалом
Вода отдает синью.

Как гвозди в коробке трутся
Друг о дружку.

Как апельсин
Отталкивается от других апельсинов.

Как идет голове
Твоей с утра подушка.

Sleep

How under the pier
The water gets darker.

How inside the box, the nails
Touch each other.

How an orange
Rolls away from other oranges.

How the pillow

Fits your head by morning.

-from "Amnesia" by Jonah Winter, 2004.

Секстина "Боб"

Если верить руммэйтке, ее вызволил Боб
на вечер, а если ее вызволил Боб,
то вернется она не скоро. Боб-
профессор-лингвист. Говорят, что Боб
был в мотоциклетной банде, что ли, а может, Боб
до сих пор гоняет на мотоцикле. Радикальный наш Боб,

Я бы тоже не прочь оседлать мотоцикл, Боб,
или толковать по-эстетски о Чосере. Боб
долговяз, бородат и сдержан. В среду Боб
был на поэтическом вечере - я заметил боб-
рик, осанку, - воплощенный Боб!
Кожанка, бабушкины очки, борода - просто Боб!

С моей бывшей любовью - какой-то Боб!
Ты профессор, а я - пустое место, Боб,
всего лишь рассыльный из цветочного, Боб.
Кроме того, я не вышел ростом, Боб,
и к тому же худ, а ты - неслабый парень, Боб.
и хуже ног, чем мои, не найдешь, Боб.

Почему я с тобой беседую, словно ты рядом, Боб?
Ладно, попробую пообъективней. Боб,
по общему мнению, вовсе неплох. Боб -
не самый страстный из граждан с именем Боб,
ныне живущих. Тих, вежлив и краток, Боб
придерживает двери, сдерживает брань в овощных. Боб
не говорит с подружками лишь о себе. Боб
не выпивает. Не комплексует Боб
по поводу полноты, а к психотерапевту Боб
и не думал обращаться. Хотя Боб
никогда не пройдет на - ха-ха-ха! - кафедру, а еще Боб
не умеет готовить, как я, пусть Боб

даже не знает, что такое паэлья, а если Боб
узнает о ней, он и то не сморгнет. Боб
так скучен, что я никогда не пойму, Боб -
да, я опять говорю с тобой, - как Боб -
как ты можешь быть желанней меня. Само собой, Боб

стабилен, постарше, серьезней - но настолько Боб...

(Через несколько месяцев, сводка с линии Боба: моя бывшая вышла замуж за Боба.

Она говорит о Бобе: "Никто не оценит меня выше или ниже, чем Боб".

А что я? В темном шторме мыслей о Бобе я бултыхаюсь, набухший как боб.)

Sestina: Bob

According to her housemate, she is out with Bob
tonight, and when she's out with Bob
you never know when she'll get in. Bob
is an English professor. Bob
used to be in a motorcycle gang, or something, or maybe Bob
rides a motorcycle now. How radical of you, Bob—

I wish I could ride a motorcycle, Bob,
and also talk about Chaucer intelligently. Bob
is very tall, bearded, reserved. I saw Bob
at a poetry reading last week—he had such a Bob-
like poise—so quintessentially Bob!
The leather jacket, the granny glasses, the beard—Bob!

and you were with my ex-girlfriend, Bob!
And you're a professor, and I'm nobody, Bob,
nobody, just a flower-deliverer, Bob,
and a skinny one at that, Bob—
and you are a large person, and I am small, Bob,
and I hate my legs, Bob,

but why am I talking to you as if you were here, Bob?
I'll try to be more objective. Bob
is probably a nice guy. Or that's what one hears. Bob
is not, however, the most passionate person named Bob
you'll ever meet. Quiet, polite, succinct, Bob
opens doors for people, is reticent in grocery stores. Bob

does not talk about himself excessively to girlfriends. Bob
does not have a drinking problem. Bob
does not worry about his body, even though he's a little heavy. Bob
has never been in therapy. Bob,
also, though, does not have tenure—ha ha ha—and Bob
cannot cook as well as I can. Bob

never even heard of paella, and if he had, Bob would not have changed his facial expression at all. Bob is just so boring, and what I can't understand, Bob—yes I'm talking to you again, is why you, Bob, could be more desirable than me. Granted, Bob, you're more stable, you're older, more mature maybe but Bob . . .

(Months later, on the Bob-front: My former girlfriend finally married Bob.

Of Bob, she says, "No one has taken me higher or lower than Bob." Me? On a dark and stormy sea of Bob-thoughts, desperately, I bob.)

Лариса Миллер

Москва, Россия

Сама не знаю, как попала

Сама не знаю, как попала
Я в эту группу возрастную.
Я день и ночь стихи кропала.
С бессонной музой одесную.
Она на дудочке играла,
Играла горестно и страстно,
Пока я рифму подбирала,
Что этим звукам сопричастна.
И я опять была в начале,
В начале дня, строки, страницы,
И пели все мои печали
Звончее самой звонкой птицы.
И не пойму я: эти годы
Как и откуда нарастают,
И жду, что вешние погоды
Наступят, и года растают.

Валерий Скобло

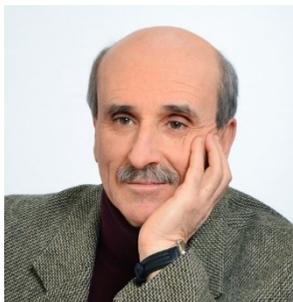
Санкт-Петербург, Россия

Мы скоро уедем отсюда

Мы скоро уедем отсюда,
навечно из этих мест,
Чтоб не попасть случайно
под пулю или арест,
Чтобы не стать заложником
террора или войны,
Чтоб не впустить жестокость
в свои повседневные сны.
Здесь жизнь не стоит осколка
бутылочного стекла,
И мало добра и света,
радости и тепла.
А люди?.. Такие же люди -
здесь ни при чем места,
Но как их равно калечит
богатство и нищета.
...Уедем, не став по слабости
властителем или рабом.
Мы покидаем землю,
где пробуют стену лбом.
Чтоб не пополнить армию
нищих, уродов, калек...
Но горькую землю изгнания
нам не забыть вовек.

Владимир Спектор
Бад-Зоден, Германия

Колено, что давит на шею, взирает на юг

Колено, что давит на шею, взирает на юг,
Глаза видят север, разъятый на слово и дело.
Взрывается всё, что незримо стояло вокруг,
Где чернь побелела, и где белизна почернела.

Уходят в подполье легенды нелепых времён,
Чьё эхо звучало уверенно и неизменно.
И воздух стеснённый петардой слегка потрясён,
А с ним – всё, что сломано через судьбу и колено...

Анатолий Бергер
С.-Петербург, Россия

Как этот век зовется

Как этот век зовётся –
Ума не приложу.
Как в глубину колодца,
Во глубь его гляжу.

А там мелькают знаки,
Таблицы да цифирь.
Там роботы-маньяки
И вирус-нетопырь.

Там от всемирной спешки
Не скрыться никому,
От всесторонней слежки
Там путь один – в тюрьму.

Не знающее срока
Беспамятство времён,
И во мгновение ока
Погасший небосклон.

Валентин Нервин

Воронеж, Россия

Старый альбом

Листаю альбом незапамятных лет
и, кажется, чувствую кожей,
когда фотографии смотрят на свет
и судьбы толпятся в прихожей.
Какая проекция счастья была
тогда на супружеских парах,
какая прекрасная юность цвела
на тех фотографиях старых!

Пора бы, пора бы усвоить всерьез,
что молодость не повторится,
но в этом альбоме, ни горя, ни слез,
а только веселые лица!
Душа покидает родные места,
но даже в покинутом доме
блуждает улыбка счастливая та,
забытая в фотоальбоме.

Евгений Сливкин

США

Увезли в неотложке

Увезли в неотложке
умирать одиноко
в кофте цвета обложки
восьмитомного Блока.

Врач волшебником не был
(на волшебников – квоты).
Ты ушла прямо в небо
цвета собственной кофты.

И стояла в прощальном
зале, изнемогая,
тишина, как в читальном,
но безмерно другая.

Елена Кутина

Ташкент, Узбекистан

Ночное

...А ближе к полуночи чёрная злая тоска
Собой напитает голодную чёрную кровь,
И в пламени том, что горит от виска до виска,
Я буду сжигать это глупое слово "любовь".

...А ближе к рассвету наверное снова пойму,
Что следует всё-таки быть благодарной судьбе,
Из всех приговоров избравшей невесть почему
Вот эту смертельную приговорённость к тебе.

Ирина Надирова

Ленинск – Кузнецкий, Россия

Кельбаджар

Пусть обходит война стороною всех нас!
Детство кажется сном или бредом.
Я сегодня хочу рассказать про Кавказ –
Мир, который для многих неведом.

Мне пришлось воевать со своей же душой,
Чтоб забыть ту беду в Кельбаджаре.
Мне семь лет, но себе я казалась большой.
Слезы капали и замерзали.

Нас как стадо в ночи загружали в «КАМАЗ»,
И такое забыть мне едва ли...
А сейчас там спокойно. Читают намаз.
Но с корнями дедов выдирали.

Михаил Синельников

Москва, Россия

Снайпер

Мыл он часто посуду,
Одержимый водой,
Приносящей остуду,
Этот снайпер седой.
Под водой леденящей
Долго руки держал,
Ветеран настоящий,
Что в окопах лежал.
От себя ведь не скроешь,
Не упрячешь вины,
И ничем не отмоешь
Злую мерзость войны.

Сергей Бычков

Подмосковье, Россия

Пахнет пряниками юность

Пахнет пряниками юность,
Теплым ветерком согрета.
Окунувшись в море света,
Старость с юностью столкнулась.
Обожженная походкой
И каштановую прядью,
Загрустила, робко глядя,
Как она шагает четко.
Солнце вышло спозаранку,
Бабье лето пробуждая,
Жизнь от края и до края
Вывернута наизнанку.
Может вновь лучи нахлынут?
И дистанцию растопят?
Или снова снега хлопья
Жизнь летящую настигнут?
И грустит в сторонке старость,
Вспоминая дни былые.
Юность в памяти осталась,
Словно огоньки ночные...

Татьяна Белянчикова

Москва, Россия

Мы на любовь наложим вето

Мы на любовь наложим вето,
притормозим на вираже.
За поворот уходит лето,
что говорить - ушло уже.
Простим его - оно старалось:
и третий Спас, и звон, и жалость,
прищур густого сентября,
и зряшность дум, что всё не зря,
и хруст надежд с утра на лужах,
что выйдет ветреник-мороз -
и будут вздохи не всерьез,
и хмель отчаянно закружит,
и свет прольётся по садам
и дальше, дальше... где-то там.
Мы на любовь наложим вето,
забудем вешний календарь.
Позавчерашняя газета
в корабль не сложится, как встарь -
и разомкнутся наши руки,
и разольются в лужах звуки,
и будем порознь - ты да я,
и год закружится с нуля,
придет уверенно сочельник,
крещенский звон, февральский дым.
Мы будем честно верить им,
и жить в тепле, и жаждать денег,
и избегать забот и драк -
и разве плохо, если так?
Не повернуть, не стать моложе.
Уйдут снега попутной лжи,
и год уверенно проложит

дороги новой виражи,
приложит май свое лекало,
отголосит Иван Купала,
и мы, не смея больше сметь,
смешаем золото и медь...
Куда спешить? устало лето
и прилегло у сентября,
и листья бешено горят
"мы-на-любовь-наложим-вето".
Уймите их, судьбе назло -
ещё светло,
ещё светло.

Юрий Хейфец

Москва, Россия

Мужской сонет

Когда ты смотришь на меня,
Я весь горю, признаться стыдно,
Хотя открытого огня,
Нигде поблизости не видно,
И, сам не знаю, почему,
Но под твоим горячим взглядом
Я задыхаюсь, как в дыму,
Хоть дыма и не видно рядом,
Любимая, твой скрытый жар,
Богорождённый тайный дар –
Вот счастья моего причина,
Вот, без сомнения, секрет
Того, что жив я как поэт
И что не умер как мужчина.

Татьяна Парсанова

Наро-Фоминск, Россия

Письма из Афгана

Пожелтевший листочек... На сгибах протерся до дыр...
Только он всё равно всех сокровищ земных мне дороже.
Улетает мой вскрип в равнодушно безмолвный эфир.
И ползет тишина безнадегою липкой по коже...

Здравствуй, ТАНьча, моя. (Только Он так меня называл.)
У меня все нормально. Служу. Ты мной можешь гордиться.
Мы сегодня в ущелье... (замазаны строчки). Дувал
Спас меня и ребят. Вот такая она заграница.

Солнце здесь раскаленное, словно открытый огонь.
Да и небо, представь, ну... какого-то пыльного цвета.
Знаешь, хочется снега. Хотя бы снежинку в ладонь.
Это вовсе не весело - вечное, жаркое лето.

Мы здесь долг отдаем. Руку дружбы. Как нам говорят...
Я порой сомневаюсь, гуляя по самому краю.
Мы сегодня домой отправляли "двухсотых" ребят.
Я, поверь, не боюсь. Потому что ты ждешь меня. Знаю.

Задохнулась от боли. Читая в стотысячный раз.
И в стотысячный раз, словно в первый, смогла задохнуться.
Я ждала...
Не ждала! Я ведь жду тебя... Даже сейчас...
Ну вернись же!!! Ведь ты обещал мне вернуться...

2. Письмо второе.

Ночь меня иссушила бессонницей злою... До края...
И сдаваясь тоске, зная точно итог наперед,
Достаю твои письма... И душу свою разрывая,
Я вернусь в тот далекий...
Счастливейший...
Страшный тот год...

Здравствуй ТАНьча. Я жив и здоров. Это значит немало.
Все уснули. А я не могу. Хоть немного устал.
Вот подумал - тебя бы сюда... Здесь сгущенки* навалом...
Ты бы ела её... А я губы твои целовал...

Здесь по-прежнему жарко. Душман, однозначно, взбесился.
В Чарикарской зеленке хлебнули сегодня проблем.
Много наших... А я под счастливой звездой родился-
"Магазинов" хватило... И друг не подвёл -АКМ**...

Завтра в горы... Как мне надоели враждебные горы...
Мне бы в степь... Где ковыль... Где рассветы пропахли травой...

До свиданья, родная.
Свиданье...
Оно уже скоро...
Не успеешь соскучиться.
Я уже рядом с тобой.

Из искусанных губ тонкой струйкою кровь... ярко -ало...
Запоздалый рассвет в призме слез виновато дрожит.

Я успела соскучиться... Я до безумья устала...
Как ты мог не вернуться...
Ведь ты обещал мне дожить...

*сгущенка- сгущенное молоко.
**АКМ- автомат.

3. Письмо третье.

"...Здравствуй, Таньча..."

Открыл сон страничку далекого прошлого
и трусливо сбежал. Оставляя меня в тишине...
И опять... и опять я пылинкой беспомощной брошена
в той огромной и страшной... сжигающей душу Войне...

"...Здравствуй, Таньча. Я жив."

Голос твой шелестнул так приветливо.
И мурашки по коже... Толь страха, толь радости след...
"...Вот представь, что сейчас ты меня неожиданно встретила.
Только мы. Только клён. И любимый наш ранний рассвет..."

По листку потолка потянулись слова вереницею...
Память бодро бежит по зазубренным строчкам письма-
"...Здесь сейчас тишина... Непривычно чуть-чуть. Вот не спится
мне.

Знаешь, Таньча, а я до сих пор от тебя без ума.

Мне приснилась вчера наша свадьба. И ты в белом платье.
Может, всё же мы зря отложили её на потом?
Время здесь по-другому. Не как на гражданке. Не кАтится.
Здесь от боя до боя мы счёт своим жизням ведём..."

Ветер взвыл за окном, как испуганный бешеный пудель...
Туча лапой мохнатую звёзд погасила огни...
Этой свадьбы, увы... Никогда в нашей жизни не будет...
Никогда-никогда...
Только мы это знать не могли...

Часть 14. Юмор

Павел Тайбер. Шествие

В этом разделе мы помещаем рассказы двух призеров конкурса журнала ЧАЙКА «ЮМОРИНА – 2020» Ильи Криштула (Москва) и Андрея Семеновича (Дюссельдорф). Карикатура третьего призера Валерия Каненкова (С-Петербург) открывает первый раздел АЛЬМАНАХА.

Илья Криштул

Москва, Россия

Изъятие младенца

... «Нет, ну, надо изымать, - сказала чиновница из опеки и повернулась к участковому надзирателю, который жался у входа в пещеру. - Будем составлять акт...».

Мария прижала младенца к себе и умоляюще посмотрела на мужа. Иосиф жестом успокоил жену, прокашлялся и подошёл к чиновнице: «Извините, а как ваше имя-отчество?». «Я уже представилась! Старший специалист органов опеки и попечительства по городу Вифлеему Кац Елена Павловна, - отвечая, старший специалист одновременно копалась в своей папке, вынимая оттуда нужные бланки. - Мы изымаем ребёнка - и слушать я ничего не хочу. Здесь младенцу находиться нельзя. Первый век на дворе, а вы как в каменном живёте. Ему будет прекрасно в Доме ребёнка, а вы пока постарайтесь улучшить свои жилищные условия. Дитё спит мало того, что в пещере, так ещё и в кормушке! Я в шоке просто! Детский врач про вас не знает, в молочную кухню, конечно, вы не ходите, кормящая мать голодная, продуктов нет, вонь от животных, какие-то люди у входа толкуются, явно без определённого места жительства, явно злоупотребляющие... Всё, вы меня извините, в дерьме! И мама, она сама как ребёнок... Сколько вам лет, мамаша?». Мария не ответила, а где-то в тёмном углу пещеры тревожно заблела овца, отчего новорождённый проснулся и открыл блестящие глазки. «Господи!» - тут младенец вопросительно посмотрел на Елену Павловну: - «Овцы в одном помещении с новорождённым! Вы с ума сошли! Верочка! - В пещеру, надевая маску, вошла вторая чиновница, щурясь от темноты. - Верочка, сфотографируй всю эту грязь! И животных не забудь! Вы же

пожилой человек, как вы не понимаете, что овцы могут заразить ребёнка энцефалитом, мелофагозом, да пустулёзным дерматитом, в конце концов!» - это Елена Павловна обращалась уже к Иосифу. «У нас есть вполне хорошее жилище в Назарете, а здесь мы временно, всего на сорок дней...» - тихо ответил тот. «Ребёнок и минуты не может находиться в таких условиях! А если бы нам не сообщили, что здесь новорождённый? Вы знаете, чем это могло окончиться? И я так и не поняла, сколько лет матери?». «Мне скоро пятнадцать...» - прошептала Мария. «Та-ак... Надзиратель! Что вы там мнётесь?». «Здесь пастухи пришли, хотят взглянуть на младенца...» - ответил участковый. «Им тут цирк, что ли? Зоопарк? Велите им расходиться и давайте заполнять документы! Верочка! Сфотографировала? Бери акт, пиши...». Участковый надзиратель вышел из пещеры, а Верочка, достав ручку, приготовилась записывать. «Вы кем приходитесь новорождённому? Дедушкой? Нужны ваши возраст, место жительства, фамилия...». Иосиф, к кому были обращены эти вопросы, взял посох и вышел на середину пещеры: «Обручник, Иосиф Ильич, плотник, живу в Назарете. Восемьдесят четыре года. Я отец... Ну как отец? - скорее, приёмный отец...». «А кто у нас биологический отец? Он известен? Девочка, кто папа этого малыша? Он знает, что у него родился сын? - Елена Павловна подошла к Марии, но та опустила лицо и молчала. - Ну что ж, ты только всё ухудшаешь... Приёмный отец в возрасте дожития, несовершеннолетняя мать, забеременевшая, стыдно сказать, ни пойми от кого, сама, наверняка, без профессии и образования... Кого ты воспитаешь, девочка? Вора, бродягу и мошенника? Тебя саму ещё надо воспитывать! Ты же не хочешь, чтобы твой сыночек пошёл на виселицу или на крест? А в Доме ребёнка ему будет хорошо, он будет там одет, обут, накормлен, учиться будет... А если у тебя всё наладится, ты сможешь его забрать, мы же не лишаем тебя родительских прав. Пока не лишаем...». «Как зовут мальчика? - спросила Верочка. - «И, Елена Павловна, что писать в «Обстоятельствах выявления несовершеннолетнего»?». «Иисус его зовут, - громко сказал Иосиф. - Царь Иудейский.». И он стукнул посохом о каменный пол пещеры, а в пещеру заглянул участковый: «Не расходятся пастухи, - сказал он. - Говорят, не надо в Дом ребёнка. Через несколько месяцев какие-то волхвы приедут - и семью обеспечат. И кроватка будет, и коляска, и смирна...». «Да тут дело не только в коляске..., - вздохнула старший специалист Елена Павловна. - Тут приёмный папаша сына царём наречь хочет... Тут угроза для психического здоровья младенца... Так и запиши, Верочка. А пастухам скажите, что у нас есть жалоба гражданина Ирода, который сообщает, что данная семья самовольно заселилась в принадлежащую ему пещеру, мотивируя это отсутствием мест в гостиницах. Вот, читаю вам: «Считаю себя обязанным сообщить органам опеки, что в пещере,

которую мои работники использовали как хлев, незаконно заселившаяся неизвестная мне малолетняя беременная гражданка разрешилась от бремени, родив младенца безо всякой врачебной помощи и закутав его после родов в грязные тряпки. Прошу органы опеки принять меры по изъятию младенца и выводу малолетней гражданки по месту её постоянной регистрации». А вы, я надеюсь, знаете, кто такой гражданин Ирод?». Участковый знал, пастухи тоже и, хоть и нехотя, разошлись по своим стадам.

И ребёнок был изъят и направлен в Дом ребёнка, где вырос, выучился, получил от государства однокомнатную квартиру и стал простым и хорошим человеком. До самой смерти он работал в Иерусалиме ремесленником, заслужив уважение горожан.

Так, благодаря ювенальной юстиции и чутко реагирующим на жалобы органам опеки, всё в этом мире пошло по-другому.

Андрей Семенович

Собака Жучка и кошка Мурка

В семь лет нашу дочку Катю приняли во французскую спецшколу. На два года младшая сестра Нина скандалила, чтобы водили и ее, и ходить в детский сад без Кати решительно отказалась. После нескольких попыток забросить ее туда насильно, от Нины не менее решительно отказались уже воспитатели. Она угрюмо сидела дома, и у нас появилась шальная мысль определить ее в Катину школу в шесть с половиной лет. Прозанимавшись с ней год и немного научив читать и считать, я повел Нину на вступительное собеседование. Катя училась хорошо, и в школе мы были редкими гостями. Поднявшись к учительской, мы попробовали сориентироваться.

— Вам к завучу Мальвине Федоровне, — бросила на ходу подпрыгивающая на шпильках молодая учительница, — вот сюда, — она кивнула на дверь с табличкой «Завуч младших классов». — Она как раз набирает себе класс.

Услышав имя «Мальвина», начитанная Нина стала озираться.

— А Буратино тоже будет? — оживилась она.

— Буратино Карловича не будет, — настроил я дочку на серьезный лад.

Мы постучали. После долгой паузы к нам вышла могучая женщина лет пятидесяти с объемистой сумкой и красной повязкой дружинника.

— Чтоб быстрее расступались, когда я иду, — перехватила она мой взгляд.

Бетонный облик Мальвины Федоровны наводил на мысль, что в выходные она трапезничает с бригадой какого-нибудь

мясоразделочного цеха. Сделав приветливую гримасу, она пропищала басом:

— И кто это к нам пришел?

— Это Нина, сестра Кати, которая заканчивает у вас первый класс.

— Катя у нас, как собак нерес..., — Мальвина Федоровна осеклась, — хватает. Фамилия?

— А-а-а, — протянула она, услышав ответ. — Способная девочка, — добавила она без большого энтузиазма. — Пройдемте.

Она протолкнулась в свободный класс и зашла за учительский стол. Мы уселись за первую парту напротив.

— По случаю нашего к вам визита, — достал я заготовленную коробку конфет.

— Перед собеседованием подношения не принимаются, — осадила меня завуч, кладя подношение на стол. — Для объективности.

Нина отличалась от Кати светлыми волосами, чертами лица и более плотной комплекцией. Тем не менее, по совершенно непостижимым причинам их, особенно когда видели отдельно, часто принимали за близнецов.

— А почему ты не пришла год назад вместе со своей двойняшкой? — высверливая Нину взглядам, спросила завуч. — Родители наказали?

— Нина на два года младше, — ответил я за дочку. — Она очень хотела и весь год готовилась.

— В шесть лет мы в школу не берем, — отрезала Марина Федоровна. — Только в самых исключительных случаях. — Она окинула нас оценивающим взглядом. — Хорошо, раз пришли, поглядим, что за исключительный случай.

Мальвина Федоровна вышла из класса и через минуту вернулась с несколькими картонными пособиями. На первой картинке разноцветными буквами изображался алфавит. Каждую букву иллюстрировала маленькая картинка.

— Что это? — Мальвина Федоровна ткнула в сторону буквы «А».

— «А», — бодро среагировала Нина.

— Повторяю вопрос. ЧТО это?

Нина заерзала и посмотрела на меня.

— Разве неправильно? — робко спросил я.

— Не вмешивайтесь, не с вами разговаривают. — Мальвина Федоровна дернула рукой с повязкой дружинника. — Я тебя, девочка, спрашиваю. Повторяю: не какая буква, а ЧТО нарисовано?

Судя по букве «А», нарисован был арбуз, но без вырезанной дольки, как в букварях, поэтому похож он был на крыжовник.

— Ягода, — радостно ответила Нина, которая, впрочем, крыжовник не любила.

— Ягода, — хохотнула завуч и повторила, уже иронично. — Ягода. Правильно. В биологии арбуз — ягода. Надо же, ну и ответик. — Она

наклонилась в нашу сторону и сказала почти шепотом. — Нечего умничать. Перезанимались с девочкой. Ботанику проходят в пятом классе. А в начальной школе это арбуз. Ясно?

— Ясно, — продохнула Нина.

— Если ты знаешь, что это «А», то нарисован арбуз. А у ягоды какая первая буква?

— «Я»? — полуспросила Нина.

— «Я», — кивнула Мальвина Федоровна. — Значит, ягода рядом с «А» быть не может. А где у нас «Я»? Покажи.

Нина нашла «Я». Рядом с ним было бордовое яблоко, больше похожее на вишню без черешка.

— Молодец, а что рядом нарисовано?

— Ягода, — уверенно ответила Нина.

— Какая ягода? Откуда? Это яблоко! «А» — арбуз. «Я» — яблоко. Ты что, не видишь? Как у ребенка со зрением? — развернулась ко мне Мальвина Федоровна.

— «Я» и ягода, — пробормотала Нина.

— Вы спросили, какая первая буква у ягоды, — поддержал я Нину. — Когда про арбуз говорили.

— Действительно, — немного растерялась завуч. — Очень путаная девочка. Хватит морочить мне голову. Читать можешь? Что тут написано? — из подборки наглядных пособий появилась таблица с фразой «Мáша ёла кáшу».

— Маша ела кашу. Манную? Я не люблю манную кашу, — сказала Нина.

— Тебя не спрашивают, что ты любишь или не любишь. Читай молча. А тут что написано? — Мальвина Федоровна показала на предложение «Мáма мýла рáму».

Нина пошевелила губами, не издавая ни звука.

— Ты почему молчишь? Язык проглотила?

— Вы сказали читать молча.

— Я сказала не отвлекаться и попусту не болтать.

— Мама мыла раму, — недоуменно произнесла Нина, натренированная на «Трех толстяках» и «Карлсоне».

— Читаешь бегло, — подытожила завуч. — Перейдем к арифметике.

Мальвина Федоровна достала потертую картонку с числами от одного до десяти и четырьмя примерами. Она показала на «7» и выжидающе посмотрела на Нину. Нина молчала.

— Ну?

— Что «Ну»? — не поняла Нина.

— Говори, какая цифра?

— Семь.

— А эта?

— Девять.

— А где шесть?

— Вот.

— А тут сколько будет? — показала Мальвина Федоровна на пример « $6+2=?$ », где плюс стерся настолько, что превратился в двоеточие.

— Три, — сказала Нина.

— Думай лучше, девочка. Шесть и два это сколько?

— Здесь шесть делить на два.

— Ты откуда свалилась? Откуда делить? Здесь только сложение.

— Мальвина Федоровна присмотрелась к наглядному пособию. — Деление мы только во втором классе начинаем. — Она достала из сумки черный фломастер, чтобы восстановить «плюс».

— Четыре, — поспешно сказала Нина, как только появилась горизонтальная черта.

— Какие четыре? А-а. Это не «отнять». Подожди. А теперь?

— Так восемь, — уверенно ответила Нина, увидев плюс.

— Наконец, — мрачновато заключила завуч. — По арифметике ты соответствуешь. Но школа у нас не математическая, а языковая. Давай-ка проверим твои речевые навыки.

Перебрав картонки, Мальвина Федоровна извлекла картинку с пасущейся в поле огромной коровой. Вдали виднелся трактор. Нина посмотрела на корову, потом на учительницу и снова на корову.

— Нечего зы́ркать туда-сюда. Скажи, что ты здесь видишь?

— Трактор, — лаконично ответила Нина.

— А еще?

Нина подумала.

— Еще поле.

— И все? — удивилась Мальвина Федоровна. — А это кто?

— Это корова.

— А почему ты сразу не сказала?

— Вы спросили, что я вижу.

— И?

— А не кого.

— Трудный случай, — заметила учительница. — Мы тут не в слова играем, а знания оцениваем. Соберись, девочка. А как зовут корову?

Нина молчала. Она шарила глазами, отыскивая подпись, но ее не было.

— Так как?

— Здесь не написано.

— А ты пофантазируй. Как зовут корову?

Нина впала в ступор. В подготовке к французской школе обнаружился серьезный пробел. Завуч была удовлетворена.

— Корову зовут Бурёнка, — наставительно произнесла она. И по слогам: — Бу-рён-ка. Бурёнка, понятно? — И еще раз, торжественно: — Корову зовут Бурёнка.

Мальвина Федоровна кинула на меня не очень приятный взгляд.

— Ребенка надо учить простым вещам, а вы мудрите. Нам таких иногда приводят. На мелочах натасканы, а главного не знают. — Она перевела взгляд на Нину. — Вот ты видишь картинку. В поле Бурёнка и трактор.

— У трактора тоже имя есть? — испугалась подвоха Нина.

— У трактора нет имени. Не перебивай. Совсем невоспитанная девочка. Придумай, понимаешь, придумай, что произойдет. В поле корова и трактор. Трактор и корова. Что может произойти?

— Трактор задавит корову? — со страхом спросила Нина.

— Ты что, фильмов ужасов насмотрелась? Чему вы ее учите? — возмутилась учительница. — Почему обязательно задавит? В конце концов, корова может убежать. — Голос Мальвины Федоровны потеплел. — А почему бы трактористу не увести корову домой, там ее подоят, а детям дадут молочка? Зачем нужно корову давить? А?

— Не знаю, — пропавшим голосом сказала Нина, чуть не плача. — Жалко корову.

— Теперь жалко корову. А то сразу давить. То-то. Думай, девочка, думай, что говоришь. С речевыми навыками у ребенка проблемы, — повернулась ко мне завуч. — Маленький запас слов, неразвитая фантазия. Хорошо, сделаем вторую попытку.

Мальвина Федоровна достала еще одну картинку. В избе у печки сидела старушка в очках и вязала чулок. У ее ног сидела собачка, а впереди кошка играла маленьким мячиком.

— Как хорошо, — сладко пропела завуч. — Зима, в избе тепло, печка топится. Кто рядом с печкой сидит?

— Бабушка.

— Что бабушка делает?

— Вяжет.

— Правильно. А что вяжет?

— Чулок.

— Ведь можешь отвечать, как полагается. А то совсем засорили ребенка голову. Как бабушку зовут?

— Августа.

— Ка-а-ак? Какая такая Августа? — вздрогнула Мальвина Федоровна. — Это твою бабушку зовут Августа?

— Да.

— Допустим. Тогда ладно. А кто еще есть на картинке?

— Собака.

— И как зовут собаку?

— Лисик, — вспомнила Нина кличку знакомой собаки.

— Что еще за Лисик? — изумилась завуч. — Это собака, а не лиса. Ты только сама сказала, что это собака.

— На даче у соседей есть собака Лисик и кошка Пицунда.

— Странные у вас соседи, девочка. Все не как у людей. Что собака, что кошка. Не могли нормально назвать. Так как назовем собаку? Только не Лисик.

— Барсик можно? — спросила Нина, вспомнив еще одного дачного питомца.

— Барсик... — покривилась Мальвина Федоровна, — все лучше, чем Лисик. Но тоже не очень. Ты когда-нибудь слышала, что собаку зовут Жучка?

— Нет, — растерялась Нина. — Жучка разве не жучок-девочка?

— При чем тут жучок? Это собака — Жучка. Корову зовут Бурёнка, а собаку зовут Жучка. Чего непонятного? Читать, считать можешь, а ничего не понимаешь. До чего бестолковый ребенок!

У Нины выкатилась слеза.

— Не реветь! — свирепо приказала Мальвина Федоровна. — Трудно в ученье — легко в бою. У нас школа имени Молодогвардейцев. Героев! Есть на кого равняться. Идем дальше. Как назовем кошку?

Нина сосредоточилась и стала напряженно думать. Дома выяснилось, что она чуть не сказала «Пицунда», но сообразила, что это имя не понравилось Мальвине Федоровне.

— В чем трудности? Кошку-то как назовем? Подсказываю: что делает кошка, когда ее гладят и ей нравится?

— Мурчит?

— Не мурчит, а мурлычет. Так как зовут кошку? Мур...

— Тóпси! — вспомнила Нина кошку подруги. — Кошку зовут Топси! Мальвина Федоровна изменилась в лице. Она открыла рот, но взяла себя в руки.

— Достаточно, — сказала завуч официальным тоном. — Девочке идти в школу рано, говорю как опытный педагог со стажем.

— Она за сестрой будет тянуться, мы тоже будем помогать, дайте ей шанс, — пытался я понастаивать.

— Вы что, сами не видите, — твердо изрекла Мальвина Федоровна, — ребенок и к обычной-то школе не готов, а вы его в нашу французскую спец ведете. Не знаю, что посоветовать, — она немного смягчилась. — Попробуйте через год. У вас год в запасе.

Удовлетворенная собственной объективностью, завуч убрала коробку конфет в свою кошелку.

— После собеседования — другое дело. Спасибо.

Она встала, давая понять, что аудиенция закончена, а итоговое решение окончательно и обжалованию не подлежит. Она открыла дверь класса и, поигрывая локтем с красной повязкой, ждала, пока мы

вылезем из-за парты и выйдем. Мы молча дошли до ее кабинета перед лестницей. На прощание внезапно подобревшая Мальвина Федоровна напутствовала:

— Запомни, девочка, и вы, папаша: корова — Бурёнка, собака — Жучка, кошка — Мурка. Всё. И никаких «Топси»!

Сведения об авторах

Лиана Алавердова (Баку). Окончила исторический факультет Азербайджанского Гос. Университета. Работала в Институте философии и права АН Азербайджана. Стихи, эссе, статьи, переводы с английского и азербайджанского языков публиковались в Азербайджане, России и США. Живет в Нью-Йорке, заведует библиотекой Kings Bay (Бруклин), сотрудничающей с журналом ЧАЙКА.

Лейла Александер-Гарретт (р. Узбекистан). Писатель, переводчик со шведского и английского. Работала переводчицей и ассистентом на фильме Тарковского «Жертвоприношение» в Швеции. Автор нескольких интересных книг, в том числе книги «Андрей Тарковский: собиратель снов» (М., «Аст», «Астрель», 2009) созданной на основе дневников и личных впечатлений от работы с мастером на фильме «Жертвоприношение». Живет в Лондоне.

Светлана Бендикова. Оперная певица (сопрано). Закончила киевскую консерваторию им.П.И.Чайковского. Участвует в оперных проектах, поет сольные концерты в Израиле и за границей. Лауреат премии союза деятелей искусств Израиля им. Эгуда Манора, лауреат премии министра абсорбции им. Юрия Штерна за вклад в развитие израильской культуры. Преподаватель вокала иерусалимской Академии музыки и танца им. Рубина. Живет в Иерусалиме.

Семен Белкин. Окончил Ленинградский институт иностранных языков и Ленинградский кораблестроительный институт. Более 40 лет проработал в институте по проектированию рыболовных судов. Неоднократно выходил в море на промысловых судах, участвовал в длительных рейсах в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Автор более десяти книг о кораблях и море. В ЧАЙКЕ публикуется как писатель-маринист и историк морского дела. С 2008 года живет в США, в Большом Вашингтоне.

Наум Белог (Одесса). Первое стихотворение написал в 1943 году. В то же время начал рисовать. С тех пор продолжал заниматься тем и другим. Работал инженером в СКБ. Изобретал новые машины. В 1987 году эмигрировал в Австралию. Продолжал работать инженером до 2008 года. Выйдя на пенсию, начал выставляться в австралийских галереях и писать рассказы, вначале на английском, а потом на русском. Печатался в Австралии, Израиле и Америке. Живет в Мельбурне.

Татьяна Белянчикова. Родилась и живет в Москве. Много лет проработала менеджером в коммерческом банке, сейчас на тренерской работе – преподает банковское дело в ВУЗе. Автор четырех поэтических сборников, публикаций в литературных журналах и альманахах. Призер и победитель ряда поэтических конкурсов в рунете. Пишет тексты песен для исполнителей различных жанров. Стихи Татьяны постоянно присутствуют в Альманахах ЧАЙКА.

Анатолий Бергер (р.1938, Ленинград). Член Союза писателей России и СПб, а также Пен-клуба и «Мемориала». В советские годы с 1969 по 75

отбывал срок в лагерях и ссылке (4 года лагеря и 2 года ссылки) за свои произведения (статья 70 УК РСФСР). В 1990-м году был реабилитирован «за отсутствием состава преступления». С 1990-го года выпустил 16 книг – стихов, прозы и драматургии. Кроме России, печатался в США, Франции, Израиле, Чехии и Австралии. Живет в С-Петербурге.

Лев Бердников (р. 1956, Москва). Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской Государственной Библиотеки. С 1990 г. живет в Лос-Анджелесе. Автор 7 книг и многочисленных публикаций. Зам. главного редактора журнала «Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика». Постоянный автор журнала и участник Альманахов ЧАЙКА.

Юрий Бриль. Писатель, автор многих книг очерков, рассказов и повестей. Утверждает, что жизнь прекрасна, поскольку есть возможность путешествовать. Посему его главная песня в творчестве – записки вольного путешественника. Вместе с другом он дикарем прошел и проехал по Африке 10 тыс. километров, побывал на водопаде Виктория и в других труднодоступных местах, поднялся на вершину Килиманджаро, после чего родился цикл вполне документальных рассказов. Живет в Екатеринбурге. Свои увлекательные очерки публикует в ЧАЙКЕ.

Сергей Бычков (р.1946, Ереван). Историк русской церкви, доктор исторических наук. Занимался религиозным воспитанием детей в приходе Покровской церкви, в которой служил священник Александр Мень. После крушения СССР занимается книгоиздательской деятельностью и публицистической работой. По его сценариям были поставлены телефильмы: «ВЧК против патриарха Тихона», «Живое слово отца Александра Меня», «Завтра меня убьют» (о ходе расследования убийства Александра Меня). К годовщинам убийства отца Александра, каждое 9 сентября, публикует в ЧАЙКЕ свои материалы о нем. Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Подмоскowie.

Анатолій Валюженич. Заслуженный энергетик СНГ, почетный энергетик и ветеран энергетики Казахстана. С середины 1960-х гг. углубленно занимается литературной темой «Маяковский и его окружение». Автор книг «О.М.БРИК: Материалы к биографии», «Лили Брик – жена командира. 1930 – 1937», двухтомника «Пятнадцать лет после Маяковского», биобиблиографического романа «Феномен Лили Брик». Живет в Казахстане. Статьи Анатолия Валюженича включены практически во все последние Альманахи ЧАЙКА.

Лев Визен (1934-2020). Окончил Московский Горный институт. Первый сборник очерков – «Дела студенческие» – был выпущен «Молодой гвардией» в 1960-м. В 1964-м в ЖЗЛ вышла его книга «Хосе Марти» – единственная беллетризованная биография национального героя Кубы. В 1975-м – спецкор «Нового Времени» во Вьетнаме. С 1978-го – в Канаде. Работал на стройке, стелил паркет, водил такси и рефрижераторы. Ушел в бизнес. Олигархом не стал, но полной независимости добился. Был

постоянным и любимым автором раздела «Война и репрессии» Альманаха ЧАЙКА. Жил в Канаде.

Михаил Гаузнер (р. 1936, Одесса). После окончания Одесского политехнического института проработал 42 года в крупном конструкторском бюро станкостроения, был его ведущим, затем главным специалистом, имеет 20 авторских свидетельств СССР и патенты шести ведущих стран мира. Более 20 лет публикуется в одесских и зарубежных газетах, а также альманахах и сборниках. Автор трёх книг прозы, в 2017 г. стал лауреатом литературного конкурса им. Паустовского. В ЧАЙКЕ публикует рассказы, воспоминания, стихотворные переводы. Живет в Одессе.

Сергей Голлербах (1923 – 2021). Живописец, график, художественный критик и литератор. В 1942 г. был вывезен немцами на работы в Германию. С 1946 по 1949 учился в Мюнхенской академии художеств, в которой учились многие русские художники. Член Американской академии художеств. Автор книг: «Заметки художника» (1983), «Свет прямой и отраженный» (2003), «Нью-Йоркский блокнот» (2013). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Летом 2018 года стал лауреатом журнала ЧАЙКА за серию мемуарных очерков. С 1949 года жил и работал в Нью-Йорке.

Борис Голубицкий. Режиссер, заслуженный деятель искусств России. С 1987 по 2012 художественный руководитель Орловского Государственного академического театра имени И.С.Тургенева. Преподает в Российском Государственном институте сценических искусств (С.-Петербург). В ЧАЙКЕ публикует статьи о театре, актерских и режиссерских судьбах. Живет в Санкт-Петербурге.

Лев Гуревич (р. 1945, Москва) Публиковался в журналах «СЛОВО/WORD», «Эмигрантская лира», "Гостиная", "КольцоА", "МИШПОХА", русскоязычных газетах Германии. В ЧАЙКЕ публикует очерки о интересных судьбах художников и ученых. Живет в Германии.

Александра Дерюгина (р. Ногинск). Высшее филологическое образование получила в Государственном гуманитарно-технологическом университете Московской области. Дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Галина Ицкович. Поэт, переводчик с английского. Переводит американскую поэзию XX–XXI вв. Стихи и переводы побеждали в интернет-конкурсах на сайте «Стихи.ру», на конкурсе переводов в журнале «Эмигрантская лира» (2013). Первое место в номинации «Зрительские симпатии» на Открытом Чемпионате Германии по русской словесности (2013). Дипломы поэтических конкурсов «Лужарская долночь» (2013), «Эмигрантская лира» (2014). Член редколлегии онлайн-журнала «Окна». Живет в Нью-Йорке.

Борис Казинец (р. 1930, Москва). Народный артист Грузии, актер Тбилисского русского академического драмтеатра им. Грибоедова (1964-1991), художественный руководитель «Театра Русской Классики» (Мэриленд, США). Лауреат премии «Звезда Театрала» (2016) в номинации «Лучший русский театр за рубежом». Постоянный сотрудник журнала во

всех начинаниях. Лауреат ЧАЙКИ за 2018 год за свой вклад в развитие русской культуры за рубежом. Живет в Большом Вашингтоне.

Даша Кашина (р. Киев). Окончила Институт русского языка им. А.Пушкина в Москве. Русскоязычный журналист на Украине, печатается в российских изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей». Автор книги «Папа», в которую вошли ее интервью с детьми известных людей. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2018 год в номинации «журналистика». Живет в Киеве.

Юрий Колкер (р. 1946, Ленинград). Русский поэт, стихи начал сочинять дошкольником, публикуется с 1972 года, с 1984 по 1989 жил в Иерусалиме, с 1989 живет в Лондоне. Выпустил восемь книг своих стихов и двенадцать книг как редактор и переводчик, среди них двухтомное комментированное собрание стихов Владислава Ходасевича (Париж, 1983) и сборник эссе британского историка лорда Актона Очерки становления свободы (Overseas Publications Interchange Ltd., London, 1992).

Игорь Кощеев (р. Магадан). Бизнесмен, дебютировал в журнале ЧАЙКА. Живет в Магадане.

Никита Кривошеин (р. 1934, Париж). Русский переводчик и писатель, общественный и политический деятель русской эмиграции. Окончил Московский институт иностранных языков. В 1957 года был арестован КГБ за напечатанную в газете «Le Monde» статью о вторжении советских войск в Венгрию. После освобождения с 1960 по 1970 годы работал литературным и синхронным переводчиком. Работал в журнале «Новое время». В 1971 году вернулся во Францию. Вместе со своей женой Ксенией Кривошеиной член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Париже.

Илья Криштул (р. Москва). Окончил Педагогический институт, работал учителем. Лауреат нескольких литературных конкурсов, автор двух книг юмористической прозы. Живёт в Москве.

Анна Кузнецова (р. Москва) - художник, независимый куратор и публицист, родилась в Москве в семье ученых. С 1992 года член Московского Союза художников. Автор 20 персональных выставок и 15 кураторских проектов в России и Европе, в том числе в музейных и других государственных институциях. Произведения находятся в музеях и частных коллекциях многих стран.

Елена Кутина (Ташкент, Узбекистан). Дебютировала со своими стихами в журнале ЧАЙКА. С тех пор ее стихи постоянно публикуются в рубрике «Одно стихотворение». Живет в Ташкенте.

Елена Литинская (р. Москва). Выпускница филологического факультета МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. Автор шести книг стихов и прозы. Публикации в журналах и газетах: «Новый мир», «Новый журнал», «Слово/ Word», «День и ночь», «Зарубежные записки», «Дети Ра», «Зинзивер», «Гостиная», «Ковчег», «Алеф», «Работница», «Литературная газета», «Поэтоград» и др. Её произведения выходят в сборниках и альманахах. Президент Бруклинского клуба русской поэзии, заместитель главного редактора литературного журнала «Гостиная». С 1979 года живет в Нью-Йорке.

Людмила Лукомская (р. Харьков, Украина). Два высших образования: техническое и юридическое. В США с 1995 года. Учеба на факультете промышленно-гражданского строительства, дала, кроме профессии, интерес к архитектуре, связавшей с искусством и его историей. Вместе с заслуженным художником Украины Павлом Тайбером вела классы рисунка и живописи. Дебютировала в журнале ЧАЙКА статьями о творчестве Павла Тайбера. Живет в Санта-Клара, США.

Элеонора Мандалян (р. Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор, кандидат наук. С 1994 – в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрики «Кинообозрение Элеоноры Мандалян» и «Америка глазами россиянина». Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Лос-Анджелесе.

Вадим Массальский (р. 1964, Одесса). Журналист, писатель, работает на медиа-компании «Голос Америки». Живет в Александрии, США.

Лариса Миллер (р. Москва). Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве.

Ирина Надирова (р. Ленинск–Кузнецкий). Автор книги «Снегоотточие». Печаталась в альманахе «Кольчугинская осень», «Образ», «Фантастическая среда», журнале «Фабрика литературы», «45 параллель», «После 12», «Огни Кузбасса». Участница литературных семинаров и фестивалей.

Валентин Нервин (р.1955). Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им.Н.Лескова (Россия) и им. В.Сосюры (Украина), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии, 2013), Международной Лермонтовской премии (2014). Стихи переводились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живет в Воронеже.

Татьяна Парсанова (р. хутор Рябовский Волгоградской обл.) Автор сборника стихов «В унисон с дождями» (Редакционно-издательский дом «Российский писатель» 2018г.). Стихи публиковались в интернет-альманахах и журналах: «День и Ночь», «45-я Параллель», «Сетевая словесность», «День литературы», «Артбухта», «Топос», «Великороссь» «Дарьял», «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый Континент» (США), «Созвучие», «Новая Немига литературная» (Белоруссия) и др. В настоящее время живет и работает в Наро-Фоминске.

Григорий Писаревский (р. Харьков). Инженер-электрик. В Америке с 1988 года. Около 25 лет работал в крупных американских компаниях в области информационных технологий. Живет в Нью-Джерси. Является одним из основателей и членом правления клуба «Русских американцев» в своем городке. Печатался в интернет-журнале «Беркович-Заметки», калифорнийском интернет-журнале «Кстати», «Еврейском Мире» и

местной газете «Concordian» (на английском языке). Также на английском языке под псевдонимом «Jeff Pierce» опубликовал политический триллер «Hallways of Deception» (Коридоры Обмана). Пишет для ЧАЙКИ полемические статьи на политические темы. Живет в США.

Елена Поздеева (Тарловская) (р. Киров). Доцент кафедры гуманитарных дисциплин юридического института в городе Кирове. Собирает материалы по биографии своего деда, погибшего в ГУЛАГЕ, работает над художественной книгой, посвященной истории своей семьи.

Виктор Райзман (р. 1934, Одесса). Инженер-металлург, доктор технических наук. В 1991 году эмигрировал в США. Стихи публиковались в альманахах и различных периодических изданиях. Финалист конкурсов поэтов Русского Зарубежья «Пушкин в Британии-2009» (Лондон) и «Эмигрантская лира-2010» (Брюссель). Публикует в ЧАЙКЕ стихи и переводы. Живет в Санта-Монике, США.

Яков Ратманский (р. 1936, Киев) В 15 лет – киномеханик в кинотеатре, в 16 – токарь на заводе. Потом институт, инженерная работа. В США с 1993 года. Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

Семен Резник (р. 1938, Москва). Писатель, журналист, историк. Более десяти лет работал редактором серии «Жизнь замечательных людей», в которой вышли его первые книги. Биография академика Н. И. Вавилова была признана «идеологически вредной», только вмешательство крупнейших ученых и международная огласка спасли книгу от уничтожения. Исторические романы «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель» – о кровавом навете на евреев и Кишиневском погроме – вообще не могли быть изданы, что заставило писателя эмигрировать в США в 1982 году. Автор фундаментальных книг о Вавилоне и Солженицыне. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Большом Вашингтоне.

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и Общественных факультетов Еврейского университета. Публикует в журнале произведения и переписку своей матери, литературоведа и редактора Натальи Роскиной, из семейного архива. Пишет мемуарную прозу. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Иерусалиме.

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Известный московский поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик Российской академии естественных наук, Петровской академии и турецкой Академии поэзии. Лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских и еще ряда российских и иностранных премий. Стихи переводились на многие иностранные языки и отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии. В ЧАЙКЕ постоянно ведет свой «поэтический» блог. Живет и работает в Москве.

Александр Сиротин (р. Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер, радиожурналист. Мама Александра Нехама Сиротина играла в ГОСЕТе Соломона Михоэлса. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва-Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Нью-Йорке.

Валерий Скобло (р. 1947, Ленинград). Поэт, прозаик, публицист. Окончил матмех Ленинградского ун-та. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» и «Записки вашего современника». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике. Премия им. Анны Ахматовой за 2012 г. (номинация «Поэзия» журнала «Юность»). Шорт-лист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» – 2013 г. (журнал «Иные берега»). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Санкт-Петербурге.

Евгений Сливкин (р. 1955, Ленинград). Русский поэт. Получил диплом инженера-механика. В 1980 году поступил на заочное отделение Московского Литературного института имени А. М. Горького, а в 1993 году уехал в США и поступил на аспирантуру при кафедре славистики Иллинойского университета, где защитил диссертацию. Преподает в университете города Денвера. Живет в США.

Юрий Смирнов (р. 1938, Урал). Окончил политехникум, затем Политехнический институт. Профессия – ядерная физика, специализация – радиоактивность. В возрасте 25 лет (1964) – начальник лаборатории (Ленинград). С 1966 по 1972 – запрет на профессию. Работал кочегаром, грузчиком, инженером, начальником сектора по ЭВМ. Из 52 лет работы 42 года – в Арктике на атомных ледоколах. Почётный полярник. Ни дня не был ни в комсомоле, ни в партии. Как писатель дебютировал в журнале ЧАЙКА и является его постоянным автором.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). Автор 25 изобретений. Работал журналистом, главным редактором региональной телерадиокомпании, корреспондентом киевской газеты «Магистраль». Член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

Юрий Хейфец (творческий и артистический псевдоним Борис Берг) (р. 1953, Свердловск). Закончил Свердловский медицинский институт. В 2004 году получил второе высшее образование, закончив факультет психологии МГУ. В настоящее время работает врачом в Москве. Стихи и песни пишет с 14 лет, известен в кругу любителей авторской песни. Автор романа

«Эпитафия», изданного в 2008 году в виде аудиокниги, и двух сборников стихов. Живет в Москве. Как поэт дебютировал в журнале ЧАЙКА.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художеств. журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА и постоянный консультант при создании Альманахов. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (р. Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Тышлер). В 2019 году изданы две ее книги: «Дух подлинности. Соцреализм и окрестности», (М., Искусство-21 век) и «Анекдоты из пушкинских времен и другие новеллы» (М., Буксмарк). Живет в Москве.

Ирина Чайковская (р. Москва). Писатель, критик, публицист, драматург, кандидат педагогических наук. Область исследований последних 20 лет: Тургенев и его эпоха. Автор четырнадцати книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Вилен Черняк. Бывший киевлянин, инженер, доктор технических наук. В США с 2000 г. Член Союза писателей Северной Америки и Русского литературного клуба Западного Голливуда (Калифорния). Автор четырех сборников стихов и многих стихотворений, опубликованных на русском, английском и украинском языках в литературно-художественных журналах, поэтических антологиях, периодической печати и на поэтических интернет - порталах США, Украины, России и других стран.

Вадим Чирков. В прошлом житель Молдовы (Кишинев), детский писатель: сказки, рассказы, приключенческие и фантастические повести. Член СП бывшего СССР, лауреат конкурса им. Марка Алданова «Лучшая повесть Русского Зарубежья», «Новый Журнал» (Нью-Йорк), 2011, «Белогвардеец». Постоянный автор журнала ЧАЙКА. С 2000 года живет в Нью-Йорке.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ.

Печатался в различных литературных изданиях. Постоянный автор журнала ЧАЙКА и участник Альманахов. Живет в Сент-Луисе, США.

Александр Якобсон (р. 1959, Москва). Израильский историк, публицист. Профессор античной истории в Еврейском Университете в Иерусалиме, публикатор материалов своего отца, учителя и диссидента Анатолия Якобсона.